

Войсковая часть 33965

Исторические чтения на Лубянке

Сборник материалов научно-теоретической конференции

№

Москва 2026

Под общей редакцией А.Ю. Попова  
Научный редактор: Н.С. Кирмель  
Литературный редактор и составитель: В.А. Гольцова

Исторические чтения на Лубянке: сборник материалов конференции / Войсковая часть 33965. М., 2026. 349 с.

В сборнике представлены материалы XXIX межведомственной научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке» на тему «Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности». В сборник вошли тексты выступлений участников конференции, в которых освещен широкий спектр вопросов, раскрывающих развитие и различные направления деятельности органов государственной безопасности России в XIX–XX вв., раскрыта роль личности в истории отечественных спецслужб.

Материалы конференции предназначены для специалистов-историков, сотрудников и ветеранов силовых ведомств, а также для читателей, интересующихся историей России, отечественных органов и войск государственной безопасности.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Мерзанова А.В.</b> «Я пропаду без Вашего непосредственного покровительства»: переписка А.С. Пушкина и А.Х. Бенкендорфа как исторический источник о деятельности III Отделения.....	6
<b>Мелешин К.Ю.</b> Концепция «Тайной Высшей полиции» И.П. Липранди и ее влияние на организацию и методы деятельности отечественных спецслужб во второй трети XIX в.....	14
<b>Лукьянчикова Л.В.</b> Отдельные направления совершенствования деятельности чинов Корпуса жандармов в сфере негласного надзора в Российской империи в 1870-х – 1890-х гг.....	22
<b>Медведев С.В.</b> Противопривилегийные слухи и изображения начала XX в. в документах Департамента полиции.....	30
<b>Симаков Г.Н.</b> Георгиевские кавалеры Отдельного корпуса пограничной стражи в Первую мировую войну.....	37
<b>Баранов В.Н.</b> Сто лет отечественной научно-технической разведке.....	42
<b>Соколов А.В.</b> Роль личности Ф.Э. Дзержинского в истории отечественных органов госбезопасности.....	50
<b>Пожаров А.И.</b> Обеспечение собственной безопасности ВЧК – КГБ: забытые страницы истории.....	57
<b>Хрисанов А.И.</b> Организационное строительство кадровых аппаратов ВЧК – ГПУ – ОГПУ (1918–1934 гг.).....	65
<b>Теунов М.К.</b> О некоторых аспектах деятельности органов государственной безопасности в решении «Исламского вопроса» на территории СССР в 1920-е гг.....	72
<b>Антоненко Р.В., Нэх В.Ф.</b> Влияние внешней политики на охрану границы с Финляндией (1920–1939 гг.).....	77
<b>Тужилин С.В., Машико В.В.</b> О противодействии отечественных органов госбезопасности подрывной работе иностранных компаний, направленной на поддержку националистических повстанческих движений в Якутии.....	85
<b>Лиманский А.В.</b> Развитие организационной структуры и системы управления советской пограничной охраной (1922–1926 гг.).....	95
<b>Иванов Н.А.</b> Японско-польское разведывательное сотрудничество против СССР в 1930-е гг.....	103

<b>Войтиков С.С.</b> Дело о служебных должностных преступлениях в Архитектурно-планировочном управлении Моссовета (1932 г.).....	110
<b>Жарова А.С.</b> Изменение положения спецпереселенцев Уральской области в начале 1930-х гг.....	119
<b>Попов А.Ю.</b> Воспоминания генерала Судоплатова о специальной работе в тылу врага в годы Великой Отечественной войны.....	125
<b>Кирмель Н.С.</b> Особенности кадровой работы в органах военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны.....	131
<b>Хлобустов О.М.</b> Партизанские отряды столичного управления НКВД в битве за Москву.....	138
<b>Гашенко В.А.</b> Участие советских органов госбезопасности в оперативно-проверочной работе на каналах почтовой и других видов связи на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны.....	146
<b>Фомин А.А.</b> К вопросу о практике применения института ответственности в отношении членов семей изменников Родине в годы Великой Отечественной войны.....	153
<b>Могутнов В.П.</b> Героические страницы истории органов госбезопасности Южного Зауралья.....	164
<b>Верешков И.Н.</b> Английская военно-морская миссия на Черноморском флоте в начальный период Великой Отечественной войны глазами советских спецслужб.....	172
<b>Краснова И.И.</b> Информационно-аналитическая деятельность и оценка межэтнического польско-украинского противостояния на Волыни отечественными органами государственной безопасности (1943 г.).....	184
<b>Селунская Е.А.</b> Из истории партизанского движения Калининской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документальные материалы об отряде Алексея Баскакова.....	189
<b>Пономаренко А.А.</b> Участие органов советской военной контрразведки в осуществлении фильтрационных мероприятий в годы Великой Отечественной войны.....	195
<b>Климов А.А.</b> Борьба пограничных и внутренних войск с украинским национализмом в послевоенное время.....	203
<b>Ефремов С.И.</b> Пограничные войска в борьбе с националистическими бандформированиями на территории Белоруссии 1944–1945 гг.....	209

<b>Шилов А.И.</b> Деятельность органов МГБ СССР по выявлению и нейтрализации «враждебных» элементов из юго-западных регионов СССР в 1948–1949 гг. ....	217
<b>Баринов В.Н.</b> Генерал-майор Соломатин: штрихи к портрету .....	227
<b>Ковганов С.Я.</b> Подготовка военных контрразведчиков в средней специальной школе № 311 КГБ при СМ СССР 60-х гг. XX в. ....	238
<b>Ковалевская М.П.</b> Противодействие распространению румынского национализма отечественными органами государственной безопасности в Молдавии в период «перестройки» .....	246
<b>Гольцова В.А.</b> Африка де Лас Эрас в публикациях испаноязычных авторов .....	254
<b>Быченко А.Д.</b> Противоборство КГБ СССР и АНБ США в сфере радиоэлектронной разведки 1960–1980 гг. ....	260
<b>Савельева А.А.</b> Взаимодействие МГБ – КГБ СССР и «Штази» по вопросу контрразведывательного обеспечения советских войск на территории ГДР .....	270
<b>Фурцева Е.А.</b> Оценка деятельности КГБ СССР в годы «холодной войны» в современной англоязычной историографии и публицистике .....	279
<b>Иванова Т.В., Морозов А.И.</b> Предпосылки формирования пограничных отрядов особого назначения 1991–1994 гг. ....	291
<b>Буркова Л.М.</b> Организация деятельности отечественных спецслужб по противодействию деструктивных проявлений НКО в России на рубеже XX–XXI вв. (историко-правовой аспект) .....	298
<b>Руснак И.Н.</b> О проведении информационных мероприятий по сохранению исторической памяти в рамках реализации федерального проекта «Без срока давности» .....	304
<b>Гужва А.Г.</b> Реабилитация пособников нацизма как часть современной государственной политики Украины....	312

**«...Я пропаду без Вашего непосредственного  
покровительства»: переписка А.С. Пушкина  
и А.Х. Бенкендорфа как исторический источник  
о деятельности III Отделения**

В течение длительного времени представления о жандармах носили преимущественно отрицательный характер, причём как среди современников, так и среди потомков.

«Бичом жандармов, богом студентов» назвала А.С. Пушкина М.И. Цветаева в одноимённом стихотворении. Николая I и вовсе именовали в европейской прессе «жандармом Европы».

Однако соответствуют ли действительности эти представления о противостоянии «бича жандармов» А.С. Пушкина с одной стороны и «жандарма Европы» Николая I, а вкупе с ним и шефа жандармов и начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфа – с другой?

Многообразные обязанности и широчайшие полномочия III Отделения не были урегулированы никакими юридическими нормами, кроме служебных инструкций. Управление страной через собственную канцелярию, находящуюся вне состава других государственных учреждений и не подлежащую ничьему рассмотрению или отчетности, помимо самого монарха, являлось одной из наиболее характерных черт политико-правовой системы Николаевской эпохи. На должность руководителя III отделением был назначен А.Х. Бенкендорф, пользовавшийся личным расположением императора и беззаветно ему преданный<sup>1</sup>.

Несмотря на сложившиеся мифы о притеснении поэта со стороны власти<sup>2</sup>, анализ указанной переписки А.С. Пушкина с А.Х. Бенкендорфом позволяет сделать иные выводы.

Обмен письмами между ними длился 10 лет, с 1826 по 1836 гг. В настоящее время известны 54 письма А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу и 32 – А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину. Письма находятся на хранении в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинском Доме) в г. Санкт-Петербурге<sup>3</sup>, неоднократно изданы<sup>4</sup> и доступны для ознакомления.

Начало переписки было положено после аудиенции поэта у императора 8 сентября 1826 г., в ходе которой была достигнута договорённость, что Николай I станет его цензором, а А.С. Пушкин будет обязан знакомить его со всеми своими произведениями. Направлять их поэт мог либо напрямую императору, либо через А.Х. Бенкендорфа.

Тематически в переписке можно выделить следующие составляющие:

1. Творческая (литературная): согласование текста произведений и возможности их опубликования; получение разрешений на работу в архивах.

2. Организационно-режимная: согласование перемещений по Российской империи; получение разрешений на выезд за границу.

3. Личная: просьбы о назначении на должности, длительных отпусках, уходе в отставку и отказе от неё; ходатайства о выделении денежных сумм для достойного проживания и возврата долгов; просьбы о помощи в решении споров и тяжб с конкретными лицами (Ольдекоп, Геккерн, Дантес); ходатайства о получении разрешения на открытие газеты и журнала и т.д.

Творческие (литературные) темы регулярно поднимались в переписке А.С. Пушкина и А.Х. Бенкендорфа.

Поэт руководствовался решением императора, сообщённым шефом жандармов уже в первом письме от 30 сентября 1826 г., с которого и началась их десятилетняя переписка: «...Государь Император сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором»<sup>5</sup>.

В основном А.Х. Бенкендорф передавал А.С. Пушкину волю императора в отношении конкретных произведений. Однако в отдельных случаях он высказывал и своё мнение, и, делая это, следует отметить, весьма корректно.

Так, в письме от 4 марта 1827 г. он отмечал об упоминании инициалов друзей поэта, декабристов И.И. Пущина и В.К. Кюхельбекера: «Позвольте мне одно только примечание: Заглавные буквы друзей в пьесе *19-е Октября* не могут ли подать повода к неблагоприятным для вас собственно заключениям? – это предоставляю вашему рассуждению»<sup>6</sup>. С этим А.С. Пушкин согласился и в письме от 22 марта 1827 г. ответил: «Чувствительно благодарю

Вас за доброжелательное замечание касательно пиэсы: *19 октября*. Непременно напишу барону Дельвигу, чтоб заглавные буквы имён – и вообще всё, что может подать повод к невыгодным для меня заключениям и толкованиям, было им исключено»<sup>7</sup>.

В письме от 22 августа 1827 г. А.Х. Бенкендорф сообщал о мнении императора: «Песни о Стеньке Разине», при всём поэтическом своём достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачёва»<sup>8</sup>.

С другой стороны, Николай I отказывал и в публикации стихов, апологетичных по отношению к нему.

5 марта 1828 г. поэту сообщалось: «Что же касается до стихотворения Вашего, под заглавием: «Друзьям», то Его Величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано»<sup>9</sup>.

Нередко в качестве примера творческих «притеснений» поэта приводится стихотворение «Анчар». В советской пушкинистике запрет на опубликование стихотворения связывался с «обличением царизма и самодержавия».

Такая трактовка противоречит тому, что писал сам поэт в неотправленном письме А.Х. Бенкендорфу: «...обвинения в применениях и подражаниях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие»<sup>10</sup>. И тем более спорно говорить о какой-то антисамодержавной риторике, учитывая сравнительный анализ со стихотворением «Друзьям», написанным в том же году.

В рамках тематик, связанных с творчеством поэта, наряду с согласованием текста произведений и возможности их опубликования, А.С. Пушкин неоднократно обращался к Николаю I через А.Х. Бенкендорфа с просьбами о получении разрешений на работу с архивными материалами – и в большинстве случаев получал согласие.

Так, спустя всего четыре дня после письма А.Х. Бенкендорфу<sup>11</sup>, 25 июля 1831 г. по указанию императора поэт был зачислен в Коллегию иностранных дел с разрешением работать в архивах с материалами, необходимыми для написания истории Петра I.

После прошения А.С. Пушкина об отставке с должности камер-юнкера в письме от 25 июля 1834 г.<sup>12</sup> он обращался за дозволением оставить за ним право работать в архивах, на что получил

отказ императора, «...так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства»<sup>13</sup>. Поскольку вскоре поэт отозвал своё прошение<sup>14</sup>, в работе с архивами ему не было отказано. Более того, помимо материалов о Петре I, он получил доступ и к библиотеке Вольтера в Эрмитаже<sup>15</sup> и делу Емельяна Пугачёва<sup>16</sup>.

Таким образом, анализ творческой (литературной) составляющей в переписке А.С. Пушкина и А.Х. Бенкендорфа позволяет сделать вывод, что согласование текста произведений и возможности их опубликования осуществлялось исходя из принципа государственной целесообразности, и не зависело от степени апологии или критики в них власти. Творческие потребности А.С. Пушкина в работе с архивными источниками удовлетворялись при условии несения им службы в должностях, определённых императором.

Наряду с творческой составляющей, в переписке нередко встречались и организационно-режимные вопросы. Они впервые были подняты А.Х. Бенкендорфом уже в первом письме поэту от 30 сентября 1826 г. В нём шеф жандармов уведомлял о возможности А.С. Пушкину приезжать в Петербург, но после получения разрешения от Николая I<sup>17</sup>. За ним поэт обращался в письме от 24 апреля 1827 г.<sup>18</sup>, в результате чего было получено согласие императора<sup>19</sup>.

Однако, несмотря на указание, в ряде случаев поэт выезжал, не получив на то разрешения, как было при поездке на Кавказ во время похода против Турции<sup>20</sup>. После того, как об этом стало известно Николаю I, А.С. Пушкин писал А.Х. Бенкендорфу: «Я бы предпочел подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому я всем обязан, кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова. Я покорнейше прошу ваше превосходительство быть в этом случае моим провидением и остаюсь с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин»<sup>21</sup>.

Аналогичная ситуация произошла и с недозволенным выездом поэта в Москву в марте 1830 г.<sup>22</sup>. Разрешение же на выезд в Полтаву для свидания с Н. Раевским было запрошено<sup>23</sup>, но не получено<sup>24</sup>.

Помимо поездок по Российской империи, А.С. Пушкин обращался и за разрешением на путешествия за границу: во Францию,

Италию или Китай<sup>25</sup>, в чём ему было отказано. А.Х. Бенкендорф сообщал: «...спешу уведомить Вас, что его императорское величество не соизволил удовлетворить вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела, а кроме того, отвлечёт вас от ваших занятий. Желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора»<sup>26</sup>.

Анализ организационно-режимной тематики в переписке А.С. Пушкина и А.Х. Бенкендорфа показывает, что поэт, безусловно, находился на особом положении, которому сопутствовали определённые ограничения, прежде всего касавшиеся свободы перемещений. Однако объективно это было улучшением его положения относительно периода ссылки в царствование Александра I.

Завершающая составляющая в рассматриваемой переписке – это личные просьбы А.С. Пушкина.

Вопреки сложившемуся мнению об исключительно «надзорном» характере во взаимоотношениях А.С. Пушкина с А.Х. Бенкендорфом, поэт нередко обращался к шефу жандармов по личным вопросам.

Так, он просил о помощи в решении споров и тяжб с конкретными лицами. Когда статский советник Ольдекоп перепечатал «Кавказский пленник» А.С. Пушкина вместе с немецким переводом, и поэт боялся лишиться гонорара за его издание, он обращался именно к шефу жандармов: «Не имея другого способа к обеспечению своего состояния, кроме выгод от посильных трудов моих, и ныне лично ободрённый Вашим превосходительством, осмеливаюсь наконец прибегнуть к высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя от подобных покушений на свою собственность»<sup>27</sup>.

Об ухаживаниях за его женой со стороны Ж.Ш. Дантеса и получении оскорбительного анонимного письма, автором которого поэт считал Л. Геккерна, он также сообщал А.Х. Бенкендорфу («...о чём считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества»<sup>28</sup>).

О конфликте с Ф.В. Булгариным, автором романа «Дмитрий Самозванец» и агентом III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии (о последнем поэт, конечно же, не догадывался), А.С. Пушкин также уведомлял шефа жандармов и просил его содействия<sup>29</sup>. Особенно его задела анонимная сатирическая статья, автором которой он считал Ф.В. Булгарина, о поэте, являвшемся мещанином и потомком бедного негритёнка, купленного пьяным матросом за бутылку рома<sup>30</sup>. В ответ А.С. Пушкин написал стихотворение «Моя родословная». Когда ситуация стала известна Николаю I, он занял сторону поэта, передав через А.Х. Бенкендорфа: «Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его угостили, бесчестят того, кто их произносит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них – презрение. Вот как я поступил бы на его месте. – Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно *его ума* будет лучше, если он не станет распространять их»<sup>31</sup>.

Помимо этого, А.С. Пушкин обращался с различными просьбами: об открытии газеты или журнала политического и литературного содержания<sup>32</sup> (было получено разрешение на издание газеты «Дневник»), о назначении на должности, выплате жалованья, длительных отпусках, уходе в отставку и отказе от неё<sup>33</sup>.

Поэт ходатайствовал о назначении пенсии вдове героя Отечественной войны Н.Н. Раевского<sup>34</sup>, переводе своего брата Л.С. Пушкина в Финляндский драгунский полк<sup>35</sup>, издании сочинений своего друга В.К. Кюхельбекера<sup>36</sup>.

А.С. Пушкин просил и о получении характеристики о своей благонадёжности для матери своей невесты Н.Н. Гончаровой (сопроводив письмо припиской: «Покорнейше прошу Ваше превосходительство сохранять моё обращение к Вам в тайне»<sup>37</sup>), а после женитьбы – и о разрешении для деда своей жены переплавить бронзовую статую Екатерины II или продать её<sup>38</sup>.

Особое место занимали прошения поэта о выделении ему значительных денежных сумм для достойного проживания и возврата долгов, которые удовлетворялись императором. В 1834–1835 гг. поэту по его просьбе были выплачены 60 тысяч рублей, из них 10 тысяч не требовали возврата, 20 тысяч составляли беспроцентную ссуду (при подписании проекта указа Николай I исключил

проценты, хотя сам поэт надеялся лишь на процентную ссуду), 30 тысяч давались в счёт будущего жалования<sup>39</sup>.

Таким образом, анализ личной составляющей в переписке А.С. Пушкина и А.Х. Бенкендорфа свидетельствует, что поэт нередко обращался к шефу жандармов с личными просьбами, к которым последний, как и император, относились благосклонно.

В завершении хотелось бы отметить, что писал сам А.С. Пушкин А.Х. Бенкендорфу: «...никто живее меня не чувствует милость и великодушие государя императора, также как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства»<sup>40</sup>, «Если до настоящего времени я не впал в немилость, то обязан этим... единственно Вашей личной ко мне благосклонности. Но если Вы завтра не будете больше министром, послезавтра меня упрячут»<sup>41</sup>, «...я пропаду без Вашего непосредственного покровительства»<sup>42</sup>.

О Николае I он высказывался в схожем ключе: «Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением»<sup>43</sup>, «Того, кто был моим благодетелем, не как монарх, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благожелательности возвышенной и великодушной»<sup>44</sup>.

Можно ли после этого говорить о том, что А.Х. Бенкендорф и Николай I являлись «душителями свободы» и «гонителями» великого поэта?

По мысли императора Николая I, III отделение должно было стать органом быстрого реагирования на жалобы, притеснения, взяточничество, произвол администрации и т.п. Не избежал таких жалоб и А.С. Пушкин. На поэта в III Отделение поступала информация, на которую приходилось реагировать. Так, по доносу псковского помещика Пущина в 1826 г. было проведено секретное расследование о поступках известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в возбуждении крестьян к вольности. В Псковскую губернию, где находился тогда поэт, был командирован коллежский советник А.К. Бошняк, который был наделен серьезными полномочиями – ему следовало арестовать Пушкина, если бы он оказался действительно виновным. Однако исследование обстоятельств дела путем расспросов окрестных жителей убедило его в

том, что главная вина поэта – его странности. Сигнал тревоги поступил от соседей, которых А.С. Пушкин смущал своим уединенным образом жизни, чересчур снисходительным отношением к крепостным, внешним видом, не приличествующим его положению, и, конечно, таинственным прошлым. Коллежский советник оказался порядочнее доносчика<sup>45</sup>.

Особенность изучения наследия А.С. Пушкина состоит в том, что отечественная пушкинистика представлена в основном исследованиями по русской филологии, а не истории. В связи с этим образ великого поэта изначально рассматривается с позиции «угнетённого», «жертвы» и т.д. и происходит противопоставление «светлого» поэтического и «тёмного» жандармского начал (дихотомии «свой-чужой», «оппозиция-власть»). Между тем, изучение переписки А.С. Пушкина и А.Х. Бенкендорфа показывает, что деление на «белое» и «чёрное» здесь вовсе не применимо. Поэт с завидной регулярностью обращался к шефу жандармов не только по тем вопросам, по которым не мог его обойти и был обязан это делать (как, например, согласование текста своих произведений и возможности их опубликования, а также перемещений по Российской империи и за её пределами), но и с сугубо личными просьбами (которые чаще всего были удовлетворены Николаем I при посредничестве А.Х. Бенкендорфа).

Таким образом, переписка А.С. Пушкина и А.Х. Бенкендорфа является ценным, но во многом недооценённым историческим источником, в том числе при исследовании взаимоотношений творческой интеллигенции и органов государственной безопасности.

*К.Ю. Мелешин*  
г. Санкт-Петербург

**Концепция «Тайной Высшей полиции» И.П. Липранди  
и ее влияние на организацию и методы деятельности  
отечественных спецслужб во второй трети XIX в.**

Исследование не введенных ранее в научный оборот архивных источников позволило уточнить теоретический и практический вклад И.П. Липранди в организацию обеспечения государственной безопасности и деятельность отечественных спецслужб XIX в.

Еще в 1831 г. И.П. Липранди на основе своего опыта руководства Высшей тайной заграничной полицией в Дунайских княжествах<sup>46</sup> накануне и во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. подготовил записку «Краткие рассуждения о Высшей тайной полиции», в которой аргументированно показал, что тайная высшая полиция должна вести свою деятельность по трем тесно связанным направлениям:

- заграничному, «приготовляющим мнение соседствующих или отдаленных народов»;

- дипломатическому, «проникающим в тайны кабинетов и дворов»;

- внутреннему, решающему две взаимосвязанные задачи:

а) «выявление тайных связей дипломатических лиц, находящихся в государстве»;

б) «содержание правительства в совершенном сведении о делах в государстве»<sup>47</sup>.

В 1840 г. И.П. Липранди был принят на службу в Министерство внутренних дел чиновником для особых поручений при министре. Основной его задачей было проведение секретного расследования о возможной угрозе для безопасности государства существующих в России раскольничьих согласий и различных тайных сект<sup>48</sup>.

Вероятно, в ходе проведения расследования, в самой своей основе связанного с необходимостью обеспечения негласного сбора информации о тайных сектах, у Липранди окончательно сформировалась концепция построения глубоко

законспирированной спецслужбы, совмещающей в себе функции обеспечения политической и экономической безопасности, а также контрразведки, но при этом лишенной всяческой бюрократической косности, которую он изложил в 1846 г. в записке министру внутренних дел<sup>49</sup>. Ее основой должна была являться широкая сеть секретных агентов из чиновников различных министерств (в том числе МВД), которые, наряду с выполнением своих официальных функций, выполняли бы и специальные поручения как лично, так и с помощью приобретенных ими самими агентов (внутреннего и наружного наблюдения)<sup>50</sup>.

Необходимо отметить, что одним из основных недостатков в деятельности III Отделения, с точки зрения Липранди, была ее сосредоточенность на дворянской среде и оставление без внимания опасных «вольнодумных» тенденций в среде разночинцев. Он считал, что для достижения своей цели высшая полиция должна решать две тесно связанных друг с другом задачи: «одну, в собственном смысле государственную, подробно обнимающую весь современный гражданский и политический быт России... и другую, заключающуюся в исследовании частной жизни в столицах и глубинке, ... являющихся ключом к пониманию первых»<sup>51</sup>.

В рамках решения первой задачи высшая тайная полиция, по мнению Липранди, должна была заниматься охраной императорского дома, наблюдением за благосостоянием и спокойствием всех сословий, преследованием значительных злоупотреблений, представляющих угрозу безопасности государства, проникновением в тайну «сокровенных народных и общественных болезней» (раскол, секты и т.п.), наблюдением за действиями иностранных посольств и, по возможности, «прониканием в их тайные виды и интриги», подготовкой аналитических обзоров. Ко второму относилась частная жизнь общества и «два ее главных двигателя – женщины и деньги». В связи с этим требовалось держать под постоянным наблюдением салоны, вечера, балы, собрания и т. п., большие траты денег и т. д.<sup>52</sup>.

В основе политического сыска должно было лежать *«тотальное исследование всех связей»* [курсив авт. – К. М.] наружным наблюдением с последующим выяснением

«злоумышленных» замыслов посредством внедрения подобранной агентуры в выявленные группы<sup>53</sup>. Поэтому главнейшая обязанность высшей полиции, по представлениям Липранди, состояла в выборе и приобретении способных агентов (наружных и внутренних).

Агентурная работа, таким образом, должна была стать основой всей деятельности по обеспечению безопасности государства. Липранди впервые ввел классификацию основ для вербовки агентов, выделив: патриотическую основу, вызванную желанием служить «государю и Отечеству» своими способностями, познаниями и деятельностью; основу, связанную с ожиданием покровительства или награды; финансовую основу<sup>54</sup>.

По мнению Липранди, агенты ни в коем случае не должны были составлять особое полицейское сословие. Они должны были служить тайно, не зная даже о существовании друг друга. Имена их могли бы быть известны только главным лицам высшей тайной полиции. Для выполнения дел особой важности агенты должны выбираться из числа добросовестных чиновников, «основательно знающих дела своего ведомства»<sup>55</sup>. Наблюдение за ежедневными происшествиями и за частными лицами высшая полиция должна была возложить на людей «верных и скромных, но совершенно иных способностей». Такой агент должен был приобретаться не только в каждом ведомстве, но и в каждой губернии, а «при посредстве его и в каждом уезде»<sup>56</sup>.

Анализ материалов из фонда III Отделения в ГАРФ, а также документов Особенной канцелярии МВД и личного фонда Липранди, отложившихся в РГАИ, дает основания утверждать, что структура и работа Особенной канцелярии Министра внутренних дел, первоначально созданной в 1842 г. для ведения переписки по секретным делам, во второй половине 1840-х гг. была в основном построена на концептуальных разработках И.П. Липранди.

Это хорошо видно на примере организации разработки дела о тайном обществе М.В. Петрашевского. После получения информации о раздаче Петрашевским литографической прокламации в дворянском собрании и ознакомлении с ее содержанием, признанным «злоумышленным», министром внутренних дел было поручено своей Особенной канцелярии, а именно состоящему при министерстве действительному

статскому советнику И.П. Липранди, провести тайное расследование<sup>57</sup>.

Немедленно по месту жительства Петрашевского было проведено «тайное разведывание», которое открыло только, «что еженедельно по пятницам в 10 вечера собираются до 30 человек и остаются там до 3-х и дольше ночи»<sup>58</sup>. В ходе разведывания также было выяснено, что подъезд с проспекта вечером закрывался, и посетители проходили через двор, «хотя и мимо дворника, но как приезд бывает ночью, то дворник не может объяснить бывшие лица»<sup>59</sup>, кроме того, что в числе посетителей «бывают также люди военные», а в поведении М.В. Петрашевского заметны таинственность и страх: «в переднюю всегда выходит сам и дверь открывать велит только при нем»<sup>60</sup>.

Ознакомившись с известными на тот момент обстоятельствами дела, 23 марта 1848 г. Липранди пишет докладную записку министру, в которой указывает: «Для достижения цели представляется необходимым два средства: на первый случай учредить бдительное секретное наблюдение до получения более полных сведений или в первый день собрания произвести внезапный обыск»<sup>61</sup>. Судя по дальнейшему развитию событий, министр выбрал первый из предложенных вариантов действий.

На основании сохранившейся «Особенной записки к рапорту за № 139 от 5 мая 1849 г. (траты на наблюдение)» можно сделать вывод, что Липранди для организации секретного наблюдения за местом собраний с разрешения министра внутренних дел и согласия Костромского военного губернатора привлек («вытребовал») чиновника Шапошникова из г. Галич<sup>62</sup>. Необходимо отметить, что, как упоминает в своем докладе Липранди, Шапошников уже был до этого известен «испытанными своими способностями и верностью», как ему, так и министру<sup>63</sup> (то есть, вероятно был тем самым «уездным агентом», привлеченным в свое время к расследованию раскола и тайных сект в Костромской губернии), что и послужило, судя по всему, причиной, по которой именно ему была поручена организация «бдительного секретного наблюдения» за посетителями квартиры Петрашевского.

Шапошников, для ведения наблюдения, как следует из «Записки...», взял с собой в Петербург трех секретных агентов:

Наумова, Шабшева и Нестерову. Всем им было оплачено проживание в Петербурге и расходы по наблюдению, а Шапошникову как чиновнику еще и выплачены деньги на дорожные расходы в размере 100 руб. серебром<sup>64</sup>. В записке все фамилии вписаны поверх прочерков карандашом и другим почерком (вероятно, после того, как по записке в бухгалтерии министерства были произведены соответствующие выплаты). Отсутствие в записке отметок о трате денег на оплату работы агентов (все деньги выплачены для компенсации расходов) говорит о том, что они были привлечены к работе не на финансовой, а на патриотической основе или на основе ожидания последующего покровительства от МВД. Это также может свидетельствовать об отсутствии в 1840-х гг. в Особенной канцелярии МВД «профессиональных» агентов наружного наблюдения.

Прибыв в столицу, Шапошников сразу приступил к работе. Ему было поручено наблюдать за лицами, посещавшими пятничные собрания у Петрашевского и особенно за теми из них, о которых уже удалось собрать некоторые данные ранее организованным с привлечением местных секретных агентов наблюдением<sup>65</sup>.

В ходе наружного наблюдения Шапошниковым попутно был выявлен неконспиративный сбор сведений о Петрашевском III Отделением. Так, согласно донесению Липранди, подготовленному им на основе рапорта Шапошникова, в один из дней «в 4 или 5 часов пополудни, когда он был у сидельца портерной лавочки в доме Петрашевского... вошел туда человек высокого роста с темно-русскими усами и вынув из кармана лист бумаги, расспрашивал сидельца, чей это дом, как зовут хозяина и кто у него квартирует. А расспросив, все это записал, между тем внимательно смотрел как на сидельца, так и на Шапошникова, который заметил, что, хотя человек этот и был одет в партикулярное платье, но по осанке и голосу должен быть военным. По уходе его сиделец сказал Шапошникову, что с некоторого времени стали часто приходиться и расспрашивать»<sup>66</sup>. Липранди был вынужден предупредить министра внутренних дел, что подобные непрофессиональные действия жандармов могут нарушить всю налаженную им «конспирацию дела».

С разрешения Липранди в доме Петрашевского Шапошниковым был арендован за 500 руб. серебром табачный магазин<sup>67</sup>, который служил не только для ведения секретного наблюдения за двором дома, но и, вероятно, для скрытого нахождения агентов, ожидающих выхода участников тайных собраний, в целях последующего установления их мест жительства. Как отмечал Липранди, открытие магазина должно было «отклонить все подозрения и представить возможность развернуть настоящее дело и проследить все злоумышленные лица»<sup>68</sup>.

В ходе наблюдения был установлен основной круг участников собраний, например, «приятель Петрашевского Серебряков», в квартиру которого, по донесениям Шапошникова, также «сходятся разные лица, разговаривают на французском и часто спорят либо говорят тихо и что говорят не понять»<sup>69</sup>. Вместе с тем проникнуть в замыслы общества Петрашевского одним наружным наблюдением и выведыванием информации у дворников и соседей не удалось. В связи с этим министром внутренних дел было приказано Липранди «непременно проникнуть в них, путем введения какого-либо благонамеренного лица»<sup>70</sup>.

На основе собранных наблюдением данных о типичных посетителях пятничных собраний у Петрашевского был подобран чиновник Антонелли, который согласился стать тайным правительственным агентом. На «различные расходы» он получил 665 руб. серебром<sup>71</sup>. Как отмечал Липранди, за шесть пятниц внедренный агент собрал информации о тайном обществе Петрашевского больше, чем дал почти год непрерывного наблюдения<sup>72</sup>.

Кроме непосредственного ведения расследований посредством возможностей губернских и уездных тайных агентов, Особенная канцелярия министра внутренних дел также координировала деятельность местных органов политического сыска. Местными органами политического сыска в 1840-х – начале 1850-х гг., находившимися в двойном подчинении – губернаторам и Особенной канцелярии, являлись секретные части канцелярий губернаторов и генерал-губернаторов, обладавшие в тот период необходимыми силами и средствами оперативной деятельности (прежде всего наружного наблюдения), в лице чиновников для поручений и их тайной агентуры<sup>73</sup>. Обращение к архивным

источникам позволило установить, что к их помощи в организации наблюдения в губерниях, «чтобы злонамеренные люди возмутительными к народу воззваниями не нарушали общего спокойствия», обращалось также и III Отделение<sup>74</sup>.

Вместе с тем после отставки И.П. Липранди в 1854 г. Особенная канцелярия министра внутренних дел, как показывают изученные архивные документы, постепенно из спецслужбы, осуществлявшей оперативную деятельность, превратилась в координирующий и распорядительный центр политического сыска, непосредственная организация которого была спущена на уровень секретных частей канцелярий губернаторов, ведавших делами «высшего полицейского управления»<sup>75</sup>. Через них шла переписка с Особенной канцелярией и организовывался негласный сбор информации о возможном наличии антиправительственных заговоров в губерниях<sup>76</sup>. Официальные обыски по политическим делам производили жандармы под руководством штаб-офицеров жандармских округов.

Положительные результаты обысков служили основанием для начала формального следствия, с целью осуществления которого создавались специальные следственные комиссии из представителей генерал-губернатора, полиции, прокуратуры и жандармского округа<sup>77</sup>.

Эффективность и результативность деятельности секретных частей канцелярий губернаторов (начальников губерний) и генерал-губернаторов зависела от наличия у их чиновников необходимых сил и средств оперативной деятельности, а также понимания необходимости их применения. Обычно же во второй половине 1850-х – первой половине 1860-х гг., поводами, служившими основанием к проведению официальных обысков, в ходе которых могли быть изъяты необходимые для начала формального следствия или дознания вещественные доказательства, являлись доносы<sup>78</sup>. Результатом поспешности в проведении обысков являлось отсутствие достаточных улик для расследования следственными комиссиями и невозможность вследствие этого доказать наличие организованных революционных групп и организаций<sup>79</sup>.

Как в 1856 г. писал по этому поводу Липранди в записке «О высшей полиции» министру внутренних дел, вошедший

в практику местных полицейских властей арест «по одному лишь подозрению и случайным связям (с одним гулял, с другим пил чай ...) приносит только вред, не давая раскрытия действительной организации, случайные находки вещественных доказательств не могут пролить свет на всю ее деятельность. ... Ничто не вредит открыванию дела, в особенности политического, как забираемые люди и потом через некоторое время освобождаемые за неимением улик»<sup>80</sup>.

В то же время, как показало исследование архивных документов, если во второй четверти XIX в. в III Отделении источниками получения информации были преимущественно доносы, перлюстрация и осведомление<sup>81</sup>, то с начала 1850-х гг. (то есть после осмысления опыта Особенной канцелярии МВД по раскрытию тайного общества Петрашевского) организация и ведение систематического политического сыска стали в основном основываться на широком использовании наружного наблюдения<sup>82</sup>.

Таким образом, разработанная И.П. Липранди концепция структуры и организации деятельности тайной спецслужбы как оказала непосредственное влияние на практику деятельности отечественных спецслужб, так и внесла свой вклад в ее теоретическое осмысление. Она нашла свое непосредственное воплощение в организации деятельности Особенной канцелярии при министре внутренних дел и работе ее тайной агентуры, прежде всего в осуществлении раскрытия тайного общества Петрашевского.

После отставки Липранди МВД отказалось от его концепции и пошло по пути упрощения деятельности Особенной канцелярии, сведя ее задачи к организации следственных комиссий по особо важным делам. В то же время руководство III Отделения, восприняв разработанную Липранди концепцию оперативной деятельности и алгоритм организации секретного наблюдения (тайное разведывание по месту жительства наблюдаемого лица перед началом наблюдения и тщательное наблюдение с исследованием всех его связей и последующим выяснением «злоумышленных» замыслов посредством приобретения агентуры в выявленных секретным наблюдением группах), внедрило их 1850–1860-х гг. в практическую деятельность политического сыска.

*Л.В. Лукьянчикова*  
г. Москва

**Отдельные направления совершенствования деятельности  
чинов Корпуса жандармов в сфере негласного надзора  
в Российской империи в 1870-х – 1890-х гг.**

Одним из ключевых элементов развития органов безопасности является совершенствование их деятельности. Значительный интерес в этой связи представляют аспекты оптимизации деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов в отношении «неблагонадежных» лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений. В первую очередь следует отметить, что проведение с 1860-х гг. «Великих реформ» и смягчение правящего режима обусловили в России рост социальной активности, умножение числа радикальных инициатив, исходящих от деятелей передовой общественности, отдельных легальных ассоциаций и органов местного самоуправления. Кроме того, широкое распространение в Европе идеологии и практики террора как инструмента свержения существующего строя также нашло горячий отклик в России и имело большое число участников. На фоне участвовавших широкомасштабного революционного движения и роста числа организаций в Российской империи 1860–1870-х гг., в основу тактики большинства которых был положен террор, несовершенство деятельности жандармских учреждений было очевидным.

Обзоры периодической печати 1870–1880-х гг. наглядно демонстрируют уровень общественных претензий к правоохранительной системе. Так, отечественный мыслитель и государственный деятель М.Н. Катков констатировал: «то, что учреждение было бесполезно, о том громко свидетельствует история последнего времени: оно ничего не предупредило, ничего не пресекло... оно не только было бесполезно против зла, но само способствовало его развитию. Машина III Отделения оказалась совершенно несостоятельной, когда пришлось разбирать здоровые и нездоровые, вредные и безвредные проявления жизни»<sup>83</sup>. Критике подвергались практически все направления деятельности жандармских офицеров, в том числе и осуществление надзора за «неблагонадеж-

ными» подданными. Это подтверждается весьма плотным документооборотом между Департаментом государственной полиции (с 1883 г. – Департаментом полиции) Министерства внутренних дел (МВД) с управлениями жандармских округов, губернских жандармских управлений, жандармских полицейских управлений железных дорог, жандармских пограничных пунктов и проч.

Следует отметить, что полицейский надзор в Российской империи до 1880-х гг. не имел должного правового регулирования. Имелись «Правила о полицейском надзоре» от 12 мая 1867 г.<sup>84</sup>, однако этого было явно недостаточно, так как в большинстве случаев негласный полицейский надзор ограничивался лишь внесением поднадзорного в соответствующие списки, что не обеспечивало за ним дальнейшего контроля. Руководством жандармских учреждений был предпринят ряд мер, однако они носили в большей степени несистемный характер и являлись своего рода ответной реакцией на возникшую угрозу. Так, с 1860-х гг. «большую государственную важность» представляла борьба с революционной пропагандой. Согласно секретным циркулярам III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии от 28 августа и 18 сентября 1878 г., революционная агитация посредством распространения через почту объявлений «русского социально-революционного комитета» получила массовый характер. Особенно подверженной революционным идеям была молодежь, в связи с чем жандармским чинам предписывалось усилить негласное расследование в отношении распространителей преступных объявлений<sup>85</sup>.

Кроме того, с 1882 г. был установлен негласный надзор за бывшими воспитанниками Императорского Варшавского русского университета, Варшавской ветеринарной школы, Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства (Варшавский учебный округ), исключенными за невзнос учебной платы и «по неодобрительному поведению»<sup>86</sup>. Именно такой контингент, по справедливому мнению властей, был податлив к вступлению в противозаконные сообщества революционной направленности.

Так, в январе 1882 г. секретным циркуляром Департамента государственной полиции МВД предписывалось губернаторам, начальникам губернских и железнодорожных жандармских полицейских управлений расширить перечень сведений о лицах, при-

влеченных к делам политического характера и подлежащих розыску. Указывалось, что, кроме описания примет данных лиц, необходимо прилагать фотографические карточки, а также ряд сведений согласно прилагаемой ведомости. Ведомость о лицах, подлежащих розыску, состояла из восьми отделений и содержала следующие позиции для заполнения: «звание, происхождение, ФИО, лета, вероисповедание и прозвище, если таковое имеется»; приметы; «состоял ли под стражей или под надзором полиции и по какому делу»; «где проживал в последнее время и по какому адресу»; «имеет ли семейство и родных и где они проживают»; «куда должен быть направлен по розысканию»<sup>87</sup>.

1 марта 1882 г. императором Александром III было утверждено Положение «О негласном полицейском надзоре» (далее – «Положение»), которое, как указывалось в акте, было востребовано ввиду отсутствия «определяющих указаний на способы устройства сего наблюдения и регистрации получаемых при этом наблюдении сведений», так как негласный надзор до настоящего времени не приносит «желательных практических результатов»<sup>88</sup>. Кроме того, 12 марта 1882 г. было высочайше утверждено Положение «О полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей»<sup>89</sup>. В отечественной историографии данные положения не раз становились предметом научного интереса и получили достаточно подробный анализ относительно содержания и сущности надзора, его видовой градации, периодичности подачи сведений с установлением перечня соответствующих инстанций для их передачи<sup>90</sup>.

При этом следует отметить, что правовые нормы по осуществлению негласного надзора были призваны установить оптимальное «распределение обязанностей по сему наблюдению между различными органами властей..., устраняя нежелательное разнообразие в распоряжениях»<sup>91</sup>, а также значительно оптимизировать процесс информационного сопровождения относительно поднадзорного лица. Для этого прилагались формы для обязательного заполнения в отношении лиц, состоящих под негласным надзором, устанавливалась частота отправки данных форм в столицу и т.п.

Очевидным представляется то, что при подготовке «Положения» законодателем были учтены предшествующие запросы МВД.

Это подтверждается, в том числе, объемом запрашиваемых сведений о поднадзорном лице, необходимом для заполнения форм. Причем для правильного заполнения данных справок по каждому из подразделов имелся комментарий и пример. Так, форма под литерой «А» представляла собой набор определенных сведений о лицах, состоящих под негласным надзором в какой-либо местности, как-то: имя, отчество, фамилия и сословие; семейное положение; имущественное обеспечение; место постоянного жительства; обстоятельства прошедшей жизни поднадзорного и настоящие его занятия; год, число и номер распоряжения Департамента государственной полиции, по которому учрежден надзор; время выбытия из района жандармского управления или прекращение надзора<sup>92</sup>.

Форма под литерой «Б» представляла собой извещение под грифом «совершенно секретно» о выезде состоящего под негласным надзором лица из одной местности в другую. В данном случае требовалось указать время выезда, месяц и число; место, куда отправляется поднадзорное лицо (с указанием конкретного адреса и соответствующего жандармского учреждения для дальнейшего наблюдения); сведения, обнаруженные наблюдением за лицом при переездах (например, при пребывании там-то было замечено то-то)<sup>93</sup>.

Учитывая установленный «Положением» полугодовой график передачи отдельной информации по поднадзорным лицам в Департамент государственной полиции МВД, под литерой «В» от местных жандармских учреждений за подписью начальника управления, заведующего негласным надзором, должны были предоставляться о таковых сведения с 1 января по 1 июля текущего года по соответствующей местности следующего характера: имя, отчество, фамилия и сословие; время учреждения надзора; сущность сведений, полученных при наблюдении; время выбытия в район другого и какого именно жандармского управления или прекращение надзора<sup>94</sup>. В целом казалось, что заложенные критерии запрашиваемых сведений по поднадзорным лицам в полной мере отвечают текущим потребностям.

Однако после введения «Положения» в действие уже в скором времени по заполнению указанных форм обнаружились отдельные недочеты, требующие соответствующей коррекции. Так, уже в октябре 1882 г. в секретном циркуляре МВД, адресованном столичным (санкт-петербургскому и московскому) обер-полицмейстерам

и начальникам губернских и городских жандармских управлений значилось, что форма литеры «Б» не обеспечивает полноты наблюдения, нет сведений о прошедшей жизни поднадзорного, характеризующих его личность в политическом отношении и послуживших основанием к учреждению за лицом негласного надзора полиции. Отсутствие таковых сведений, значилось в циркуляре, лишает возможности жандармского управления, в район которого временно отлучился поднадзорный, обращать особое внимание на ту именно сторону его деятельности, выяснение которой представляется наиболее желательным. Здесь же прилагалась обновленная форма литеры «Б», в которой к уже имеющимся подразделам сведений о выезжающем в другую местность поднадзорном лице был добавлен еще один – «обстоятельства прошедшей жизни, вызвавшие учреждение негласного надзора»<sup>95</sup>.

Кроме того, был расширен перечень субъектов, попадающих под негласный надзор. Так, секретным циркуляром МВД от 30 октября 1882 г., адресованным градоначальникам, обер-полицмейстерам Санкт-Петербурга, Москвы и Варшавы, начальникам губернских жандармских управлений, предписывалось «учреждать негласный надзор полиции за всеми лицами, возвращающимися из ссылки и освобожденные от гласного надзора». Чинам общей полиции следовало безотлагательно извещать подлежащего начальника губернского жандармского управления о прибытии в их район «лиц подобной категории»<sup>96</sup>.

Также с 1882 г. под негласный надзор попадали воспитанники целого ряда высших и средних учебных заведений, исключенные за невзнос учебной платы и по неодобрительному поведению. Например, под негласный надзор попадали бывшие студенты университетов (в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Варшаве, Казани), Военно-медицинской академии (Санкт-Петербург), Института инженеров путей сообщения императора Александра I (Санкт-Петербург), Императорского технического училища (Москва), Высших женских курсов (Москва), Ветеринарной школы (Варшава) и многих других. В отношении бывших воспитанников средних учебных заведений негласный надзор учреждался за всеми исключенными лицами, достигшими 16-летнего возраста<sup>97</sup>.

В случае поступления поднадзорного лица на военную службу, учреждения были обязаны сообщить подлежащим начальникам военных частей о том, что лицо сомнительной политической благонадежности, состоящее под негласным наблюдением, поступило в вверенные им части войска<sup>98</sup>.

Следует отметить, что в заявленный период правовое регулирование по осуществлению негласного надзора находилось в постоянном процессе его оптимизации. Представляется очевидным то, что инициатива законодателя в данной сфере была направлена только на обеспечение государственного порядка и общественного спокойствия, но никак не на усиление репрессивных начал. Так, принимая во внимание, что исключение студентов за неплату на практике в большинстве случаев является лишь побудительной мерой к внесению оплаты и что лица вновь по уплате потом зачисляются, в том же 1882 г. (август) было разослано специальное разъяснение Департамента государственной полиции об установлении негласного надзора только за теми студентами и учащимися, кто окончательно прервал связь с учебным заведением (студенты) или уволен по неодобрительному поведению (учащиеся)<sup>99</sup>.

Здесь же укажем секретный циркуляр Департамента полиции МВД начальникам губернских и полицейских железнодорожных и жандармских управлений от 26 июня 1891 г., в котором указывалось, что при рассмотрении дознаний о государственных преступлениях значительная часть дел возбуждается вследствие доносов и заявлений частных лиц, причем заявления эти в большинстве случаев делаются по злобе, в силу враждебных отношений доносителей к оговариваемым, и тому подобным причинам. Дознаватели в большинстве своем довольствуются формальной стороной дела. Вследствие этого в случае устного или письменного заявления или доноса, когда факт преступления ничем, кроме оговора, не подтверждался или вообще при сомнении в действительности указываемых обстоятельств, предписывалось предварительно негласным путем проверить основательность обвинения. Отдельно указывалось быть особенно внимательным к лицам, занимающим известное общественное или служебное положение; в отношении доносов рабочих и прислуги на хозяев, подчиненных

на начальство и т.д. В отношении лиц духовного звания предварительно для сбора сведений необходимо было обращаться к местному епархиальному начальству. Также порицалось несвоевременное отправление сведений о неблагонадежных лицах, с отступлением указанной формы, а иногда и небрежно составленные. Особенно отмечалось «более чем поверхностное отношение чинов к наблюдению за лицами, с которыми разыскиваемый находится в родственных и близких дружеских отношениях»<sup>100</sup>.

В целях улучшения контроля за поднадзорными лицами, выехавшими из регионов в Санкт-Петербург и Москву, секретным циркуляром МВД от 3 декабря 1890 г. предписывалось начальникам губернских жандармских управлений направлять о данных лицах уведомления не в губернские жандармские управления обеих столиц, а по принадлежности Санкт-Петербургскому градоначальнику и Московскому обер-полицмейстеру. Данная новелла объяснялась тем, что регистрация лиц, состоящих под негласным надзором, и вообще розыски и наблюдения в столицах сосредоточены в отделениях по охранению порядка и общественного спокойствия, а не в жандармских управлениях столичных губерний<sup>101</sup>.

Отдельного внимания заслуживала оптимизация негласного надзора за лицами, въезжающими в Россию из-за границы. Так, 7 июля 1894 г. в секретном циркуляре МВД констатировалось, что в отношении данных лиц начальники пограничных пунктов ограничиваются кратким извещением, что лицо проехало без дальнейших указаний. К недостаткам таких извещений относилось также неточность указываемых сведений, помещение их в телеграммы в незашифрованном виде. В целях исправления данной ситуации в телеграммах, отправляемых подлежащим начальникам жандармских управлений по направлению пути подозрительного лица, предписывалось указывать причины учреждения наблюдения за его возвращением и те меры, которые необходимо предпринять по отношению к нему на месте. Кроме того, значилось в циркуляре, если лицо должно было быть «встречено наблюдением на вокзале», то в телеграмме следовало указать его приметы. Выделено особо, что телеграммы должны быть непременно зашифрованные, и они должны быть отредактированы согласно указаниям соответствующих циркуляров МВД<sup>102</sup>.

Наконец, следует отметить секретный циркуляр от 16 октября 1894 г., в котором обращалось внимание на ряд недостатков Положения «О негласном надзоре» 1882 г., и с 1 января 1895 г. предписывалось заполнять формы о сведениях по поднадзорным лицам в обновленном виде. Так, в форме литеры «В» необходимо было помещать «краткую, но точную аттестацию поднадзорного согласно сведениям, полученным наблюдением за означенный период». Отдельно оговаривалось, что в аттестации не допускаемы общие выражения типа «неблагонадежен» или «находится в сношениях с неблагонадежным лицом». В каждом отдельном случае, значилось в акте, должны быть изложены фактические основания «неблагонадежности», а также точные сведения конкретных лиц, с которыми общается негласно надзираемый<sup>103</sup>.

В целом следует отметить, что оптимизация деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов в сфере негласного надзора в Российской империи в 1870-х – 1890-х гг. XIX в. явилась необходимым элементом правительственной политики в сфере обеспечения государственной безопасности. Практическое отсутствие правового регулирования в данной области в совокупности с накопившимися ко второй половине XIX столетия издержками деятельности органов политического сыска и внутренней нестабильностью в стране требовали оптимизации применения превентивных мер в отношении «неблагонадежных» лиц, к коим относился и негласный надзор. В течение данного периода, сопряженного революционными выступлениями, проявлениями террористического и экстремистского характера, осуществление негласного надзора находилось в постоянной динамике в сторону улучшения его качественной стороны. Объем вводимых новаций в области негласного надзора был в пределах, сопоставимых с обеспечением государственных прерогатив и внутренней стабильности. В дальнейшем данный опыт был учтен органами государственной безопасности в советский период.

**Противоправительственные слухи и изображения  
начала XX в. в документах Департамента полиции**

Противоправительственной деятельности революционных партий посвящена обширная научная литература. Исследователи изучали девиантные настроения общественности в период Первой мировой войны<sup>104</sup>, образы императорской семьи в дневниках и письмах современников<sup>105</sup>, анонимные обращения оппозиционно настроенных граждан в полицию<sup>106</sup>.

Парадоксальным образом слухи, распространявшиеся в обществе в период военных конфликтов, касались болезненного вопроса призыва полицейских на фронт. В период Русско-японской войны градоначальник Санкт-Петербурга И.А. Фуллон писал министру внутренних дел по этому вопросу следующее: «Исключительное положение Петербурга как столицы государства, резиденции государя императора и постоянного места пребывания высочайших особ, а равно особые условия охраны общественного порядка и спокойствия в городе, не допускали до сего времени возможность держать некомплект чинов полиции, и отсутствие чиновников полиции, призванных на действительную военную службу, ставит местную полицию в крайне затруднительное в этом отношении положение»<sup>107</sup>. Указанный прецедент вызвал в годы Первой мировой войны запрос некоторых граждан на военный призыв полицейских: «Разговоры о необходимости призыва полицейских являлись фактором протеста с самого начала войны и по мере ее затягивания лишь усиливали свою актуальность. В первых числах октября 1916 г. серьезные беспорядки на этой почве случились в Харькове. Во время начавшегося призыва студентов в городе произошли манифестации, в которых помимо студенток и курсисток участвовали и рабочие. Главным требованием рабочих была отправка полицейских на войну»<sup>108</sup>.

Военные конфликты и революционные события начала XX в. способствовали десакрализации царской семьи в восприятии некоторых представителей российского общества. В 1911 г. руководи-

тель Особого отдела Департамента полиции (ДП) А.М. Еремин писал вице-директору ДП: «Во исполнение резолюции вашего превосходительства на представленной при сем записке начальника Рязанского ГЖУ от 21 минувшего января за № 429 с приложением к ней портрета его императорского величества, по поводу заметного изображения государя императора в гробу среди кружев платья, надетого на наследника цареви́ча, обязываюсь доложить, что в делах Департамента полиции по поводу распространения портретов государя императора и наследника цесаревича с непристойными контурами имеются сведения: В июне месяце 1909 года начальник Одесского охранного отделения представил в Департамент полиции портрет наследника цесаревича с изображением мертвеца на резной спинке кресла. Указанный просмотр был послан на просмотр в канцелярию министра императорского двора, но канцелярией не было усмотрено (видимо, пропущены слова – «негативного характера». – *С.М.*) указанного изображения и сообщено, что портрет своевременно был представлен на благовоззрение государыни императрицы Александры Федоровны и ее величеством был одобрен, в виду чего и воспрещения обращения тождественных снимков являлось бы несоответственным. В ноябре месяце того же года Одесский градоначальник представил портрет его императорского высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича, изображенного как бы стоящим на черепах. На сделанный по сему поводу запрос начальник канцелярии Министерства императорского двора 20 декабря за № 12642 сообщил, что Министерством императорского двора не усматривается никаких оснований видеть в простых камнях символические черепа, в виду чего не встречается оснований изъять эти портреты из обращения. Кроме вышеуказанных портретов, начальник Московского охранного отделения при записке от 27 января минувшего года представил 2 экземпляра портретов его императорского высочества наследника цесаревича, снабженные особыми печатными воззваниями от Попечительского общества о доме трудолюбия в г. Санкт-Петербурге, представляя собой тенденциозный очерк русской истории в части, касающейся установления образа правления, могущий оказать на народные массы отрицательное влияние по отношению существующего порядка. По отзыву Главного

управления по делам печати от 4 мая того же года за № 5030 указанные портреты были отпечатаны с разрешения Московского градоначальника оригинала и на воззваниях были выставлены как фирма типографии, так и разрешительная надпись, но в переплетной как фирма, так и надпись были отрезаны вследствие того, что воззвания были длиннее портретов»<sup>109</sup>.

За несколько лет до расследования дела с непристойными портретами Николая II и его сына Департамент полиции заинтересовался магазином германского купца Р. Лютермана, который находился на Невском проспекте, в доме № 34. Полицейские обратили внимание на то, что Лютерман продает открытки двусмысленного содержания: «...на которых отпечатаны иллюстрации следующего содержания: 1) изображения четырехлистников, на коих помещены мужские и женские ноги в непристойных положениях; 2) изображения быков с поднятыми хвостами; 3) изображения кошек с надписями  $\frac{1}{2}$  vierge,  $\frac{1}{4}$  vierge, zero – vierge и 4) вид народного дома императора Николая II с русской надписью и неподобающим французским переводом: «*maison publique de l'empereur Nicolas II*»<sup>110</sup>. На других открытках было изображено Михайловское артиллерийское училище, на котором было написано «император Михаил». Министр внутренних дел запретил Лютерману заниматься торговлей.

Отношение к иностранцам в полицейской среде традиционно было подозрительным. Сообщения из близлежащих к России стран отличались тревожностью. 18 января 1911 г. начальник Финляндского жандармского управления сообщал в Департамент полиции: «Получены сведения, что в Норвегии развиваются неприязненные отношения к России по поводу того, что около Норвежской границы в монастырь поставлены будто бы наши войска и что наши высшие офицерские чины летом прошлого года ездили из Петербурга с Архангельским губернатором и высматривали, какой фиорд лучше всего выбрать для незамерзающего порта. Проведение железной дороги к Норвежской границе где-то на севере от озера Онорэ, что и намечено нашим правительством, беспокоит норвежцев. Поэтому они теперь стараются в Лапландии действовать против наших подданных в экономическом отношении»<sup>111</sup>.

После вступления в Первую мировую войну Болгарии на стороне Германии полицейские учреждения стали пристальнее следить за подданными этой страны: «Полицейские чины должны

были немедленно отобрать у болгарских подданных все имеющиеся у них личные документы и взять подписку о невыезде из России. Первоначально местом водворения неблагонадежных военно-обязанных болгарских подданных была назначена Ярославская губерния. Позже она была заменена на Тамбовскую губернию»<sup>112</sup>.

Иногда карикатуры на представителей императорской семьи и слухи об иностранных монархах причудливым образом переплетались. 26 июля 1911 г. начальник Сувалинского губернского жандармского управления (ГЖУ) отправил в ДП депешу следующего содержания: «Довожу до сведения Департамента полиции, что подведомственным мне начальником жандармского управления Мариампольского и Кавалерийского уездов ротмистром Кислинским было получено из заграницы закрытое письмо, по вскрытии которого в таковом оказалась вложенная открытка, на одной стороне которой помещена карикатура на царствующего государя императора Николая II в таком виде: на круглой дымящейся бомбе помещены в карикатурном виде: посередине император всероссийский Николай, с правой стороны – шах Персидский, а с левой – король Португалии»<sup>113</sup>.

Слухи, которые фиксировались полицией, иногда содержали угрозы в адрес императора или министров. В 1911 г. в ДП пришла телеграмма от начальника Иркутского ГЖУ полковника Познанского: «Арестант Викентий Дрозд во время следования этапом слышал разговор следующего содержания: «скоро будет свобода, так как уже два или три года ведется подкоп под покои государя, куда ведется мина»<sup>114</sup>, а менее чем за год до убийства председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина канцелярия киевского и волынского генерал-губернатора отправила в Особый отдел Департамента полиции предупреждение: «Копия представления Волынского губернатора начальнику края от 10 сего ноября (1910 – С.М.) по поводу задержания австрийской полицией в городе Бродах двух неизвестных, направлявшихся в Россию с целью, по заявлению одного из них, министра внутренних дел статс-секретаря Столыпина. К этому канцелярия присовокупляет, что копия упомянутого представления Волынского губернатора отослана начальнику Киевского охранного отделения»<sup>115</sup>.

В 1910 г. Особый отдел Департамента полиции получил информацию о грозящей опасности Ливадийскому дворцу, в котором

часто отдыхала царская семья: «В декабре 1910 г. от начальника Харьковского ГЖУ были получены негласные сведения, что устройство отопления в строящемся императорском дворце в Ливадии заказано Санкт-Петербургской фирме «Залесский и Чаплин», имеющей отделение в Харькове, находящейся в заведывании инженер-архитектора Ивана Николаевича Виноградского, который по поручению названной фирмы и будет производить указанную работу во дворце. Названный Виноградский с 1904 года принадлежит к Харьковской группе партии социалистов-революционеров, в коей принимает деятельное участие»<sup>116</sup>. Похожие сведения, не подтвердившиеся после расследования, упорно распространялись и в 1909 году: «3 января 1909 года Минский губернатор уведомил по телеграфу, что к крещенскому параду в Санкт-Петербурге посредством подкопа готовится взрыв у дворца по пути шествия государя императора на водосвятие и что об этом оповещены были все революционные организации неким Абрамом Соловейчиком, находящимся в Киеве. Приметы его: молодой брюнет, носит черную поддевку и летнюю фуражку. Сведения эти были сообщены губернатору Эрдели киевским губернатором. Такого же содержания сведения были сообщены начальником Минского ГЖУ телеграммой от 3 января»<sup>117</sup>. Судя по полученному Варшавским охранным отделением письму, покушение на царя готовилось и в Дармштадте: «Царь должен быть убит в воздухе, когда он прибудет в Дармштадт. Схватите вы Нейдинга (Долгая улица, дом 11) и Мутлевича (Налевки, 14), где бывают частые совещания»<sup>118</sup>.

В особую группу слухов можно выделить сообщения антиполицейской направленности. В 1907 г. два губернатора примерно в одно и то же время отправили в Департамент полиции тревожные письма. Тамбовский губернатор Н.П. Муратов писал: «Препровождая при сем вырезку из газеты «Речь» о запрещении будто бы полицмейстером города Козлова выходить евреям на улицу в день выборов в Государственную Думу 24 сентября с. г. ваше превосходительство, не откажите уведомить, с возвращением приложения, насколько выше означенный факт представляется достоверным»<sup>119</sup>. Пермский губернатор А.В. Болотов также жаловался на впечатления общественности от газетных статей: «В выходящей в Перми газете «Уральский край» 2 сего июля была помещена

корреспонденция из заштатного города Алапаевска, в которой сообщалось об участившихся за последнее время до невероятных размеров пожарах, причем крестьяне причину их видят в провокаторстве. Так, на соединенном сходе Нейво-Алапаевского и Екатеринбургского сельских обществ 23 минувшего мая крестьянами было высказано, что зло это исходит исключительно от полиции, вследствие чего и просили присутствующего на сходе земского начальника Кривошекина ходатайствовать пред Губернатором о замене настоящего состава полиции другим, на что Кривошекин будто бы заявил, что он не может брать на себя инициативы подобного ходатайства, а советует обратиться по этому поводу в Государственную Думу»<sup>120</sup>. Несмотря на относительную свободу прессы после публикации Манифеста 17 октября 1905 г., противоправительственные печатные органы находились под пристальным вниманием Департамента полиции. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов сообщал в Особый отдел Департамента полиции: «Журнал «Локомотив» в настоящее время не функционирует. Редактором-издателем этого журнала был бывший член Государственной Думы, мещанин города Конотопа, Черниговской губернии, Филипп Иосифович Приходько, 30 лет, который 5 июня минувшего года (1908 – С.М.) был арестован и привлечен при Санкт-Петербургском ГЖУ к дознанию. Что касается типографии Альтшуллера, помещающейся в доме № 96 по набережной реки Фонтанки, то таковая уже давно известна, как исполнительница работ разных крайних изданий, за что неоднократно подвергалась обыскам и административным взысканиям»<sup>121</sup>. Железнодорожные союзы, организовавшиеся в период революции, обсуждали возможные антиправительственные действия. В октябре 1907 г. в Петербурге состоялось нелегальное собрание служащих различных железных дорог, на котором присутствовал делегат из железнодорожного союза Финляндии – «Rautatieväestön liitto». Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения сообщал в Министерство внутренних дел: «Собрание решило на линиях, идущих к Петербургу, в том числе и на Финляндской, устроить заблаговременно подкопы и минировать их или поставить адские машины, что предполагается осуществить при помощи железнодорожных сторожей. Собрание выбрало

около 10 человек железнодорожных сторожей разных линий, которые под руководством социал-революционеров, должны будут привести в исполнение этот план. Членам «Rautatielästen liitto» поручено минировать Финляндскую железную дорогу, чтобы в случае большой забастовки или революции, взрывать воинские поезда»<sup>122</sup>.

Недоверие общественности к институтам власти обозначилось уже в период правления Александра III. Как пишет доктор исторических наук А.Ю. Полунов, «заметным компонентом складывавшейся в те годы духовно-идейной атмосферы являлось чувство недоверия и неприязни к чиновничеству и бюрократической системе управления. Для консервативных кругов эти настроения были еще более характерны, чем для оппозиционных и революционных»<sup>123</sup>.

Период царствования Николая II был беспрецедентным в истории России по количеству распространяемой типографской продукции антиправительственного содержания. Сотрудники полиции нередко находили листовки революционных партий и групп, обнаруживали магазины, в которых продавались карикатуры на августейших особ и их портреты, обрамленные изображениями костей, бомб и гробов. Десакрализация власти в общественном мнении порождала иное, по сравнению с предыдущими веками, отношение к императору: его рассматривали, как слабого, заблуждающегося человека, систематические ошибки которого ведут страну к краху. С таким отношением части общества к монарху были связаны рисунки императорского дворца в виде публичного дома, картинки, порочащие Николая II, его жену и наследника Алексея Николаевича. Граждане сообщали в полицию о находках на улицах городов: изображения символа «Н II», графически состоящие из виселиц, разорванные портреты императрицы Александры Федоровны и ее сына. Распространение слухов было подчинено тем же целям, что и разбрасывание листовок и открыток: попыткам запугать венценосную семью и чиновников грозящими им терактами, вызвать ненависть и злобную иронию в обществе по отношению к властям, распространить утопические идеи о том, что только монархия мешает стать России государством всеобщего благоденствия.

**Георгиевские кавалеры Отдельного корпуса пограничной стражи в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.)**

10 августа 1913 г. император Николай II внёс очередные изменения в «Статут Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежавшего к этому ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевскому оружию и Георгиевской медали»<sup>124</sup>, в соответствии с которым Золотое оружие с надписью «За храбрость» официально переименовано в Георгиевское оружие, так же как и Знак отличия Военного ордена Святого Георгия в Георгиевский крест, как награда для нижних воинских чинов за «неустршимую храбрость».

Кроме того, законом предусматривались денежные выплаты нижним чинам, удостоенным Георгиевским крестом или Георгиевской медали с надписью: «За храбрость»<sup>125</sup>. Ежегодные денежные выдачи нижним чинам осуществлялись в следующих размерах: по Георгиевскому кресту – 4-й степени – 36 руб., 3-й – 60 руб., 2-й – 96 руб., 1-й – 120 руб. По Георгиевским медалям: 4-й – 12 руб., 3-й – 18 руб., 2-й – 24 руб. и 1-й – 36 руб. Кроме того, вдовы награжденных Георгиевским крестом или Георгиевской медалью по смерти мужа пользовались денежной выдачей в течение года, а выдача пенсий производилась у ближайших к месту жительства уездных воинских начальников.

24 июня 1917 г. Временное правительство изменило статут Георгиевского креста и разрешило награждать им офицеров по решению солдатских собраний. В этом случае на ленте знака укреплялась серебряная лавровая ветвь.

Следует отметить, что в период Первой мировой войны в Отдельном корпусе пограничной стражи (ОКПС) Георгиевскими крестами (в том числе и с лавровой веткой) награждено 242 офицера. Из них нижних чинов, в последующем произведенных в офицерские звания (как правило, приказами главнокомандующего фронтом или направлением в школу прапорщиков) – 1-й - 4-й степени – 39, 2–4-й степени – 41, 3–4-й степени – 43; 4-й степенью – 88 чел. Всего 132 чинов.

Например, нижний чин – полный Георгиевский кавалер, офицер ОКПС С.И. Волох<sup>126</sup>, участник Первой мировой войны 1914–1918 гг. Службу проходил подпрапорщиком в 9-й роте 4-го Заамурского пограничного пехотного полка. 3 июля 1915 г. в районе деревни Дуниново получил сквозное пулевое ранение левого бедра. Награжден Георгиевскими крестами: 4-й – «за то, что в боях с 26 по 29 марта 1915 г., командуя взводом, удержал за собой порученный пункт», 3-й – «за боевые отличия в делах против неприятеля», 2-й – «за боевые отличия в делах против неприятеля», 1-й степени – «за то, что в бою 24 сентября 1915 г., командуя полуротой, выбил противника, силой около роты, из укрепленной позиции и удержал её за собой». Произведен в прапорщики армейской пехоты «за отличия в делах против неприятеля» приказом главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 12 ноября 1915 г. Подпоручик (15 апреля 1916 г., со старшинством с 3 января 1916 г.), поручик (21 октября 1916 г., со старшинством с 3 мая 1916 г.). Затем в качестве офицера награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом («за отличия в делах с неприятелем»).

Наибольший интерес вызывает биография П.Т. Самарского, нижнего чина, полного Георгиевского кавалера<sup>127</sup>. В службу вступил 3 декабря 1906 г. в Вержболовскую бригаду ОКПС, стражником 3-го оклада. 13 июня 1908 г. окончил курс учебной команды, исполнял должность начальника поста, отрядный инструктор оружия. 10 декабря 1910 г. уволен в запас армии. 28 февраля 1912 г. зачислен на сверхсрочную службу в 6-ю пограничную Таурогенскую бригаду. С 7 января 1913 г. назначен старшим вахмистром Александровского отряда. Участник Первой мировой войны 1914–1918 гг., Гражданской войны в России 1918–1922 гг. В 1914 г. старший вахмистр 3-й конной сотни 6-й Таурогенской пограничной бригады. Награжден Георгиевскими крестами: Георгиевским крестом 4-й (3 октября 1914 г.) – «за отличия, оказанные в делах против неприятеля», 3-й (21 июня 1915 г.) – «За отличие в боях», 2-й (22 июня 1915 г.) – «за то, что 19 апреля 1915 г., будучи начальником разъезда в направлении на фольварка Борово, дал ценные сведения о расположении сил противника, а также, узнав о нахождении неприятельской заставы, обстрелявшей соседний разъезд, пошел со своим разъездом в тыл этой заставы, которую и выбил с этого места», и 1-й степени (8 октября 1915 г.) – 27 сентября

1915 г. на станции Ганковичи от имени государя императора вручил его императорское высочество великий князь Георгий Михайлович; Георгиевской медалью с надписью «За храбрость» 4-й степени (2 апреля 1916 г.) – «за отличия в делах против неприятеля». 26 июня 1915 г. «За боевые отличия» произведен в подпрапорщики. С 20 ноября 1915 г. переведен в 6-й Таурогенский пограничный конный полк. Руководил 3-й, 5-й, командовал 6-й сотней полка. Приказом по военному ведомству от 10 марта 1916 г. утверждено производство в прапорщики по армейской кавалерии со старшинством с 20 июля 1915 г. 18 августа 1916 г. отличился в бою у деревни Корытница и во время разведки у реки Серет на Румынском фронте. Приказом Временного правительства армии и флоту военным чином Сухопутного ведомства от 26 апреля 1917 г. произведен в корнеты со старшинством с 21 мая 1916 г. С 13 июня 1917 г. принял должность полкового квартирмейстера. Поручик (25 октября 1917 г., со старшинством с 21 февраля 1917 г.). После Октябрьской революции 1917 г. новую власть не принял и был жестким её противником. Погиб в столкновении с засадой, устроенной четырьмя красногвардейцами 28 августа 1920 г. При попытке задержания зарубил шашкой троих, но погиб у ног своего коня от пули четвертого красногвардейца. Кроме того, награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом («за отличие в делах против неприятеля», 1917 г.), Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом («за отличие в делах против неприятеля», 1917 г.); медалью «В ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых» (1913 г.); знаками: «За отличия по пограничному надзору» (1913 г.); «За отличную стрельбу» 3-й степени (1913 г.).

Георгиевскими медалями с надписью: «За храбрость» награждено 34 нижних чина, из них: 4-й степени – 22, 3-й степени – 10, 2-й степени – 2.

Георгиевским крестом с лавровой ветвью 4-й степени награждено – 100, 3-й степени – 8, 2-й степени – 2. Всего награждено 110 военнослужащих.

Среди награжденных Георгиевским крестом с лавровой ветвью по воинским званиям, произошло следующее распределение: генерал-майор – 1, полковников – 7, подполковников – 2, ротмистр

– 1, капитанов – 5, штабс-капитанов – 3, поручиков – 12, подпоручиков – 32, корнетов – 2, прапорщиков – 43. Всего – 108 чел.

Одним из награжденных Георгиевским крестом с лавровой ветвью 2-й степени стал офицер ОКПС, потомственный дворянин Херсонской губернии И.Е. Лесли<sup>128</sup>. В службу вступил 13 апреля 1892 г. В Пограничной страже с 4 июля 1898 г. Службу проходил в Елисаветпольской бригаде ОКПС помощником заведующего учебной команды. 21 марта 1900 г. направлен с частью учебной команды на усиление Бегманлинского отряда бригады, так как стало известно, что на острове, находящемся на реке Аракс, против селения Айбасонлы скрываются персидские разбойники и русские беглецы. С целью прекратить дальнейшие набеги разбойников от грабежа приграничных жителей, совместно с командиром отряда Я.С. Иконниковым в составе команды в 34 чел. направились к острову. Переправившись на него, они встретили вооруженное сопротивление более 150 злоумышленников. Несмотря на то, что часть земских всадников и беков с началом боя покинули пограничников, они сумели решительными действиями очистить остров от преступников. В 1901–1912 гг. командир Маральянского отряда 2-го отдела бригады. Высочайшим приказом по Пограничной страже от 6 декабря 1913 г. по высочайше утвержденному приговору Кавказского военно-окружного суда «за преступления, предусмотренные статьями 104, 145, 227 и 240 книги XXII Свода военных постановлений, исключен с военной службы, с лишением воинского звания, чинов, орденов и всех особенных, лично и по состоянию ему присвоенных, прав и преимуществ, определен в арестантское отделение на один год». Участник Первой мировой войны 1914–1918 гг. В 1914 г. – ефрейтор 4-го гусарского Мариупольского полка. В 1914 г. награжден Георгиевским крестом 4-й степени – «за отличия, оказанные в делах против неприятеля». Приказом Северо-Западного фронта № 297 от 21 мая 1915 г. ему возвращен чин ротмистра. Награжден Георгиевскими крестами с лавровой ветвью 3-й степени – «за отличия, оказанные против турок в Месопотамии 1917 г.», в 1918 г. 2-й степени с лавровой ветвью – «за отличия, оказанные против турок в Месопотамии».

В ходе боевых действий «убито в бою с неприятелем» или скончались от полученных ран 22 офицера пограничника, удостоенных Георгиевскими крестами.

Ранено и контужено – 87 чел., из них прапорщик Г.Н. Зажирей<sup>129</sup> 18 июля 1917 г. в ходе боевых действий в районе Лисоньского леса (Галиция) отравлен газами.

Подпоручик А.Я. Ильинский<sup>130</sup> пропал без вести 17 июля 1917 г., прапорщик Н.Э. Гулак<sup>131</sup> ранен у деревни Затурцы, 18 июня 1917 г. в районе Лысонского леса (Галиция) попал в австрийский плен. Прапорщик С.А. Нагорный<sup>132</sup> ранен 4 сентября 1916 г. в районе деревни Свистельники, оставлен на поле боя, взят в плен австрийскими войсками.

Таким образом, совершенные нижними чинами и офицерами подвиги в ходе боевых действий Первой мировой войны явились в дальнейшем героическим образцом для военнослужащих Российской Федерации. Эта государственная награда Российской Федерации восстановлена Указом Президиума Верховного Совета РФ от 2 марта 1992 г. № 2424-1 «О Государственных наградах Российской Федерации» и в настоящее время значительное количество рядовых, сержантов и старшин носят эти награды в период проведения Специальной военной операции на Украине.

**Сто лет отечественной научно-технической разведке**

1920-е–1930-е гг. стали эпохой осознания советским руководством необходимости всестороннего учёта мировых научно-технических достижений для успешной модернизации экономики СССР и особенно создания мощного военно-промышленного потенциала. Хорошо известно, что К. Маркс в своей наиболее почитаемой В.И. Лениным и его соратниками книге «Капитал» для рационализации научного анализа абстрагировался вообще от научно-технического прогресса как общественного явления. Соответственно, идейные последователи Маркса в начале XX в. к научно-техническому прогрессу также относились без большого внимания<sup>133</sup>. И.В. Сталин и близкие ему экономисты в первые годы Советской власти полагали, что средства производства при социализме не устаревают, поскольку в результате социалистической революции они были обобществлены: закон конкуренции потерял силу и был заменен «законом планомерного развития народного хозяйства»<sup>134</sup>.

Нарастающая угроза новой мировой войны, противостоять которой СССР мог лишь в статусе мощной военно-промышленной державы, заставила советское руководство уже к концу 1920-х гг. скорректировать государственную точку зрения на научно-технический прогресс и его роль в обеспечении безопасности страны. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует высказывание И.В. Сталина: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут... Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!»<sup>135</sup>.

Потребность в заимствовании передового зарубежного опыта стала очевидной уже по мере реализации разработанного в первые советские годы государственного плана развития электроэнергетической отрасли в Советской России (ГОЭЛРО). Обращаясь к Всероссийскому съезду электротехников, состоявшемуся вскоре после Всероссийского съезда Советов, принявшего план ГОЭЛРО, В.И. Ленин говорил: «При помощи вашего съезда, при помощи

всех электротехников России и *ряда лучших, передовых ученых всего мира*, при героических усилиях рабочих и трудящихся крестьян мы создадим электрификацию нашей страны»<sup>136</sup>.

О необходимости знакомства с иностранными научно-техническими достижениями заявляли различные отечественные ведомства. Так, в письме Государственного экономического управления Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) от 15 июля 1925 г. в Иностранный отдел Главного политического управления (ГПУ) говорилось: «Желательно было бы получать обзоры не общего характера, а по отдельным отраслям промышленности, дающие детальный технологический и экономический анализ положения. Такой материал представил бы для нас большой интерес, так как многие данные скрываются фирмами и правительствами»<sup>137</sup>.

В условиях экономической блокады и дипломатической изоляции Советской республики, которую насаждали наиболее реакционные правительства капиталистических стран, интересовавшие нас сведения можно было добыть только специальными средствами. Вопрос об организации научно-технической разведки впервые был поставлен Ф.Э. Дзержинским 26 октября 1925 г., когда он в письме к одному из членов Коллегии ГПУ высказался за создание при Иностранном отделе ГПУ «особого органа информации о достижениях заграничной техники» и дал указание подготовить соответствующие предложения. Эта дата с тех пор считается днем рождения советской, а теперь и российской научно-технической разведки (НТР).

Вскоре научно-техническую разведку выделили в самостоятельную линию работы. В Германии, Австрии, США, Англии и Франции разведчиками ИНО было приобретено несколько агентов, которые добывали техническую документацию по важным для того времени отраслям промышленности: станкостроению, общему машиностроению, металлургии, угольной промышленности. Наибольшие успехи были достигнуты в Германии, где к началу 1930-х гг. насчитывалось уже около двадцати агентов, которые работали инженерами в электротехнических, химических и машиностроительных фирмах и добывали важную техническую информацию по синтетическому бензину, оптике, электротехнике и военной связи.

В 1930 г. НТР была организационно выделена в самостоятельную структуру – 8-е отделение ИНО, в задачи которого входила организация работы по добыванию конструктивных и производственных чертежей, схем, технических новинок, сведений об изобретениях, которые не могли быть получены обычным путем.

Усиление руководства научно-технической разведкой в Центре способствовало активизации деятельности разведчиков за рубежом. В течение 3–4 лет в ряде стран резидентуры ОГПУ приобрели необходимую агентуру, а затем приступили к созданию нелегальных агентурных групп по добыванию научно-технической информации в США и Великобритании.

Работа по этому направлению тесно увязывалась с нуждами отечественной промышленности. Восьмое отделение непосредственно контактировало с исследовательскими и промышленными организациями, получало от них задания и иностранную валюту на расходы по их выполнению. Такое взаимодействие обеспечивало быстрое получение оценок добытых материалов, что способствовало ускоренному решению многих вопросов руководства агентурой и реализации добытой технической документации и образцов техники.

В 1932 г. в связи с осложнением международной обстановки и возникшей угрозой военного нападения на СССР научно-технической разведке было поручено добывание секретной информации по военной технике и вооружению. При выполнении заданий оборонной промышленности активно использовались нелегальные агентурные группы в США, Великобритании и Франции. Ими было добыто значительное количество секретных материалов, которые представляли большой интерес и с успехом использовались в аналогичных отечественных разработках. Была получена ценная и комплектная документация по немецким электромоторам для подводных лодок, по реактивным двигателям, применение которых в торпедах и на самолетах обеспечивало создание совершенно новых видов военной техники. Ценной оказалась информация по тяжелым артиллерийским орудиям, новой технологии изготовления артиллерийских стволов, прибору для определения расстояния до воздушной цели, курса и скорости ее движения, и ряд других данных, сыгравших в то время немаловажную роль в перево-

оружии Красной Армии и Военно-Морского Флота. Положительную оценку заслужили сведения по технологии производства твердых сплавов и новых марок стали, которые по распоряжению наркома тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе были внедрены с большим экономическим эффектом на многих заводах страны.

В 1938 г. ЦК ВКП(б) рассмотрел предложения Народного комиссариата внутренних дел об улучшении работы внешней разведки и указал на необходимость изменения структуры её органов, с тем чтобы они могли шире развернуть разведывательную работу за рубежом и особенно по линии политической и научно-технической разведок. В решении ЦК ВКП(б) перед НТР были поставлены новые и более сложные задачи. Она должна была не только добывать секретные материалы о военно-технических достижениях экономически наиболее развитых капиталистических стран Европы и Америки, но и проникать в научно-исследовательские и промышленные центры, где разрабатывались и производились новые виды вооружения и военной техники, и своевременно информировать заинтересованные советские организации.

Мероприятия, проведенные по усилению НТР, не замедлили сказаться: было добыто много материалов, реализация которых явилась существенным вкладом в технический прогресс отечественной науки и промышленности, и в том числе ее военных отраслей. К наиболее ценной информации следует отнести документацию по военной оптике, аппаратуре радиосвязи, быстроходным судам, самолето- и моторостроению.

Во время Великой Отечественной войны на научно-техническую разведку возлагались серьезные задачи. Решением Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР НТР была обязана добывать закрытые материалы преимущественно военной тематики, а также создавать разведывательные позиции в государственных и частных промышленных и научно-исследовательских организациях, работающих для военных нужд, в первую очередь в США и Великобритании. В этих целях рекомендовалось шире использовать советские организации за границей (торгпредства, представительства «Интуриста», ТАСС и другие) не только для прикрытия кадровых разведчиков, но и для привлечения к разведывательной работе отдельных, наиболее подходящих представителей их персонала.

В решении ГКО обращалось внимание разведчиков на повышение бдительности и конспирации в разведывательной работе. С целью создания условий для заведения полезных для разведки связей им разрешалось вступать в члены иностранных клубов и различных обществ. Таким образом, это решение ГКО представляло собой программный документ, в котором были поставлены задачи и определены основное содержание и формы разведывательной работы за границей на длительный период.

Разведчики за рубежом с должной ответственностью отнеслись к решению ГКО и указаниям Центра, сумели преодолеть трудности и добиться положительных результатов в работе.

В США, например, была создана специальная группа из нескольких опытных сотрудников резидентуры с хорошей языковой и инженерной подготовкой, которая развернула вербовочную работу среди американских специалистов. Много внимания уделялось вербовке секретных помощников для фотографирования объемистой документальной информации. Связь с наиболее ценной агентурой, как правило, поддерживалась через связников, поскольку агенты, работавшие на важных секретных объектах, обязаны были сообщать администрации о своих поездках за пределы городов, где находились места их работы. Срочность приобретения ценных агентов, работающих на объектах первостепенной важности, вызвала необходимость прибегать к конфиденциальной помощи известных прогрессивных ученых и членов компартии, чему в немалой степени способствовала благоприятная агентурно-оперативная обстановка в США во время войны. Из-за недостатка специалистов к важным военным разработкам там допускались люди, известные контрразведке по своей общественной деятельности в профсоюзах и различных прогрессивных организациях.

В это время в США не существовало ограничений в передвижении советских граждан по стране. Самые широкие слои населения симпатизировали Советскому Союзу, его армии и народу, сражавшимся с фашизмом. Все это значительно облегчало общение наших оперработников с местным населением и способствовало заведению полезных связей.

Американская контрразведка, хотя и была занята борьбой против немецкой и японской разведок, находила время и средства для

блокирования действий советской разведки, о чем свидетельствуют случаи высылки из страны наших разведчиков, попадавших в ее поле зрения. Для их выдворения из страны обычно использовался какой-либо опрометчивый шаг нашего работника (автомобильная авария и т.п.), который квалифицировался американскими судебно-полицейскими органами как уголовно наказуемый поступок. Одновременно контрразведка усиленно обслуживала наиболее секретные объекты и активно вела среди населения профилактическую работу, используя печать, радио и кинофильмы.

После нападения фашистской Германии на СССР деятельность НТР с легальных позиций в оккупированных немцами странах полностью прекратилась. Поэтому особую роль и значение приобрела работа резидентур в сопредельных с Германией или близко связанных с нею странах, в первую очередь в Великобритании. Группа работников научно-технической разведки восстанавливала связь с законсервированными агентами, ранее действовавшими в составе нелегальной резидентуры.

Агентурно-оперативная обстановка в Великобритании была достаточно благоприятной, но были некоторые трудности ввиду близости к фронту. В первые годы войны там имелись определенные возможности для ведения активной научно-технической разведки. В стране широким фронтом проводились научные изыскания по таким проблемам важного военного значения, как радиолокация и атомная энергия, которые здесь были начаты даже раньше, чем в других странах, и велись на высоком научном уровне с привлечением многих известных ученых, иммигрировавших в Англию из европейских стран, захваченных немцами.

Однако в ходе войны англичане поняли, что у них нет достаточной материально-технической базы для создания атомного оружия, и по договоренности с американцами многие работы, начатые в Великобритании, были продолжены в США и Канаде, для чего англичане передали американцам основные результаты своих достижений и значительную часть ученых, работавших над созданием атомной бомбы. Это обстоятельство было использовано нами для вывода в США ценного агента, который впоследствии, работая в американском атомном центре, добывал важную информацию.

В конце 1941 г. в Великобритании был добыт первый в истории НТР документ, содержащий убедительные с научной и технической точки зрения данные о возможности получения ядерного взрывчатого вещества на базе расщепления урана-235. Там же, в Англии, были получены сведения о структуре создававшихся в США групп атомных центров под кодовым названием «Манхэттенский проект», которые помогли нью-йоркской резидентуре быстро развернуть работу по разведывательному проникновению в некоторые из этих чрезвычайно важных объектов, завербовать там сотрудников, которые добывали информацию о результатах создания атомной бомбы.

Следует отметить, что в условиях военного времени, когда между СССР и Великобританией существовали союзнические отношения, вести разработку и вербовку английских специалистов руководство отечественной разведки призывало с соблюдением чрезвычайной осторожности.

Подводя итоги работы научно-технической разведки в США и Англии в годы войны, следует отметить, что в Англии и особенно в США было добыто много комплектной технической документации по нескольким отраслям науки, техники и промышленности, но наиболее ценными и важными, безусловно, были материалы по атомной энергии, авиации, радиолокации и медицине.

О важности добытых материалов говорят оценки авторитетных государственных органов и отдельных советских ученых. Например, Совет по радиолокации при ГКО в своем письме от 15 января 1945 г. отмечал, что полученные материалы были признаны ценнейшей технической документацией, тематика которой соответствовала переданным НКГБ заданиям. Полученная от НКГБ техническая документация имеет государственное значение. Она внесла большой вклад в развитие электронной промышленности и позволила наладить выпуск точной радиолокационной аппаратуры.

На основании развединформации по атомной энергии Государственный Комитет Обороны принял решение о создании специальной лаборатории Академии наук СССР, которая развернула научные исследования в данной области. Успешное решение этой проблемы трудно переоценить, если учесть, что в тот сложный и напря-

женный период международных отношений американский империализм, получивший с помощью видных европейских ученых возможность монопольного владения грозным атомным оружием, рвался к роли мирового диктатора.

Не менее важным для здравоохранения и народного хозяйства нашей страны было получение разведкой образцов штаммов пенициллина, материалов по технологии его производства, стерилизации и хранения, что позволило в короткий срок освоить производство и наладить массовый выпуск в СССР такого очень нужного медицине препарата.

Пролетели десятилетия, но и сейчас научно-техническое направление занимает важнейшее место в системе отечественной внешней разведки. За последние годы, особенно с началом Специальной военной операции, значительно увеличились потребность и заинтересованность отечественных организаций в получении разведывательной информации. Сложный и трудный путь проделала научно-техническая разведка, выполняя поставленные перед ней задачи. И долг всех её сотрудников – настойчиво вести плодотворную работу, выстраивая наступательную стратегию, повышая свою научную и оперативную подготовку и преодолевая усложнение обстановки в главных странах разведывательного интереса.

### **Роль личности Ф.Э. Держинского в истории отечественных органов госбезопасности**

Фигура Ф.Э. Держинского всегда вызывала повышенный интерес как у советских, так и у современных исследователей<sup>138</sup>. Между тем, в советское время облик председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) был явно идеализирован. Такой подход к исследованию жизни и деятельности Ф.Э. Держинского иногда принимал анекдотичные формы.

В частности, в работе Н.И. Зубова читатель узнает, что в детстве мать Феликса рассказывала ему «об участии польского, литовского, белорусского народов, о восстании 1863 г., зверствах Муравьева-вешателя – генерал-губернатора Северо-Западного края Российской империи. Живое воображение Феликса дополняло рассказы матери. Перед ним возникали страшные картины народных бедствий – виселицы на площадях литовских и белорусских городов, горящие села, деревни, этапы арестованных, закованных в кандалы»<sup>139</sup>.

С другой стороны, традиция критического подхода, заложенная еще русской эмиграцией<sup>140</sup>, нашла живой отклик в работах отечественных исследователей 1990-х – 2000-х гг. К примеру, профессор А.Л. Литвин возлагает всю ответственность «за те беззакония и произвол, которые творились от имени ВЧК, а также за своих воспитанников, проводивших большой террор в середине 30-х годов» на Ф.Э. Держинского<sup>141</sup>. Очевидно, что такие крайние оценки не позволяют дать объективную картину роли председателя ВЧК в истории отечественных органов безопасности. В то же время оценка его личности представляет очевидный интерес в сложившихся условиях.

Феликс Эдмундович Держинский родился 30 августа (11 сентября) 1877 г. в польской мелкопоместной семье<sup>142</sup>. Как следствие, он был одним из возрастных чекистов, а также принадлежал к немногочисленной группе руководителей, имевших дворянские

корни. Польское происхождение имело очевидное влияние, поскольку среда детства определяет развитие личности. На это указывает хотя бы тот факт, что в период обучения в первом классе Первой Виленской гимназии он остался на второй год из-за плохого знания русского языка. Между тем, за плечами Ф.Э. Дзержинского в итоге было 8 классов гимназии, что на фоне общей массы руководителей органов ВЧК было неплохим показателем. В период обучения в гимназии он проявлял черты бунтаря и даже подвергался аресту. Поэтому неудивительно, что революционной деятельностью Ф.Э. Дзержинский начал заниматься в возрасте 18–19 лет. Первый его арест жандармами произошел в 1897 г., что предопределило его дальнейшее становление как революционера. В последующем Ф.Э. Дзержинский неоднократно арестовывался и подвергался репрессиям. В ссылках и тюрьмах в общей сложности провел 11 лет, которые оказали влияние на его «железный» характер<sup>143</sup>.

Возглавив ВЧК, Ф.Э. Дзержинский несомненно оказал определяющее влияние на развитие органов госбезопасности. Одним из самых непростых вопросов является его отношение к террору. Председатель ВЧК изначально занял в этом вопросе жесткую позицию. Например, на заседании ВЧК 26 февраля 1918 г. рассматривали вопрос о поступке товарища Ф.Э. Дзержинского, который единолично приказал расстрелять бандитов, пойманных на месте преступления с оружием<sup>144</sup>.

В то же время направление деятельности чекистов в проведении карательной политики задавалось высшим руководством страны. В этом контексте органы госбезопасности Советской России были лишь одним из субъектов красного террора. Влияние Гражданской войны было одним из определяющих. Количество расстрелов находилось в прямой зависимости от близости фронта и наличия контрреволюционных выступлений. Все происходило в обстановке ненависти и крайней жестокости как с одной стороны, так и с другой. Последнее было следствием непреодолимого антагонизма в обществе, истоки которого имели глубокие корни, уходящие еще в дореволюционное время<sup>145</sup>.

В этом отношении уместны слова Ф.Э. Дзержинского в записке о цели создания ВЧК и ее работе с 1917 г. по 1922 г. о том, что «веками накопленное возмущение и ненависть пролетариата

по отношению к классу угнетателей и защитников капиталистического строя выльется в ряд бессистемных правовых эпизодов, когда разбушевавшаяся стихия народного гнева будет сметать не только своих врагов, но и друзей, не только вредный и враждебный элемент, но и государственно полезный...»<sup>146</sup>.

Кроме того, известны случаи, когда «бывших» своих противников чекисты не трогали. Ярким примером служит история с юрисконсультком Юридического бюро Наркомата путей сообщения Е.П. Нимандером, который до революции был прокурором Судебной палаты и членом Совета Министерства юстиции. По своим обязанностям он выступал обвинителем Дзержинского на одном из процессов. В 1920 г., по сведениям сотрудника ВЧК Ганецкого, Феликс Эдмундович, узнав о работе Нимандера в Народном комиссариате путей сообщения (НКПС), разрешил оставить его на работе, хотя мог бы инициировать процесс расправы<sup>147</sup>. Так что, на взгляд автора, обвинять Ф.Э. Дзержинского в излишней кровожадности не приходится.

Национальный вопрос в деятельности Ф.Э. Дзержинского не был определяющим. Только в связи с событиями на советско-польской границе польский вопрос получил свое развитие<sup>148</sup>. Кроме того, ряд поляков попали в ВЧК с подачи Ф.Э. Дзержинского. Так, подпоручик разведотдела Генштаба Польской армии И.И. Добржинский, социалист по убеждениям, был в конце лета 1920 г. завербован председателем ВЧК и начал работать в Особом отделе. Этот факт, особенно бросается в глаза, в связи с недовольством других сотрудников ВЧК. В ноябре 1920 г. Ф.Д. Медведь пишет совершенно секретно и лично письмо Ф.Э. Дзержинскому. В нем он пишет о Добржинском и Витковском: «когда их посвящают во все тайны работы, когда они работают в самом центре ОО ВЧК, то это может иметь плохие последствия для нас». В конце письма автор указывает, что «в России еще можно найти способных и надежных товарищей для руководства нашей работой»<sup>149</sup>. В целом такое явление было характерным для органов ВЧК. Представителей национальных меньшинств в их рядах хватало. В то же время национальный вопрос в чекистских документах того времени практически не поднимался.

Одним из проблемных вопросов, касающихся деятельности Ф.Э. Дзержинского, является его роль в событиях 6–7 июля 1918 г.

В современной историографии есть версия о провокации, подготовленной руководством большевиков, в целях срыва Брестского мира и установления однопартийной диктатуры<sup>150</sup>. Говорить о заранее спланированном мятеже левых эсеров все-таки не приходится, так же, как и о якобы имевшей место намеренной провокации со стороны большевиков. Все указывает на авантюру со стороны отдельных представителей левых эсеров, затеявших вооруженную акцию протеста, результаты которой могли бы привести к срыву Брестского мира. Выступление левых эсеров было подавлено очень быстро и без больших потерь. Уже в 4 часа дня Совет Народных Комиссаров (СНК) смог оповестить, что «восстание левых эсеров в Москве ликвидировано»<sup>151</sup>. В результате основных участников мятежа, имеющих отношение к чекистам, в том числе и заместителя председателя ВЧК В.А. Александровича, по постановлению ВЧК 7 июля 1918 г. расстреляли.

В то же время большевики, воспользовавшись ситуацией, получили возможность устранения представителей левых эсеров от власти и формирования однопартийной системы.

По поводу убийства В. Мирбаха было назначено расследование, для чего СНК постановил образовать особую следственную комиссию в составе П. Стучки, В. Кенгисеппа и Я. Шейнкмана. Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский на период проверки был отстранен от своих обязанностей по собственному заявлению<sup>152</sup>. Определенные вопросы вызывает удостоверение, выданное Я.Г. Блюмкину и Н.А. Андрееву, благодаря которому они и совершили покушение. На нем имеются подписи Ф.Э. Дзержинского и И.К. Ксенофонтова, а также печать ВЧК<sup>153</sup>. В ходе расследования была проведена экспертиза подписи Председателя ВЧК<sup>154</sup>. Сама экспертиза проводилась, по одним данным, учителем каллиграфии 2-го Московского реального училища С. Ивановым путем сличения почерков, по другим данным – экспертом С.И. Фроловым<sup>155</sup>. По ее результатам подпись Дзержинского была объявлена поддельной<sup>156</sup>. В условиях, когда нет другого заключения, говорить об обратном не приходится, а, соответственно, любые предположения по поводу подлинности подписи Ф.Э. Дзержинского являются лишь предположениями.

Как видно, в деятельности Ф.Э. Дзержинского как руководителя ВЧК были решения и шаги, которые на современном этапе

вызывают определенную критику. Между тем, анализ этих проблем показывает наличие дискуссионных сторон в деятельности Ф.Э. Дзержинского. В то же время его вклад в развитие отечественных органов госбезопасности является значительным. Председатель ВЧК проявлял нетерпимость к служебным преступлениям. Он относился к вопросу материальной выгоды очень щепетильно и на своем примере старался не допускать даже малейших посягательств на этой почве. Так, в конце декабря 1920 г. ему была отправлена посылка от председателя Азербайджанской ЧК, в которой «для поправки здоровья» председателя ВЧК была черная икра и коньяк. Содержимое посылки по распоряжению Дзержинского было передано в санитарный отдел для больных, а отправителю дан ответ следующего характера: «Должен Вам, однако, сообщить, что не следует Вам как предчека и коммунисту ни мне и никому-бы другому посылать такие подарки»<sup>157</sup>. В это же время он распорядился убрать из всех служебных помещений ВЧК излишнюю мебель и другие предметы обстановки, а 31 марта 1921 г. приказал «изъять у ВЧК все диваны (кроме обслуживающих ночных дежурных) и передать в общий котел для рабочих домов». Несколько ранее, 5 декабря, он отдал распоряжение о снятии во всех подведомственных помещениях его портретов, оставив «только групповые снимки», потому что «неприлично это»<sup>158</sup>.

Решение исполнительской дисциплины лежало, с точки зрения руководства, в милитаризации ведомства. Летом 1920 г. Ф.Э. Дзержинский в письмах В.Р. Менжинскому и И.К. Ксенофонтову раскрывал суть замысла: «Коллегиальность вообще сводится к минимуму. За работу отдела несет полную ответственность стоящий во главе отдела член Коллегии. За работу всех отделов ответственен заместитель председателя». Председатель ВЧК хотел реорганизовать Президиум: «В том виде как он есть, его надо упразднить. Ответственные за ВЧК должны быть председатель и его заместитель. Для решения общих принципиальных вопросов, касающихся отделов, председатель или заместитель созывают заведующих всеми отделами ВЧК; для решения общих вопросов, касающихся одного отдела, председатель или заместитель устраивают совещание с заведующим или заместителем»<sup>159</sup>. В результате 17 сентября 1920 г. Совет труда и обороны принимает постановление «О приравнивании

сотрудников ВЧК и ее местных органов к военнотружущим действующей Красной армии», согласно которому все чекисты несли ответственность наравне с военнотружущими, в том числе в отношении воинской дисциплины<sup>160</sup>.

Представляет интерес и тот факт, что Ф.Э. Дзержинский одним из первых осознал важное значение агентуры, которая впоследствии легла в основу работы отечественных органов госбезопасности. На это указывает привлечение председателем ВЧК бывшего агента К. Шевары (Войццкого), имевшего десятилетний опыт работы в контрразведке дореволюционной России. В начале 1918 г. Шевара возглавлял Контрразведывательное бюро ВЧК, которое проработало около 2 месяцев. Под руководством Ф.Э. Дзержинского был инициирован ряд дел, в том числе и чиновника Русско-Английского банка В.П. Краузе<sup>161</sup>.

Об отношении Ф.Э. Дзержинского к ВЧК и его роли в деятельности отечественных органов безопасности говорят события февраля 1922 г. Принятие решения об упразднении ВЧК проходило на заседаниях Политбюро и без участия Ф.Э. Дзержинского. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 1 декабря 1921 г. с целью пересмотра компетенции ВЧК была создана комиссия в составе Л.Б. Каменева, Д.И. Курского и Ф.Э. Дзержинского. Эта комиссия в пятидневный срок должна была подготовить и провести через ВЦИК общее положение «об изменении в смысле серьезных умягчений»<sup>162</sup>. В результате появляется проект нового Положения о ВЧК, которое закрепляет Комиссию за СНК в качестве самостоятельного органа, но с рядом ограничений ее прав<sup>163</sup>.

Очевидно, что разработка этого основополагающего документа для Ф.Э. Дзержинского была делом решенным, и он не подзревал о готовящейся реформе ВЧК, в смысле ее упразднения. На это указывают несколько фактов. Во-первых, Феликс Эдмундович просит 4 января 1922 г. Политбюро заменить его И.С. Уншлихтом, а сам уезжает в Сибирь<sup>164</sup>. Во-вторых, в период, когда уже шла подготовка к упразднению ВЧК, сами чекисты обращаются в ЦК РКП (б) с просьбой предоставить им право расправы, мотивируя это слабостью репрессивной политики Народных судов на фоне возросших убийств и ограблений<sup>165</sup>.

Сама реформа ВЧК была проведена в короткие сроки. В протоколе № 91а заседания Политбюро ЦК РКП от 21 января 1922 г. было

вынесено решение о подготовке положения от имени Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) об упразднении ВЧК. А уже на заседании от 2 февраля 1922 г. в присутствии Л.Б. Каменева, В.М. Молотова, И.В. Сталина, М.И. Калинина и Н.И. Бухарина проект постановления об упразднении ВЧК был утверждён<sup>166</sup>. Тот факт, что на заседании отсутствовал Ф.Э. Дзержинский, а присутствовал главный критик органов госбезопасности Л.Б. Каменев, говорит о кардинальном повороте партии к ВЧК.

Показательна в этом отношении докладная записка Ф.Э. Дзержинского от 14 февраля 1922 г. в СНК и ВЦИК Советов, в которой он обрушился с критикой упразднения ВЧК. Главной мыслью доклада было утверждение о том, что ВЧК в самый трудный момент сыграла ключевую роль не только в деле защиты завоеваний революции, «являясь не чем иным, как олицетворением карающей десницы революционного пролетариата», но и в деле строительства Советской Республики, о чем «свидетельствует громадное количество предписаний, декретов, постановлений и даже распоряжений, исполненных ЧК помимо ее прямых задач». Бывший председатель ВЧК был возмущен тем, что решение об упразднении Комиссии было принято без его участия. Это решение убедило Феликса Эдмундовича «в том, что «правлящие сферы» окончательно отошли от трудового народа». Поэтому Ф.Э. Дзержинский просил освободить его от всех обязанностей, которые он выполнял во ВЦИК, НКВД и НКПС<sup>167</sup>.

Таким образом, вклад Ф.Э. Дзержинского в становление отечественных органов госбезопасности очевиден и не вызывает сомнений. В этом контексте роль его личности огромна. В то же время создавать ореол Ф.Э. Дзержинского как талантливому руководителю государственных органов в области экономики и транспорта СССР представляется излишним.

Учитывая все вышеизложенное можно с полной уверенностью утверждать, что памятнику Ф.Э. Дзержинскому работы Е.В. Вучетича (1958 г.) не место в Музее. Это противоречит назначению памятника, а также закладывает в российском обществе основы легкомысленного отношения к органам госбезопасности. Как представляется, одним из перспективных вариантов переноса памятника является Академия ФСБ России.

**Обеспечение собственной безопасности ВЧК – КГБ:  
забытые страницы истории**

Одна из важнейших малоизученных тем в истории оперативной деятельности отечественных спецслужб – это проблема обеспечения собственной безопасности как важнейшего направления профессиональной работы. Ретроспективный анализ такой линии даёт ключ к пониманию адекватности угроз и противодействия им со стороны советских органов госбезопасности.

Рассматривая историю возникновения и становления системы обеспечения собственной безопасности на самом раннем этапе, мы обращаемся к ретроспективе революционных событий 1917 г. и ожесточенной Гражданской войны. В этот период отечественные спецслужбы были разделены по отдельным советским республикам, вплоть до образования СССР 30 декабря 1922 г. Поэтому логично выделить это время (1917–1922 гг.) в отдельный этап зарождения структур собственной безопасности в недрах ВЧК – ГПУ.

Основополагающим событием в истории советских органов государственной безопасности является создание ВЧК 7 (20) декабря 1917 г. Возникновение новой спецслужбы объективно поставило на повестку дня вопросы обеспечения её собственной безопасности. Поиск оптимальной структуры и строительство первых подразделений, обеспечивающих безопасность ВЧК, проходили в контексте острых революционных потрясений и военного противоборства.

В 1917–1920 гг. первостепенной задачей в повседневной работе всех без исключения государственных органов молодой советской власти являлась прежде всего защита политических завоеваний большевистской партии от контрреволюционных сил.

У руководителей ВЧК не было единства взглядов и понимания в деле формирования централизованных структур, призванных обеспечить собственную безопасность чекистского ведомства. Сама проблематика вызревала по мере появления угроз и кризисов в работе молодой спецслужбы.

Сразу же после создания ВЧК её руководители, председатель Ф.Э. Дзержинский и его заместитель, левый эсер В.А. Александрович, предложили всем советам рабочих депутатов по всей России организовать для борьбы с контрреволюцией местные Чрезвычайные комиссии.

Одновременно с формированием территориальных органов на местах проходило и совершенствование организационной структуры центрального аппарата ВЧК. 20 марта 1918 г. был создан Отдел по борьбе с должностными преступлениями. Его руководителем был назначен В.А. Александрович. В соответствии с Положением об отделе от 11 мая 1918 г. предусматривалась работа выборного органа из числа кадрового состава отдела – «Коллегии надзора», которая заключалась в деятельности сотрудников самостоятельного отдела по контролю за работой своих коллег-следователей, частично преследуя цели и обеспечения собственной безопасности<sup>168</sup>.

Вопросы организационной структуры и принципы работы Чрезвычайных комиссий в центре и на местах рассматривались на 1-й Всероссийской конференции работников ВЧК (11–14 июня 1918 г.). Согласно решениям конференции, в структуру ВЧК впервые на правах отдела вошла сформированная Контрольно-ревизионная комиссия при ВЧК, которая предусматривала «контроль над повседневной деятельностью отдельных сотрудников»<sup>169</sup>. Представляется, что наряду с выборным органом, «Коллегией надзора», созданным В.А. Александровичем в своём отделе, это был уже второй шаг в организационном построении службы собственной безопасности ВЧК.

Серьезным испытанием в её становлении стали июльские события 1918 г., когда некоторые руководители спецслужбы из партии левых эсеров (в том числе и В.А. Александрович) оказались организаторами антиправительственного мятежа. Результатом выступления социалистов-революционеров левого толка стало изгнание их представителей из ВЧК и расстрел организаторов выступления. Подозрения в причастности к мятежу были выдвинуты и в адрес Ф.Э. Дзержинского, который был вынужден давать письменные объяснения по поводу своей совместной деятельности с мятежным руководством ВЧК. Попав под подозрения в нелояльности к В.И. Ленину и Я.М. Свердлову, Ф.Э. Дзержинский подал

рапорт об отставке с поста председателя ВЧК и фактически оказался под домашним арестом на время работы следственной комиссии по делу о левозсеровском мятеже. Временно исполняющим обязанности председателя ВЧК с 7 июля 1918 г. стал Я.Х. Петерс. Лишь спустя полтора месяца (22 августа 1918 г.) решением СНК Ф.Э. Дзержинский был вновь назначен на прежнюю должность<sup>170</sup>. Безусловно, эти события стали уроком для руководства специальных служб и показали важность решения возникавших проблем в обеспечении собственной безопасности, включая высшие руководящие звенья ВЧК.

Спустя несколько месяцев на это прямо указывал В.И. Ленин в письме председателю Украинской ЧК М.И. Лацису: «Надо постороже проверить состав (Укр. ЧК – А.П.), – надеюсь, Дзержинский отсюда Вам в этом поможет. Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся»<sup>171</sup>.

Коллегия ВЧК решительно требовала неукоснительного повышения всеми чекистами политической бдительности, соблюдения конспирации, сохранения в глубокой тайне методов работы. На длительный период был взят твердый курс на тщательный подбор кадров в органы безопасности на основе идеологической преданности «Мировой революции» и пролетарского происхождения кандидатов на работу.

Осенью 1918 г. был обозначен еще один этап в развитии элементов механизма этой специфической деятельности. Президиум ВЧК 22 ноября создал единый Следственный отдел в своем аппарате<sup>172</sup>. Ранее следствие по делам арестованных (в том числе и сотрудников) осуществляли следственные коллегии и следственные части, входившие в состав различных отделов ВЧК – теперь эта деятельность стала прерогативой самостоятельного подразделения центрального аппарата. Однако следственный отдел просуществовал недолго и через полгода, 21 марта 1919 г., был расформирован.

Ведение следствия оказалось вновь децентрализованным и было поручено отделам ВЧК по своим линиям работы. Дальнейшая практика показала нецелесообразность такого решения. Делегаты 3-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий, проходившей в Москве с 1 по 3 июня 1919 г., приняли постановление о возобновлении деятельности Следственного отдела как координирующего звена для местных следственных отделов.

Приказом по Управлению делами ВЧК от 11 августа 1921 г. № 183 было объявлено Положение о Следственной части ВЧК. В документе, в частности, говорилось: «... 4. Следственная часть возбуждает и ведет предварительное следствие по делам преступлений по должности и связанных с ним других преступлений сотрудников ВЧК и ее органов, согласовывая эти действия с соответствующими начальниками отделов»<sup>173</sup>.

Штат Следственной части был установлен из 40 сотрудников. В их обязанности входило общее руководство следственным делом в ВЧК и непосредственное проведение следствия по делам сотрудников. Основное же следствие по остальным делам велось в отделах Секретно-оперативного управления ВЧК по линиям работы секретного и особого отделов<sup>174</sup>.

Одновременно со Следственной частью и, по сути, ещё одним подразделением, которое было призвано обеспечивать в том числе и собственную безопасность, стало Юридическое бюро при ВЧК, которое было образовано 6 апреля 1920 г. Однако его деятельность в ведомственных источниках отражена слабо, и каких-либо документальных материалов о результатах работы этого подразделения в архивах не обнаружено.

Окончание Гражданской войны и наступление мирного периода в жизни страны вывели на новый уровень строительство органов, призванных обеспечивать стабильность и безопасность в обществе и государстве.

Поиск оптимальной структуры в сфере обеспечения собственной безопасности продолжился в органах ГПУ в новых условиях развития оперативной обстановки.

Приказом Государственного политического управления от 22 августа 1922 г. № 184 Следственная часть Президиума ГПУ была реорганизована в юридический отдел<sup>175</sup>. Было создано подразделение юридической службы, которое решало множество задач по обеспечению собственной безопасности органов ГПУ. На должность руководителя отдела со штатом 40 человек был назначен В.Д. Фельдман, имевший практический опыт работы в юридическом подразделении. В функции отдела входило в том числе производство предварительного следствия по делам сотрудников органов ГПУ, преступления которых были связаны с их профессиональной деятельностью.

15 ноября 1923 г. Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Союза ССР утвердил «Положение об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах». Надзор за закономерностью действий ОГПУ осуществлял Прокурор Верховного Суда СССР<sup>176</sup>.

С образованием СССР и созданием ОГПУ при СНК СССР началась новая веха в развитии страны и советских органов госбезопасности.

Юридический отдел в штатах ОГПУ остался в прежнем формате. Реорганизация коснулась лишь методов обеспечения собственной безопасности, имеющих специфический характер.

Ещё один важный этап в становлении структур обеспечения собственной безопасности связан с приказом ОГПУ от 28 февраля 1924 г. № 128 «О ликвидации Юридического отдела ОГПУ и учреждении должности особо уполномоченного при коллегии ОГПУ».

Придавая значение соблюдению законности в деятельности органов госбезопасности, ведению предварительного следствия по делам о должностных преступлениях сотрудников ОГПУ, приказом ОГПУ № 128 от 28 февраля 1924 г. при Коллегии ОГПУ был образован аппарат особоуполномоченного. В приказе отмечалось, что он создается «в целях объединения, инструктирования, юридического оформления надзора» за следствием по делам о должностных преступлениях сотрудников ОГПУ<sup>177</sup>.

Некоторые исследователи считают, что это и есть первое подразделение по обеспечению собственной безопасности, поскольку юридическая служба ОГПУ фактически трансформировалась в аппарат особоуполномоченного для решения задач, в том числе и в этой сфере деятельности<sup>178</sup>. Новое подразделение было создано в интересах соблюдения законности действий органов безопасности в ходе ведения предварительного следствия по делам о должностных преступлениях чекистов.

На аппарат особоуполномоченного при Коллегии ОГПУ возлагались функции объединения, инструктирования, юридического оформления и надзора за возбуждением и движением следственных дел на чекистов. Кроме того, в компетенцию особоуполномоченного входило решение задач по выявлению и расследованию служебных и бытовых проступков, должностных преступлений сотрудников органов безопасности.

Первым особоуполномоченным при Коллегии ОГПУ стал начальник упраздненного юридического отдела В.Д. Фельдман.

Позже, в августе 1928 г., руководство ОГПУ санкционировало создание ещё одного подразделения – Особой инспекции при Коллегии ОГПУ, функции которой распространялись на сферу обеспечения собственной безопасности, в том числе рассмотрение жалоб и заявлений граждан в отношении сотрудников, а также принятие соответствующих мер по результатам проверок<sup>179</sup>.

Таким образом, при Коллегии ОГПУ СССР функционировали два подчиненных ей подразделения – «Аппарат особоуполномоченного» и «Особая инспекция», осуществлявшие в пределах своей компетенции некоторые функции по обеспечению собственной безопасности органов безопасности.

В условиях складывающейся административно-командной системы органы госбезопасности так и не смогли преодолеть тенденцию разобщенности и дублирования в ведомственной деятельности по обеспечению собственной безопасности.

10 июля 1934 г. был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел. Приказом НКВД СССР от 11 июля 1934 г. № 2 при народном комиссаре внутренних дел СССР вводилась должность особоуполномоченного<sup>180</sup>. С этого времени вопросы обеспечения собственной безопасности сотрудников входили в компетенцию аппарата особоуполномоченного НКВД СССР.

В ноябре 1936 г. наркомом внутренних дел СССР был назначен Н.И. Ежов, который сразу же провел объединение подразделений, обеспечивающих собственную безопасность НКВД. Приказом НКВД СССР от 27 декабря 1936 г. № 00415 должность особоуполномоченного при наркome внутренних дел СССР была упразднена, его штаты и находившиеся в производстве дела переданы особоуполномоченному НКВД СССР. Этим же приказом расформировывалась и Особая инспекция при НКВД СССР, ее штаты также передавались особоуполномоченному<sup>181</sup>.

Правовое обоснование деятельности ключевого подразделения НКВД по обеспечению собственной безопасности было оформлено только 10 января 1939 г. с объявлением Положения об аппарате особоуполномоченного<sup>182</sup>, которое предоставляло широкий круг полномочий особоуполномоченному НКВД СССР и особоуполномоченным на местах.

«Аппарат Особоуполномоченного» создавался при НКВД, а не при самом наркомате. Тем самым был обозначен подход на расширение коллегиальности в работе структуры ведомства, которое выполняло не только контрольные функции, но и функции обеспечения собственной безопасности. Как и раньше, особоуполномоченный продолжал выполнять все специальные поручения наркомата и его заместителей, связанные с проверкой и расследованием дел о сотрудниках НКВД.

В начале 1941 г. из состава НКВД СССР выделился самостоятельный Наркомат государственной безопасности (НКГБ) СССР. Соответственно, началось разделение структур, обеспечивающих собственную безопасность сотрудников.

В марте 1941 г. в составе отдела кадров наркомата госбезопасности организовывалась Особая инспекция, начальник которой одновременно являлся заместителем начальника отдела кадров<sup>183</sup>. Ей передавались функции прежнего подразделения особоуполномоченного. Анализируя правовое положение особой инспекции Отдела кадров НКГБ СССР, существовавшей лишь несколько месяцев в 1941 г., следует отметить, что в отличие от положений об особоуполномоченных и Особых инспекциях при Коллегиях ОГПУ – НКВД, она была рангом ниже последних, так как создана была в составе отдела кадров наркомата, а не при Коллегии или наркомате государственной безопасности.

Великая Отечественная война обусловила необходимость централизации власти и объединения в июле 1941 г. НКВД и НКГБ в единое ведомство – НКВД СССР. Как и прежде, все структуры наркоматов были совмещены, включая и подразделения Особой инспекции. После очередного разделения наркоматов в 1943 г. особая инспекция НКГБ вошла в состав Отдела кадров наркомата с возложением прежних задач, то есть тех, которые ранее решались аппаратом особоуполномоченного при НКВД СССР.

В таком виде Особая инспекция Отдела кадров НКГБ СССР и её подразделения на местах работали и в послевоенное время в составе МГБ СССР до марта 1953 г.

После объединения в марте 1953 г. министерств внутренних дел и государственной безопасности в единое Министерство внутренних дел СССР 29 декабря было введено в действие новое По-

ложение об особых инспекциях МВД СССР и его органах на местах. Согласно Положению, она входила в состав Управления кадров, непосредственно подчинялась его начальнику<sup>184</sup>.

После ареста Л.П. Берии и его приближенных в органах госбезопасности и внутренних дел была проведена чистка руководящего состава, увольнение многих скомпрометировавших себя сотрудников, назначение на руководящие посты новых работников, в том числе присланных из партийных, советских, военных и комсомольских органов<sup>185</sup>. В этих условиях на Особую инспекцию Управления кадров, особые инспекции на местах обрушилась лавина многочисленных жалоб, писем и заявлений с обвинениями бывших руководителей различного ранга в должностных проступках и преступлениях, в злоупотреблении властью и т. д.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. До 1959 г. в ведомстве функционировала Особая инспекция, непосредственно подчинявшаяся заместителю председателя КГБ<sup>186</sup>.

Таким образом, институты особоуполномоченных и Особых инспекций органов ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ просуществовали 35 лет (с 1924 по 1959 гг.). Ими была проделана большая работа по борьбе с преступлениями и проступками, совершавшимися сотрудниками органов госбезопасности, обеспечению их собственной безопасности. В то же время эти институты нанесли определенный ущерб и самим органам, особенно в 1930-е, 1940-е и в начале 1950-х гг., когда в стране проводились массовые репрессии и беззакония, затронувшие, как известно, и органы госбезопасности. Период 1960-х – начала 1990-х гг. ознаменовался этапом децентрализации системы обеспечения собственной безопасности органов безопасности.

Функции в этой сфере деятельности были рассредоточены в ряде управлений и самостоятельных отделов КГБ, где были созданы подразделения режима и оперативные отделы, на которые фактически были возложено решение задач в пределах отведенных им полномочий по обеспечению собственной безопасности ведомства.

Наличие в органах КГБ значительного количества подразделений, выполнявших функции по обеспечению собственной безопасности, но не имевших общего координационного центра, порождало параллелизм в работе.

**Организационное строительство кадрового аппарата  
ВЧК – ГПУ – ОГПУ (1918–1934 гг.)**

Формирование организационной структуры ВЧК при СНК началось сразу же после её создания. Так, на заседании ВЧК уже 8 (21) декабря 1917 г. был избран Президиум ВЧК, а вскоре была создана и Коллегия. Сам же кадровый аппарат ВЧК был сформирован в начале 1918 г. В составе Общей канцелярии при председателе ВЧК был создан стол личного состава – подразделение, занимавшееся наймом сотрудников их увольнением, а также учетом и регистрацией всего личного состава комиссии. В кадровый аппарат ВЧК входили и другие структурные звенья системы кадрового обеспечения, призванные решать широкий спектр задач, включая организационно-штатное планирование и управление личным составом ведомства. Первоначально в центральном аппарате ВЧК эти функции выполнялись Президиумом и Коллегией, а на местах аналогичные функции возлагались на руководство и коллегиальные органы Губернских ЧК.

3 ноября 1919 г. в структуре Особого отдела было создано управление делами Особого отдела при ВЧК<sup>187</sup>. Год спустя, 14 сентября 1920 г., по аналогии с Особым отделом было учреждено Управление делами ВЧК. В его состав вошел стол личного состава, отвечавший за кадровые вопросы: учёт сотрудников, прием на службу и увольнение, оформление служебной документации и выдачу командировочных удостоверений. Порядок приема и увольнения сотрудников был официально регламентирован приказом по Управлению делами ВЧК 15 сентября 1920 г.<sup>188</sup> Первоначально штат стола личного состава был небольшим, в него входило всего восемь человек: заведующий, пять младших делопроизводителей, машинистка и конторщица. 23 ноября 1920 г. стол личного состава был преобразован в Отдел личного состава при Управлении делами ВЧК.

1 декабря 1920 г. в ВЧК прошла очередная реорганизация кадровой структуры, в результате которой были упразднены Управления делами Особого и Транспортного отделов, а их

подразделения включены в состав Управления делами ВЧК. Эта мера способствовала укреплению и централизации кадрового аппарата ведомства.

В следующем месяце, 18 декабря, было утверждено Положение об Административно-организационном управлении (Админоргупр, АОУ) ВЧК. АОУ взяло на себя функции по учету личного состава, распределение и перемещение кадров по указаниям Президиума и отделов комиссии, а также подбор и подготовку сотрудников. Решение кадровых вопросов теперь было сосредоточено в отделении личного состава АОУ ВЧК. Целями данных изменений стали усиление систематизации учёта, распределения, перемещения и назначения сотрудников ВЧК, а также оптимизация подбора и подготовки кадров, реструктуризация и организация подразделений ведомства.

Реорганизация кадрового аппарата ВЧК ознаменовала собой значимый этап в эволюции органов государственной безопасности РСФСР, способствуя более рациональному использованию внутренних ресурсов ведомства. Так, в условиях военного коммунизма возросла потребность в централизованном учете личного состава, четком регулировании деятельности и упорядочивании управления кадровыми подразделениями в структуре ВЧК. Принятые меры позволяли не только оптимизировать кадровую деятельность, но и эффективно распределять имеющиеся в ведомстве ресурсы в зависимости от изменений оперативной обстановки. В результате этих преобразований кадровые подразделения ВЧК стали одним из ключевых элементов в управленческой вертикали органов государственной безопасности РСФСР.

Вместе с тем следует отметить и тот факт, что в период формирования и развития кадрового аппарата ведомства в структуре ВЧК наблюдалось дублирование кадровых функций. К примеру, Административно-организационное управление выполняла схожие с Управлением делами ВЧК функции. Оба подразделения занимались подбором и расстановкой кадров. Для устранения этой проблемы и оптимизации кадровой деятельности отдел кадров, находившийся в составе Административного отдела Управления делами ВЧК, был реорганизован. А 26 февраля 1921 г.

был утверждён и новый штат отдела, включавший в свой состав 30 сотрудников.

С созданием Главного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР и передачей ему функций от ВЧК произошли изменения и в кадровой работе<sup>189</sup>. 13 апреля 1923 г. приказом ГПУ был введен новый порядок учета личного состава. Административный отдел больше не занимался ведением личных дел сотрудников территориальных органов безопасности. Кроме того, этим же приказом была внедрена система квалификационных групп для учёта «ответственных работников» ГПУ, а также установлены единые правила ведения учета личного состава и составления отчетности по личному составу органов ГПУ на местах.

В рассматриваемый период кадровые процессы в органах государственной безопасности РСФСР характеризовались тенденцией к усилению централизации и формализации управления. После ликвидации Управления делами Административно-организационное управление ГПУ приобрело монопольную функцию контроля над всеми перемещениями личного состава. Теперь любой перевод сотрудника, как внутри органов ГПУ, так и при перемещении в другие ведомства или партийные организации, подлежал обязательному согласованию с Админоргупром.

В связи с образованием Союза ССР советское руководство предложило реформировать систему органов ГПУ с целью их дальнейшего преобразование в общесоюзное ведомство. Для достижения данных целей 7 июля 1923 г. на заседании Коллегии ГПУ был выработан комплекс мер и намечены конкретные планы по преобразованию органов государственной безопасности. В частности, были утверждены «Положения инструкции и примерного плана работы комиссии по нормализации работы ГПУ». Для «нормализации работы ГПУ», то есть для решения задач по оптимизации структуры органов государственной безопасности, оптимизации их штатов и обеспечения централизации управления была создана временная рабочая Комиссия, состоящая из 11 ответственных работников ГПУ. Рабочим аппаратом Комиссии был определен организационный отдел Административно-организационного управления ГПУ, а всем подразделениям ГПУ было предписано во всем

содействовать сотрудникам Комиссии. Задачи, возложенные на Комиссию, были следующие: изучение действующей структуры ГПУ и проверка ее соответствия специальным функциям и требованиям целесообразной организации управленческого аппарата и выработка форм проводимой реорганизации; анализ наработок советских учреждений и институтов, изучающих труд и разрабатывающих вопросы организации и управления; разработка методов работы органов ГПУ с учетом применения принципов научной организации труда в органах государственной безопасности и системы управления подразделениями центрального аппарата и его структурными подразделениями.

В рамках изучения структуры органов ГПУ комиссией анализировались Положения об отделах центрального аппарата, их функции, организационная структура, применяемые руководством отделов методы управления, распределение нагрузки между подразделениями и отдельными сотрудниками, взаимодействие подразделений с другими отделами и Управлениями, а также способы руководства подчиненными органами на местах. Кроме того, Комиссия анализировала соотношение директивных (административных) и оперативных функций в органах руководства и исполнения в центральном аппарате ГПУ и в территориальных органах безопасности<sup>190</sup>.

С целью построения эффективной организационной структуры будущих общесоюзных органов государственной безопасности Комиссия организовала работу по взаимодействию кадровых подразделений ГПУ с научными институтами и ведущими советскими учреждениями. Так, сотрудники кадрового аппарата ГПУ (из числа уполномоченных организационного отдела АОУ) откомандировывались в научные институты и учреждения РСФСР для приобретения теоретических знаний в области организации труда и управления государственными органами и учреждениями. После освоения теоретической базы в области организации и управления началась постановка «лабораторных опытов» по изменению организационно-штатной структуры периферийных и вспомогательных подразделений органов ГПУ.

В ноябре 1923 г. было учреждено Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров<sup>191</sup>. В рамках деятельности ОГПУ

продолжилась системная работа по совершенствованию кадровой политики, охватывающая деятельность по подбору, назначению, обучению и воспитанию сотрудников.

Также стоит отметить, что с целью повышения квалификации оперативного состава органов ОГПУ в октябре 1925 г. был введён так называемый «институт практикантов»<sup>192</sup>. Практиканты отбирались из числа служащих ОГПУ, задействованных на конторских и технических должностях, членов ВКП(б) и выпускников высших учебных заведений и советских партийных школ. После шести месяцев стажировки в оперативных подразделениях знание практикантов оценивалось аттестационными комиссиями. Практиканты, успешно прошедшие аттестацию, получали назначения на штатные должности в оперативные подразделения ОГПУ.

Значительные изменения в структуре кадрового аппарата ведомства произошли в марте 1930 г., когда в результате реорганизации Административный отдел АОУ был разделен на шесть отделений и учебную часть, общее количество сотрудников которых составило 35 человек. Первое отделение отвечало за планирование, второе – за учет и распределение личного состава ведомства, третье – за учет и распределение сотрудников транспортных органов и органов связи, четвертое – за учет и распределение личного состава пограничных войск и войск внутренней охраны, пятое – за учет подразделений, шестое – за государственное обеспечение. Учебная часть занималась подготовкой и переподготовкой сотрудников органов государственной безопасности в учебных заведениях ОГПУ.

23 июля 1931 г. приказом ОГПУ было утверждено «Руководство по приему, назначению, перемещению и увольнению сотрудников». Этот ключевой документ определял кадровую политику в территориальных, особых и транспортных органах ОГПУ. Основной акцент в руководстве делался на подбор кандидатов в органы государственной безопасности. Прием на службу в территориальные органы ОГПУ допускался только при наличии положительного письменного заключения о пригодности кандидата, утвержденного руководителем, рангом не ниже полномочного представителя.

25 июля 1931 г. приказом ОГПУ был учрежден самостоятельный отдел кадров ОГПУ. А 17 августа 1931 г. Коллегия ОГПУ под председательством В.Р. Менжинского утвердила «Положение об Отделе кадров ОГПУ», определяющее его структуру, задачи и полномочия<sup>193</sup>. В целях дальнейшего развития и децентрализации кадровой работы приказом ОГПУ от 11 августа 1931 г. предписывалось создание штатных кадровых подразделений во всех полномочных представительствах ОГПУ. Последующая реорганизация отдела кадров ОГПУ, осуществленная приказом ОГПУ от 11 июля 1933 г., привела к формированию структуры, состоящей из пяти отделений, которые были наделены следующими функциями: учет и комплектование кадров центрального аппарата, территориальных и транспортных органов, решение организационно-штатных вопросов, а также организация подготовки и переподготовки кадров. Данная реорганизация свидетельствует о стремлении руководства ведомства к повышению эффективности управления кадровым составом ОГПУ и адаптации структуры к изменяющимся условиям.

В ходе анализа кадрового состава, проведенного в 1932 г. Отделом кадров ОГПУ, была установлена необходимость реорганизации структуры ведомства, привлечения новых квалифицированных сотрудников и обновления резерва назначения. Данные меры были обусловлены потребностью в повышении эффективности работы органов государственной безопасности в период сплошной коллективизации и форсированной индустриализации. Кроме того, рост активности контрреволюционных элементов требовал от руководства ОГПУ принятия мер по усилению присутствия органов государственной безопасности в отдалённых регионах страны.

В начале 1930-х гг. кадровая политика ОГПУ ставила в приоритет увеличение числа представителей рабочего класса и партийных работников в органах, а также привлечение новых специалистов из партийных и комсомольских организаций, образовательных учреждений и кадрового резерва. Кроме того, планировалось обновление штата за счёт ротации кадров.

Также стоит отметить, что в декабре 1932 г. Рабоче-крестьянская милиция (РКМ) была передана в структуру ОГПУ<sup>194</sup>. Интеграция сопровождалась значительными кадровыми

перестановками: более 30 000 сотрудников РКМ были уволены, около 500 сотрудников ОГПУ переведены в милицию на руководящие должности.

Ключевым событием в деятельности органов государственной безопасности СССР стало преобразование ОГПУ в НКВД в мае 1934 г. К началу реорганизации штат отдела кадров ОГПУ насчитывал 67 человек. Вскоре был разработан проект «Положения об отделе кадров Главного управления государственной безопасности НКВД СССР», который определил структуру, задачи и функции отдела и его подразделений.

Таким образом, можно сделать вывод, что в период с 1918 по 1934 гг. кадровый аппарат ВЧК – ГПУ – ОГПУ формировался по типу полиструктурной системы, в которой, помимо традиционной вертикальной иерархической структуры, успешно функционировали параллельные (постоянно действующие и временные) горизонтальные элементы (кадровые подразделения, временные комиссии, рабочие группы и др.). Построение кадрового аппарата ведомства проводилось комплексно на научной основе, то есть с применением принципов научной организации труда, с учетом теории управления и имеющейся практики организации кадровых аппаратов общероссийских и общесоюзных ведомств, а также с применением опыта работы научных институтов СССР и передовых советских учреждений.

**О некоторых аспектах деятельности органов государственной безопасности в решении «Исламского вопроса» на территории СССР в 1920-е гг.**

Исследование политики советского государства в отношении ислама в первое десятилетие после Октябрьской революции 1917 г. невозможно без обращения к деятельности органов государственной безопасности, поскольку в сфере, связанной с проведением этой политики, именно они обладали широчайшими полномочиями, без которых невозможно было «решить» так называемый «Исламский вопрос» в кратчайшие сроки.

Советские органы государственной безопасности «Исламскому вопросу» уделяли пристальное внимание с момента своего образования. На то существовал ряд причин, обусловивших гибкую и осмотрительную политику большевиков и созданных ими органов власти, в том числе Объединенного государственного политического управления при Совете Народных Комиссаров СССР (далее – ОГПУ при СНК СССР, ОГПУ), по отношению к традиционным исламским институтам в первое десятилетие советской власти. Она характеризовалась большой осмотрительностью, осторожностью и существенным образом отличалась от политики в отношении православного духовенства, сросшейся с государственной властью в Российской империи.

«Сверхидея» пришедших к власти в 1917 г. большевиков заключалась в созидании «нового мира», который мог возникнуть только при условии теснейшего слияния всех народов СССР в единое целое. При этом в единый «плавильный котел» этносов должны были быть «влиты» и советские мусульмане. Для реализации этой идеи, по мнению большевиков, должны были созреть определенные исторические условия, а пока лояльное отношение к исламу было декларировано советской властью 20 ноября (3 декабря) 1917 г. в Обращении СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Оно объявляло верования и обычаи российских мусульман, их культовые учреждения «свободными и неприкосновенными»<sup>195</sup>. Доказательством этого служило

то, что в регионах традиционного проживания мусульман (прежде всего Туркестане и на Северном Кавказе) повсеместно функционировали шариатские суды, исламские учебные заведения (медресе и мектебе), а служители культа обладали правом регистрации рождений, браков и смертей.

Советская власть в этот период нуждалась в мусульманах, являвшихся в период царизма наиболее бесправной частью населения России, и в исламе в целом как реальной идеологической силе в борьбе против господства мирового империализма. При этом мусульманское духовенство к моменту установления советской власти являлось самой многочисленной, влиятельной и с точки зрения советской исторической науки наиболее консервативной группой интеллигенции<sup>196</sup>.

Несмотря на то, что мусульманское духовенство находилось под пристальным контролем органов ОГПУ, последние старались проводить по отношению к нему сдержанный курс (определявшийся, естественно, партийным руководством), с тем чтобы не вызвать массового недовольства мусульманской части населения страны. Так, Восточным отделом ОГПУ в своем письме, направленном в 1923 г. отделам ГПУ на местах, было рекомендовано «в порядке надзора за деятельностью религиозных обществ не производить никаких вторжений в молитвенные дома во время собраний или совершения религиозных обрядов до окончания таковых»<sup>197</sup>.

Хотя советская власть и вынуждена была проявлять лояльность в отношении мусульманского духовенства, тем не менее она уже с середины 1920-х гг. осуществляла систематические мероприятия по отчуждению духовенства от трудового народа, его изоляции от общественной жизни. В нарушение собственных ранее декларированных постулатов советская власть упраздняет шариатские суды, вводит социальные ограничения и лишает мусульманское духовенство избирательных прав, облагает его непомерным налогом за осуществление религиозного культа среди населения<sup>198</sup>.

Осуществляемые советской властью шаги по ограничению сферы влияния мусульманского духовенства выражались, в частности, во внесении раскола среди его представителей, осуществлявшегося за счет поддержки органами ОГПУ группы так называ-

емых «прогрессистов», курировании работы съездов мусульманского духовенства, организации учета и регистрации религиозных обществ.

Тенденции к сокращению и вытеснению традиционного влияния мусульманского духовенства из многих сфер общественной жизни, а также лишению их общегражданских прав проявились в нарастании напряженной социальной атмосферы и дали прямо противоположный результат: не ослабление, а усиление религиозности среди населения, которое по мере своих сил поддерживало служителей культа.

В связи с этим показательна справка, направленная в 1925 г. заместителем заведующего Восточным отделом ОГПУ Волленбергом на имя Ф.Э. Дзержинского, в которой отмечалось: «Мусульманское духовенство и по сей день является решающей силой в отсталых районах нашего Северного Кавказа. Лишение духовенства общегражданских прав лишило его возможности приспособляться к новым общественным отношениям, и мусульманское духовенство вынуждено вести с нами борьбу не на жизнь, а на смерть. Для того чтобы уяснить себе силу мусульманского духовенства, нужно усвоить, что оно веками руководило горцами в их борьбе за национальное освобождение и удельный вес такового этим главным образом и создавался. Мусульманское духовенство сейчас очень сильно во всех горных районах Северного Кавказа»<sup>199</sup>.

Как видно из данного документа вытравить из сознания северокавказских народов исламскую религию, которую они исповедовали несколько столетий, за такой короткий срок было задачей сверхсложной. Однако эту проблему, так же, как и другие, вполне можно было решить репрессивными мерами. В частности, Оргбюро ЦК ВКП (б) на заседании 18 августа 1927 г. потребовало от ОГПУ усиления борьбы «с контрреволюционной частью мусульманского духовенства через соответствующие организации, не останавливаясь перед применением репрессивных мер судебного и внесудебного характера»<sup>200</sup>.

Призывы высшего политического руководства СССР на ужесточение и применение репрессий против так называемого «реакционного мусульманского духовенства» не остались не услышан-

ными. С марта 1928 г. ОГПУ с санкции ЦК ВКП (б) резко ограничивает деятельность мусульманского духовенства и начинает применять против него репрессии<sup>201</sup>.

Обыденным явлением становятся высылка, аресты и расстрелы духовных лиц и ученых-арабистов. Представителей мусульманского духовенства репрессировали и как участников антиколхозных восстаний, имевших место в конце 1920-х гг. К примеру, только в Кабардино-Балкарии в результате карательных мер ОГПУ были репрессированы 88 кабардинских и балкарских мусульманских священнослужителей<sup>202</sup>. Обвинения против них в то время были стандартными – «за антисоветскую и контрреволюционную деятельность» (ст. 58 УК РСФСР).

Механизмы конструирования дел подобного рода доказывают, что работниками ОГПУ сознательно преувеличивались масштабы деятельности конкретной личности из числа мусульманского духовенства. В основном руководителем «контрреволюционной группы» определялся какой-нибудь известный мулла, а в качестве свидетелей выступали местные советские активисты и кто-либо из «бедняков». Показания «свидетелей» также не отличались оригинальностью. Затем выявлялось и привлекалось его ближайшее окружение. Прежде чем арестовать влиятельного религиозного деятеля, через агентов выясняли обстановку в нужных населенных пунктах<sup>203</sup>.

Анализируя приговоры рассматриваемого периода справедливости ради отметим, что репрессивные меры применялись к представителям мусульманского духовенства сравнительно редко и лишь к наиболее реакционной его части. Основой для обвинений в основном становилась их профессиональная деятельность. Большинство из них пережило лагерь, но лишь немногие вернулись после этого к религиозной деятельности.

Опасаясь применения нормы статьи 58 УК РСФСР, многие представители мусульманского духовенства публично заявляли об отказе исполнять религиозные обряды. Так, например, в Кабардино-Балкарии к октябрю 1928 г., по сведениям ОГПУ, осталось 307 служителей мусульманского культа, из которых 153 отказались от своей деятельности<sup>204</sup>.

Тенденции к сокращению и вытеснению традиционного влияния мусульманского духовенства из многих сфер общественной

жизни, а также лишению их общегражданских прав проявились в нарастании напряженной социальной атмосферы, о чем, например, свидетельствует письмо председателя Президиума ЦИК СССР М.И. Калинина наркому Рабоче-крестьянской инспекции Г.К. Оржоникидзе: «На местах царит полный произвол... Служителей культа стараются обложить по всем линиям и в таких размерах, чтобы они не смогли выполнить предъявленные требования. И тогда у них конфискуется все имущество, даже самое необходимое для семьи, а семья выселяется...»<sup>205</sup>.

В этом плане мероприятия ОГПУ по изъятию так называемого «контрреволюционного мулльского элемента» стали одной из основных причин отрицательной динамики численности мусульманского духовенства.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г. религиозные организации были объявлены единственными легально действующими контрреволюционными организациями, имеющими влияние на массы, а постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», принятое 11 февраля 1930 г., требовало от местных органов ОГПУ ужесточения мер при регистрации религиозных объединений и исключения из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных для советской власти лиц»<sup>206</sup>.

Таким образом, советские спецслужбы сделали все возможное, чтобы в кратчайшие сроки решить «Исламский вопрос» в стране. Меры экономического и политического давления, культурной изоляции, наряду с принудительно-репрессивными методами органов госбезопасности, привели к нивелированию роли мусульманского духовенства в официальной социально-профессиональной структуре советского общества. Вместе с тем, трескучая антирелигиозная риторика и вульгарно-социологические трактовки исламской идеологии, типичные для чекистов тех лет, были настолько субъективны, что впоследствии, несмотря на целенаправленную и методичную работу по вытравливанию религиозного сознания в обществе, привели к пагубным социально-культурным последствиям.

*Р.В. Антоненко,  
В.Ф. Нэх*  
г. Москва

### **Влияние внешней политики на охрану границы с Финляндией (1920–1939 гг.)**

Внешняя политика определяет не только территориальное размежевание и прохождение государственной границы, но и непосредственно влияет на организацию охраны границы и пограничный режим. Это достаточно явно проявилось в организации охраны советско-финляндского участка государственной границы в 1920–1939 гг. Во взаимоотношениях Советского государства и Финляндской Республики пограничные проблемы на протяжении всего исследуемого периода играли важнейшую роль. Это связано с тем, что, во-первых, граница с этой страной проходила на расстоянии всего 32 километров от второго по своему политическому и экономическому значению советского города Петрограда (с 1924 г. – г. Ленинграда). Во-вторых, с финской территории можно было легко блокировать крупнейший советский порт – Ленинградский – и главную базу Балтийского флота – Кронштадт. В-третьих, советско-финляндская граница проходила вблизи единственного незамерзающего порта на севере СССР – г. Мурманска и связывающей его с остальной страной железной дороги.

Как только положение Советской республики относительно укрепилось, Финляндия одной из первых среди соседних государств пошла на мирные переговоры с ней. В ходе мирных переговоров в эстонском городе Тарту главнейшей задачей советской делегации было обеспечение безопасности Петрограда, Кронштадта и Мурманска. Но жесткая позиция финляндского правительства делала полное выполнение этих требований невозможным. Один из руководителей переговоров, Я.А. Берзин, в письме главе Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) Г.В. Чичерину в августе 1920 г. отмечал: «Нам мир с Финляндией нужен больше, чем им с нами, в торговле они не заинтересованы, мы ухудшаем их положение в Финском заливе, к тому же страх перед красной опасностью, их вполне устраивает статус-кво»<sup>207</sup>. В связи

с этим пришлось определять приоритетное направление переговоров. Таким направлением стало требование открытия Финского залива. Ради безопасности Балтийского флота и свободного выхода в море советская сторона готова была пожертвовать безопасностью Мурманска, передав финнам полуостров Рыбачий. Но на такие жертвы идти не пришлось, хотя переговоры с Финляндией шли сложно. Их ход осложняли и межведомственные противоречия внутри советского руководства. Так, руководство флота рассчитывало создать в Печенге военно-морскую базу и этим вносило путаницу в позицию советской делегации. Представитель российской делегации Керженцев в ходе переговоров настаивал на том, что область Печенги имеет для России стратегическое значение. Он утверждал, что во время Первой мировой войны здесь была база германских подводных лодок. Западный берег Мурманска теплее и более изучен, а полуостров Рыбачий господствует над западным Мурманом, контролирует вход в Кольскую губу и обеспечивает железную дорогу и единственный выход России в океан<sup>208</sup>. Я.А. Берзин исходил из того, что на Мурмане и без Печенги достаточно места для баз, а первоочередной задачей является обеспечение открытия Финского залива.

Осложняло ситуацию и то, что при заключении перемирия Советская Россия пошла на значительные уступки. По условиям перемирия под контролем Советской России остался только не имеющий значения для Финляндии южный фарватер Финского залива. Но при таком начертании границы оказывался совершенно закрытым выход в Балтийское море, что было равносильно блокаде и не могло быть принято советской стороной. Финны настаивали на создании нейтральной зоны от северной границы Ребольской волости до реки Ноты шириной по 100 км с обеих сторон, но чтобы границы этой зоны не подходили ближе 10 км к железной дороге. Это требование не имело никаких обоснований с военной точки зрения, и советская сторона настаивала на 10-километровой зоне. Ее было достаточно для предотвращения пограничных инцидентов, так как это расстояние превышало дальность ружейного огня, а для крупнокалиберной полевой артиллерии это предельная дистанция<sup>209</sup>. Также советское руководство считало абсолютно необходимым, ввиду значения для Советской России Мурманской железной дороги, исключить в какой-либо форме

вмешательство Финляндии в Карелию<sup>210</sup>. В конце концов финская делегация приняла все требования Советской России по Финскому заливу, то есть срытие фортов Ино и Пумала, контролировавших выход в море, урезание зоны своих территориальных вод, объявление Финского залива открытым морем в обмен на передачу финнам Печенги<sup>211</sup>.

Но заключение Тартуского мирного договора далеко не означало решения всех пограничных проблем. Правые силы в Финляндии поощряли антисоветские выступления в Карелии. В финляндской печати достаточно откровенно утверждалось: «Восточно-Карельский вопрос нуждается в новой ориентации. Необходима определенная пограничная политика в целях укрепления национальностей на границе. Если пограничной области будет дан толчок, то они справятся своими силами. Из среды пограничного населения должны быть извлечены духовные силы для сотрудничества на пользу родного края»<sup>212</sup>. Последующие события показали, что эти призывы получили и определенное материальное воплощение.

В марте 1920 г. съезд крестьян в Ухте избрал «временное Карельское правительство», представители которого вручили комиссару советских пограничных войск требование об отделении Карелии от России. 10 октября 1920 г. в Гельсингфорсе был образован «Карельский союз». В ряде волостей Карелии началось крестьянское восстание, поддержанное добровольцами из Финляндии. К концу декабря их отряды, насчитывавшие от пяти до семи тысяч человек, заняли районы Ухты, Кокосальмы, Ругозера, Сегозера и ряд других. Только после переброски сюда частей Красной Армии к 17 февраля 1921 г. удалось очистить от противника советскую территорию.

Последствия кризиса были достаточно быстро урегулированы. В марте завершились боевые действия, а с 1 июня 1922 г. Финляндия и СССР подписали пограничное соглашение.

Финляндия, вступив в 1920 г. в Лигу Наций, взяла курс на сближение с Францией и Польшей. Появилась перспектива создания блока, имевшего явно антисоветскую направленность в составе Финляндии, Польши, Эстонии и Латвии. Но в финском сейме преобладали умеренные настроения, и в 1922 г. он не ратифицировал вступление страны в блок. В 1922–1923 гг. советско-финские отношения нормализовались. И в первую очередь это было связано с решением пограничных проблем. В эти годы были

подписаны конвенции об обеспечении неприкосновенности границ, о плавании финских судов по р. Неве. Однако Финляндия отказалась подписывать с СССР договор о ненападении. Это не могло не беспокоить советское руководство, для которого продолжала быть реальной угрозой превращения Финляндии в плацдарм для нападения на Петроград и Мурманск. Не улучшали советско-финские отношения и репрессии финляндского правительства против коммунистов. В 1923 г. были арестованы руководители легальной Социалистической рабочей партии Финляндии (СРПФ). Ее лидер И. Мякелин был убит. После двухлетнего судебного процесса 16 марта 1925 г. СРПФ была объявлена вне закона.

В свою очередь финляндскую сторону раздражала активная поддержка, оказываемая Коминтерном, а по сути дела, Советским Союзом, коммунистическому движению в Финляндии.

Факторами, несколько смягчавшими обстановку на границе, были укрепление экономического положения Финляндии в конце двадцатых годов в рамках нового роста экономики в период «просперити», а также надежды на то, что развитие России в годы новой экономической политики идет в буржуазном направлении, хотя буржуазная ориентация прикрывается коммунистической маской<sup>213</sup>.

В начале 1930-х гг. эти факторы перестали действовать. Мировой экономический кризис тяжело сказался на финляндской экономике. Резко выросла безработица, сократилась заработная плата. Советский Союз вступил в этап форсированной индустриализации и коллективизации. Насильственная коллективизация в ингерманландских и карельских районах была очень болезненно воспринята финской общественностью, тем более что раскулачивание вызвало широкое бегство карел и ингерманландцев в родственную Финляндию.

Экономический кризис обострил внутривнутриполитическую обстановку в Финляндии, возникло «Лапуаское движение». 1 декабря 1929 г. правые силы в местечке Лапуа выступили с инициативой начать общенациональную антикоммунистическую кампанию. Они выдвинули лозунг: «Против коммунистов и русских, за нацию, религию и отечество!». 15 марта 1930 г. в Лапуа был проведен съезд, оформивший новую правую организацию «Замок Финляндии». Эту организацию активно поддержали руководители шюцкора. 11 июня 1930 г. лидеры движения предъявили прези-

денту Финляндии Реландеру ультиматум, в котором требовали закрыть коммунистическую печать и типографии, ликвидировать рабочие организации, арестовать коммунистических активистов, провести новые выборы в парламент и издать репрессивные законы. Под их давлением был принят указ о запрещении прокоммунистической печати, арестованы депутаты сейма от левой фракции «Социалистических рабочих и мелких землевладельцев», закрыты некоторые народные дома и левые профсоюзы.

7 июля 1930 г. 12 тысяч лапуасцев начали «поход» на Хельсинки. Их представители были приняты Свинхувудом и Маннергеймом. Вскоре был распущен сейм, в результате новых выборов резко усилили свое влияние буржуазные партии, прокоммунистические силы в сейм не прошли. В стране продолжалась антикоммунистическая и антисоветская кампания. Оживились сторонники присоединения к Финляндии Восточной Карелии. Отдельные горячие головы из числа правых строили планы разгрома Советского Союза.

В середине апреля 1930 г. один из виднейших представителей активизма Я. Финне делился мыслями со своим старым знакомым начальником Центральной сыскной полиции Э. Риекки о том, что «если сейчас по весне напасть на Россию, то рухнет вся империя. Начнись война сейчас, когда нужно сеять хлеб, то природа уже затем позаботится о смерти Рюся. Будет удивительно, если эти мысли не придут людям в голову»<sup>214</sup>. Он утверждал, что успеху будет содействовать и неизбежное восстание на Украине, и война России с Польшей и Эстонией. Финне считал вполне возможным развитие событий по следующему сценарию: конфликты на советско-финляндской границе, падение правительства и установление диктатуры в Финляндии, начало войны с Россией, как результат – Восточная Карелия в объятиях Финляндии, удвоение ее территории, получение необозримых лесных богатств, освоение которых позволит за несколько лет расплатиться с государственным долгом<sup>215</sup>.

Действия лапуасцев очень напоминали приход к власти фашистов в Италии. Все это не могло не вызвать серьезных опасений у руководителей СССР. Летом 1930 г. антикоммунистическая кампания в Финляндии достигла апогея. Лапуасцы заставляли коммунистов и сочувствующих им переходить на советскую территорию, эти инциденты, получившие название «перебросок», вызвали

напряженность на границе с Финляндией. Волна «перебросок» через советско-финляндскую границу коммунистов и заподозренных в левых взглядах политических и общественных деятелей привела к направлению финскому правительству ноты протеста.

Финны тянули с ответом, и в сентябре посол СССР в Финляндии И.М. Майский вручил повторную ноту, подкрепленную маневрами Балтийского флота в Финском заливе. Ответная нота от 16 сентября 1930 г. была направлена финской стороной накануне парламентских выборов, принесших победу буржуазным партиям. Они получили 2/3 голосов в парламенте, что позволило принять законы, ограничивающие политические свободы. В этой ноте министерства иностранных дел отвергались упреки в неприятии мер для пресечения незаконных переходов границы. Финские власти утверждали, что большая протяженность границы не позволяет полностью исключить такие переходы. Указывалось, что, несмотря на большую численность советской пограничной охраны, беглецы с Соловецких островов и с лесных работ в Восточной Карелии переходят границу с советской стороны. СССР обвинялся в переброске людей с секретными заданиями в Финляндию. Был приложен список задержанных<sup>216</sup>. Советская сторона ответила на эту ноту достаточно резко, был организован протест финских рабочих в Ленинграде, даже ставился вопрос о закрытии советского консульства в Выборге и финляндского в Ленинграде. Эти проблемы дважды, 20 и 25 сентября, обсуждались на Политбюро ЦК ВКП(б)<sup>217</sup>. Хотя советское правительство не пошло на закрытие консульств, резкий тон советских заявлений способствовал некоторому отрезвлению правых финских политиков. Конфликтная ситуация была разрешена подписанием советско-финляндского коммюнике 28 января 1931 г. К тому времени лапуаское движение пошло на убыль. После неудачной попытки добиться роспуска сейма и формирования лапуаского правительства руководители движения были арестованы и получили условный срок. Лапуаское движение так же, как и антисоветская кампания выполнили свою задачу: обеспечили полновластие буржуазных партий и не позволили левым использовать в своих интересах последствия экономического кризиса. С устранением внутренних причин антисоветской кампании финляндское правительство, заинтересованное в экономических связях с СССР, берет курс на улучшение отношений с советским государством. В январе

1932 г. подписан пакт о ненападении между СССР и Финляндией, а в 1934 г. он продлевается на 10 лет. В 1933 г. Финляндия присоединилась к конвенции об определении агрессора.

Но во внешней и внутренней политике Финляндии продолжали существовать явления, вызывавшие опасения у советского руководства. Оно вполне серьезно рассматривало возможность превращения Финляндии в плацдарм для удара по СССР.

К таким явлениям следует отнести:

во-первых, наличие близкого к фашизму лапуаского движения и прогерманских настроений среди финской элиты, что в условиях прихода к власти в Германии Гитлера не могло не настораживать;

во-вторых, продолжавшиеся репрессии против коммунистов: в 1934 г. были арестованы руководитель КПФ Т. Антикайнен и другие руководящие деятели партии. Судебный процесс над ними вызвал новую волну антикоммунизма. Суд приговорил Антикайнена к пожизненному заключению, замененному 8 годами каторги;

в-третьих, на Карельском перешейке начинает возводиться укрепленная «линия Маннергейма». Система долговременных фортификационных сооружений на Карельском перешейке начала строиться еще в 1927 г. Но в 30-е годы строительство велось особенно активно, руководит завершением строительства бельгийский генерал Бадю – участник возведения линии Мажино во Франции;

в-четвертых, в Финляндии продолжали существовать организации, требовавшие присоединения к Финляндии Восточной Карелии, мечтавшие о создании «Великой Финляндии» до Урала.

Все эти факторы в условиях надвигавшейся Второй мировой войны не могли не вызвать у советского руководства во главе с И.В. Сталиным стремления обезопасить Ленинград и Мурманск, не допустить превращения Финляндии в плацдарм для удара по СССР. Эти опасения подкреплялись прогерманской настроенностью части финского руководства, неверием Сталина в возможности малых стран Европы проводить самостоятельную внешнюю политику.

От военных и спецслужб руководители Советского государства также получали весьма тревожную информацию по поводу того, что необходимость выполнения условий Тартуского мирного договора серьезно затрудняет оборону и охрану северо-западных границ СССР. Так, в июне 1938 г. начальник УНКВД Ленинградской области комиссар госбезопасности М.И. Литвин, направляет

письмо народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову. В нем указывалось, что конвенции, заключенные по пограничным вопросам, невыгодны СССР. Соглашение о плавании финских торговых судов по р. Неве от 5 июня 1923 г. и дополнительное соглашение от 17 марта 1928 г. позволяли финской разведке, агентами которой М.И. Литвин считал почти всех капитанов и часть команд судов, проходящих транзитом, вести наблюдение за судостроительными заводами (Балтийским, им. Марти), за кораблями морпогранвойск и Балтийского флота, вербовать наших лоцманов. М.И. Литвин утверждал, что многие объекты уязвимы для диверсий, затопление лишь одной баржи может перекрыть Невский фарватер. Особенно негативно оценивалось право финских судов в штормовую погоду стоять по 5-10 дней в наших водах. Не менее негативно оценивались конвенции о рыбном и тюленьем промысле на Ладожском озере от 25 мая 1934 г., конвенция об оленях 1933 г. и конвенция о сплаве леса 1933 г. Эти соглашения позволяли финнам ловить рыбу и бить тюленей на расстоянии 30 км от границы, приставать к советскому берегу, посещать рыболовные заводы, финские сплавщики могли причаливать к нашему берегу и проходить по советской территории на расстояние до 100 м. Представители сплавных организаций могли проживать на нашей территории от 3 до 5 месяцев, финские оленеводы могли в упрощенном порядке переходить нашу границу и разыскивать своих оленей.

Хотя эти соглашения и носили взаимный характер, наша сторона аналогичными правами на сопредельной стороне не могла воспользоваться как по экономическим, так и по режимным (не подставлять наших рыболовов, в основном этнических финнов и карел, под вербовку) соображениям. Финская же сторона опустошает рыбные богатства нашей части Ладоги, ведет разведку и вербует агентов. Руководитель НКВД настаивал на пересмотре конвенций<sup>218</sup>.

Но все эти конвенции были заключены на основе требований Тартуского мирного договора и не могли быть пересмотрены СССР в одностороннем порядке.

Таким образом, целый комплекс причин заставлял советское руководство стремиться к изменению статуса-кво на советско-финляндской границе. Эти причины были самым непосредственным образом связаны с пограничной безопасностью СССР в регионе.

*С.В. Тужилин,  
В.В. Машко  
г. Москва*

**О противодействии отечественных органов  
госбезопасности подрывной работе иностранных  
компаний, направленной на поддержку  
националистических повстанческих  
движений в Якутии**

С началом специальной военной операции ряд иностранных государств, прежде всего США, Украина, Великобритания, пытаются усилить радикальные настроения у определенной части российских граждан, прежде всего из числа националистически настроенных лиц и группировок. В этих целях они осуществляют инспирирование, стимулирование и сплочение участников указанных группировок, занимаются организацией и координацией их взаимодействия. Так, в январе 2023 г. украинскими спецслужбами при поддержке их западных кураторов было создано «Движение "Свободная Чувашия"», выступающее за отделение национальных регионов Поволжья и создание «независимых государств», которое к настоящему времени они трансформировали в «Союз независимых поволжских народов "Булгарская Конфедерация"». С такого рода подрывной деятельностью иностранных спецслужб и организаций наше Отечество сталкивалось на протяжении последнего столетия. Ярким примером тому является события вековой давности, происходившие в Якутии.

В годы иностранной военной интервенции планы силового захвата российского Севера не увенчались успехом. Им на смену пришли более тонкие методы, которые выразились во всевозможной, прежде всего финансовой, поддержке Белого и якутского националистического повстанческого движений. Установление непосредственной связи с антибольшевистскими элементами внутри региона и с оставшимися группами белой эмиграции, по убеждению советских органов госбезопасности, были одним из основных факторов в общей подготовке ряда недружественных стран к войне с нашей страной. Такого рода деятельность, тесно переплетавшаяся с разве-

дывательной практикой, преследовала цели подготовки к проведению на отдаленных северных территориях молодого советского государства «широкой политической диверсии», которая, в частности, заключалась в: стимулировании сепаратистского движения; противоправительственных выступлениях под лозунгами территориального отторжения в пользу иностранных государств; учреждении «автономных» Сибири, Камчатки, Якутии; создании националистически «независимой» Якутии путем инспирации движения среди коренных малочисленных народов Севера за присоединение к США, Японии и пр.

Экономические и геополитические интересы США и Японии к северо-восточным окраинам Якутии берут начало с периода Российской империи. К 1917 г. торговля в северных областях русского Дальнего Востока более чем на 90 % находилась в руках иностранцев. Пользуясь существованием порто-франко, американские, японские и английские предприниматели за бесценок скупали «мягкое золото» российского Севера – пушнину: шкурки песцов, лис, белок, медведя и др. Свыше 1000 рабочих приезжали на охотские прииски, около половины которых также составляли иностранцы. Вместе с тем промышленниками США и Японии активно велось расхищение русского Дальнего Востока. Богатые пушным зверем, морскими биоресурсами, артефактом древней фауны – бивнями мамонтов, залежами полезных ископаемых эти обширные территории привлекали зарубежную прагматичную политико-экономическую элиту, суля громадные прибыли.

Экономическая и разведывательная активность иностранных специальных служб и организаций, их национальных правительств продолжала оставаться высокой и на советском Дальнем Востоке. Одним из таких «орудий» стало учрежденное в 1921 г. в США акционерное общество «Олаф Свенсон», которое в Советской России на возмездной основе снабжало вооруженные отряды Белого движения оружием, боеприпасами, продовольствием, одеждой. По неполным данным, по всем видам снабжения обществом было поставлено товаров на сумму 300 тыс. золотых руб.

Отложились документальные свидетельства финансирования акционерным обществом сил контрреволюции. Так, в 1921 г. начальнику Северного экспедиционного отряда в Охотско-Камчат-

ский край В.И. Бочкарёву было доставлено 200 винчестеров и значительное количество боеприпасов. Весной 1922 г. В.И. Бочкарёв сдал О. Свенсону большую партию пушнины, награбленной на Охотском побережье и Колыме на сумму 220 тыс. золотых руб. Позднее большевистская дальневосточная газета «Красное знамя» писала: «Свенсоном было предоставлено белобандитам до 500 винтовок и 300 тыс. винтовочных патронов»<sup>219</sup>.

Архивные документы свидетельствуют, что, начиная с конца 1921 г., в результате переговоров между представителями командования Белого движения и Временного Якутского областного народного управления (ВЯОНУ), с одной стороны, и Японией, с другой стороны, якутские антибольшевистские силы, отряд Бочкарёва и Сибирская добровольческая дружина А.Н. Пепеляева стали получать стабильную поддержку от иностранных государств «огнеприпасами, оружием, продовольствие и одеждой»<sup>220</sup>. Кроме того, в рамках остатков иностранной военной интервенции отряды Белого движения получали помощь от американцев, а впоследствии с территории разведцентров в Маньчжурии.

В снабжении отрядов Белого движения оружием деятельное участие принимали также английская фирма «Хадсон Бэй К», японское акционерное общество «Инциро-Чио-Чио», иностранные представительства которых в то время располагались в г. Хакодате (Япония). Осенью 1922 г. за доставленные в порт Аян оружие, снаряжение и пр. указанные компании получили от ВЯОНУ 27 749 штук белых шкур<sup>221</sup>. Документы показывают, что при такого рода обмене пушнина сдавалась иностранным предпринимателям по явно заниженным ценам<sup>222</sup>.

В 1927 г. на беспокойный Север, где на иностранные деньги готовилось очередное вооруженное восстание с целью отделения Якутии от СССР, был направлен сотрудник Полномочного представительства ОГПУ СССР по Северо-Кавказскому краю Г.С. Сыроежкин. Забегая вперед, отметим, что, благодаря успешно проведенной под его руководством контрразведывательной операции, попытка мятежа была пресечена. К сожалению, в архивах об этой результативной операции отложились несколько кратких сводок, которые не раскрывают в полной мере остроту разработки операции<sup>223</sup>. Отдавая дань памяти таланту и мужеству ее участников, остановимся на доступных на сегодняшний день фактах более подробно.

К 1927 г. «перегибы на местах» со стороны советской власти привели к тому, что в регионе объективно возникли предпосылки к возобновлению протестного движения. Как выяснилось впоследствии, этому способствовала практически преступная деятельность местного руководства ОГПУ, в состав которого проникли представители бывшего Белого движения и даже уголовные элементы<sup>224</sup>. Восстание возглавил окончивший юридический факультет Московского университета финансовый инспектор Народного комиссариата финансов Якутской АССР П.В. Ксенофонтов, стремившийся сделать малую родину не автономией в составе ограниченной РСФСР, а союзной республикой СССР (по примеру Узбекистана и Туркмении того времени).

Будучи образованным интеллектуалом с обостренным чувством справедливости, Ксенофонтов достаточно быстро объединил вокруг себя остатки тех, кто хорошо помнил и разделял идеи прежних якутских повстанческих движений 1921–1925 гг. Восстание было подавлено, но сегодня представляют интерес те исторические факты, которые остались в тени этого, по сути, последнего эпизода Гражданской войны на территории СССР. Речь идет о попытках из-за рубежа направить отчасти справедливое движение народных масс в деструктивном направлении: если Ксенофонтов и его сподвижники вели борьбу против произвола местных властей и за оформление Якутии как союзной республики, то нашлись силы, которые завели речь о выходе Якутии (и всего Охотского района Дальневосточного края) из состава СССР.

В частности, бывший офицер Белой армии А.В. Колчака капитан Шмидт, действуя на средства и по заданию японской и американской спецслужб (еще к осени 1919 г. страны, осуществляющие военную интервенцию в Советской России, кроме Японии на Дальнем Востоке, отказались от прямой военной поддержки Белого движения, продолжив поставки вооружения, выдачу кредитов и пр.), принял непосредственное участие в подключении собранного им отряда из представителей бывшего Белого движения к восстанию «конфедералистов». Целью вооруженной группы являлось отделение (в том числе насильственное) Якутии от СССР.

Выявленные авторами архивные материалы характеризуют деятельность иностранных предпринимательских структур, стремившихся утвердить свое экономическое господство в 1912–1931 гг.

на севере современных Якутии, Камчатке и Чукотке любой ценой. Работники фирмы и лично О. Свенсон предпринимали самостоятельные исследования на территории Якутии, являлись фактическим представительством иностранной державы в большинстве глухих и, как правило, прилегающих к акваториям Северного морского пути уголках региона. Иностранцы налаживали эффективные товарно-денежные отношения с местным населением, а само имя Свенсона среди коренных малочисленных народов Севера имело большую популярность. На почве недостатка в продуктах агенты Свенсона вели на Севере агитацию о присоединении к Америке Колымского округа ЯАССР.

Согласно справке оперативного уполномоченного 3-го отдела Особого отдела ОГПУ СССР П.И. Чернёнбова «О деятельности американской фирмы “Свенсон” на Камчатке и севере Якутии» от 1 апреля 1931 г.<sup>225</sup>, О. Свенсон хорошо был знаком с руководителями контрреволюционной группировки на севере Якутии в 1927 г., в частности, с капитаном колчаковской армии Шмидтом.

Во втором отложившемся документе – справке П.И. Чернёнбова «О деятельности американской фирмы “Свенсон” на Камчатке и севере Якутии» от 1 апреля 1931 г.<sup>226</sup> – описываются добытые органами госбезопасности сведения относительно обстоятельств противоправной деятельности Шмидта и его окружения против интересов СССР. Ввиду краткости и фактурности материала приведем выдержку из опубликованного архивного документа:

«...После того, как Япония отказала в средствах (временно), ввиду пассивности в антисоветской деятельности, эмигрантам в поддержке, последние намереваются обратиться за поддержкой к Америке. Эмигрант [П.Ф.] Калашников хорошо был ранее знаком со Шмидтом, благодаря чему Калашников познакомил Шмидта с остальными эмигрантами, как-то: [Г.С.] Ефимовым, [Г.В.] Никифоровым, [А.А.] Рязанским и др. О поездке Шмидта на север Якутии эмигранты были последним информированы, это мероприятие приветствовали и давали советы Шмидту, к кому нужно обратиться за помощью в Якутии и на кого можно положиться. Эмигрант Калашников совместно со Шмидтом был в 1926 г. в г. Хакодате в гостях у капиталиста [А.] Демби, там же присутствовал полковник Шахматов. Эмигранты [П.А.] Кушнарев, [Н.А.] Аверенский, Ники-

форов и Ефимов имеют непосредственную связь с фашистскими организациями. По непроверенным сведениям, эмигрант Рязанский через бывш[его] русского полковника Божаква или Шахматова поступил на службу в иностранную полицию.

В 1925–1926 гг. Демби устанавливает связь со Шмидтом, с которым имел продолжительную беседу по вопросу антисоветской деятельности на севере Якутии. Демби склонил Шмидта на поездку в Якутию для антисоветской работы и после согласия Шмидта Демби его подробно информировал о положении Якутии. Демби дал Шмидту указания, каким образом необходимо действовать и командировал со специальным контр[революционным] заданием на север Якутии. Основной задачей поставил Демби перед Шмидтом поднять восстание на Севере и повести агитацию об отторжении Якутии от Советского Союза и присоединении к Америке, как к государству, которое сможет быстро восстановить экономически Якутию. После восстания и свержения Советской власти должны [были] выехать в Америку представители якутского народа с миссией просить Америку взять Якутию под свое покровительство.

В г. Хакодате (Япония) проживает эстонский подданный, владелец крупного мыловаренного и свечного завода Тевер. Во время белогвардейщины на севере ЯАССР находился во Владивостоке. В 1920–1922 гг. Тевер кредитовал Шмидта. На деньги Тевера Шмидт, Гинц и Аспер производили торговлю на севере Якутии. В промежуток времени с [19]24 по 1927 г. Шмидт жил за границей на средства Тевера, который является дядей Шмидта. В 1926 г. Тевер дал Шмидту солидную сумму денег и советовал Шмидту выехать в Австралию.

Бывш[ие] офицеры Шахматов, Божаква и Мейер, в свое время эмигрировавшие за границу, в [19]21 г. активно участвовали в борьбе против Советской власти в белогвардейском отряде Бочкарева. На побережье Охотского моря все эти офицеры имели связь с иностранцами. В 1922 г. полковник Боженков, находясь в г. Охотске комендантом, шел навстречу капиталисту Свенсону, давая возможность последнему торговать, за что от Свенсона получил взятки. В 1925 г. все эти офицеры познакомились со Шмидтом, которого информировали об антисоветской работе. Полковник Боженков состоит на службе в английской тайной полиции в г. Шанхае. Офицер Шахматов в очень хороших отношениях с капиталистом

Демби, у последнего часто бывает в гостях. Шахматов неоднократно принимал у себя на квартире Шмидта. Шахматов проживает в г. Хакодате. Баженов проживает в Шанхае, последний был в хороших отношениях с Чжан Цзолинем, который в [19]26 г. Баженову предлагал какой-то военный пост, но Баженов отказался.

Перед отъездом Шмидта в Якутию Баженов, Шахматов и Мейер имели продолжительную беседу по вопросу антисоветской деятельности, также информировали об общем положении и указывали, что в связи с этим имеется благоприятная обстановка для окончательного выступления в Якутию. Указанные офицеры имели связь с Шанхайской фашистской организацией»<sup>227</sup>.

В 1927 г. с открытием навигации Шмидт первым же пароходом направился в Якутию, где приступил к выполнению полученного задания – вербовке жителей, выбирая зачастую маргинальный контингент, который в свою очередь должен был привлекать иных недовольных советской властью и вести агитацию за отделение Якутии от СССР. Как упоминал Г.С. Сыроежкин в докладе руководству: «Шмидт старается подготовительной работой затронуть по возможности больше районов и привлечь к выступлениям коренное население. Затем объявить свержение власти, одновременно захватить пушнину и оружие в торговых факториях, а затем уже выслать представителей от “восставшего якутского народа” за границу с соответствующей миссией»<sup>228</sup>.

Особые надежды Шмидт возлагал на поддержку Эльгинского района – центра прошлых повстанческих движений. В целях получения оперативной информации об обстановке в указанном районе Шмидт завербовал работника промкооперации Димова, с помощью которого распространял среди местного населения агитационные листовки с текстом о предстоящей войне иностранных государств с СССР и подготовке к восстанию как за границей, так и в Якутии. Позже обо всем этом Димов рассказал на допросе в НКВД. По его показаниям на территории Эльгинского района уже существовала банда, участники которой готовили мятеж. На совещании, проведенном Димовым, обсуждались организационные вопросы, а также тактика и стратегия будущих боев. Один из руководителей группировки, Орлов, настаивал на проведении индивидуального террора против коммунистов. Другой – бывший начальник штаба белогвардейцев на Севере – разработал план организации отряда для борьбы

с большевиками из числа наиболее «надежных якутов», переодетых в красноармейскую форму. Часть населения из числа бывших представителей Белого движения примкнула к организации Шмидта. Были назначены уполномоченные организации, которым поручалось руководство выступлением, проведена подготовка к захвату пушнины и оружия, шхуны «Пионер» и т. д. Распускались слухи о конфискации советской властью оленей у местного населения. Шмидт также организовал «Кооператив северных охотников». Ближайшие его помощники устроились на службу в торговые организации и под видом кредитования промышленников снабжали всем необходимым организацию Шмидта. Для мятежа выбрали апрель, так как из-за таянья множества рек подкрепление большевикам оказалось бы под угрозой. После мятежа Шмидт и несколько его приближенных намеревались захватить шхуну «Пионер» и переправиться в Америку.

Чтобы не допустить этого, органами госбезопасности было решено установить и обезвредить Шмидта. В феврале 1928 г. усиленный местными чекистами боевой отряд под руководством Г.С. Сыроежкина выступил на север для его поиска и задержания. По дороге в г. Среднеколымск белогвардейцы предприняли несколько тщетных попыток по уничтожению отряда. Также безуспешно один из проводников пытался вывести чекистов на уже подтаявший лед в тайге, где их ждала засада.

Во время похода, не зная якутского и эвенкийского языка, Сыроежкин сумел приобрести надежных помощников из местных жителей. Коллеги и помощники обрисовали чекисту ситуацию. Оценив имеющиеся элементы оперативной обстановки, Сыроежкин решился на дерзкий план: пробраться в дом к резиденту под видом инспектора-ревизора, прибывшего с проверкой в северные районы. В скором времени к Шмидту из соседнего кооператива прибыл подставной местный житель и рассказал, что в их кооперативе уже несколько дней строго работает ревизор. Он охарактеризовал его как очень большого человека, приехавшего в сопровождении милиционера, ругающегося, кричащего и грозящего всех посадить. Но договориться, мол, с ним можно: ревизор любитель спиртного и ценитель мехов; и через два дня он придет в «Кооператив северных охотников».

Шмидт пригласил гостей в дом и предложил завтрак. Ревизор отказался. Выглядел он нарочито сурово, все время что-то записывал и даже отправился на склад. Опасаясь выявления недостачи и увольнения, резидент американской разведки решил физически устранить незваного гостя, но, вспомнив «о пристрастии» ревизора к алкоголю, решил его напоить. Пригласил в тот же день на ужин. Весь вечер Сыроежкин незаметно наблюдал по сторонам, однако в доме находились телохранители Шмидта. Подходящего момента для задержания не представлялось.

Расположив Шмидта к себе, Сыроежкин через несколько дней подписал все документы по ревизии и намекнул, что ему пора возвращаться домой. Тогда Шмидт предложил ему выехать к окoliце и выпить «на посошок». Резидент сел в сани, не взяв с собой телохранителей. Обрато он уже не вернулся...

Вскоре были задержаны другие участники заговора. Попытка мятежа окончательно провалилась. Арестованных отправили в г. Среднеколымск, где во время допросов они признались в сотрудничестве со спецслужбами США и Японии и о планах отделения Якутии от СССР.

Несмотря на то, что попытки контрреволюционных выступлений в 1927–1928 гг. потерпели крах, отдельные выступления и диверсии имели место и в последующие годы. При этом многие из них преследовали цель нанести урон экономическому развитию региона. В качестве такового можно рассматривать поджоги 17 марта 1931 г. строящейся Селигдарской электростанции на Алдане, после чего указанная станция была включена в качестве объекта, охраняемого войсками ОГПУ.

В целом можно констатировать, что в 1920-е – начале 1930-х гг. органы ОГПУ на местах провели большую агентурно-оперативную работу по овладению антисоветскими и сепаратистскими движениями.

Руководству и оперативному составу ОГПУ уже в те годы было доподлинно известно, что под видом объединений национально-общественного характера, маскирующих свою деятельность под сохранение национального языка, поддержание национальной культуры и изучение истории своего народа, зачастую скрываются

группы, разжигающие национальную рознь и преследующие сепаратистские цели, а их взаимодействие с иностранными спецслужбами несет серьезную угрозу государственной безопасности.

Опыт органов госбезопасности по противодействию подрывной работе иностранных компаний, направленной на поддержку националистических движений, свидетельствует, что в целях обеспечения должного уровня эффективности борьбы российского государства, его органов безопасности с сепаратистскими угрозами, необходимо постоянно отслеживать изменения, происходящие в сфере этнонациональных и религиозных отношений, тенденции в соответствующих экстремистских движениях, а на этой основе – своевременно вносить коррективы в организацию и тактику борьбы на соответствующих направлениях защиты конституционного строя России в сочетании с системной профилактикой причин и условий возникновения и распространения экстремизма в стране.

**Развитие организационной структуры и системы  
управления советской пограничной охраной  
(1922–1926 гг.)**

После расформирования войск ВЧК, охранявших границу, и выделения для этих целей частей Красной армии в соответствии с постановлением Совета труда и обороны (СТО) РСФСР от 21 октября 1921 г. к охране границы в начале 1922 г. было привлечено 8 дивизий, 9 отдельных батальонов, 5 отдельных эскадронов общей численностью в 60 684 чел.<sup>229</sup>

Во исполнение решений IX Съезда Советов (декабрь 1921 г.) об упразднении в январе 1922 г. ВЧК 6 февраля был издан декрет ВЦИК об упразднении ВЧК и о создании ГПУ при НКВД. Одной из задач учреждаемого ведомства являлась политическая охрана границ РСФСР; войсковую охрану границы продолжало осуществлять военное ведомство<sup>230</sup>.

Организационная структура войск, выделенных для охраны границы, включала дивизии, полки, батальоны, роты, взводы. Тем не менее ответственность за охрану границы по-прежнему лежала на особых органах ВЧК – ГПУ по охране границ. Так, например, дивизии находились в оперативном подчинении особых отделов полномочных представительств ВЧК – ГПУ, полки и батальоны – пограничных особых отделений, роты – пограничных особых постов<sup>231</sup>.

Двойственное подчинение войск отрицательно сказывалось на охране границы, а переход пограничных войск из ВЧК в военное ведомство вызвал поток нареканий не только со стороны органов госбезопасности, но и ряда других ведомств, так как полевое командование Красной армии (КА) не могло в полной мере обеспечить надежную охрану границы<sup>232</sup>.

Организационная структура войск, выделенных для охраны границ, была более приспособлена к обороне границ в условиях угрозы военного нападения, но она не отвечала условиям борьбы со шпионами, контрабандистами и прочими нарушителями границы в мирных условиях. К началу 1922 г. в создавшейся обста-

новке регулярные части КА, подготовленные для ведения фронтальных боевых действий, не могли выполнять задачи по охране границ. Нужны были войска со специальной подготовкой, которые обладали бы знаниями и навыками борьбы с квалифицированными разведчиками, их агентами и контрабандистами, умело пресекали бы попытки перехода государственной границы, а также были бы обучены боевым действиям против мелких групп противника<sup>233</sup>.

В представлениях ГПУ, Наркомвнешторга и с учетом предложений других ведомств в СТО отмечалось, что полевое командование Красной армии не может обеспечить надежную охрану границы, потому обосновывалась необходимость создания пограничных войск ГПУ<sup>234</sup>.

На основании этих представлений СТО признал существовавшую организацию пограничной охраны нецелесообразной, не отвечающей задачам укрепления охраны границы, и 27 сентября 1922 г. постановил: «Передать охрану сухопутной и морской границ РСФСР во всех отношениях в ведение ГПУ, для чего создать отдельный пограничный корпус войск ГПУ общей численностью в 50 тыс. едоков, из которых одна шестая должна быть конными. Означенный корпус подчинить ГПУ па основаниях, изложенных в особом положении».

На 1 октября 1922 г. численность пограничных войск составляла 32 977 чел., что было почти в 2 раза меньше до их перехода в состав ГПУ<sup>235</sup>.

8 октября 1922 г. было утверждено «Положение об организации ОПК», в котором указывалось, что «пограничные отряды объединяются в высшие объединения, именуемые округами войск ГПУ». Далее разъяснялось: «В состав пограничного округа войск ГПУ входят пограничные отряды, состоящие на охране участка границы пограничного полномочного представительства ГПУ, совпадающего с государственной границей Республики. Количество отрядов в каждом пограничном округе соответствует числу пограничных областей и губерний, входивших в состав полномочного представительства». Начальник пограничного округа управлял отрядами через состоящий при нем штаб пограничного округа.

13 октября 1922 г. ГПУ издает приказ № 425 «О формировании Отдельного пограничного корпуса войск ГПУ». Во втором параграфе приказа указывалось, что «начальниками пограничных

округов войск ГПУ назначаются начальники КРО соответствующих пограничных полномочных представительств ГПУ, последним приступить к формированию окружных штабов»<sup>236</sup>.

Командиром ОПК был назначен по совместительству начальник контрразведывательного отдела (КРО) ВЧК А.Х. Артузов. По вопросам управления пограничными войсками он подчинялся непосредственно председателю ГПУ и его заместителю. Начальником штаба ОПК стал бывший начальник Главного управления пограничной охраны С.Г. Шамшев.

Приказом ГПУ от 27 октября 1922 г. на базе переданных военным ведомством пограничных дивизий в структуре полномочных представительств (ПП) ГПУ военных округов созданы штабы пограничных округов во главе с начальниками контрразведывательных отделов ПП ГПУ<sup>237</sup>.

С образованием ОПК существенно изменилась организация и система управления пограничной охраной. В составе корпуса было создано 7 округов — Петроградский, Западный, Украинский, Северо-Кавказский, Закавказский, Туркестанский и Сибирский (позже сформировалось Управление погранохраны полномочного представительства (ПП) ГПУ Дальневосточного края). Для руководства войсками учреждались: в центре — штаб ОПК войск ГПУ; в погранокругах — штабы погранокругов войск ГПУ; в погрангуберниях — штабы губернских пограничных отрядов. Основными подразделениями ОПК являлись отдельные батальоны 3-ротного состава, отдельные кавалерийские дивизионы и эскадроны, в некоторых округах — отдельные пограничные роты (всего 8) и отдельные роты связи (всего 9). В общей сложности в ОПК имелась 71 рота<sup>238</sup>. К февралю 1923 г. все перечисленные подразделения были объединены в губернские пограничные отряды.

Для охраны морских границ в составе Погранкорпуса было образовано 4 отряда судов пограничной охраны (на Белом, Черном, Каспийском морях и в Финском заливе) и 2 флотилии (Чудская и Аму-Дарьинская). Для руководства флотилиями и отрядами судов 25 декабря 1922 г. приказом ГПУ при штабе ОПК было создано отделение морской пограничной службы.

Начальниками пограничных округов войск ГПУ и губернских погранотрядов являлись соответственно начальники КРО полномочных представительств ГПУ и начальники губернских отделов

ГПУ. Они руководили вверенными им частями через штабы пограничных округов и губернских погранотрядов.

Основными органами управления были штаб войск ГПУ, штаб ОПК, штаб округа, штаб отряда.

С образованием ОПК был устранен основной недостаток в организации пограничной охраны – межведомственное разделение войсковой и оперативной работы. Пограничная охрана и оперативные органы на границе были сосредоточены в одном ведомстве – ГПУ, которое, совершенствуя охрану границы, нашло новые, наиболее целесообразные формы организации войск.

Однако уже первые месяцы практического руководства войсками корпуса показали, что созданная система управления громоздка и неэффективна. Командир ОПК управлял пограничными частями через штаб корпуса, начальник которого в вопросах строевого характера, боевой подготовки и воспитания личного состава подчинялся начальнику штаба войск ГПУ. Подобная система была и в округах.

С целью объединения под единым руководством усилий органов и войск, участвовавших в охране государственной границы, 31 января 1923 г. приказом ГПУ № 56 пограничная охрана во всех отношениях была подчинена непосредственно заместителю председателя ГПУ, который осуществлял управление ей через штаб войск ГПУ, имевший в своем составе отдел пограничной охраны.

Тем не менее и после объединения оперативной и войсковой охраны границы в центре в рамках одного ведомства организация охраны границы в округах по-прежнему расчленялась на оперативную и войсковую функции, что отрицательно сказывалось на служебной деятельности войск.

В целях объединения управления охраной государственной границы приказом ГПУ 28 июля 1923 г. № 315 создается отдел пограничной охраны, состоящий из оперативного и агентурно-разведывательного отделений. Отдел подчинялся непосредственно заместителю председателя ГПУ. По вопросам борьбы со шпионажем и политической контрабандой он продолжал выполнять распоряжения начальника КРО ГПУ.

В пограничных округах были созданы части пограничной охраны (ЧПО) ПП ГПУ округов. В их ведении находилась оперативная деятельность войск округа. Начальник ЧПО являлся по должности помощником полномочного представителя ГПУ

по пограничной охране и ему в оперативном отношении подчинялись все пограничные части округа. Приказы, касающиеся пограничной охраны округа, подписывались начальником ЧПО и начальником штаба войск ГПУ<sup>239</sup>. Командиры пограничных частей в оперативном отношении оставались в подчинении начальников пограничных особых отделений.

Таким образом, с конца июля 1923 г. руководство пограничной охраной на территории пограничного округа осуществляли оперативные органы ГПУ и войсковое командование, которые лишь в центре замыкались на одного начальника – заместителя председателя ГПУ. Округ по-прежнему не был самостоятельным объединением.

В результате осуществленной в 1922–1923 гг. реорганизации охрана границ сосредоточилась в ведении одного ведомства – ГПУ. К весне 1923 г. в организации пограничной охраны оставался один существенный недостаток – разобщенность агентурно-оперативной работы и войсковой службы. Разделение пограничной охраны на оперативную и войсковую при существовавших параллельно двух аппаратах, несмотря на их единое подчинение, себя не оправдало. По указанию Ф.Э. Дзержинского в октябре 1923 г. в Петроградском, Украинском и некоторых других округах было проведено объединение особых пограничных отделений и войсковых частей, так как стало очевидным, что на каждом участке границы должен быть один пограничный начальник, который полностью бы отвечал и за политическую охрану границы, и за состояние войсковой пограничной охраны. Разделение пограничной охраны на оперативную и войсковую при существующих параллельно двух управленческих аппаратах, несмотря на их единое подчинение, себя не оправдало. В приказе ГПУ от 3 октября 1923 г. подчеркивалось, что «командир войск ГПУ должен быть одновременно и командиром, и работником органов ГПУ»<sup>240</sup>.

Вместо штаба войск ГПУ была сформирована Главная инспекция, в округах – инспекции. Всю ответственность за «правильное использование войск, а равно и за надлежащую их подготовку», предлагалось возложить исключительно и полностью на ПП ГПУ и начальников губернских (областных) отделов.

Приказом ОГПУ № 122/44 от 25 февраля 1924 г. устанавливалась единая организация пограничных войск. Пограничные отделения губернских отделов были объединены со штабами отдельных пограничных частей. Вместо пограничных отделений созданы управления пограничных отрядов.

В штаты управлений отрядов были введены помощники начальников отрядов по секретно-оперативной части (СОЧ), одновременно они же являлись и заместителями начальников отрядов. СОЧ в зависимости от обстановки и условий работы состояла из нескольких групп: ИНО, КРО, СПО, по борьбе с контрабандой, группы службы и оперативного обслуживания. Отдельные роты были слиты с пограничными постами и преобразованы в пограничные комендатуры. Основными подразделениями войсковой охраны границы стали пограничные заставы, подчиненные коменданту и начальнику отряда. В центре и ПП ОГПУ организация органов управления осталась прежней.

Таким образом, в едином аппарате управления пограничного отряда завершилось объединение оперативного, строевого, административно-хозяйственного и политического руководства. Пограничная охрана получила наиболее целесообразную и действенную форму организации. В управлении всей системой охраны границы утвердился принцип единоначалия. Структура пограничных войск в 1924 г. представлялась в таком виде: отдел пограничной охраны, ЧПО ПП ОГПУ, ЧПО губотдела, пограничный отряд, комендатуры, заставы<sup>241</sup>.

Пограничная охрана губернии была подчинена начальнику губернского отдела ОГПУ, который стал именоваться начальником пограничной охраны губернии (с правами командира дивизии). Для управления пограничной охраной при губернском отделе ОГПУ учреждалась часть пограничной охраны, начальник которой являлся помощником начальника пограничной охраны губернии (с правами командира бригады). Штат ЧПО составлял от 13 до 21 чел. Всего в 1924 г. при губернских и областных отделах ОГПУ создано 18 ЧПО, имевших в подчинении 62 пограничных отряда, 159 комендатур и 971 заставу. ЧПО были созданы также при полномочных представительствах ОГПУ в пограничных округах, где они сосуществовали с окружными инспекциями войск. В целях создания единого руководства пограничной охраной на территории

округа окружные ЧПО и инспекции войск в апреле 1924 г. были объединены, начальник ЧПО и войск ОГПУ стал именоваться старшим инспектором войск округа<sup>242</sup>. ЧПО округа управляла войсками округа через несколько (3–4) губернских частей пограничной охраны. ЧПО губернии управляла несколькими пограничными отрядами.

Новым в структуре округов пограничной охраны явилось также то, что в их состав, помимо пограничных отрядов, были введены окружные пограничные школы, морские базы и отряды пограничных судов (на приморских участках).

12 августа 1925 г. СТО постановил «при каждом из пограничных отрядов сформировать особые маневренные группы... общей численностью 100 человек». К концу 1925 г. охрану границы Советского государства осуществляли 10 пограничных округов, в состав которых входило 56 пограничных отрядов и 18 отдельных пограничных комендатур<sup>243</sup>.

В 1925 г. «по плану увеличения боеспособности границ» постановлением правительственной комиссии численность погранвойск была доведена до 36 670 чел.<sup>244</sup>

В 1926 г. было признано целесообразным слить в единый аппарат органы оперативного и войскового управления в центре и округах. Приказом ОГПУ № 229 от 6 ноября 1926 г. отдел пограничной охраны и Главная инспекция войск ОГПУ были объединены и переименованы в Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ (ГУПО и ВОГПУ). В пограничных округах на базе ЧПО округа и штаба войск ПП ОГПУ были созданы управления пограничной охраны и войск ПП ОГПУ округа (УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ); губернские пограничные отряды и ЧПО губотделов ОГПУ были расформированы.

В конце 1926 г. организационная структура пограничных войск включала: Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ, округа, отряды, комендатуры, заставы, части морской пограничной охраны и др.

Таким образом, промежуточное звено между округом и пограничными отрядами было ликвидировано, что повысило мобильность управления частями. Управление округа теперь состояло из оперативной, строевой, снабженческой части и политического отдела. Части управления подразделялись на отделения и инспекции

по направлениям работы. В 1926 г. погранохрана окончательно закрепила в составе органов безопасности, были сформированы более совершенные организационная структура и система управления ею. Практика охраны границы в основном доказала правильность шагов, направленных на оптимизацию организационной структуры и системы управления. Тем не менее отрицательным аспектом была ликвидация штабов окружного и отрядного звеньев, являвшихся основными органами военного управления.

**Японско-польское разведывательное сотрудничество  
против СССР в 1930-е гг.**

История 1930-х гг. традиционно рассматривается через призму противостояния крупных держав и формирования биполярной системы международных отношений. Однако на периферии этой системы складывались и другие союзы. Одним из таких союзов являлась попытка оперативного взаимодействия между разведывательными службами Польши и Японской империи против СССР.

После восстановления государственности в 1918 г., чему первоначально способствовала РСФСР, аннулировавшая договоры о разделах Польши, новое государство оказалось между Германией и Советской Россией. Стремясь вернуть былое влияние, польское руководство вынашивало план создания конфедерации «Междуморье» в границах Речи Посполитой XVIII в. Осознавая СССР как главную угрозу, Польша сосредоточила свои разведывательные усилия прежде всего на восточном направлении.

Следует отметить, что стратегические основы будущего сотрудничества с Японией были заложены значительно раньше. В 1904 г., во время Русско-японской войны, Ю. Пилсудский, тогда лидер Польской социалистической партии, направил в Токио меморандум. В этом документе он указывал на «необходимость использовать в борьбе с царской Россией многочисленные нерусские народы, которые проживали на берегах Черного, Каспийского, Балтийского морей»<sup>245</sup>. Этот меморандум подтверждает, что уже в начале XX в. польские национал-демократы рассматривали Японию как естественного союзника в борьбе с общим противником – Российской империей. Идея использования национальных движений угнетенных народов, которая позже оформится в доктрину «Прометеизма», стала центральным элементом стратегического плана Польши по развалу СССР.

К началу 1930-х гг. Японская империя окончательно встала на путь военной экспансии, что подтвердила оккупация Маньчжурии в 1931 г. и создание марионеточного государства Маньчжоу-го. Главным противником на континенте для Японии стал СССР, чье

растущее влияние в Китае и Монголии, а также усиление военной мощи на Дальнем Востоке воспринимались в Токио как прямое препятствие для установления японского господства в Азии.

Именно Советский Союз стал тем фактором, который позволил преодолеть географическую и культурную дистанцию между Варшавой и Токио. Для Польши СССР был геополитическим соперником, угрожавшим самой идее польской государственности. Коминтерн поддерживал коммунистические движения, а советская пропаганда открыто называла Польшу «детисцем Версальского договора»<sup>246</sup>.

Для Японии СССР был главным сухопутным противником в Азии. Планы японского генерального штаба предусматривали крупномасштабную войну с Советским Союзом. Поражение японских войск в конфликте на КВЖД в 1929 г. лишь подстегнуло милитаристские настроения и осознание необходимости получения качественной разведывательной информации о РККА<sup>247</sup>.

Таким образом, к началу 1930-х гг. и Польша, и Япония видели в СССР своего главного стратегического противника, что создало прочную основу для диалога. Их интересы идеально дополняли друг друга: Польша имела развитую агентурную сеть в европейской части СССР. Япония же обладала уникальным доступом к информации с Дальнего Востока, Сибири и в Монголии, а также значительными финансовыми и техническими ресурсами.

Важным фактором, повлиявшим на динамику сотрудничества, являлась нацистская Германия. Приход Гитлера к власти в 1933 г. и его открытые реваншистские заявления заставили польское руководство с большей настороженностью смотреть на Берлин. Япония, в свою очередь, видела в нацистской Германии потенциального союзника против СССР, что в 1936 г. вылилось в подписание Антикومنтерновского пакта. Для польской дипломатии это создавало дополнительную сложность: с одной стороны, сотрудничество с Японией было выгодно против СССР, с другой – оно сближало Варшаву с Берлином, что могло быть истолковано негативно в Париже и Лондоне. Эта двойственность наложила отпечаток на весь характер взаимодействия, сделав его в значительной степени уделом военных и разведок, а не публичной дипломатии.

Формально 1931–1932 гг. являются точкой отсчета интенсивного сотрудничества. Ключевую роль в его налаживании сыграли

военные атташе. Генерал-лейтенант Хироси Осима, военный атташе в Берлине и Варшаве, являлся сторонником сотрудничества с европейскими странами и видел угрозу в СССР, в связи с чем и выступил одним из организаторов японо-польского диалога на его ранней стадии.

В 1932 г. И.В. Сталин был проинформирован Иностранным отделом ОГПУ со ссылкой на источник во французском генштабе, что осенью 1931 г. Варшаву посетили два японских офицера, в результате чего было подписано письменное соглашение между японским генеральным штабом и главным штабом Войска Польского. В соответствии с ним «Польша обязана быть готовой оттянуть на себя силы большевиков, когда японцы начнут продвигаться на территории СССР»<sup>248</sup>.

Идеологической платформой, облегчившей контакты, стал польский «Прометеизм» – политическое движение, инициированное Ю. Пилсудским и направленное на поддержку национально-освободительных движений народов, угнетаемых СССР (украинцев, грузин, азербайджанцев, народов Северного Кавказа и др.). Целью «Прометеизма» было ослабление и расчленение Советского Союза путем разжигания сепаратизма.

Для Японии, которая в своей пропаганде на Дальнем Востоке также использовала лозунги «освобождения» народов от русского «колониализма», эта идеология оказалась приемлемой в полной мере. Японские спецслужбы, в частности, разведка Квантунской армии, активно создавали и поддерживали белогвардейские организации. Таким образом, «Прометеизм» предоставил не только идеологическое обоснование, но и практические каналы для обмена агентурными ресурсами. Польша делилась с японцами контактами среди украинской и кавказской эмиграции в Европе, а Япония – среди дальневосточных диаспор.

В период с 1935 г. по 1939 г. регулярные рабочие встречи между разведками двух стран позволили наладить сотрудничество на беспрецедентном уровне оперативного доверия. «Военный атташе Японии в Варшаве систематически устраивал с чинами 2-го отдела польского генштаба конференции по разведывательным вопросам и заручился всемерным содействием польской разведки по

линии мероприятий против СССР. Японская разведка могла свободно изучать прикордонную полосу со стороны Польши, пункты переправ, устанавливать пункты для радиосвязей, явки и т.д.»<sup>249</sup>.

Первые конкретные договоренности касались обмена информацией о дислокации, численности и вооружении частей Красной армии, а также о советской военной промышленности. Польша передавала Японии данные по европейской части СССР, полученные от своей агентуры и путем радиоперехвата. Япония в свою очередь снабжала поляков информацией о советских войсках на Дальнем Востоке, их тактике и моральном духе, добытой как агентурным путем, так и в результате частых пограничных инцидентов.

Наиболее известным и технологически продвинутым аспектом сотрудничества стала область криптографии. Сотрудничество с Польшей в сфере криптоанализа имело важное значение для Японии на фоне постоянного роста напряженности в отношениях с СССР, зачастую балансировавших на грани войны в 30-е гг. XX в. В 1932–1939 гг. польский генеральный штаб передавал по военно-дипломатическим каналам ключи к шифрам РККА, используя которые криптоаналитическое подразделение разведки особого назначения Квантунской армии смогло раскрыть шифры РККА и пограничных войск НКВД<sup>250</sup>.

1 августа 1938 г. был создан отдел разведки особого назначения Квантунской армии во главе с полковником Окубо Сюдзиро. Он и двое его подчиненных в разные годы прошли стажировку в Польше. Отдел быстро превратился в самый мощный в японских вооруженных силах орган радиоразведки и криптоанализа, специализировавшийся на работе против СССР<sup>251</sup>.

Вторым элементом сотрудничества являлся обмен агентурными разведданными. Оно было построено по принципу географического дополнения: Польша поставляла информацию о частях РККА в западных округах, Япония – на Дальнем Востоке и в Сибири.

Японцы использовали малейшие возможности для получения информации у членов иностранных представительств в СССР, прилагали все усилия к тому, чтобы устанавливать тесную личную связь с отдельными работниками иностранных разведок, материально интересовывали их, награждали их под различными предлогами орденами. Так, польский военный атташе в Москве майор

Ковалевский за оказание содействия японскому военному атташату в разведывательной работе был приглашен генеральным штабом Японии в Токио для проведения курса по шифровальному делу, получив солидный гонорар и японский орден<sup>252</sup>. Этот случай показывает глубину вовлеченности польских офицеров в операции японской разведки.

Сотрудничество выходило за рамки обмена информацией и включало совместное использование инфраструктуры. Как уже отмечалось, японцы получили доступ к приграничной зоне Польши. Один из японских офицеров был командирован в СССР для специального изучения вопросов, связанных с «провозоспособностью основных железнодорожных магистралей СССР в период мобилизации и в военное время»<sup>253</sup>. Это направление работы – изучение транспортной инфраструктуры – было крайне важным для обеих сторон, так как выявляло мобилизационные возможности СССР по переброске войск между западным и восточным театрами военных действий.

Сотрудничество разведок в ряде «информационных контактов» приводило к совместному использованию агентуры, находящейся в Советском Союзе»<sup>254</sup>. Это форма доверия в разведывательной деятельности, которая на практике значительно повышала эффективность обеих разведок, но одновременно и увеличивала риск провала всей сети в случае раскрытия агента.

Однако ни одна из сторон не была готова раскрывать друг другу своих ключевых, глубоко законспирированных агентов, обмен велся в основном на уровне «расходного материала» – мелких информаторов или курьеров, чья потеря была бы не слишком чувствительной.

Период 1938–1939 гг. стал временем предельного развития для японо-польского разведывательного сотрудничества. Хотя оно достигло своей наивысшей эффективности, вскоре было практически прекращено из-за кардинальных изменений в Европе.

Мюнхенское соглашение сентября 1938 г., приведшее к расчленению Чехословакии, стало переломным моментом для польской внешней политики. Хотя Польша и приняла участие в разделе чехословацких земель (в частности, территория Заользье), в Варшаве отдавали себе отчет, что являются следующим объектом немецкой

агрессии. Это заставило польское руководство кардинально переосмотреть стратегические приоритеты. Угроза со стороны Германии превратилась из теоретической в непосредственную, в то время как угроза со стороны СССР отодвинулась на второй план.

Формально сотрудничество было свернуто в первые дни сентября 1939 г. с началом немецкого вторжения в Польшу. Каналы связи были разорваны, персонал польской разведки в срочном порядке эвакуировался.

В этой ситуации Япония, несмотря на союзнические отношения с Германией, предприняла тайные шаги по эвакуации офицеров подразделений разведки и криптоанализа польского генштаба в Японию. Так, военный атташе Японии в Польше Уэда Масао обеспечил проезд в начале 1940 г. в Японию четырех ведущих специалистов польского генштаба, в том числе двух военных разведчиков по советской линии, офицера по специальным операциям и криптоаналитике.

Отдел разведки особого назначения Квантунской армии как главный орган радиоразведки против СССР продолжал внедрять опыт польского Генерального штаба. Это было направлено на улучшение работы технических подразделений японской разведки в ходе войны.

Таким образом, японо-польское разведывательное сотрудничество в 1930-е гг. представляло собой уникальный и в меру эффективный феномен в системе международных отношений межвоенного периода. Возникнув на прочном фундаменте общих стратегических интересов, направленных против СССР, оно прошло путь от первых осторожных контактов до полноценного интегрированного взаимодействия. Это сотрудничество, основанное на доктрине «Прометеизма», включало обмен разведанными о Красной армии, совместный анализ советской военной доктрины, а также технический обмен в области дешифровки, где Польша, проводившая работу по взлому «Энигмы», считалась мировым лидером.

Этот исторический опыт не утратил своей актуальности. Современная Япония, являясь ключевым союзником США в Азии и активным участником «Большой семерки», полностью интегрирована в западное разведывательное сообщество. В контексте санкционной политики против России Токио действует совместно с Вашингтоном и Брюсселем, а в рамках двустороннего военного

союза с США активно противодействует не только КНР, но и стратегическому сближению России и Китая, которое рассматривается как прямая угроза. Таким образом, опыт разведывательной деятельности не устаревает, а лишь адаптируется к новым условиям.

На современном этапе Варшава, позиционируя себя как «восточный фланг НАТО», активно лоббирует дальнейшее ужесточение давления на Россию. Начавшаяся 24 февраля 2022 г. Специальная военная операция показала, что польское руководство не оставило намерения решить «русскую проблему»<sup>255</sup>. При этом Польша и Япония сегодня, пусть и в иной конфигурации, вновь оказались по одну сторону баррикад: Япония как форпост западного влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Польша – в Европе. Их объединяет общая стратегическая цель – ослабление российского потенциала и сдерживание его влияния, что придает их текущей политике характер исторического возрождения довоенного альянса, но в глобальном масштабе.

Таким образом, наблюдается прямая историческая преемственность. Цели по ослаблению и подрыву целостности России, являющиеся приоритетом внешней политики Запада, сегодня продвигаются польским руководством в наиболее открытой и радикальной форме, находя понимание и поддержку у таких ключевых игроков, как Япония, чья собственная позиция в отношении России с 2014 г. значительно ужесточилась. Меняются союзники и методы, но стратегическая цель остается неизменной, а исторические альянсы получают новое воплощение в изменившихся геополитических условиях.

**Дело о служебных должностных  
преступлениях в Архитектурно-планировочном  
управлении Моссовета (1932 г.)**

Борьба с должностными служебными преступлениями в Советском Союзе серьезно изучается в постсоветский период<sup>256</sup>, однако до сих пор не стала предметом самостоятельного исследования борьба с такими преступлениями в столице в начале 1930-х гг. В настоящей статье на основе опубликованных источников и материалов Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) рассмотрено дело о должностных служебных преступлениях в Архитектурно-планировочном управлении Моссовета.

Не позднее августа 1932 г., расследуя дело о коррупции в Московском областном управлении исправительно-трудовых учреждений (МОУИТУ), оперуполномоченный 6-го отдела экономического отдела Полномочного представительства ОГПУ по Московской области (ЭКО ПП ОГПУ по МО) Григорьев вышел на инженера по надстройкам домов Моссовета при Мосжилтресте Т.Н. Трясогорова. Он был арестован и 9 октября 1932 г. «в целях искупления своей вины» сделал чистосердечное признание:

«Примерно в начале июня мес[яца] 1932 г. мною был передан объект для надстройки МОУИТУ по адресу: Никитский бульвар, д. № 6/20, с целью получения взятки при следующих обстоятельствах. Главный инженер МОУИТУ Алексей Платонович Платонов (с которым я был в дружеских отношениях и поддерживал связь в течение ряда лет) в начале июля мес[яца] с.г. предложил мне подыскать объект для надстройки МОУИТУ совместно с Реммаштрестом (Трест по ремонту металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования. – С.В.). При этом Платоновым было предложено мне денежное вознаграждение (взятка) в размере от 500 до 1500 руб., в зависимости от полученных им самим денежных сумм от Реммаштреста. На условия Платонова я согласился

и предоставил ему для МОУИТУ объект по Никитскому бульвару в доме № 6/20.

Этот объект ранее был закреплен за ГУМПОм (Главным управлением государственной металлургической промышленности. – С.В.), которому в строительстве комиссией при союзном Совнаркоме было отказано вследствие полного использования им своих лимитов. После передачи названного объекта МОУИТУ и после оформления его договором от Платонова обещанной им взятки [я] не получил. Предполагая, что Платонов меня игнорирует, я с целью выяснения этого и с целью получения обещанных денег зашел к нему в МОУИТУ в служебный кабинет, где между мною и Платоновым произошел резкий разговор на почве неполучения от него денег. С целью повлиять на Платонова я при уходе заявил, что [пред]ставленный им объект будет передан другой организации. Этой угрозой я рассчитывал понудить Платонова заплатить мне обещанные им деньги.

Кроме этого случая в июне мес[яце] с.г. я оказал содействие в передаче объекта МОУИТУ, в лице того же Платонова, по адресу – Смоленский бульвар, д. №10, за что в свою очередь получил от Платонова проектные работы по этому объекту на 2750 руб. По данному объекту я за 2750 руб. кроме проектных работ также должен был утвердить проект в АПУ и в Стройуправлении Моссовета. Лично я, имея среди работников АПУ знакомых в лице заведующего архитектурно-художественным сектором Бумажного, консультанта Фридмана, райинженера Железковой и других, рассчитывал провести утверждение проекта гораздо быстрее, против обычного порядка. Однако представленный мной проект фасада оказался неудовлетворительным, по словам Бумажного, но чем проект был неудовлетворителен, Бумажный лично разъяснить отказался и направил меня к архитекторам АПУ. Я обратился к заведующему архитектурной группой, к *архитектору Ревякину* (здесь и далее в цитате курсив наш. – С.В.), последний в свою очередь направил меня к своему архитектору (фамилию его не помню), который просмотреть проект отказался под предлогом занятости и направил *архитектору Зайцеву*. Последний охотно взялся переделать проект фасада, за что я ему уплатил 400 руб. Характерно, что проект фасада, составленный Зайцевым, был, несомненно, хуже и по конструкции, и по художественной отделке в сравнении

с моим проектом, [и] все-таки его проект был утвержден, и [при- том] довольно быстро. За перечисленные услуги по передаче МОУИТУ упомянутого объекта я получил 2 тыс. руб., остальные 750 руб. я недополучил до сих пор.

Помимо этих случаев я при содействии Платонова также получал проектные работы по надстройке объекта по Б. Каретному пер., д. №15, за что я получил от МОУИТУ 2 тыс. руб., по этому объекту кроме проектных работ я никаких услуг не оказывал, т.к. все было оформлено без меня.

Все перечисленные преступления протекали на фоне систематических выпивок с Платоновым, которые в конце июля и начале августа происходили наиболее часто в разных ресторанах. Как правило в последнее время за все выпивки расплачивался Платонов, за небольшим исключением. Бесконечные кутежи с Платоновым способствовали моим преступлениям, т.к. расходы на кутежи и недостаточно высокий оклад получаемого мной жалованья привели меня к необходимости изыскания денежных средств преступным путем»<sup>257</sup>.

Добыв данное признание, экономический отдел полпредства ОГПУ взялся за К.Г. Зайцева, архитектора Архитектурно-планировочного управления Моссовета (АПУ), члена ВЛКСМ с 1925 г., окончившего Высший художественно-технический институт (ВХУТЕИН) в 1930 г. Григорьев вызвал Зайцева в ЭКО ПП и 13 октября 1932 г. допросил его в негласном порядке. От молодого советского архитектора потянулась «ниточка» к руководящим работникам АПУ.

Зайцев показал, что, работая архитектором сектора планировки АПУ, он в начале своей работы столкнулся «с исключительно безобразным явлением, выразившимся в отсутствии четкости в самом руководстве и в совершенном отсутствии всякой дисциплины», вследствие чего специалисты были недостаточно загружены. Более того, имели место случаи, когда специалисты (и, прежде всего, младший технический персонал), получая высокие оклады, «сидели без всякого дела». По признанию Зайцева, «полнейшему развалу» АПУ способствовала также «исключительная семейственность в работе», поскольку свыше 60% специалистов было связано со времен учебы во ВХУТЕИН. Константин

Григорьевич признал примечательным, что инженерно-технический состав прозвал Архитектурно-планировочное управление «ВХУТИНом»<sup>258</sup> (видимо, жаргонизм, производное от «ВХУТЕИН»), т.к. в АПУ работали преимущественно выпускники именно этого вуза.

Отсутствие дисциплины, контроля и «исключительная семейственность» привели к тому, что работники АПУ и прежде всего архитекторы, преследуя корыстные цели, почти в полном составе переключились «на частные работы, которые вымогались самым бесцеремонным образом как от отдельных лиц, так и от организаций, заинтересованных в получении разрешения от АПУ на строительство объектов»<sup>259</sup>. И это, подчеркнем, в условиях плановой экономики, когда организации-заказчики были структурами государственными. «Система вымогательства подобных работ с последующей высокой денежной оплатой» состояла, по признанию Константина Григорьевича, в том, что представители различных организаций и «застройщики, производившие проектные работы своим способом без помощи работников АПУ, как правило могли в течение ряда месяцев ежедневно ходить в АПУ без всякого результата, т.к. утверждение подобных работ сознательно затягивалось, в то время как застройщикам, если их проекты составлялись работниками АПУ, утверждение производилось в течение двух-трех дней. В погоне за заработком как отдельные архитекторы, так и руководители групп самым наглым образом в аппарате АПУ являли надстройщикам:

– Если дадите проектные работы, утверждение последует немедленно»<sup>260</sup>.

Отдельные руководители секций, используя свое служебное положение в целях личной наживы, сами проектировали и сами же утверждали эти проекты. В частности, уже упомянутый в настоящей публикации руководитель группы архитекторов и планировщиков АПУ П.П. Ревякин и руководитель группы по Пролетарскому району А.В. Натальченко взяли за работу по архитектурному оформлению школы и надстройки в Пролетарском районе, который Ревякин «обслуживал в планировочном отношении», и, выполняя эти работы, «как планировщик уже их по планировочной секции согласовывал» проекты (за эти работы Ревякин получил 2000 руб., а Натальченко – 400 руб.).

Зайцев признался, что «участие самих руководителей в подобных работах развязывало руки подчиненным им архитекторам», в том числе и самому Константину Григорьевичу, вследствие чего большинство архитекторов изыскивало «всякими способами возможность получить частные работы»<sup>261</sup>.

Зайцев показал, что «работами по проектам и их художественному оформлению с обязательным и быстрым утверждением в АПУ занимались архитекторы Павлов Николай Иванович, Ермонский и другие, причем эти работы проводились с ведома руководителей групп Ревякина и Натальченко». «Более того, – признался Зайцев, – руководитель группы Натальченко сам наталкивал на эти работы и просил лично меня дня два-три тому назад о подыскании ему крупной работы. Аналогичные случаи с его стороны были и раньше, когда Натальченко в частной беседе высказывал желание найти работу на 4 тыс. руб. Рекомендуя мне найти для него работу, Натальченко обычно предупреждал, что следует всё делать "потихе"»<sup>262</sup>.

Пользуясь прямой санкцией на вымогательство работ за высокое денежное вознаграждение, отдельные архитекторы за незначительные проекты запрашивали «бешеные суммы», учитывая, что застройщики, стремясь к получению разрешения на объект, не станут «торговаться из-за лишней сотни рублей». Так, *архитектор по утверждению смет, коммунист Фридман*, в частном разговоре в присутствии Натальченко заявил, что за оформление фасада объекта следует брать не менее тысячи рублей. В соответствии с данной установкой сам Зайцев получил за проект фасада для артели «Красная игрушка» тысячу руб., в то время как за аналогичные проекты до этого брал по 300–400 руб., а самая высокая стоимость этого проекта, по признанию Константина Григорьевича, «ни в коем случае не могла» превысить сумму в 500–600 рублей<sup>263</sup>. Впрочем, этим «прегрешения» Зайцева не исчерпывались. Нуждаясь в средствах, он согласился на предложение Натальченко (что характерно – его «товарища по институту») взяться за проектные работы для Трясоголова. Из полученных 400 руб. Зайцев обязался передать Натальченко половину за утверждение проекта в течение одного дня «в секторе утверждения у Туркенидзе»). Зайцев привел слова Натальченко о том, что «Туркенидзе в архитектуре мало понимает», а потому он «любой проект утвердит в два счета»<sup>264</sup>.

Помимо этого, Зайцев, по его признанию, взялся с подачи Трясоголова за аналогичную работу «по проектировке надстройки по Октябрьской ул., в д. № 25». Константин Григорьевич показал: «За этот проект Трясоголов обещал уплатить мне 300 руб. Проект я выполнил, но Трясоголову не передал, т.к. изготовление его совпало с арестом Трясоголова»<sup>265</sup>. Впрочем, данный арест сам по себе не привел к оздоровлению атмосферы в АПУ и подведомственных учреждениях.

Зайцев показал, что в конце августа 1932 г. районный инспектор, беспартийная Аппель, предложила ему взять работу по проекту оформления нового фабричного здания для артели «Красная игрушка» за одну тыс. руб. Зайцев показал: «При передаче мне этой работы между мной и Аппель было заключено соглашение, что проект мой будет составлять совместно с ней. Однако впоследствии я работу выполнил один, отказавшись от услуг Аппель, т.к. она заявила, что подписывать проект не будет и за составление его просила с меня 500 руб. Отказ от услуг сильно обострил наши взаимоотношения, но тем не менее при ее содействии проект был утвержден в течение одного дня. Кроме этих случаев примерно в июне или июле (точно не помню) я взял составление проекта для надстройки Теплотехнического института за 400 руб. с обязательством утверждения его в АПУ. Проект был мной составлен и через заведующего художественным сектором Бумажного в течение дня утвержден, причем во время утверждения Бумажный мне заявил:

– Проект имеет некоторые дефекты, но тем не менее я тебе его утверждаю»<sup>266</sup>.

Константин Григорьевич пояснил: «С Бумажным я учился, как [и] остальные архитекторы, в одном институте»<sup>267</sup> (Л.О. Бумажный учился в вузе-предшественнике ВХУТЕИН на шесть лет раньше Зайцева, но это значения не имело).

Зайцев также показал, что, «преследуя корыстную цель и занимаясь частными проектами, архитекторы в лице Ревякина, Натальченко, Павлова, Ермонского, Гремычинской, а также и меня к своей прямой работе по АПУ относились не вполне добросовестно и в служебное время обсуждали вопросы, где и каким образом получить частные работы. Ежедневные попытки к частным работам также [отражались на качестве работы] АПУ», поскольку

«систематически срывался промфинплан и затягивались основные работы»<sup>268</sup>.

Зайцев признал себя «виновным в том, что, работая в АПУ в качестве архитектора, преследуя корыстную цель», он «незаконным способом производил частные проекты и их утверждение при посредстве работающих в АПУ своих друзей Натальченко, Ревякина, Аппель, Студенцовой и др.»<sup>269</sup>

27 октября 1932 г. Полномочное представительство ОГПУ по Московской области направило Первому секретарю МК и МГК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, секретарю МГК ВКП(б) Р.Г. Рубену, секретарю МГК ВКП(б) Р.Е. Давидсону и председателю Московской городской контрольной комиссии ВКП(б) Н.А. Филатову докладную записку «О преступлениях в аппарате Архитектурно-планировочного управления Моссовета», в которой констатировало: «В аппарате АПУ существует установленная архитекторами система вымогательства проектных работ для организаций и лиц, заинтересованных в получении разрешения на строительные работы. Этому способствует исключительная семейственность, созданная в аппарате АПУ, основной состав архитекторов которого составляют бывш[ие] научные работники и студенты Высшего художественного института, связанные между собой на протяжении ряда лет. Вдохновителем системы взяточничества (под видом вознаграждения за проектные работы) является архитектор АПУ Фридман – член ВКП(б), который совершенно открыто заявляет, что за оформление проекта архитекторы АПУ должны брать не менее 1000 руб. Руководствуясь личной корыстной заинтересованностью, работники АПУ месяцами затягивают утверждение проектов, изготовленных на стороне, заставляя их по несколько раз переделывать, проекты же, составленные работниками АПУ, утверждаются в течение одного-двух дней, несмотря на то, что качественно они значительно уступают проектам, изготовленным архитекторами, не работающими в АПУ»<sup>270</sup>.

ПП ОГПУ доложило, что проекты составлялись не только рядовыми работниками, но и руководителями секций, которые, используя свое служебное положение, сами же эти проекты утверждали. Полпредство привело конкретные факты: «проект фасада дома, представленный “Военстроем”, браковался АПУ несколько

раз. Наконец, Фридман потребовал от представителя этой организации, чтобы работы по составлению проекта были переданы работникам АПУ за 4 тыс. руб.; руководитель архитектурно-планировочной группы по Фрунзенскому району Ревякин (кандидат в члены ВКП(б)) и руководитель группы по Пролетарскому району Натальченко (член ВКП(б)) выполнили частным способом работы по архитектурному оформлению школы ФЗУ и одной надстройки и лично утвердили эти свои проекты, получив денежное вознаграждение в сумме 2200 руб.; архитектор Зайцев за составление проекта для артели «Красная игрушка» и за его утверждение получил 1 тыс. руб. в то время, когда, по его собственному признанию, самая высокая стоимость такого проекта не могла превышать 500–600 рублей; за проект Теплотехнического института Зайцевым было получено 400 руб.; за проектные работы с инженера Мосжилтреста Трясоголова Зайцев получил 500 рублей. Половина этой суммы предназначалась архитектору Натальченко как руководителю группы; Натальченко поручал Зайцеву подыскивать проектные работы, рекомендуя при этом делать это потише; архитекторы Шевцов (член ВКП(б)) и Суслов (б[ес]п[артийный]) за составление проектов по двум надстройкам и их утверждение получили с Трясоголова 1 тыс. рублей; архитектор Самарин (член ВКП(б)) за составление проекта пристани водного трамвая у Воробьевых гор, утвержденного его товарищем по институту Бумажным, получил 300 рублей»<sup>271</sup>.

ПП ОГПУ констатировало, что добытые ЭКО следственные материалы «полностью подтверждались агентурными данными», и просило санкции партийного руководства на «арест следующих работников АПУ: Фридмана, Натальченко, Ревякина, Шевцова, Сулова, Самарина, Гремячинской, Аппель, Зайцева, Рогова и Талалай»<sup>272</sup>. Подчеркнем, что чекисты не настаивали на арестах всех упомянутых в показаниях лиц.

К сожалению, в настоящее время не выявлен экземпляр докладной записки, направленной Первому секретарю МК и МГК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, а потому неизвестно, кто именно, помимо Аппель и Трясоголова, был в итоге арестован, а в каких случаях чекисты ограничились «профилактикой» (1932-й – это не «Тридцать пятый и другие годы»). Достаточно указать на тот факт, что свидетельство

Зайцева об утверждении Л.О. Бумажным представленного им проекта с отдельными дефектами не помешало Бумажному стать видным советским архитектором, впоследствии (1957) член-корреспондентом Академии строительства и архитектуры СССР.

В любом случае дело о коррупции в Архитектурно-планировочном управлении Моссовета способствовало общему оздоровлению кадров управления в ходе разработки Генерального плана реконструкции столицы. ЭКО ПП ОГПУ по МО доложил столичным руководителям о необходимости улучшения материального положения сотрудников АПУ и направления в управление новых людей, нацеленных на выполнение масштабных планов по строительству «образцового социалистического города» (в ту эпоху чекистские органы, помимо прочего, исполняли функции нынешнего ВЦИОМа). «Дело» АПУ стало одной из предпосылок произведенной в соответствии с решением МГК ВКП(б) и Моссовета от 23 сентября 1933 г. реорганизации управления, которая привела к созданию «первичных звеньев планировки»<sup>273</sup> столицы и значительным сдвигам в разработке Генерального плана ее реконструкции.

**Изменение положения спецпереселенцев  
Уральской области в начале 1930-х гг.**

В 1920–1930-х гг. в Советском Союзе проходил процесс сталинской модернизации, частью которого стало масштабное строительство и разработка природных ресурсов на Урале. При этом государство столкнулось с серьезной нехваткой работников, особенно в добывающей и перерабатывающей промышленности. Одним из способов решить эту проблему стало использование труда высланных кулаков 2-й и 3-й категорий. Вопрос о спецпереселенцах – раскулаченных крестьянах, сосланных в Казахстан, Уральскую область, на Дальний Восток и другие регионы СССР – остается одним из самых сложных вопросов в ведомственной науке из-за сложившегося убеждения о виновности ОГПУ в проведении раскулачивания и репрессиях 1920–1930-х гг.

В научной и научно-популярной литературе, начиная с 1990-х гг., прочно закрепился тезис о том, что в тяжелом положении спецпереселенцев виновато исключительно ОГПУ и партия. В качестве примера можно привести цитату из монографии А.А. Базарова: «В компании массового выселения органы ОГПУ были дирижерами всех мероприятий. Либретто писали партийные органы. В ОГПУ разработали основные узлы гигантской операции и строго контролировали ход ее реализации...»<sup>274</sup>.

При этом в тяжелых условиях жизни, эпидемиях и смертях спецпереселенцев традиционно обвиняли сотрудников ОГПУ. Но, согласно документам, все далеко не так однозначно.

Самым крупным местом ссылки раскулаченных крестьян стала Уральская область, причем количество ссыльных в регионе увеличивалась стремительно.

Использование труда высланных кулаков и должно было решить возникшую нехватку трудовых ресурсов. Спецпереселенцев стали передавать хозяйственным организациям. В Уральской области крупнейшими организациями, которые использовали труд спецпереселенцев, были Рыбтрест, Леспромхоз, Камураллес, Волгокаспийлес, Уралплатина, Уралуголь, Уралруда, Востоксталь.

Кроме того, труд спецпереселенцев использовался на строительстве предприятий и при сельскохозяйственном освоении области. «Основные положения договора органов ОГПУ с хозяйственными организациями о трудовом использовании спецпереселенцев» были разработаны только летом 1931 г. А до этого времени семьи спецпереселенцев просто передавались предприятиям с условием их содержания, нормы которого не уточнялись.

Необходимо также отметить, что в первое время после начала массовых переселений крестьян в 1930 г. правовой статус спецпереселенцев был очерчен весьма приблизительно. Только 11 апреля 1931 г. уральские власти разработали и утвердили «Положение об обслуживании и управлении спецпереселенцами в Уральской области» (разослано на места 5 мая 1931 г.), которое регламентировало деятельность органов, ответственных за обустройство и использование труда спецпереселенцев, а также права и обязанности высланных кулаков. 7 октября 1931 г. появляется «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Это Положение было утверждено Г. Ягодой. Оба указанных документа являлись подзаконными актами, при этом законов, регулирующих положение спецпереселенцев, не существовало. Подобная ситуация приводила к произволу со стороны хозяйственных организаций<sup>275</sup>. Ситуация стала настолько критической, что ОГПУ вынуждено было организовать проверку условий проживания спецпереселенцев.

Комиссия ОГПУ по проверке положения спецпереселенцев в Уральской области, начавшая свою работу 22 июня 1931 г., должна была проверить состояние жилищного строительства, снабжения, премирования, обеспеченность продовольствием, медицинское обеспечение, культурно-бытовое обслуживание и охрану<sup>276</sup>. Комиссия собрала исчерпывающую информацию о злоупотреблениях хозорганизаций. Так, в «Записке члена ЦК ВКП(б) В. Фейгина председателю комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам А.А. Андрееву» указаны следующие нарушения:

1. Жилищное строительство идет медленно, поселки построены на непригодной для хозяйства земле.

2. Зарплата спецпереселенцам не выплачивается в течение года и 2 месяцев. «Зарплата в размере 87 тыс. рублей, отпущенная для спецпереселенцев была израсходована на погашение долгов кооперации (имеется в виду Ураллес – *А. Жарова*).

3. Не ведется учет труда спецпереселенцев, расчетные книжки отобраны.

4. Продовольственное положение тяжелое. Продовольствие доставляется нерегулярно.

5. Новые партии переселенцев обеспечены одеждой, но спецпереселенцы, приехавшие ранее, остались без теплой одежды, что делает невозможным работу в зимнее время».

В этой же записке приводятся преступления милиционеров, осуществлявших охрану спецпереселенцев. Людей сажали в холодную баню на срок до 30 суток, выгоняли на работу в 30-градусные морозы без зимней одежды, лишали пайка, а в случае сопротивления убивали<sup>277</sup>.

О подобных же недостатках, причем абсолютно не стесняясь в выражениях, пишет другой проверяющий – член комиссии ОГПУ Щербинский: «Истребление кулачества, варварское, средневековое отношение к людям и труду – вот практика местных партийных работников... Много вины ложится на областные советские организации, исключительное место среди которых занимает Ураллес, под руководством и напором которого производились зверские директивы об эксплуатации кулачества... Леспромхоз такая же помойная яма как комендатура. Баланс за 1930 год не заполнен. Зарплату переселенцам и рабочим не выплачивали 2 месяца... Выбор участков для строительства поселков вредительский, поселки стоят на болоте, в местах, где нет воды»<sup>278</sup>.

Необходимо отметить, что о злоупотреблениях на местах сообщалось и ранее, в частности, в докладной записке полпреда ОГПУ по Уральской области Г.П. Матсона от 19 декабря 1930 г. В этом документе говорится, что хозорганизации тормозили строительство жилья для высланных кулаков. Рыбтрестом при плане в 1144 дома было построено всего 146, ряд леспромхозов вообще не приступили к строительству, при том что финансовые средства на строительство жилья были выделены. Нередко хозорганизации закупали для строительства гнилой лес. В результате переселенцы жили в бараках, овощехранилищах, складах, размещались в домах

местных жителей. Медицинское обслуживание отсутствовало, не велся учет нетрудоспособных, поселенцы не снабжались теплой одеждой, обувью и продовольствием<sup>279</sup>.

Одной из самых серьезных проблем стало подчинение комендатур, охранявших спецпереселенцев, не ОГПУ, а партийным органам<sup>280</sup>. Это и приводило к абсолютной безнаказанности при совершении преступлений в отношении ссыльных кулаков.

Зафиксированная в документах жестокость была вызвана культивируемой в советском обществе второй половины 1920-х – 1930-х гг. идеей, что кулак является врагом советского народа и советского государства, а значит и обращаться с кулаками гуманно не следует. Это хорошо прослеживается по документам ОГПУ, в которых сотрудники цитируют руководителей хозяйственных организаций. Так, руководитель Рыбтреста в Березовском районе Смоленск заявил: «Наше дело – выполнить план рыбозаготовок, а строительство (имеется в виду жилья для спецпереселенцев – А. Ж.) нас не касается». Секретарь партячейки прииска Косья при обращении спецпереселенцев в местный медпункт приказал врачу «гнать переселенцев к чертовой матери». Директор Надежинского леспромхоза Арефьев выпустил приказ 303, который гласил: «Не выпускать спецпереселенцев из делянок до тех пор, пока не выполнят норму». Некоторые хозяйственники открыто заявляли, что «их политика преследует цель физического уничтожения спецпереселенцев». Причем по отчетам ОГПУ эта политика поощрялась ответственными руководящими работниками<sup>281</sup>.

Вторая причина жестокого отношения заключается в удаленном расположении поселков спецпереселенцев и неподконтрольности как работников комендатур, так и руководства хозорганизаций, что приводило к абсолютной безнаказанности в совершении любых преступлений в отношении спецпереселенцев. Немалую роль сыграло и отсутствие законодательных актов, четко регулирующих права и обязанности спецпереселенцев, и ответственность в случае совершения преступлений в отношении ссыльных кулаков.

Подобная ситуация не могла не вызвать протестные настроения среди спецпереселенцев. Возрастает количество побегов, причем в весенние и летние месяцы спецпереселенцы уходили семьями. И если в докладной записке от 1 ноября 1930 г. сказано о 5933

бежавших из Уральской области, то в спецсводке Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ приведена фантастическая цифра – 129965 беглецов за весь период ссылки к 1 сентября 1932 г.<sup>282</sup>. Растет и число случаев активного сопротивления, когда спецпереселенцы отказывались работать, ломали инструменты и технику, уничтожали имущество хозяйственных организаций, поджигали леса. Для ликвидации таких выступлений приходилось привлекать вооруженные отряды ОГПУ, поскольку милиция и хозорганизации своими силами не справлялись. Поиски бежавших также требовали привлечения сил ОГПУ.

Отсутствие медицинского обслуживания спецпереселенцев приводило к росту заболеваний, что подвергало риску заражения местное население, особенно в сельской местности. Резко повышалась заболеваемость населения. В 1931 г. число заболевших сыпным тифом в Уральской области составило 13549 человек (для сравнения в 1929 г. было 1216 заболевших), брюшным тифом – 23653 человека (в 1929 г. – 9467). Самые сильные очаги заражения были в регионах размещения спецпереселенцев: Надеждинск, Чусовая, Каменск, Верхотурье, Магнитогорск. Всего же вспышки заболеваний тифом прослеживаются в 20 районах Уральской области<sup>283</sup>.

Совокупность всех указанных фактов заставила ОГПУ принимать меры по улучшению положения спецпереселенцев, прекращению злоупотреблений со стороны хозяйственных организаций. Органами ОГПУ были привлечены к ответственности лица, виновные в расхищении хлебных фондов, предназначенных для ссыльных кулаков, вводилась карточная система для снабжения спецпереселенцев. Были выделены средства за счет средств ассигнований ОГПУ для организации медико-санитарной помощи в пунктах временного и постоянного пребывания переселенцев. С 1932 г. начинается поголовное оспопрививание спецпереселенцев, чем ранее не занимались. ОГПУ и руководство Уральской области обязало местные органы власти и хозяйственные организации завершить жилищное строительство для ссыльных из расчета не менее 3 кв. м. на человека и организовать простейшие прачечные. Хозяйственные организации, использующие труд спецпереселенцев, обязаны были выделять в распоряжение Облздравотдела по 50 копеек на каждого члена семьи спецпереселенцев для проведения противоэпидемиологических мероприятий. В полном объеме эти

мероприятия не были проведены в силу недостаточности средств, но ситуация постепенно улучшилась<sup>284</sup>.

Циркуляр Наркомтруда от 21 августа 1931 г. разрешил выплачивать спецпереселенцам страховое пособие на общих основаниях. Они могли получать пособие по временной утрате трудоспособности, пенсии по инвалидности или смерти от трудового увечья, пособия на рождение ребенка и погребение<sup>285</sup>.

Вместе с тем ОГПУ усиливает агентурную работу среди спецпереселенцев, а также усиливает борьбу с побегами путем введения круговой поруки и привлечения местного населения. Представители местного населения, передавшие властям бежавшего спецпереселенца, могли получить единовременное вознаграждение в размере до 30 рублей<sup>286</sup>. Пойманные спецпереселенцы подвергались различным мерам наказания, вплоть до расстрела.

Таким образом, положение спецпереселенцев Уральской области на первоначальном этапе было очень тяжелым. Причинами подобного явления стали неподконтрольность хозяйственных организаций, применявших труд переселенцев; расположение поселков в труднодоступной местности; отсутствие законодательной базы, регулирующей положение спецпереселенцев; сложившаяся идея о кулаке как о враге советского государства. В результате увеличилось число побегов, выступлений. Эпидемии, возникавшие в среде спецпереселенцев, приводили к массовым заболеваниям местного населения. Все это требовало принятия мер со стороны ОГПУ, которое, с одной стороны, стремилось к нормализации положения спецпереселенцев, а с другой стороны – усиливало агентурную работу и вело борьбу с побегами.

**Воспоминания генерала Судоплатова о специальной работе  
в тылу врага в годы Великой Отечественной войны**

Великая Отечественная война представляет собой один из крупнейших конфликтов XX в., всестороннее исследование которого активно развивается в современных условиях на основе всех имеющихся в распоряжении исследователей комплексов источников. Введение в активный научный оборот, помимо архивных документов, мемуаров, воспоминаний, дневников, опросов и других материалов, освещающих изучаемые события в сознании и исторической памяти их участников, актуализирует создание соответствующего комплексного исследования. Этот вид источников отражает, хотя иногда и тенденциозно, многие стороны оккупации, развернувшегося вооруженного антигитлеровского подполья, а также повседневной жизни населения оккупированной советской территории. Исследование экономических, политических, социальных, духовных процессов на оккупированной территории СССР, изучение истории партизанского и подпольного движения, коллаборационизма невозможны без комплексного введения в научный оборот этого вида источников.

С момента окончания войны опубликовано немалое количество мемуаров, в государственных и частных архивах имеются воспоминания и дневники, повествующие о событиях, произошедших на оккупированной советской территории, о различных формах народного сопротивления гитлеровским захватчикам. В настоящее время опубликованы воспоминания очевидцев событий, которые до 1991 г. априори не могли быть доступными для исследователей. Это прежде всего взгляд на события с другой стороны баррикад, то есть тех, кто активно боролся с советской властью в изучаемый период, или тех, кто просто ее ненавидел<sup>287</sup>.

В отечественной историографии заявленная проблема до последнего времени остается практически не изученной. Комплексных исследований по теме нет. В научных работах, посвященных сопротивлению на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны, особенно с 1991 г., в большинстве

своим исследователи или мало ссылаются, или не ссылаются вообще на такой вид источников, как опубликованные мемуары и дневники участников изучаемых событий<sup>288</sup>. Но воспоминания П.А. Судоплатова изучаются достаточно активно, и ссылаются на них довольно много<sup>289</sup>.

О генерале П.А. Судоплатове до начала 1990-х гг. мало кто знал, кроме историков органов госбезопасности и его сослуживцев. Опубликованные в 1990-е гг. мемуары Павла Анатольевича произвели на научное сообщество определенное впечатление. Однако осознание этого материала пришло несколько позже. В последние годы имя Судоплатова достаточно широко разрекламировано. В Мелитополе, на его родине, поставлен памятник. Выходят публикации о его жизни, снимаются документальные фильмы.

Павел Анатольевич Судоплатов родился в 1907 г. в Мелитополе. В органах ВЧК с 1921 г. До 1932 г. на различных должностях ГПУ УССР. В 1928 г. был принят в ВКП(б). В дальнейшем чуть больше года прослужил в отделе кадров ОГПУ СССР, а в апреле 1933 г. был назначен оперуполномоченным 5-го отделения ИНО ОГПУ СССР. Оценивался руководством как талантливый агентурный работник. Неоднократно бывал в командировках, выполняя спецзадания, в том числе в 1938 г. ликвидировал лидера Украинских националистов Е. Коновальца. В должности заместителя начальника 1-го Управления НКВД получил звание старшего майора госбезопасности. В 1945 г. – генерал-лейтенант. В годы Великой Отечественной войны сыграл крупную роль в организации зафронтной работы органов госбезопасности. С 1942 г. был начальником 4-го Управления НКВД–НКГБ СССР. В 1953 г. арестован по делу Л.П. Берии. В 1958 г. приговорен Верховной Коллегией Верховного суда СССР к 15 годам лишения свободы. Освобожден в 1968 г. Добился реабилитации после 1991 г. Умер в Москве в 1996 г.<sup>290</sup>.

Воспоминания П.А. Судоплатова являются ценным историческим источником. В самом начале войны, 5 июля 1941 г., была создана Особая группа при наркоме внутренних дел, руководителем которой стал П.А. Судоплатов. Одной из задач данного подразделения была организация партизанской борьбы в тылу противника<sup>291</sup>. Началось формирование войскового соединения Особой группы – отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН НКВД СССР). На Особую группу были возложены следующие

функции: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов; организация подполья и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника<sup>292</sup>.

В связи с подготовкой постановления ЦК партии «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск», принятого 18 июля 1941 г. в ЦК партии, помимо членов правительства был вызван начальник Особой группы при наркомате внутренних дел П.А. Судоплатов. В совещании под председательством Г.М. Маленкова участвовали Л.П. Берия, В.Н. Меркулов, П.К. Пономаренко, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, а также представители ЦК Компартий Латвии, Литвы и Эстонии<sup>293</sup>.

П.А. Судоплатов предпринял активные меры по возвращению на службу профессионалов разведывательно-диверсионной работы. В этих целях он разыскивал в исправительно-трудовых лагерях бывших сотрудников органов безопасности и возбуждал ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о досрочном освобождении и снятии судимости с бывших работников НКВД, которых предполагалось использовать для работы в тылу противника<sup>294</sup>.

Из запаса органов НКВД были призваны опытные кадры, появилась реальная возможность использовать кадры, абсолютно неизвестные противнику, так как было известно, что абвер и гестапо располагают информацией о партийном активе<sup>295</sup>. При отборе на должность командиров партизанских отрядов прежде всего учитывалась их прошлая деятельность. В первую очередь назначали командиров, имевших боевой опыт. Н. А. Прокопюк, С.А. Ваупшасов, К.П. Орловский – все они не только участвовали в партизанской войне против польских оккупантов в 1920-е гг., но и воевали в Испании.

В конце августа 1941 г. руководство Особой группы НКВД и командование бригады приступили к формированию специальных (оперативных) групп и отрядов, которые после прохождения подготовки направлялись в тыл противника. Подбору и изучению кандидатов для отправки в тыл противника придавалось большое значение. Рассматривались сотни рапортов о включении в отряды для направления за линию фронта и выполнения спецзаданий. Особое

внимание уделялось подбору командиров групп, которыми назначались, как правило, кадровые сотрудники органов безопасности и офицеры пограничных войск, имевшие опыт и обладавшие необходимыми личными качествами для руководства боевыми коллективами в тылу врага. П.А. Судоплатов требовал, чтобы в группы и отряды, готовившиеся к переброске в тыл противника, обязательно включались сотрудники, имевшие опыт оперативной работы. Они назначались заместителями командира группы по разведке и контрразведке<sup>296</sup>.

3 сентября 1941 г. в связи с расширением объема работ Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР. Начальником подразделения остался П.А. Судоплатов. Его заместителями были утверждены Л.И. Эйтингон и В.А. Какучая.

Оперативные группы комплектовались проверенными сотрудниками органов безопасности и внутренних дел, солдатами, сержантами и офицерами пограничных и внутренних войск НКВД, частей и подразделений Красной армии, а также лицами, прошедшими специальную подготовку. Особое внимание обращалось на физическую подготовленность участников групп, их связи за линией фронта, знание местной обстановки. Численный состав оперативных групп, их вооружение и оснащение определялись поставленными задачами и условиями, в которых им предстояло действовать. Численность оперативных групп могла составлять от 3 до 20 человек, снабженных оружием, минно-подрывной техникой, документами прикрытия и средствами связи. Первые оперативные группы и отряды ушли в тыл противника (на оккупированную территорию Белоруссии и Украины, в Орловскую, Курскую и Смоленские области) уже в начале августа 1941 г. Первыми для борьбы с противником на оккупированной советской территории летом 1941 г. ушли отряды Д.Н. Медведева, А.К. Флегонтова, В. Зуенко, Я. Кумаченко<sup>297</sup>.

Приказом народного комиссара внутренних дел Союза СССР № 00145 от 18 января 1942 г. для осуществления ширококомасштабной разведывательно-диверсионной зафронтальной работы против Германии и ее союзников как на советской территории, так и в оккупированных странах Европы, на Дальнем и Ближнем Востоке, а также для оказания содействия советским и партийным органам в организации и боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных

групп в тылу врага 2-й отдел НКВД СССР был преобразован в 4-е Управление НКВД СССР<sup>298</sup>. В составе наркоматов внутренних дел Украины и Белоруссии создавались собственные 4-е управления. Образованные ранее 4-е отделы УНКВД краев и областей были переподчинены 4-му Управлению Центра и соответствующим управлениям наркоматов внутренних дел УССР и БССР. На 4-е Управление возлагались разведывательные, диверсионные и контрразведывательные задачи на оккупированной советской территории.

П.А. Судоплатов в своих воспоминаниях особо отмечает деятельность за линией фронта отряда Д.Н. Медведева. «Существенный вклад в наши разведывательно-диверсионные операции в тылу противника внесло партизанское соединение под командованием полковника Медведева. Ему первому удалось выйти на связи Отто Скорцени, руководителя спецопераций гитлеровской службы безопасности. Медведев и Кузнецов установили, что Скорцени готовит группы нападения на американское и советское посольства в Тегеране, где в 1943 г. должна была состояться первая конференция «Большой тройки». Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей Ставки. Наш молодой сотрудник Николай Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против «Большой тройки»<sup>299</sup>.

По данным П.А. Судоплатова, в тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек. Двадцать три офицера органов госбезопасности получили высшую правительственную награду – им присвоили звание Героя Советского Союза. Более восьми тысяч человек наградили орденами и медалями.

П.А. Судоплатов не без гордости отмечает, что «Маршалы Жуков и Рокоссовский специально обращались в НКВД с просьбой о выделении им отрядов из состава 4-го управления НКВД для уничтожения вражеских коммуникаций и поддержки наступательных операций Красной армии в Белоруссии, Польше и на Кавказе. Подразделения 4-го управления и Отдельной мотострелковой бригады особого назначения уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника. Руководить всеми этими операциями поручено было мне и Эйтингону. В истории НКВД это, пожалуй, единственная глава, которой продолжают гордиться его преемники. На всех официальных мероприятиях, посвященных очередной годовщине битвы под Москвой или Сталинградом, а также освобождению Белоруссии, всегда упоминают имена партизан и подпольщиков, находившихся под нашим командованием»<sup>300</sup>.

В заключение надо сказать, что воспоминания П.А. Судоплатова подтверждаются архивными документами и говорят о том, что на оккупированной советской территории органы НКВД – НКГБ СССР развернули активную разведывательно-диверсионную, контрразведывательную и специальную работу. Действуя в тылу врага, органы госбезопасности собирали разведывательную информацию, подрывали военно-экономический потенциал фашистской Германии. Работа чекистов за линией фронта способствовала фронтовым органам военной контрразведки, территориальным и транспортным органам госбезопасности в ведении успешной борьбы с подрывными акциями разведорганов фашистской Германии. Оперативные группы, заброшенные в тыл противника, стали основой для развития партизанского движения.

Заслуги генерал-лейтенанта П.А. Судоплатова как начальника 4-го Управления НКВД – НКГБ высоко оценены руководством страны и органов госбезопасности СССР. В годы войны он был награжден: знаком «Заслуженный работников НКВД» (1942), орденом Красной звезды (1943), орденом Красного Знамени (1944), орденом Суворова 2 степени (1944), орденом Отечественной войны 1 степени (1945).

*Н.С. Кирмель*  
г. Москва

### **Основные элементы кадровой работы в органах военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны**

Кадровая работа в органах военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны – тема новая, малоисследованная. Изучаться она стала сравнительно недавно – в конце 2000 гг. – и в настоящее время представлена несколькими научными и научно-популярными работами. Вопросы подбора, обучения и воспитания кадров были рассмотрены в монографиях А.А. Здановича ««Смерш» на белорусском направлении. 1943–1944 гг.», «Контрразведывательное обеспечение наступательных операций Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов», А.М. и А.А. Плехановых «Военная контрразведка НКВД СССР. Тайный фронт войны 1941–1942», «Кадровая служба органов безопасности: история и современность» и др.<sup>301</sup>. В статье омского профессора Н.В. Грекова исследован кадровый состав органов «Смерш»<sup>302</sup>. Скучность историографии данной темы объясняется не только недостаточным интересом к ней со стороны исследователей, но и закрытостью источников.

Опираясь на опубликованные и некоторые рассекреченные материалы, тезисно рассмотрим особенности кадровой работы в органах военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны.

В начале отметим, что работа с кадрами (кадровая работа) вытекала из кадровой политики государства, которая представляла собой совокупность теоретических положений и установок, определявших курс, стратегическую линию коммунистической партии в подборе, расстановке, подготовке и воспитании кадров. Эти установки и положения включали принципы подбора, расстановки, подготовки и воспитания руководящих и оперативных сотрудников, а также цели, задачи, формы и методы данного вида деятельности<sup>303</sup>.

Из кадровой политики следовала кадровая работа, которая являлась реализацией кадровой политики коммунистической партии

и советского государства применительно к органам государственной власти. В нашем случае назначение кадровой работы – обеспечение органов военной контрразведки руководящим и оперативным составом, способным выполнять конкретные задачи в рамках своей компетенции.

Кадровая работа в годы Великой Отечественной войны, в отличие от мирного времени, имела свои особенности. На ее специфику значительное влияние оказали большие потери личного состава. Только за период с 22 июня 1941 г. по 1 марта 1943 г. военная контрразведка потеряла 3725 чел. убитыми, 3092 пропавшими без вести и 3520 ранеными, а всего за годы войны около 11 тыс. сотрудников были убиты или пропали без вести<sup>304</sup>. С другой стороны – к некомплекту кадров в органах военной контрразведки приводили регулярные реорганизации и передислокации обслуживаемых объединений, соединений, воинских частей и других воинских формирований.

С учетом специфики мы кратко рассмотрим основные элементы кадровой работы: подбор, проверку, подготовку, расстановку, изучение, выдвижение и воспитание (награждение) кадров.

Комплектованием органов военной контрразведки личным составом занимались отделения кадров (ОК) особых отделов (ОО) НКВД – отделов кадров управлений контрразведки (УКР) «Смерш» фронтов. На армейском уровне кадровые вопросы решались одним сотрудником – старшим оперуполномоченным по кадрам.

Для восполнения потерь в первые месяцы войны кадровые аппараты прибегали к различным источникам комплектования. Как правило, таковыми являлись военнослужащие частей и соединений Красной армии, Военно-морского флота, пограничных и внутренних войск НКВД, действующие и бывшие сотрудники военной контрразведки, территориальных органов государственной безопасности, выпускники школ НКВД, военных училищ, студенты гражданских вузов, вышедшие из окружения и ранее уволенные в запас сотрудники и др. В 1943 г. после образования органов контрразведки «Смерш» основным источником их комплектования являлись военнослужащих из числа командно-начальствующего и политического состава Красной армии»<sup>305</sup>.

Систематическая убыль личного состава и формирование новых частей требовали от отделов или отделений кадров максимального напряжения сил в работе по своевременному обеспечению органов военной контрразведки оперативным составом, «который сразу смог бы включиться в работу». Мобилизовав весь свой ресурс, кадровые аппараты поэтапно проводили колоссальную работу по подбору кадров.

Поиск кандидатов осуществлялся кадровыми подразделениями фронтов на основе общих требований и конкретных критериев. Такими являлись партийность (члены ВКП (б), кандидаты в члены ВКП (б), члены ВЛКСМ), возраст, образование (не ниже 7 классов), социальное происхождение и положение, участие в боевых действиях, отсутствие судимости кандидатов и их близких родственников. В ходе первичного изучения выявлялись основные качества личности, состояние здоровья, желание служить в органах военной контрразведки и т.д. Кадровые подразделения осуществляли специальную проверку всех кандидатов и их родственников по месту рождения, жительства и прежней работы. Положительные результаты проверки являлись для комиссии ОО – УКР фронта основанием для зачисления.

Принятые в органы сотрудники направлялись для обучения либо в школы (НКВД, ГУКР НКО «Смерш»), либо на курсы и семинары при особых отделах – управлениях контрразведки фронтов.

С началом Великой Отечественной войны кадры для военной контрразведки готовили Высшая школа (ВШ) НКВД СССР и Новосибирская межкраевая школа (МКШ), затем Горьковская, Свердловская, Ташкентская, Ростовская, Хабаровская, Тбилисская и Алма-Атинская. Позже открылись Московская и Бакинская МКШ<sup>306</sup>.

В целях создания резерва и подготовки оперативно-чекистских кадров для территориальных органов безопасности и особых отделов 15 декабря 1941 г. при ОК НКВД были организованы трехмесячные курсы<sup>307</sup>.

При особых отделах некоторых фронтов создавались курсы младших лейтенантов, на которых обучение практикантов проходило под руководством опытных оперработников в рамках программного материала.

15 июня 1943 г. был издан приказ об организации школ и курсов ГУКР НКО «Смерш», согласно которому были организованы

1-я Московская, 2-я Московская, Ташкентская, Хабаровская школы со сроком обучения от 6 до 9 месяцев и курсы с 4-х месячным сроком обучения в Новосибирске и Свердловске. Развернутая к концу 1943 г. сеть школ только к середине 1944 г. начала направлять своих выпускников на фронт<sup>308</sup>.

После обучения личного состава кадровыми подразделениями фронтов проводилась его расстановка – закрепление, распределение, а в дальнейшем и перемещение лиц в управлениях, отделах и отделениях контрразведки. По расстановке можно было проследить все служебные передвижения руководителей и оперативных сотрудников. Например, из расстановки ОО Волховского фронта следует, что в большинстве своем перемещения осуществлялись за счет естественной убыли в результате боевых действий частей, обслуживаемых органами контрразведки фронта. Совсем незначительное число убыли личного состава являлось следствием болезни, откомандирования в порядке выдвижения и еще меньше – по увольнению.

С назначением оперработников на должности кадровики начинали их всестороннее и углубленное *изучение*. Оно проходило разными способами в плановом порядке. Одним из главных способов являлись выезды работников ОК фронта в дивизии, полки, батальоны, где проходило личное знакомство с оперуполномоченными, велись беседы с начальниками особых отделов дивизий и командирами частей. Таким образом определялась профессиональная квалификация оперработника, общий кругозор, общеобразовательный уровень и авторитет в обслуживаемых частях. Собранные данные перепроверялись в особом отделе армии и затем составлялась характеристика о том или ином сотруднике.

Например, работники ОК УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта и старшие оперуполномоченные по кадрам отделов контрразведки (ОКР) «Смерш» армий выезжали в отделы дивизий, бригад и в полки для личных бесед с отдельными работниками, их начальниками и представителями парторганов, принимали участие на совещаниях по результатам работы оперсостава. Для личного ознакомления с оперсоставом, обслуживающим отдельные части армейского и фронтового подчинения, использовались созывы работников на оперативные совещания. В результате проведенной работы был выявлен и оформлен резерв выдвижения

на вышестоящие должности в количестве 493 чел., что составляло 13% к числу работающих<sup>309</sup>.

Залогом успешного решения служебно-боевых задач оперативными сотрудниками военной контрразведки было постоянное совершенствование воспитательной работы личного состава, в связи с чем ей уделялось большое значение руководителями контрразведки различных уровней совместно с кадровыми аппаратами, партийными и комсомольскими организациями.

Кадровики старались подбирать кандидатов с высокими морально-нравственными и деловыми качествами, периодически изучали состояние воспитательной работы, выносили руководству предложения по ее улучшению, предлагали различные методы стимулирования, включавшие в себя многообразие форм поощрения, готовили представления к наградам.

Следует особенно подчеркнуть, что награждение орденами и медалями являлось важным моральным стимулом, побуждавшим сотрудников к выполнению воинского и служебного долга. Помимо орденов и медалей армейские чекисты награждались грамотами, нагрудными знаками, получали благодарности от военного командования и руководства органов военной контрразведки и т.д.

За свои подвиги особисты награждались решениями командующих фронтами, членами Военных советов и начальниками ОО НКВД фронтов. По данным историков А.М. и А.А. Плехановых, командующим войсками Западного фронта генералом армии Г.К. Жуковым и членом Военного совета фронта И.С. Хохловым были награждены орденами Красного Знамени младшие лейтенанты Д.И. Проценко и С.П. Рипинский, сержант А.П. Михеев, орденом Красной Звезды сержант М.А. Абашкин, медалью «За отвагу» лейтенант Я.З. Савельев<sup>310</sup>.

Отметим, что в начальный период войны особистов награждали редко. По подсчетам автора по электронному справочнику «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939», в июне – декабре 1941 г. орденами было награждено 62 сотрудника особых отделов<sup>311</sup>, что составляет 0,32% от общего количества награжденных орденами в Красной армии в 1941 г. – 19 079 чел.<sup>312</sup>

Цифровые данные свидетельствуют о том, что в НКВД, так как в Красной армии в начале войны система награждения орденами

и медалями работала с низкой эффективностью, понимая важность стимулирования, командование и руководство органов госбезопасности применяло к военнослужащим следующие виды поощрения: награждение нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД», ценными подарками, объявление благодарности, в том числе с вручением грамоты, повышение в звании и должности.

С июня 1941 по апрель 1943 гг. свыше 370 руководителей и оперативных сотрудников ОО НКВД были награждены боевыми орденами. Из них 62 чел., как уже отмечалось выше, были награждены в первые полгода войны, 168 – в 1942 г.<sup>313</sup> По нашему мнению, эти цифры ставят в разряд дискуссионных точку зрения профессора Н.В. Грекова и историков спецслужб К. Дегтярёва и А. Колпакиди о том, что военных контрразведчиков в годы Великой Отечественной войны награждали «крайне редко»<sup>314</sup>.

Может быть, наград было относительно немного. Тем не менее, чего только стоит Орден Красного Знамени. Им награждали за особые отличия, совершенные в боях против врагов Союза Советских Социалистических Республик, как правило, командующие фронтами, командующие армиями и им приравненные. Этого высокого ордена были удостоены ряд руководителей кадровых подразделений фронтов – подполковники В.П. Адоевцев, С.П. Булгаков, С.В. Горышев.

Начальник ГУКР НКО «Смерш» генерал-полковник В.С. Абакумов предпринял меры для награждения орденами и медалями отличившихся подчиненных, обращаясь к высшему военно-политическому руководству страны. 27 октября 1943 г. он подготовил записку в Государственный Комитет Обороны на имя И.В. Сталина с ходатайством о поощрении сотрудников. В ноябре 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены 1656 оперативных сотрудников военной контрразведки: орденом Ленина – 8 человек, Красного Знамени – 52, Отечественной войны 1-й степени – 72, Отечественной войны 2-й степени – 350, Красной Звезды – 601, Знаком Почета – 135, медалями «За отвагу» – 312, «За трудовую доблесть» – 114, «За трудовое отличие» – 12<sup>315</sup>. Награды получили все генералы и офицеры, кого представил начальник ГУКР «Смерш».

Руководство и сотрудники отдела кадров УКР фронтов затем регулярно представляли отличившихся сотрудников к наградам.

Например, работники УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта и подчиненных ему органов по состоянию на 1 сентября 1944 г. были награждены следующими орденами: Красного Знамени – 14 чел., Отечественной войны 1-й степени – 9, Отечественной войны 2-й степени – 108, Красной Звезды – 218, Александра Невского – 1, а также медалями «За отвагу» – 36 и «За военные заслуги» – 54<sup>316</sup>.

Свои заслуженные правительственные награды получили тысячи сотрудников военной контрразведки, проявившие себя в боях или добившиеся хороших показателей в борьбе с агентурой противника. Вместе с тем сложившаяся во время войны система награждений была далека от совершенства: не всегда награды соответствовали реальным заслугам офицеров или, наоборот, не всегда проявившие доблесть в бою сотрудники попадали в списки награжденных. Не единичными бывали случаи, когда награжденные документы по разным причинам терялись, в лучшем случае награды находили героев годы спустя после окончания войны.

В целом же кадровая работа в годы Великой Отечественной войны сыграла важную роль в решении тех сложных задач, которые стояли перед органами военной контрразведки. Сотрудники кадровых подразделений обеспечили своевременное комплектование и покрытие некомплекта оперативно-технического состава фронтовых и тыловых органов контрразведки фронтами проверенными, преданными советской Родине и коммунистической партии сотрудниками.

### **Партизанские отряды столичного Управления НКВД в битве за Москву**

Несмотря на относительно небольшой – с середины октября 1941 г. по середину января 1942 г. – срок ведения боевых действий в тылу врага, партизанские отряды сыграли значительную роль в битве за Москву. Часть партизанских отрядов Подмосковья была сформирована Управлением НКВД СССР по Москве и Московской области и действовала под его совместным с командованием Московской зоны обороны оперативным управлением.

Фактически подготовка к созданию партизанских формирований в Подмосковье началась с 27 июня 1941 г., когда бюро МК и МГК ВКП(б) приняло постановление о создании в каждом районе столицы, а также районах области по одному истребительному батальону (ИБ) для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника, руководство которыми возлагалось на столичное Управление НКВД СССР (УНКВД)<sup>317</sup>. Подчеркнем, что формирование и обучение ИБ УНКВД шло под руководством и контролем МК и МГК ВКП(б), оба из которых возглавлял А.С. Щербаков, и НКВД СССР. В столичном УНКВД формированием, обучением и руководством ИБ, а впоследствии партизанских отрядов занимались начальник – старший майор госбезопасности М.И. Журавлев<sup>318</sup> – и начальник штаба ИБ УНКВД генерал-майор Д.В. Крамарчук. Истребительные батальоны возглавляли пограничники, а также сотрудники УНКВД. Всего с 25 по 28 июня 1941 г. было сформировано 87 ИБ общей численностью 28 500 бойцов.

9 июля было принято специальное постановление ГКО, определившее дополнительные задачи ИБ Москвы и Московской области и потребовавшее в суточный срок разработать планы взаимодействия с милицией, подразделениями войск НКВД и КА, ВОХР в зоне их ответственности, доукомплектовать ИБ до 500 бойцов «проверенными, смелыми коммунистами, комсомольцами и советскими активистами, способными владеть оружием», а также освободить бойцов батальонов от мобилизации. Для организации

систематической боевой подготовки к каждому ИБ прикреплялось по 15 сотрудников УНКВД.

Боевая подготовка личного состава ИБ была организована по программе подготовки бойцов Красной армии (КА). Она предусматривала ежемесячную учебную нагрузку в 192 часа, или по 8 часов каждый день. Также были проведены три учебных сбора продолжительностью в 21 день, на которых были подготовлены 500 снайперов.

26 августа 1941 г. был образован 4-й отдел УНКВД, на который возлагалось руководство истребительными батальонами, партизанскими отрядами и диверсионными группами<sup>319</sup>. Это решение позволило приступить к методичной систематической работе по формированию чекистского подполья и партизанских отрядов для действий в случае временного оставления войсками КА территории области.

В соответствии с предыдущим опытом ведения партизанских действий началась конспиративная подготовка вероятных партизанских баз, складов оружия, боеприпасов, медикаментов, систем разведки и связи

В 37 «западных» ИБ оперативные сотрудники УНКВД назначались на должности заместителей командира по разведке. В их задачи, помимо изучения района для возможного развертывания партизанских действий, входили: а) организация всех видов разведки в зоне оперативной деятельности; б) организация и поддержание связей с местным населением; в) разработка системы поддержания связей партизанских отрядов с УНКВД.

Всего у партизанских отрядов УНКВД имелось 450 агентов различных категорий, в том числе – 72 содержателя явочных пунктов<sup>320</sup>.

Также 4-м отделом УНКВД с личным составом ИБ было проведено 3 показательных занятия по теме «Методы борьбы со шпионами, диверсантами, террористами, провокаторами и другими врагами народа в условиях Великой Отечественной войны».

Приказом М.И. Журавлева от 18 сентября 1941 г. в с. Северское на базе дома отдыха УНКВД начинается обустройство спецшколы подрывников для 200 курсантов. В целях сохранения секретности она была зашифрована как «88-й истребительный батальон», или «воинская часть № 88»<sup>321</sup>.

Первый набор курсантов спецшколы подрывников начал обучение 1 октября, а в конце этого месяца школа перебазировалась в г. Коврове Владимирской области. Основной контингент первых наборов курсантов школы составили бойцы ИБ. Первоначальный срок обучения при 100-часовой учебной программе составлял 10 суток. Впоследствии он как увеличивался до 15–20 суток, так и создавались отдельные специальные программы подготовки специалистов различной продолжительности.

До конца апреля 1942 г. школа осуществила 13 выпусков курсантов. А всего до конца октября 1942 г. в этой школе прошли обучение 357 сотрудников и 604 бойца истребительного мотострелкового полка УНКВД, что составляло около трети всех курсантов.

10 октября 1941 г., за два дня до принятия ГКО постановления об образовании Московской зоны обороны, М.И. Журавлев направил в райотделы управления циркулярное указание о комплектовании партизанских отрядов в составе 25–100 бойцов «из числа наиболее смелых и подготовленных в боевом отношении сотрудников районных отделов (РО) УНКВД, милиции» и бойцов ИБ<sup>322</sup>.

Осуществляя по поручению областного штаба общее руководство партизанскими отрядами и диверсионными группами, Журавлев поддерживал контакт с командованием Западного фронта. После того, как был выработан план организации боевых действий партизанских отрядов, Журавлев выезжал в штаб Западного фронта, чтобы решить вопрос о взаимодействии партизанских отрядов с частями Красной армии на территории Московской области. С этого времени и до июня 1942 г. руководство всеми боевыми операциями партизан, наносивших удары в тылу противника в Подмоскovie, и их координация оставались за областным Управлением НКВД, точнее – лично за Журавлевым<sup>323</sup>.

Следует особо подчеркнуть, что в связи с эвакуацией 16 октября подразделений НКВД СССР существенно возрастает ответственность М.И. Журавлева как за поддержание режима военного, а через три дня и осадного положения в столице, так и за действия ИБ и партизанских отрядов управления на временно оставляемой территории Московской области.

16 октября М.И. Журавлев подписал приказ о формировании истребительного мотострелкового полка УНКВД четырехбатель-

онного состава численностью 1914 бойцов. Полк был сформирован за 17–25 октября. Командиром полка был назначен заместитель начальника отделения УНКВД полковник А.Я. Махоньков, комиссаром – заместитель начальника УНКВД майор государственной безопасности М.А. Запевалин. Формирование полка производилось в Ивановском монастыре.

Военнослужащие полка УНКВД принимали участие в параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади во главе сводной колонны истребительных и рабочих батальонов столицы. А уже 9 ноября первая диверсионная группа из 34 бойцов во главе с капитаном Ф.С. Моисеевым вышла для действий в тылу врага на Нарофоминском и Верейском направлениях.

27 октября 1941 г. М.И. Журавлев докладывал в НКВД СССР, что закончена подготовительная работа по организации партизанских отрядов в 53 районах области, все отряды имеют материальные базы и подготовлены к выполнению поставленных перед ними задач. Также сообщалось о переходе уже 9 отрядов на нелегальное положение (то есть об отходе на базы), о боевых действиях четырех из них, а также о полученной разведывательной информации, в частности, об ограблении населения занятых оккупантами районов<sup>324</sup>.

К середине ноября вермахтом были оккупированы полностью 17 и частично еще 10 районов московской области. На этой территории развернул боевые действия 41-й партизанский отряд УНКВД в числе 1800 партизан<sup>325</sup>.

Подготавливавшиеся 4-м отделом УНКВД на основе сообщений партизан разведывательные сводки регулярно направлялись командованию Западного фронта и в Генеральный штаб.

24 октября в Рузском районе начал действовать партизанский отряд под командованием капитана С.П. Гайдукова, комиссаром которого был начальник Рузского райотдела УНКВД лейтенант С.И. Солнцев. Помимо этого, Солнцев являлся начальником разведки отряда. В отряде также в качестве партизан действовали первый секретарь Рузского райкома ВКП(б), начальник штаба партизанских отрядов и подпольной работы Рузского района П.А. Ткачев, член штаба Ф.В. Рыжкин<sup>326</sup>.

Как Солнцев докладывал 3 ноября 1941 г. в УНКВД, «Основная деятельность отряда проводится в направлении разведывательной деятельности – установление сил противника и его расположения и принятие оперативных мер к истреблению противника и его обозов»<sup>327</sup>.

В дальнейшем отряд численностью 108 человек действовал в полосе 20 км параллельно линии фронта на глубину до 55 км в тыл противника. Помимо докладов в УНКВД, Солнцев также передавал развединформацию разведке 144-й стрелковой дивизии М.А. Пронина и 9 гвардейской дивизии А.Ф. Белобородова.

За 26 дней С.И. Солнцев принимал участие в 18 операциях, а всего за 85 дней отряд провел свыше 50 боевых операций. Партизаны вывели из окружения более 500 бойцов-окруженцев, добывали разведывательные сведения и «языков», организовывали засады и осуществляли налеты на колонны противника. Отряд потерял 14 бойцов, столько же были ранены или обморожены<sup>328</sup>.

20 ноября 1941 г. после ранения в ходе боя Солнцев был захвачен «охотничьей командой» 187-го разведывательного батальона 87-й пехотной дивизии, и после пыток – повешен. Его тело было обнаружено и опознано только в середине января 1942 г. Об обстоятельствах его гибели Журавлев информировал наркома госбезопасности.

11 марта 1942 г. С.И. Солнцеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

После начала советского контрнаступления 5 декабря около 80% Рузского района было освобождено за три дня. Сама Руза была освобождена от оккупантов только 19 января 1942 г.

А 5 ноября 1941 г. Журавлев докладывал А.С. Щербакову: «Переведенные на нелегальное положение десять партизанских отрядов в последние дни были заняты, главным образом, организацией активной разведки местности и населенных пунктов, занятых противником. Небольшие боевые столкновения имели место в пяти партизанских отрядах (Рузский, Верейский, Угодско-Заводский и Высокинский)... Для связи с партизанскими отрядами в Можайский, Уваровский, Лотошинский, Волоколамский и Рузский районы с 1 по 3/XI 1941 г. направлено десять связников. За это же время подготовлено и направлено с партизанскими отрядами в тыл противника три связиста из числа женщин...

К 3/ХІ с. г. было сформировано семь разведывательно-диверсионных групп в составе 56 человек. Группы переброшены через линию фронта и приступили к выполнению заданий. Три группы действуют на коммуникациях противника в Лотошинском районе, три – в Волоколамском и Осташёвском районах и одна группа – в Рузском районе.

Кроме этого, формируется один партизанский отряд численностью в 29 человек (Ленинский район г. Москвы) и две разведывательно-диверсионные группы, из них одна в составе 23 человек (Подольский район Московской области) и вторая – в составе семи человек (4-й отдел УНКВД М[осковской] о[бласти]).

Партизанский отряд и разведывательно-диверсионные группы предполагается перебросить в тыл противника 7–10 ноября 1941 г.»<sup>329</sup>.

Приобретенный опыт руководства деятельностью партизанских формирований позволил перейти к проведению серьезных операций в тылу вермахта. Так, командир Угодско-заводского партизанского отряда В.А. Карасев сообщил о проведенной в райцентре разведке дислокации штаба 12-го корпуса вермахта. Г.К. Жуков в своих воспоминаниях оценил Угодско-заводскую операцию как «выдающуюся партизанскую операцию в истории Великой Отечественной войны».

Для проведения операции отряд Карасева был усилен отрядами В.Н. Бабакина, Д.К. Каверзнева и В.В. Жабо. На рассвете 24 ноября, нарушив связь штаба с воинскими частями, партизаны начали одновременный штурм группами в 35–50 бойцов 8 намеченных объектов гарнизона. Внезапность налета ошеломила гитлеровцев: растерявшись, они не смогли оказать организованного сопротивления. Бой продолжался 1 час 10 мин.: было истреблено около 600 немецких солдат и офицеров, полностью уничтожены склады с боеприпасами, сожжено два больших склада с горючим, подорвано 4 танка, 80 грузовых и 23 легковые автомашины.

Потери партизан составили 18 убитых и 8 раненых. Среди погибших был и председатель Угод-заводского райисполкома М.А. Гурнов, являвшийся комиссаром партизанского отряда Карасева. 16 февраля 1942 г. за мужество и героизм М.А. Гурнову, одновременно с З.А. Космодемьянской и И.Н. Кузиным, было присвоено звание Героя Советского Союза (первым двум – посмертно)<sup>330</sup>.

О размахе партизанской борьбы в Подмоскowie свидетельствует тот факт, что партизаны отвлекали на себя свыше 5 немецких дивизий. Нельзя не учитывать и того важного факта, что партизаны Подмоскowie при содействии местных жителей вывели из окружения примерно 30 тыс. советских воинов.

В канун подготовки советского контрнаступления для непрерывного воздействия на тылы противника УНКВД направлялись также истребительно-диверсионные группы, которые комплектовались из бойцов ИБ, сотрудников НКВД, милиции, истребительного полка. Численный состав истребительных групп в зависимости от поставленных перед ними задач варьировался от 20 до 25 человек и в отдельных случаях – до 100 человек.

После начала советского контрнаступления на 23 декабря 1941 г. в тылу врага все еще действовали 4130 посланцев УНКВД. После начала отступления фашистских войск партизанские отряды активизировали боевую деятельность по дезорганизации тыла врага.

Подводя итоги деятельности УНКВД за 1941 г., следует отметить, что за 4 месяца было подготовлено к заброске во вражеский тыл около семи с половиной тысяч бойцов, и пять с половиной из них действовали за линией фронта<sup>331</sup>.

Как отмечалось в обзоре НКВД СССР о боевой деятельности ИБ, 35 истребительно-диверсионными группами УНКВД (1138 бойцов) было уничтожено: офицеров и солдат противника – 3840; воинских поездов – 6, танков – 9, орудий – 3, автомашин с военным имуществом – 30, повозок с грузом – 46... Всего по неполным данным истребительными батальонами уничтожено свыше 5 тысяч солдат и офицеров противника и значительное количество боевой техники и военного имущества<sup>332</sup>.

22 января 1942 г. советские войска полностью освободили территорию Московской области от немецко-фашистских оккупантов.

Одновременно с середины января 1942 г. перед УНКВД встала задача восстановления в освобожденных районах общественного порядка, выявления и ареста либо организации розыска лиц, которые запятнали себя сотрудничеством с врагом. И эти вопросы предстояло решать в сложившейся обстановке впервые. В эти районы предполагалось направить для оказания помощи местным советским властям 44 специальные оперативные группы, которые

должны были входить в освобождаемые города вместе с частями Красной армии. Естественно, опыта подобной работы еще не было – с Подмоскovie начиналось освобождение советской территории.

25 апреля 1942 г. М.И. Журавлев получил от И.А. Серова указание подготовить к 5 мая 10 отрядов численностью 25–30 человек, обеспечив их вооружением и подрывными средствами для партизанских действий в глубоком тылу противника продолжительностью не менее двух месяцев. Также в каждый отряд должны были быть включены «5–7 бойцов и младших командиров, подготовленных для организации новых партизанских формирований из местного населения в тылу противника»<sup>333</sup>.

После того, как враг был окончательно отброшен далеко от столицы, оперативные группы из состава мотострелкового полка УНКВД продолжали боевые действия на территории Смоленской, Калининской и Брянской областей. Однако приказом управления войск НКВД СССР от 26 июня 1942 г. он был переформирован в 308-й стрелковый полк ВВ НКВД<sup>334</sup>.

Таким образом, следует констатировать, что сотрудники столичного УНКВД внесли свой заметный вклад в разгром гитлеровских войск под Москвой.

*В.А. Гашенко*  
г. Новосибирск

**Участие советских органов госбезопасности  
в оперативно-проверочной работе на каналах  
почтовой и других видов связи на фронте и в тылу  
в годы Великой Отечественной войны**

Отечественные спецслужбы на протяжении всей истории их существования играли большую роль в формировании внутренней и внешней политики нашего государства, а также в принятии важных решений первыми лицами страны. И информация, полученная в результате проведения перлюстрации (тайного прочтения корреспонденции соответствующими органами) и военной цензуры, играла в этом деле не последнюю роль.

Чем отличается понятие «цензура» от понятия «перлюстрация»? Главное отличие цензуры от перлюстрации заключается в том, что цензура всегда имеет открытый характер, а перлюстрация – скрытый. Цензурирование почтовой корреспонденции проводится на основании публичного решения властей, а факт ее проведения подтверждается оставлением очевидных «меток» на корреспонденции (штампов на конверте, «вымарыванием» части текста и др.). Перлюстрация же почтовых отправлений всегда осуществляется тайно, без следов ее производства, а основанием для ее проведения являются подзаконные акты (ведомственные приказы, распоряжения, инструкции) государственных органов, ее проводящих<sup>335</sup>.

Главная задача любой цензуры – не допустить распространения запрещенной информации, а перлюстрация изучает «под нужным углом» содержащуюся в корреспонденции информацию в целом, не препятствуя ее дальнейшему движению.

Одним из важных направлений оперативно-розыскной деятельности органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны на каналах (объектах) связи было проведение оперативно-проверочной работы, выразившейся в осуществлении военной цензуры и перлюстрации почтовых отправлений.

С начала Великой Отечественной войны особо остро встал вопрос о сохранении государственной военной тайны, недопущении

распространения через почтово-телеграфную связь разного рода антисоветских, пораженческих, провокационных и клеветнических сообщений, подрывающих обороноспособность и государственную безопасность страны. С этой целью Государственный Комитет Обороны СССР уже на шестнадцатый день войны, 6 июля 1941 г., принял постановление № 37 сс «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции». Данным постановлением предусматривалась организация системы мер, направленных на решение задач по сохранению государственной и военной тайны. В частности, запрещалось сообщать в письмах и телеграммах сведения военного, экономического и политического характера; запрещался прием и посылка почтовых открыток с видами и наклеенными фотографиями, писем со шрифтом для слепых, кроссвордами, шахматными задачами, а также употребление конвертов с подкладкой<sup>336</sup>.

Просмотр писем и телеграмм, шедших из прифронтовой полосы, возлагался на НКГБ СССР. Во всех областях, объявленных на военном положении, вводилась военная цензура на все входящие и исходящие почтово-телеграфные отправления. На вскрытых и просмотренных документах ставился штамп «Просмотрено военной цензурой», введенный совместным приказом НКО СССР и НКВМФ СССР от 13 июля 1941 г. № 00110<sup>337</sup>.

В годы войны к цензурным мерам также относился запрет свободного прослушивания населением радиоприемников. 25 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) издало постановление «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств». Основные его положения гласили: «...Учитывая, что в связи с обстоятельствами военного времени радиоприемники и передатчики могут быть использованы вражескими элементами в целях, направленных во вред Советской власти, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Обязать всех без исключения граждан, проживающих на территории СССР и имеющих у себя радиоприемники (ламповые, детекторные и радиолы), в пятидневный срок сдать их органам Наркомата связи по месту жительства... на временное хранение до окончания войны...

<...>

4. Разрешить учреждениям, предприятиям, радиоузлам, клубам, Ленинским уголкам и другим общественным организациям использование радиоприемных установок исключительно для коллективного слушания радиопередач в строго установленные часы.

5. Установить, что лица, не сдавшие в установленный срок свои радиоприемники и передатчики, подлежат уголовной ответственности по закону военного времени.

Возложить на органы Наркомвнудела и государственной безопасности наблюдение за выполнением населением настоящего постановления...»<sup>338</sup>.

Запрещение свободного прослушивания населением радиоприемников можно считать еще и мерой контрразведывательной, так как по КВ-приемнику могли осуществлять односторонний прием разведывательных заданий агенты противника, находившиеся на территории СССР. Кроме того, в начальном периоде Великой Отечественной войны эта мера носила характер экспроприации дефицитных радиодеталей, которые использовались при изготовлении армейских радиостанций – изъятые у населения радиоприемники при необходимости разбирались на запчасти, которые использовались в оборонной промышленности<sup>339</sup>.

Так, в глубоком тылу 14 октября 1941 г. решением Новосибирского обкома ВКП(б) были определены *«строгие и обязательные для всех правила использования радиоприемников»*. В соответствии с этими правилами радиоприемники устанавливались исключительно для коллективного радиослушания в парткабинетах, клубах, избах-читальнях, красных уголках, политотделах МТС *«при обязательном контроле утвержденного райкомом ВКП(б) работника»*. Позднее, в соответствии с постановлением бюро обкома от 2 апреля 1942 г., все имевшиеся радиоприемники граждане, независимо от служебного и общественного положения, должны были сдать органам Наркомата связи<sup>340</sup>.

Органы НКВД – НКГБ Западной Сибири следили за соблюдением указанных правил. Так, в октябре 1942 г. сотрудниками 2-го спецотдела Управления НКВД СССР по Новосибирской области расследовался факт нарушения начальником политотдела Черепановского зерносовхоза Арбузниковым установленного порядка пользования радиоприемниками. Нарушение выразилось в том,

что Арбузников самовольно сорвал сургучные печати с коротковолнового диапазона на принадлежавшем совхозу радиоприемнике, *«чем создал себе возможность прослушивать любые радиопередачи мира»*. Об этом факте органами НКВД было доложено в Новосибирский обком ВКП(б), и Арбузников был сурово наказан по партийной линии<sup>341</sup>.

В конце войны изъятые у населения радиоприемники были возвращены прежним владельцам<sup>342</sup>.

Перлюстрационная деятельность в годы войны носила масштабный характер, прочитывались не просто сотни, а десятки тысяч писем, поступающих с фронта или направленных на фронт.

Объем работы был настолько большой, что вопрос о кадрах военной цензуры, о переводчиках всегда был в центре внимания руководства органов государственной безопасности СССР.

Возможно, с этим связаны постоянные перестройки органов государственной безопасности. Не последнюю роль играла и изменившаяся на фронте обстановка, связанная с коренным переломом в ходе войны. Приказом НКВД СССР от 18 января 1942 г. на основе 2-го отдела было образовано 4-е Управление НКВД СССР (разведка, террор и диверсии в тылу противника) во главе с П.А. Судоплатовым.

Вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 г. был создан НКГБ СССР. Были также объявлены структура и штатное расписание НКГБ, утвержденные решением Политбюро и постановлением СНК СССР № 393–129 сс от 14 апреля 1943 г. Центральный аппарат НКГБ состоял из 7 управлений (2-е управление – контрразведка – было создано на базе 2-го и 3-го управлений НКВД) и четырех самостоятельных отделов, в также следственной части и секретариата.

На базе бывшего 2-го Секретного отделения НКВД СССР был организован Отдел «В» НКГБ СССР, занимавшийся военной цензурой и перлюстрацией корреспонденции<sup>343</sup>.

В соответствии с «Положением о военной цензуре в Красной армии (на военное время)», утвержденным 13 декабря 1943 г. взамен Приказа НКО СССР № 0131 от 22 июля 1935 г., цензоры были во всех штабах, начиная с соединений и выше. При этом цензоры центральных органов, фронтов, округов и армий занимались только цензурированием, а цензоры штабов соединений (корпуса,

дивизии и т.д.), введенные указанным положением, выполняли цензорские обязанности по совместительству с обязанностями своей штатной должности. Аналогично назначались цензоры в военные академии, дома Красной армии и другие военные учреждения. Однако упомянутые в этих документах цензоры не читали почту красноармейцев<sup>344</sup>.

Сеть политконтроля (ПК) и ее контролеры, созданные еще до начала войны, послужили базой для развертывания системы пунктов военной цензуры практически в каждом городе СССР и в учреждениях военно-полевой почты с лета 1941 г.

Контролеры почтово-телеграфной корреспонденции были сотрудниками соответствующих территориальных органов политического контроля госбезопасности (далее для исключения путаницы между цензорами они будут нами называться контролерами ПК; в документах также использовалась формулировка «цензоры НКВД») и являлись прикомандированными к соответствующим учреждениям военно-почтовой службы (военно-почтовым сортировочным пунктам фронтов (ВПСП), военно-почтовым базам (ВПБ) армий и флотов)<sup>345</sup>.

В Действующей армии контролеры ПК находились при фронтовых ВПСП и ВПБ, а в тылу – при тыловых ВПСП, а также территориальных пунктах политконтроля, которые были не только в республиканских и областных центрах при почтамтах, конторах и узлах связи, но практически во всех городах, отделениях перевозки почт, а также, на усмотрение местных управлений НКВД – НКГБ, при других почтовых учреждениях<sup>346</sup>.

При наличии в городе ВПСП, продолжали действовать пункты политконтроля; причем эти пункты дислоцировались не только в республиканских и областных центрах, но и в других городах страны<sup>347</sup>.

На октябрь 1943 г. существовало 150 тыловых пунктов цензуры<sup>348</sup>.

Постановлением ГКО СССР от 7 сентября 1944 г. № 6513 сс устанавливалась советская цензура и контроль «за международной и междугородней телефонно-телеграфной, радио и почтовой связью» на территории Румынии, занятой Красной армией. Цензура устанавливалась в Бухаресте, Констанце, Галаце, Плоешти, Брашове, Сулине и «в необходимых случаях в других городах»<sup>349</sup>.

Постановлением ГКО СССР от 25 октября 1944 г. № 6787 с цензурные органы были включены в состав Союзной Контрольной Комиссии. На других занятых Красной армией территориях советская цензура почтово-телеграфной корреспонденции вводилась «по умолчанию», без каких-либо дополнительных решений.

В годы Великой Отечественной войны органами политконтроля выпускались различные распоряжения, посвященные общим вопросам работы цензоров. Так, распоряжением от 22 июня 1943 г. предписывалось конфисковать пересылаемые фотографии военнослужащих и техники противника, агитационные открытки оккупантов, религиозные и порнографические открытки, а также разные карикатуры. Через два дня, 24 июня 1943 г., было также разослано цензорам распоряжение об изъятии как анонимных, так и подписанных писем, содержащих сведения об аморальном поведении в быту жен и близких родственников военнослужащих, а выявленные письма пересылать по территориальной принадлежности для выявления возможных случаев провокаций<sup>350</sup>.

В октябре 1943 г. цензорам было предписано конфисковать письма на фронт с отрицательными высказываниями по поводу сокращения хлебных норм, а также жалобами на действия местных властей.

В мае 1944 г. была утверждена инструкция «Об организации в отделах «В» НКГБ – УНКГБ единого учета лиц, имеющих письменные связи с границей». Из учета исключались лица, ведущие переписку с родственниками или знакомыми, работавшими в советских заграничных представительствах.

В январе 1945 г. сотрудникам ПК было разослано распоряжение об изъятии из писем всех фотографий инвалидов, с предписанием регистрировать факт их изъятия на случай поступления жалоб об утере. В марте 1945 г. было указано, что на сведения военного характера, касающиеся союзных английских и американских вооруженных сил, распространяются нормы о военной тайне<sup>351</sup>.

В сентябре 1945 г. на гражданской корреспонденции проставление цензурных грифов было прекращено согласно указанию НКГБ от 15 августа 1945 г. «О подготовительных мероприятиях при переходе на негласный контроль почтово-телеграфной корреспонденции». Постановление СНК СССР от 10 ноября 1945 г.

«Об изменении военной цензуры почтово-телеграфной корреспонденции» официальная цензура международной и внутренней корреспонденции всех гражданских лиц отменялась. Вторая мировая война закончилась, и требовалось хотя бы изображать соблюдение законодательства, гарантирующего тайну переписки.

Таким образом, отличительной особенностью советской военной цензуры 1941–1945 гг. являлось то, что она сочетала в себе две черты: с одной стороны, она стремилась к недопущению распространения чувствительной в условиях военного времени информации, с другой стороны – осуществляла общий контроль содержания почтово-телеграфной переписки<sup>352</sup>.

Важно отметить, что понятия «перлюстрация» и «военная цензура» не являлись одним и тем же, а были отдельными направлениями деятельности соответствующих органов:

1) цензура изданий, печатных произведений, средств радиовещания, кинофильмов, театральных постановок осуществлялась в гражданском секторе Главлитом (Управлением по охране военных и государственных тайн в печати), а в Вооруженных силах (с июня 1935 г. по февраль 1942 г.) – 8-м отделом Регистрационного управления РККА; с февраля 1942 г. – отделом военной цензуры Главного разведывательного правления Генштаба Красной армии, ставшим в октябре 1942 г. самостоятельным отделом НКО СССР<sup>353</sup>, который с сентября 1943 г. был переподчинен Генеральному штабу Красной армии и его правопреемникам;

2) перлюстрация (скрытая цензура, «политический контроль») и цензура (с наложением цензурного грифа) почтово-телеграфной корреспонденции осуществлялись 2-м спецотделом НКВД; с мая 1943 г. – отделом «В» НКГБ и его правопреемниками<sup>354</sup>.

В целом почтовая военная цензура СССР выполняла задачи, поставленные перед ней советской идеологической системой: не допускать распространения панических слухов и уподобительных настроений, разглашения государственной тайны, отслеживать готовящиеся покушения на государственные преступления и следить за политическими настроениями советских людей.

**К вопросу о практике применения института  
ответственности в отношении членов семей изменников  
Родины в годы Великой Отечественной войны**

Целевое толкование соответствующих норм, составлявших в годы Великой Отечественной войны институт ответственности в отношении членов семей изменников Родины, учитывающее политико-идеологические установки руководства советского государства в военный период, позволяет оценивать его в качестве репрессивного элемента превентивного характера системы мер государственно-правового противодействия коллаборационизму. Его основы были заложены в довоенный период путем установления возможности объективного вменения уголовной ответственности в отношении родственников отдельных категорий изменников Родины. В годы войны он получил широкое нормативное развитие в направлении существенного ужесточения репрессивных мер и расширения оснований их применения<sup>355</sup>.

Советским правом не использовался термин «коллаборационист». Наиболее распространенной юридической характеристикой проявлений коллаборационизма являлось отнесение подобной деятельности к измене Родине, то есть уголовно-правовая квалификация по статьям 58-1 «а» и 58-1 «б» УК РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик («Измена Родине» и «Измена Родине, совершенная военнослужащим»)<sup>356</sup>. При этом в годы войны был принят ряд чрезвычайных актов, направленных на обеспечение строжайшей дисциплины на фронте и недопущение возможности коллаборации советских военнослужащих с противником. Они нормативно закрепляли новые формы измены Родине, что не противоречило уголовному законодательству, допускавшему возможность отнесения к ней широкого спектра деяний (действия командиров, комиссаров и политработников, самовольно отступивших с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров; сдача в плен без сопротивления; дезертирство, в том числе сопряженное с бандитизмом, вооруженным грабежом и контрреволюционной повстанческой работой)<sup>357</sup>.

С 19 апреля 1943 г. советские граждане из числа отдельной категории пособников оккупантов формально не рассматривались в качестве субъектов измены Родине как преступления, предусмотренного ст. 58-1 УК РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик. При этом в отношении них применялся нормативно установленный термин «изменники Родине», а их деяния подлежали квалификации в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» (далее – Указ от 19 апреля 1943 г.)<sup>358</sup>.

9 ноября 1943 г. начальник Главного управления военных трибуналов Народного комиссариата юстиции СССР (ГУВТ НКЮ СССР) подписал директиву, согласно которой дела на лиц, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных Указом от 19 апреля 1943 г., или по ст. 58-1 УК РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик, должны представляться в ГУВТ НКЮ СССР в тех случаях, когда семьи этих лиц подлежат репрессированию, то есть в случаях осуждения к смертной казни – повешению или расстрелу – и после утверждения и исполнения приговора. При осуждении на каторжные работы либо на лишение свободы, а равно в случаях замены смертной казни другими мерами наказания, дела должны направляться на архивное хранение, и в ГУВТ НКЮ СССР их представлять не следует<sup>359</sup>.

Помимо указанного ведомственного акта, предусматривающего в качестве основания для репрессирования осуждение лица по Указу от 19 апреля 1943 г. к смертной казни через повешение, автору не удалось отыскать иных правовых документов, закреплявших данное основание применения репрессий. Однако наличие подобной директивы прямо свидетельствует о включении пособничества оккупантам, предусмотренного Указом от 19 апреля 1943 г., в перечень деяний, влекущих репрессии в отношении членов семей коллаборационистов. На это указывает и практика их применения, нашедшая отражение в архивных источниках. Так, например, решением Особого совещания при НКВД СССР от 14 октября 1944 г.

жительница г. Свердловска С. вместе с тремя малолетними детьми была направлена в ссылку в Тюменскую область на срок 5 лет, а ее имущество было конфисковано<sup>360</sup>. Ее муж, бывший советский военнослужащий, за службу в немецкой армии был осужден 17 августа 1943 г. военно-полевым судом 58-й стрелковой дивизии к повешению по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г.<sup>361</sup>

Недостатки юридической техники построения и неконкретизированный характер ряда норм, предусматривавших основания и порядок применения репрессий, создавали условия для их большего усиления в силу отсутствия единообразного подхода к толкованию и правоприменению. В частности, на практике имели место случаи репрессирования неродных родителей изменников в условиях нормативного закрепления необходимости репрессирования отца и матери наряду с иными родственниками, привлеченными к ответственности за измену Родине. Так, 11 ноября 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР в ссылку в Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет с конфискацией имущества была направлена мачеха бывшего красноармейца, осужденного за подготовку к переходу на сторону противника по ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР и расстрелянного 3 мая 1942 г. по приговору военного трибунала 381-й стрелковой дивизии<sup>362</sup>. Также известен случай, когда решением Особого совещания при НКВД в ссылку в Северо-Казахстанскую область на 5 лет был направлен отчим изменника Родины вместе с двумя совершеннолетними сестрами и матерью изменника, с которой также следовало шесть несовершеннолетних детей<sup>363</sup>.

Вместе с тем, в практике встречались и случаи, когда усмотрение правоприменителя смягчало репрессивный подход. Так, 20 ноября 1941 г. военным трибуналом 30-й армии к расстрелу по ст. 58-1 «а» УК РСФСР был осужден гражданин Г., который был завербован немецкой разведкой, а затем переброшен на территорию дислокации частей Красной армии, где выполнял задания врага по сбору о них сведений, подрыву складов с боеприпасами и агитации красноармейцев о переходе на сторону противника<sup>364</sup>. Согласно заключению следственного отдела УНКВД СССР по Свердловской области от 5 мая 1943 г., его супруга К. в соответствии с нормативными требованиями подлежала репрессированию. Однако заключением 1-го Спецотдела НКВД СССР от 31 мая

1943 г., утвержденным заместителем наркома госбезопасности Б.З. Кобуловым, было принято решение «ссылку к К. не применять», так как она «прожила с изменником Родине Г. всего лишь около 2-х недель»<sup>365</sup>. При том, что каких-либо оговорок о минимальной продолжительности пребывания в браке, достаточной для репрессирования, нормативные правовые акты не предусматривали. Аналогичное решение было принято и в отношении гражданки Ш., муж которой был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР, и расстрелян по решению Особого совещания при НКВД СССР от 4 ноября 1942 г. Учетное дело в отношении Ш. было прекращено в связи с тем, что она проживала с ним в зарегистрированном браке «всего 3 месяца»<sup>366</sup>.

Свидетельство о заключении брака и (или) соответствующая справка из органов ЗАГС не являлись обязательными документами при формировании учетных дел в отношении жен изменников Родины. Факт родства, в том числе иных родственников, первоначально устанавливался исходя из показаний самого изменника и иных лиц, а впоследствии подтверждался справкой местных административных органов и иными материалами дела. В связи с этим на практике репрессии применялись и в отношении женщин, не состоявших в официальном браке, в том числе в случаях, когда об этом было известно правоприменителю.

Так, 22 августа 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР в ссылку в Кустанайскую область Казахской ССР на 5 лет с конфискацией имущества была направлена В., муж которой, бывший красноармеец, сдался в плен к немцам, а впоследствии был завербован немецкой разведкой (приговором военного трибунала Ленинградского фронта от 21 апреля 1942 г. он был осужден к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР)<sup>367</sup>. Согласно заключению УНКВД СССР по Свердловской области о необходимости репрессирования его жены, она не состояла в зарегистрированном браке с изменником<sup>368</sup>.

В феврале 1943 г. дезертировал красноармеец З. – муж гражданки А. Затем он скрывался в лесах и занимался грабежом местных жителей. В апреле и мае 1943 г. он совершил разбойные нападения на 2-х колхозниц, ударив их металлическим прутом по голове и отобрав у них продукты (приговором военного трибунала

Калининского фронта от 1 июля 1943 г. он был осужден к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР)<sup>369</sup>. Согласно заключению УНКГБ СССР по Свердловской области о необходимости не применять репрессии в отношении его жены, в качестве основания освобождения от ответственности указывалось «наличие у нее ребенка, не являющегося родным изменнику», несмотря на отсутствие нормативного закрепления такой возможности. В этом же документе указывалось и на отсутствие факта регистрации брака, которое, однако, по мнению сотрудников органов госбезопасности, препятствием для репрессирования не являлось. Несмотря на приведенные доводы, решением Особого совещания от 12 февраля 1944 г. А. была направлена в ссылку в Омскую область на 5 лет<sup>370</sup>.

Вместе с тем пробел в правовом регулировании по данному вопросу приводил и к ситуациям, когда органы госбезопасности не применяли репрессии в отношении женщин, не состоявших в официальном браке с изменниками. Так, 2 марта 1943 г. военный трибунал войск НКВД СССР по охране тыла Северо-Кавказского фронта по ст. 58-1 «б» УК РСФСР приговорил к расстрелу 3-х бывших советских военнослужащих, которые, находясь в немецком плену, были завербованы, обучены, снаряжены радиостанциями и всем необходимым и оставлены в г. Георгиевске для последующего ведения шпионской работы при занятии города частями Красной армии<sup>371</sup>. В отношении жены одного из изменников 15 марта 1945 г. НКГБ СССР принял решение о неприменении репрессий, указав в заключении в качестве одного из оснований этого отсутствие официальной регистрации брака.

Несмотря на то, что репрессии были направлены на совершеннолетних лиц, фактически им подвергались и их несовершеннолетние дети, которые должны были следовать к месту ссылки совместно с родителями. В соответствии с Инструкцией, объявленной приказом НКВД СССР от 10 декабря 1940 г., действовавшей и в годы войны, несовершеннолетние дети репрессированных не подлежали помещению в тюрьму, и до отправки в ссылку для их содержания следовало выделять специальное помещение<sup>372</sup>.

Однако на практике данное правило соблюдалось не всегда. Так, 2 октября 1942 г. военный трибунал 68-й морской стрелковой бригады осудил по ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР за покушение на измену Родине и приговорил к расстрелу красноармейца З., который

17 сентября 1942 г., договорившись со своим сослуживцем о переходе к противнику, вместе с ним бросил в лесу оружие и боеприпасы и направился к передовой линии обороны, но был задержан советскими бойцами<sup>373</sup>. Совершеннолетняя дочь и супруга осужденного вместе с двумя малолетними сыновьями красноармейца решением Особого совещания при НКВД СССР от 25 ноября 1943 г. были направлены в ссылку в Омскую область на 5 лет с конфискацией имущества<sup>374</sup>. Репрессированная дочь, 1925 г. рождения, в своем обращении к И.В. Сталину с просьбой о помиловании ее и членов ее семьи, указывала, что перед тем, как они прибыли к месту пребывания в ссылке, их «посадили в пересылочную тюрьму г. Свердловска, где они просидели 4 дня, затем направили в омскую тюрьму, где они просидели 4 месяца и не могли понять, или же им вольная ссылка назначена, или же тюремное заключение, сидели всей семьей – мама, она, братишка 10-ти лет и братишка 4-х лет»<sup>375</sup>.

Репрессивную сущность рассматриваемого института усиливала практика вынесения неправосудных решений в отношении лиц, в действительности не причастных к какой-либо изменнической деятельности, являвшихся основанием для применения мер ответственности в отношении членов семей изменников Родины.

Так, гражданка С. 16 декабря 1941 г. как член семьи изменника была арестована, а 28 февраля 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР гражданка С. была направлена в ссылку в Красноярский край на 5 лет (с исчислением срока с даты ареста). Ее муж, бывший красноармеец, был осужден 5 ноября 1941 г. военным трибуналом 90-й Краснознаменной стрелковой дивизии ленинградской группы войск Ленинградского фронта за измену Родине ст. 58-1 «б» УК РСФСР и заочно приговорен к расстрелу. Согласно приговору, он 16 октября 1941 г. перешел на сторону врага, оставив в своем окопе винтовку и патроны<sup>376</sup>. 4 февраля 1946 г. Военная коллегия Верховного суда СССР (далее – Военная коллегия) отменила данный приговор и передала дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, указав, что из материалов дела нельзя установить, что красноармеец С. действительно изменил Родине и перешел на сторону врага: приговор военного трибунала построен на предположениях; никто из свидетелей лично не видел, когда и при каких обстоятельствах С. покинул

окоп, в котором он находился; в деле нет никаких других доказательств, хотя бы косвенно свидетельствующих о его переходе на сторону противника. Протоколом Особого совещания при МГБ СССР от 18 декабря 1946 г. решение о репрессировании было отменено<sup>377</sup> (спустя более 10 месяцев после отмены приговора и 2-х дней после истечения срока ссылки).

В случае отсутствия судебного приговора или решения Особого совещания о привлечении к ответственности изменника Родины для заведения учетного дела в отношении членов его семьи достаточно было наличие документа командования воинских соединений, сельсовета, райисполкома или горсовета, прокурора, местного органа НКВД или особого отдела соответствующего воинского соединения о факте расстрела изменника с приложением свидетельских показаний, подтверждающих его предательскую деятельность.

Так, 30 апреля 1943 г. решением Особого совещания при НКВД СССР была направлена в ссылку в Северо-Казахстанскую область на 5 лет с конфискацией имущества жительница г. Нижний Тагил Н. Поводом для репрессирования послужило постановление следователя особого отдела НКВД 34-й армии от 12 декабря 1942 г. о прекращении следственного дела в связи с расстрелом красноармейцев, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР. Согласно постановлению, муж Н., бывший красноармеец 161-й отдельной стрелковой бригады Н., и красноармейцы М. и П., будучи часовыми на посту переднего края обороны, 26 октября 1942 г. по общему сговору, пытались перейти на сторону противника, но снайперским огнем красноармейца Д. были расстреляны, что подтверждается показаниями других красноармейцев<sup>378</sup>.

2 декабря 1960 г. Н. обратилась к прокурору Уральского военного округа с заявлением о реабилитации, в котором указала, что ее муж оказался жив и вернулся домой в Нижний Тагил, где они проживали до его смерти в 1955 г.<sup>379</sup> В ходе проверки по факту обращения гражданки Н. последняя показала, что ее муж Н. был призван в Красную армию в июне 1941 г., вернулся домой в 1948 г., где они встретились с женой после ее возвращения из ссылки. Затем он продолжил работать на Высокогорском руднике, а в 1955 г. умер. Н. говорил супруге, что «он ни в чем не виноват,

что он не арестовывался», о своем пребывании на фронте ничего не рассказывал, а она его ни о чем не расспрашивала. Предложение жены обратиться по поводу возврата конфискованного имущества Н. отклонил, пояснив, что «в войну людей много пострадало, а они наживут»<sup>380</sup>.

В ходе проведенной проверки также было установлено, что один из якобы расстрелянных красноармейцев М. был арестован после войны и осужден 10 декабря 1947 г. по ст. 58-1 «б» УК РСФСР военным трибуналом Горьковского гарнизона к 25 годам лишения свободы за переход на сторону врага совместно с указанными красноармейцами (Н и П.) при указанных обстоятельствах. Определением Военной коллегии от 28 марта 1956 г. наказание осужденному было снижено до 10 лет лишения свободы. М. подтвердил наличие сговора между ними и сам факт перехода, пояснив, что при подходе к проволочному заграждению немцев по ним был открыт пулеметный огонь со стороны подразделений Красной армии, а он потерял сознание от разрыва мины. О дальнейшей судьбе Н. и П. ему ничего не известно, сам же он после излечения находился в лагерях для военнопленных, затем в рабочей части немецкой армии, а в мае 1945 г. был захвачен советскими войсками<sup>381</sup>.

Согласно материалам архивного проверочно-фильтрационного дела в отношении мужа репрессированной Н., 9 мая 1945 г. он был репатриирован в составе группы из 70 военнопленных, входившей во вспомогательное (трудовое) формирование, обеспечивающее нужды немецкой армии (компания № 512/2), и направлен для проведения фильтрации в Восточный ИТЛ МВД СССР (г. Совгавань Приморского края), где пребывал до момента освобождения, то есть до 6 августа 1946 г. Согласно показаниям Н., 25 октября 1942 г. в ходе выполнения боевого задания он был пленен 6-ю нападшими на него немецкими солдатами. В плену, находясь под охраной в лагерях военнопленных, а с 10 мая 1944 г. – в указанном формировании, он привлекался к выполнению различных хозяйственных работ<sup>382</sup>.

23 июня 1961 г. определением военного трибунала Уральского военного округа постановление Особого совещания при НКВД СССР о репрессировании Н. было отменено в связи с отсутствием

состава преступления. В качестве основного довода своего решения трибунал указал отсутствие доказательств, подтверждающих факт измены Родине со стороны ее мужа, а в качестве обоснования были использованы исключительно ее показания. При этом, как следует из содержания приговора, обстоятельства, изложенные в документах проверочно-фильтрационного дела, а также в приговоре военного трибунала Горьковского гарнизона и иных материалах проверки, проведенной по обращению репрессированной Н., не стали предметом рассмотрения и оценки военного трибунала Уральского военного округа<sup>383</sup>.

В отличие от приведенных примеров, когда решения об отмене репрессий принимались уже после их реализации, на практике встречались и случаи, когда они не были исполнены в полном объеме и даже не применялись вовсе в силу отмены решений в отношении лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине.

Так, 11 июня 1942 г. приговором военного трибунала Уральского военного округа была направлена в ссылку на 5 лет Я., жена бывшего красноармейца, осужденного заочно к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР 24 ноября 1941 г. военным трибуналом 339-й стрелковой дивизии<sup>384</sup>. Определением Военной коллегии от 19 января 1944 г. приговор военного трибунала был отменен как необоснованный, а затем Военной коллегии понадобилось еще полгода для того, чтобы 11 июня 1944 г. принять решение об отмене приговора и в отношении жены незаконно осужденного красноармейца<sup>385</sup>.

30 сентября 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР была направлена в ссылку в Северо-Казахстанскую область на 5 лет с конфискацией имущества В., муж которой был заочно приговорен к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР 8 февраля 1942 г. военным трибуналом 55-й армии. 3 января 1944 г. данный приговор был отменен Военной коллегией, а дело было направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия в связи с «недостаточной полнотой расследования по делу» и отсутствием «бесспорных доказательств» факта перехода осужденного на сторону противника<sup>386</sup>. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 11 марта 1944 г. постановление о ссылке В. было отменено<sup>387</sup>. При этом ни в данном решении, ни в иных

материалах учетного дела не упоминалось о необходимости возврата либо фактическом возврате В. ранее конфискованного имущества (дома, амбара, конюшни, сарая, козы и 4-х гусей).

3 марта 1942 г. в Управление НКВД СССР по Свердловской области поступила копия приговора военного трибунала Северо-Западного фронта от 9 декабря 1941 г. в отношении капитана Красной армии Л. для репрессирования членов его семьи. Л. был осужден заочно по ст. 58-1 «б» УК РСФСР за то, что в июле 1941 г., находясь в составе 84-й стрелковой дивизии, попал в окружение противника, дезертировал и остался на территории занятой противником<sup>388</sup>. В ходе мероприятий в рамках учетного дела в отношении его жены выяснилось, что она продолжает получать от него письма, приходящие из штаба одной из армий. В результате последнего неоднократного направления учетного дела в 1-й Спецотдел НКВД СССР для перепроверки факта измены Родине 30 декабря 1942 г. было установлено, что приговор в отношении капитана Л. был отменен, и дело в отношении него было прекращено Военной коллегией 14 декабря 1942 г. Учетное дело в отношении жены Л. было прекращено лишь 9 апреля 1943 г.<sup>389</sup> Таким образом, несмотря на то, что для установления наличия основания репрессирования потребовалось более года, в приведенном примере письма с фронта послужили поводом для дополнительной проверки факта измены Родине и недопущения безосновательного применения репрессий.

Согласно статистическим данным органов госбезопасности, общее число репрессированных членов семей изменников Родины в период с 1942 г. (первый год учета данной категории) по 1952 г. составило 40 056 человек<sup>390</sup>. Однако сопоставление этих данных с количеством лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине, а также имеющимися сведениями о масштабе фактических репрессий в отношении членов семей изменников позволяет поставить под сомнение объективность приведенного показателя. Так, в 1941–1945 гг. за измену Родине было привлечено к ответственности 243 627 человек, а только в 1946 г. – 39 247 человек (в этом же году, согласно официальной статистике, было репрессировано лишь 396 членов их семей)<sup>391</sup>. Только в ходе одной операции по выселению членов семей украинских националистов,

проведенной в октябре 1947 г., было выселено 26 644 семей в составе 77 806 человек<sup>392</sup>.

Несмотря на уже проведенную масштабную работу по реабилитации членов семей изменников, исследование практики применения к ним репрессий имеет важное теоретическое и практическое значение. Анализ архивных учетных дел реабилитированных советских граждан, репрессированных в силу родства, позволяет восполнить имеющиеся пробелы историко-правовой науки в отношении не только особенностей регламентации, толкования и правоприменения в рассматриваемой сфере, но и практики уголовного преследования лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине, за преступления, действительно ими совершенные либо необоснованно им вмененные. В связи с этим соответствующие архивные материалы могут быть поводом и источниковой основой как для проведения дополнительной работы по восстановлению прав реабилитированных родственников и по реабилитации лиц, незаконно привлеченных к ответственности в качестве изменников Родины, так и для установления, изучения и оценки обстоятельств действительно совершенных преступлений.

### **Героические страницы истории органов госбезопасности Южного Зауралья**

В отечественной и региональной историографии проблема осмысления деятельности органов госбезопасности Южного Зауралья не получила достаточного изучения. Вместе с тем, геополитическое положение региона, разнообразие этнических и социально-культурных параметров, аграрно-индустриальный профиль Южного Зауралья наложили отпечаток на проводившуюся здесь в советский период деятельность органов госбезопасности.

В этой связи заслуживает внимания научный труд Г.А. Иванова «История органов госбезопасности Зауралья»<sup>393</sup>. Опубликование названного фундаментального исследования стало заметным вкладом в освещение становления и деятельности органов госбезопасности Южного Зауралья, включая годы Гражданской войны, межвоенный период и Великую Отечественную войну. Издание изобилует детальным рассказом о многих чекистах. Это первое в регионе и пока единственное с учетом избранных автором территориальных и хронологических рамок системное и законченное исследование, представляющее научный интерес.

Цель представленной нами статьи – на основе имеющихся многочисленных открытых источников дополнить палитру героических и трагических событий становления и развития органов госбезопасности региона на различных этапах развития советского общества.

История органов госбезопасности Южного Зауралья ведет свой отчет с августа 1919 г., когда на территории региона была установлена Советская власть. В этот исторический период Курганский уезд, наряду с Кустанайским и Троицким уездами, Постановлением ВЦИК входил в образованную Челябинскую губернию. В 1924 г. решением Советского правительства проведено районирование Урала, в результате которого вместо четырех губерний была образована Уральская область (административным центром стал город Свердловск), куда вошел Курганский округ<sup>394</sup>.

В 1940 г. в связи с ростом численности населения и развитием промышленности Указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Курган выделен из состава Курганского района и стал городом областного подчинения (Челябинской области). На территории региона, который принято называть Южное Зауралье, разместились два города областного подчинения – Курган и Шадринск, три города районного подчинения – Катайск, Шумиха, Петухово<sup>395</sup>.

Первоначально обеспечение государственной безопасности в Курганском уезде возлагалось на структурные подразделения губернских и уездных чрезвычайных комиссий (ЧК). Такая уездная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем действовала в Кургане до февраля 1922 г. На наш взгляд, заслуживает внимания памятка сотрудникам чрезвычайных комиссий 1918 г., в содержании которой написано: «Быть всегда корректным, вежливым, скромным, находчивым. Не кричать, быть мягким, но, одинаково надо знать, где проявлять твердость. Прежде, чем говорить, нужно подумать. На обысках быть предусмотрительным, умело предостерегать несчастья, быть вежливым, точным до пунктуальности. Каждый сотрудник должен помнить, что он призван охранять советский революционный порядок и не допускать нарушения его, если он сам это делает, то он никуда не годный человек и должен быть исторгнут их рядов Комиссии. Быть чистым и неподкупным, потому что корыстные влечения есть измена Рабоче-крестьянскому государству и вообще народу. Быть выдержанным, стойким, уметь быстро ориентироваться, принять мудрые меры. Храни, как зеницу ока, данные тебе поручения»<sup>396</sup>. С поправкой на время эти слова своей актуальности не потеряли.

В феврале 1922 г. при Курганском уездном исполкоме вводится и действует уполномоченный уральского губполитотдела, а в ноябре 1923 г. в результате очередной реорганизации создается Курганский окружной отдел ОГПУ, преобразованный в июле 1934 г. в Курганское районное отделение Управления НКВД. Очередная модернизация органа безопасности прошла в июле 1941 г., в результате которой в Кургане создается районное отделение

Управления НКВД СССР по Челябинской области, просуществовавшее до образования Курганской области как отдельного субъекта РСФСР<sup>397</sup>.

В постреволюционный период зауральским чекистам потребовалось приложить немало усилий по подавлению кулацко-эсеровского мятежа, ликвидации бандформирований, действовавших в тылу вплоть до середины 1930-х гг. Руководили этой сложной, опасной и ответственной работой Коваленко, Корнилов (установить их инициалы не удалось), М.И. Чупин, Я. Рудке, Н.Ф. Карташов. В годы Гражданской войны, после ее окончания и перехода к мирному строительству чекисты встали на пути организованной подрывной деятельности разведслужб ряда западных стран, повстанческого движения внутри страны. Чекисты с помощью населения разоблачали и привлекали к уголовной ответственности убийц, поджигателей полевых, общественных построек, попыток незаконного захвата власти в регионе, выявляли и предавали суду государственных преступников, саботажников, вредителей.

Например, в 1929–1931 гг. в Куртамышском районе чекисты вскрыли и ликвидировали вооруженную бандитскую группу, осуществлявшую налеты на населенные пункты и общественные организации, грабившую и терроризировавшую население, осуществлявшую поджоги. В 1931 г. на территории Курганского и Юргамышского районов сотрудниками ОГПУ была вскрыта подпольная организация, ставившая своей целью свержение действующей власти вооруженным путем<sup>398</sup>.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 г. была образована Курганская область. В ее состав были включены 4 района, выведенные из состава Омской области и 32 района, ранее входившие в состав Челябинской области. Город Курган стал административным центром области<sup>399</sup>.

В связи с образованием нового субъекта в составе РСФСР приказом НКВД СССР от 11 февраля 1943 г. на территории Курганской области впервые образовано самостоятельное Управление НКВД с входящими в него районными отделениями. В соответствии с директивным указанием НКГБ СССР № 232/3 от 11 мая 1943 г. из состава УНКВД СССР по Курганской области в результате проведенной реорганизации выделено и образовано УНКГБ СССР по Курганской области, которое возглавил полковник

А.С. Саломатов. Отдельным приложением к директивному указанию объявлялся проект штатной численности управления. Приказом начальника УНКГБ по Курганской области полковника А.С. Саломатова № 001 от 21 мая 1943 г. объявлялось комплектование и расстановка сотрудников отделов и служб управления. В приказе говорилось: всем приступить к исполнению служебных обязанностей с 20 мая 1943 г. Эту дату принято считать днем образования Управления госбезопасности по Курганской области<sup>400</sup>. Его кадровую основу составляли фронтовики, на плечи которых легла трудная задача по становлению и развитию новой структуры госбезопасности, в их числе И.И. Артемов, И.Е. Гращенков, М.Н. Лукашин, А.А. Менщиков, Я.В. Пухов, П.М. Сычев, П.В. Владимиров, Н.Я. Волосников и многие другие сотрудники.

Свыше 180 курганских чекистов приняли участие в разгроме фашистских агрессоров в годы Великой Отечественной войны, 28 офицеров управления проходили службу в органах военной контрразведки действующих частей Красной армии<sup>401</sup>. Так, начальник Мокроусовского районного отделения УНКГБ С.С. Мошин занимал ряд руководящих постов в отделах контрразведки «Смерш» боевых частей Ленинградского и Прибалтийского фронтов, трижды ранен, награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени.

Чрезвычайно интересна судьба П.В. Владимиров, командира разведывательно-диверсионного подразделения с условным наименованием «Вихрь», выполнявшего в апреле – августе 1944 г. особое задание Родины на территории оккупированной Белоруссии. Возглавляемое им подразделение провело большую разведывательно-диверсионную деятельность, взорвав 24 вражеских эшелона, разрушив более 1500 метров железнодорожного полотна, уничтожив 13 шоссейных мостов. За успешное выполнение спецзадания, П.В. Владимиров награжден орденом Ленина. В 1957 г. Павел Васильевич возглавил Управление НКГБ СССР по Курганской области<sup>402</sup>.

С началом Великой Отечественной войны контрразведывательная работа курганских чекистов сводилась к двум направлениям – защите и укреплению экономического потенциала страны и стабилизации социально-политической обстановки в регионе. С чем это было связано?

Во-первых, в течение только июля–ноября 1941 г. осуществлено грандиозное перемещение на Урал, в Сибирь, Поволжье, Казахстан и Среднюю Азию 1523 предприятия оборонного комплекса, металлургии; с ними вывозили оборудование, сырье, рабочих и специалистов. По железным дорогам за пять с лишним месяцев войны было сопровождено около 1,5 млн. вагонов с эвакуированными грузами.

Во-вторых, осенью 1942 г. только на Урале установили оборудование 788 полностью или частично эвакуированных промышленных предприятий, из них 22 – в Южном Зауралье. Все эвакуированные в наш регион предприятия выпускали мины, минометы, бомбы, противогазы, телефоны, бензозаправщики и другую продукцию военного назначения<sup>403</sup>.

В-третьих, из 2,2 млн. человек, эвакуированных на Урал, свыше 150 тыс. разместились на территории Южного Зауралья. Подобное перемещение людей, техники, оборудования за всю историю нашего государства произошло впервые. Прибытие в Южное Зауралье такого количества эвакуированных значительно повлияло на демографическую ситуацию, обострение социальных проблем. Органу госбезопасности Южного Зауралья пришлось вести кропотливую работу по выявлению не только вражеской агентуры, но и лиц, допускающих пораженческие и панические высказывания, подрывающие обороноспособность и государственную безопасность страны. Выполняя указания партийно-советского руководства страны об организации социального обеспечения военнослужащих и членов их семей, реагируя на жалобы об имевшихся нарушениях законных прав семей фронтовиков, формальном отношении к ним, не без участия сотрудников органа госбезопасности в течение 1943–1944 гг. были выявлены 1478 семей военнослужащих, которые не получали пособия, 268 человек, не получавшие пенсии, и 3623 человека, незаконно обложенные денежными платежами.

Защита промышленных объектов советского тыла заняла приоритетное место в деятельности органов безопасности. В познавательном плане необходимо напомнить, какие оборонные предприятия из числа эвакуированных из европейской части СССР были размещены в Курганской области и безопасность повседневной производственной деятельности которых находилась в поле зре-

ния наших чекистов. Зауральская земля, например, приняла оборудование Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения, разместившегося в цехах и подсобных помещениях Курганского машиностроительного завода, а также на ближайших складах других предприятий. Вместе с оборудованием прибыли 468 рабочих, специалистов инженерно-технического состава с семьями. Для предприятия были построены дополнительные производственные площади, на которых установили 296 станков. В ноябре 1941 г. на заводе трудились 1813 человек<sup>404</sup>.

Машиностроительный завод им. Петровского, прибывший из г. Черкассы, разместился в помещении музыкальной фабрики Кургана. В Курган эвакуированы завод дорожных машин из Кременчуга, Московский терпиниоловый завод и завод сложных эфиров, Одесская трикотажная фабрика.

Несколько заводов и отдельных цехов предприятий разместились в Шадринске. Так, на фабрике «Красный Октябрь» установили оборудование, прибывшее с Московского автомобильного завода. На складских помещениях моторемонтного завода «Вторая пятилетка» смонтировали оборудование Московского завода им. Калинина и Прилукского завода противопожарного оборудования (ППО), а также Московского радиозавода, Юрюзанского подковного завода и Запорожской швейной фабрики им. Володарского.

Эвакуированные предприятия разместились в ряде других районов региона. В Шумихе, например, начали работу цех Московского первого подшипникового завода, Запорожский завод ППО, на котором изготавливались насосы, а затем мины. В декабре 1941 г. в районном поселке Варгаши заново создан завод ППО на базе оборудования Ново-Торжского завода, эвакуированного из Калининской области. Завод производил бензоцистерны на автоприцепах и химические мины. Все эвакуированные предприятия в Южном Зауралье начали выпускать продукцию к середине 1942 г.<sup>405</sup>.

Одной из задач, решаемых органом безопасности, являлась недопущение диверсий, вредительства и саботажа на объектах сельского хозяйства. Агентурно-оперативная работа на объектах сельского хозяйства пользовалась в качестве главного средства борьбы с враждебными элементами. В Урало-Сибирском регионе, по подсчетам известного уральского исследователя деятельности орга-

нов безопасности, доктора исторических наук А.И. Вольхина, в архивных документах зафиксировано не менее 80% фактов совершенных и предотвращенных диверсий, реальных и мнимых, связанных с уничтожением либо сельскохозяйственной техники и инвентаря, либо поголовья скота. Такие факты, например, зафиксированы органами госбезопасности в Глядянском и Половинском районах Курганской области<sup>406</sup>. Так, в посевную кампанию 1943 г. бригадир тракторного отряда К. Митинской МТС, Половинского района Курганской области, используя неопытность молодых трактористов, давал им установку запускать двигатели до заправки радиаторов водой. В результате двигатели перегревались, а при заливе воды в радиатор крышки блоков давали трещины, техника выходила из строя<sup>407</sup>. Одним словом, работы зауральским чекистам хватало в избытке.

В годы Великой Отечественной войны сотрудники госбезопасности Южного Зауралья непрерывно вели контрразведывательную работу, направленную не только на выявление вражеской агентуры, обеспечение противодиверсионного сопровождения военных и промышленных объектов, но и на выявление лиц, допускающих пораженческие и панические высказывания. Только за неполные два года войны курганские чекисты выявили 27 агентов немецких спецслужб из числа изменников Родины, прошедших соответствующую подготовку в немецких разведшколах, а некоторые из них уже имели успешный опыт заброски в наш тыл.

Так, в 1942 г. в Кургане разоблачена и арестована агент германской разведки гражданка Т., которая на допросах показала, что, отбывая наказание за совершенное уголовное преступление в Барановичской области Белоруссии, в июле 1941 г. попала в плен, где была завербована. Имела задачу впоследствии уехать и устроиться на работу на один из оборонных заводов в Пензе или Куйбышеве (ныне Самара) с целью сбора сведений о характере и объемах выпускаемой продукции, а также распространять пораженческие слухи. В процессе работы по делу вина Т. была полностью доказана, и она понесла заслуженное наказание.

А вот еще один яркий пример кропотливой работы зауральских чекистов. Во время диверсионной высадки в немецкий тыл лейтенант К. добровольно сдался в плен с оружием в руках, выдал

немцам все имевшиеся у него сведения о Красной армии. В сентябре 1943 г. подписал обращение к советским солдатам и офицерам с призывом о добровольном переходе на сторону немцев, дал подписку органам немецкой разведки «Валли». В качестве агента работал в лагерях военнопленных на территории Чехословакии, выявляя и выдавая антифашистов. В результате оперативных мероприятий по розыску немецких пособников выявлен и арестован в Курганской области<sup>408</sup>.

Небезынтересны на наш взгляд некоторые статистические сведения, характеризующие работу зауральских чекистов. Всего Курганским управлением НКГБ – МГБ – КГБ выявлено и впоследствии осуждено более 300 изменников Родине, полицейских карателей, бойцов РОА и УПА, не подлежащих реабилитации. При розыске и разоблачении предателей наибольший вклад внесли офицеры Управления: М.Е. Макеев, С.Д. Белешев, И.Н. Королев, П.С. Гаврилов, В.А. Осколков, А.И. Канашевич и многие другие сотрудники, большинство из которых – фронтовики, бывшие работники органов военной контрразведки «Смерш»<sup>409</sup>.

Таким образом, как свидетельствует практика действий территориальных органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны, они сумели защитить экономику советского тыла от подрывной деятельности немецкой разведки и враждебных антисоветских элементов, обеспечить социально-политическую стабильность в тыловых районах страны.

В историю оперативной деятельности Управления НКГБ по Курганской области, созданного в суровые годы Великой Отечественной войны, вписано немало славных страниц, ярких примеров героизма и отваги его сотрудников. Пройдя все испытания, усвоив уроки прошлого, в настоящее время курганские чекисты, сумев сохранить свои лучшие профессиональные традиции, представляют мощную силу, защищают общенациональные интересы, успешно решают задачи по противодействию терроризму, незаконной миграции и наркотрафику, коррупции в органах государственной власти и др.

*И.Н. Верешков*  
г. Симферополь

**Английская военно-морская миссия на Черноморском флоте  
в начальный период Великой Отечественной войны глазами  
советских спецслужб**

В современной российской историографии вопросы деятельности английской военно-морской миссии в СССР во время Великой Отечественной войны остаются малоизученными. Большая часть исследований посвящена работе английской военной миссии на Северном флоте (СФ), где находилось значительное количество иностранных военных специалистов, и совместно с британцами был выполнен большой объем работы прежде всего по обеспечению безопасности северных конвоев. Изучению деятельности английской военно-морской миссии на Черноморском флоте (ЧФ) в большинстве работ по этой тематике внимания уделяется не много, что объективно связано с её малочисленностью и небольшим количеством открытых источников по этому вопросу.

Еще менее освещенной остается тема контрразведывательного обеспечения военно-морских миссий в СССР в период Великой Отечественной войны<sup>410</sup>.

Так, в книге «Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне» рассмотрены некоторые аспекты работы чекистов ЧФ в отношении английских и американских разведчиков в составе военно-морских миссий. Из приведенного доклада начальника 3 Управления НКВМФ СССР дивизионного комиссара А.И. Петрова от 25 сентября 1941 г. следует, что «оставшиеся на Черноморском флоте представители английской военно-морской миссии ... продолжают усиленно заниматься разведывательной работой. Путем личного наблюдения и бесед с командным составом они пытаются выяснить, какое вооружение на том или другом корабле. Их тактические и ходовые качества и т.д. ..., проявляют интерес к штату подлодок и их тактическим свойствам». Отмечено, что интерес англичан к Кавказскому побережью Черного моря был обусловлен не только с точки зрения рассмотрения его как возможного театра военных действий,

но и с точки зрения изучения вопросов экономических и межнациональных отношений в регионе<sup>411</sup>.

В иностранной научной литературе деятельность английской миссии в СССР изучалась на основе открытых архивных источников военных ведомств и спецслужб Великобритании и США, а также доступных советских и российских публикаций, в том числе воспоминаний участников событий. Однако, в зарубежных научных исследованиях очевидна односторонняя позиция авторов, часто представлена негативная оценка советских военных союзников как при описании работы миссии в СССР, так и при анализе результатов взаимодействия сторон. Это обусловлено тем, что в советский период иностранными учеными и участниками английской военной миссии в Советском Союзе взаимодействие представителей английского и советского флотов на Черном море оценивалось неудовлетворительно. Например, М. Фолли отмечает, что «ранние отчеты, написанные в разгар холодной войны, имели тенденцию предполагать, что сотрудничество между западными демократиями и СССР было изначально невозможно».

Современные западные исследования о работе английской и советской военных миссиях за рубежом указывают на общие проблемы, взаимные идеологические разногласия и предрассудки обеих сторон. О результатах говорят, как о «провалившемся предприятии и, безусловно, не имеющем большого отношения к успешному ведению военных действий союзников»<sup>412</sup>. Однако, отдельные иностранные авторы отмечают высокую эффективность обмена разведывательными данными по военно-морским вопросам между СССР и Великобританией именно на Черном море. Так, П. Хухтхаузен и А. Шелдон-Дюпле пишут, что: «Черноморский флот стал наиболее эффективным источником разведывательной информации при составлении силами союзников подробных боевых приказов»<sup>413</sup>, но, к сожалению, не указывают при этом конкретных источников и документов.

Следует отметить, что создание военной миссии Великобритании в СССР изначально было обусловлено, прежде всего, необходимостью проведения разведывательной работы на советско-германском фронте и уже после этого оказанием помощи в организации сопротивления нацистской Германии. Уже на следующий день после вторжения немецких войск в СССР 23 июня 1941 г.

на совещании членов Военного кабинета Великобритании обсуждался вопрос, связанный с отправкой в СССР английской военной миссии на принципах взаимности. Советское правительство также было заинтересовано в оказании помощи британцами, в том числе путем командирования в СССР английских офицеров, имеющих опыт борьбы с немецкими войсками<sup>414</sup>.

Главой английской военной миссии был назначен генерал-лейтенант Н. Мейсон-Макфарлейн, который имел опыт военно-дипломатической работы в качестве атташе в посольстве в Германии в довоенный период, а также практические навыки организации разведывательной и контрразведывательной работы в должности начальника разведки Британского экспедиционного корпуса во Франции в 1941 г.

Одной из основных задач миссии Макфарлейна являлось получение информации о военной мощи и потенциале СССР и Германии, оперативных данных о ходе боевых действий. С этой целью предполагалось установление двухстороннего канала связи Лондона и Москвы для обмена разведывательной информацией по линии военных ведомств. Обмен разведданными между Лондоном и английской миссией в СССР осуществлялся ежедневно. Члены миссии были наделены дипломатическим статусом, однако не подчинялись британскому послу в Москве. Таким образом, военно-политическое руководство Великобритании в 1941 г. создало два независимых канала получения разведывательной информации на территории СССР – посольство и военную миссию № 30<sup>415</sup>.

Иностранные исследователи отмечают, что необходимость сотрудничества Великобритании и СССР на Черном море против Германии была определена в словах Черчилля о том, что «единственный другой маршрут, по которому на нас может обрушиться серьезное нападение – это через Кавказ (на Ближний Восток) и через Каспий (в Индию). Это предполагает господство в Черном море, в котором русские в настоящее время обладают подавляющим военно-морским превосходством». Основная цель работы английской военно-морской разведки на Черном море также была поставлена премьер-министром, который задался вопросом, «как долго русские будут удерживать господство на Черном море, хотя с их силами непросто, что они могли его потерять». Таким

образом, для поддержания разведывательного контроля над советским военно-морским флотом и оказания помощи в общей борьбе с нацизмом военное руководство Великобритании сочло необходимым присутствие на Черном море офицеров связи ВМС Великобритании<sup>416</sup>.

Вместе с тем, предложение о направлении на Черноморский флот британского офицера поступило от советской стороны. 13 июля 1941 г. заместитель начальника штаба Народного комиссариата Военно-морского флота (НКВМФ) контр-адмирал М.М. Долинин предложил руководителю военно-морской секции английской миссии в СССР контр-адмиралу Д. Майлзу (Майлс) направить офицера связи на Черноморский флот. 19 июля нарком ВМФ СССР адмирал Н.Г. Кузнецов сообщил о возможности отправки офицеров Королевского военно-морского флота для осмотра военных кораблей ЧФ без каких-либо требований об ответном жесте<sup>417</sup>.

Английская военно-морская миссия на Черноморском флоте действовала с августа 1941 г. по май 1945 г. Основной её целью официально было определено оказание союзнической помощи советскому флоту в борьбе с нацистской Германией и её союзниками на Черном море. Задачами являлись установление и поддержание устойчивой оперативной связи для обмена информацией, в том числе разведанными о действиях и вооружении противника и собственных военно-морских сил, обмен опытом в ведении боевых действий против врага, оказание методической и практической помощи прежде всего в сфере военно-технического сотрудничества. В частности, с самого начала миссии англичане предоставили помощь и консультации советским морякам по размагничиванию кораблей и судов от применяемых немцами магнитных и акустических мин<sup>418</sup>.

В данной работе изучено контрразведывательное обеспечение советскими спецслужбами деятельности английской военно-морской миссии на Черноморском флоте в 1941–1942 гг.

14 августа 1941 г. из Москвы в Севастополь в сопровождении комиссара Гусева прибыл главный офицер штаба и переводчик адмирала Майлса, командер Д.Б. Уайберд, который должен был встретиться с командующим ЧФ адмиралом Ф.С. Октябрьским и организовать работу перечисленных представителей миссии.

По указанию командующего ЧФ, Фокс был прикреплен к бригаде подводных лодок, базирующейся в Севастополе, Эмброуз направлен на эсминец «Бодрый» до 2 сентября, после чего переведен на крейсер «Ворошилов». После ссоры с советским комиссаром, как пишет Д. Райан, 7 октября 1941 г. Фокс вернулся вместе с Уайбердом и Пауэллом в Соединенное Королевство<sup>419</sup>.

С начала пребывания представителей английской военно-морской миссии на Черноморском флоте с ними ежедневно работал сотрудник разведывательного отделения НКВМФ СССР капитан-лейтенант П., который выступал под легендой сотрудника оперативного (особого) отдела и наряду с другими выполнял функции контрразведчика. В 2025 г. его «Дневник о пребывании представителей английской миссии при Черноморском флоте» рассекречен Управлением ФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю<sup>420</sup>.

Полученные указанным сотрудником советской спецслужбы сведения обобщены в 1-м Управлении НКВМФ СССР и направлены 6 сентября 1941 г. сообщением в 3-е Управление НКВМФ СССР. В документе указаны характеристики на представителей английской военно-морской миссии на ЧФ и данные об их разведывательной деятельности<sup>421</sup>.

Так, командер Д.Б. Уайберд, член военно-морской миссии в Москве, характеризуется как опытный разведчик, инструктирующий других английских офицеров миссии, которые «становятся информаторами командера Уайберда и осуществляют с ним связь, используя для этого шифр». С 11 по 21 августа 1941 г. находился в Севастополе «исключительно для организации и направления разведывательной работы прибывших сюда офицеров – капитана Фокса и командера Эмброуза».

В отношении Д.В. Фокса дана характеристика как малоопытного разведчика, проявляющего большой интерес к советскому флоту. Он пытался выведать данные о строительстве кораблей, фортификации Севастополя, советской авиации, личном составе флота и другие сведения. Капитан Фокс установил шифрованную связь с Уайбердом и военно-морским командованием в Александрии, а также по заданию командера Уайберда «поставил перед командованием Черноморского флота ряд вопросов, в который входили данные о портах и базах флота, список кораблей, деятельность ЧФ и пр.».

Коммандер Д.У. Эмброуз был другом Уайберда, «с которым вместе изучал русский язык в Лондоне, а затем – в Талине». Характеризовался как ленивый и нелюбопытный человек, слабо знающий русский язык.

Лейтенант-коммандер Д.Х. Пауэлл – специалист трального дела, который «выдает себя за знатока по размагничиванию кораблей»; пытался вывести сведения об организации минно-тральной службы на Черноморском флоте. 28 августа 1941 г. вылетел в Москву.

Советскими спецслужбами был сделан однозначный вывод, что все члены английской военно-морской миссии на ЧФ присланы в СССР для ведения разведывательной работы и за их деятельностью необходимо установить тщательное наблюдение.

25 сентября 1941 г. 3-е Управление НКВМФ СССР доложило наркому ВМФ СССР Н.Г. Кузнецову, что Фокс и Эмброуз усиленно занимаются разведывательной работой путем личного наблюдения и бесед с командным составом, пытаются добыть сведения о вооружении кораблей, вывести тактические и ходовые качества и другие данные. При этом Эмброуз «проявлял значительный интерес к организации службы на корабле, тактико-техническим данным вооружения и боевому управлению кораблей», интересовался идеологическими и религиозными убеждениями офицеров Черноморского флота. Фокс проявлял интерес к тактико-техническим характеристикам и штату подводных лодок. В беседах с советскими офицерами Фокс заявлял, что «надо ожидать крупных событий на Черноморском театре... он сослался на концентрацию большого количества итало-немецких войск в болгарских портах и на турецко-болгарской границе, которое предназначено для десанта на побережье Черного моря и для непосредственного нападения на Турцию». Кроме того, высказывал мнение о необходимости бомбардировки болгарских портов Бургасе и Варне, а в отношении политики Турции Фокс сообщил, «что Турция занимает сейчас выжидательную позицию и поэтому служит «и вашим, и нашим»<sup>422</sup>. Изучая эти слова британца, можно только добавить, что параллели с настоящим временем очевидны.

С начала работы представителей английской военно-морской миссии на ЧФ была установлена постоянная радиосвязь штаба Черноморского флота с представителями иностранной миссии

в Москве, а затем напрямую с Лондоном и базой Королевского военно-морского флота Великобритании на Средиземном море в Александрии (позывной «Дождь») путем передачи шифрованных телеграмм в обе стороны. В начале 1942 г. установлена прямая связь с английским военным представительством в Стамбуле (позывной «Туман»).

Британский офицер связи капитан Эмброуз передавал в штаб ЧФ полученную из Александрии разведывательную информацию о прохождении судов через Босфор и Стамбул. Указанные сведения английская разведка получала агентурным путем из Турции. Регулярно поступали сводки о погоде из Александрии, что высоко ценили в гидрометслужбе ЧФ.

Кроме того, офицеры штаба ЧФ передавали Эмброузу вопросы по состоянию и тактике действий немецких и румынских судов, новом вооружении и оборудовании, личному составу флота противника, которые адресовались в Лондон, Александрию и Стамбул. Таким образом, советские моряки вели разведывательную работу через представителя английской миссии<sup>423</sup>.

В архивных документах советских спецслужб отмечается, что ответы английской стороны на вышеуказанные вопросы зачастую были поверхностные, неконкретные и неактуальные. Однако отказы в ответах поступали редко, и сводки о боевых действиях, перемещении и потерях судов противника и других стран предоставлялись достаточно оперативно и точно<sup>424</sup>.

Представители английской миссии на ЧФ также систематически запрашивали сведения о противнике у советской стороны. В частности, их интересовали тактико-технические характеристики немецкого самолета «Me-115», наличие танков французского производства в составе 22-й немецкой танковой дивизии и другие вопросы. Однако, британцы считали скорость и качество представляемой советской стороной разведывательной информации недостаточными. В мае 1942 г. капитан Эмброуз даже написал письмо-жалобу начальнику штаба ЧФ об отсутствии ответов на его вопросы по поручению Адмиралтейства Великобритании<sup>425</sup>.

Отечественные спецслужбы усиленно контролировали работу англичан на Черном море и активно использовали разведывательные возможности союзников в своих интересах. В то же время со-

ветская сторона ревностно охраняла информацию о Черноморском флоте: наши моряки с подозрением относились к иностранцам и не активно делились с ними своими разведанными.

Представители английской миссии на ЧФ периодически сетовали на подозрительное, предвзятое и неуважительное, по их мнению, отношение к ним, закрытость и «вынужденное терпение» их нахождения на советской военно-морской базе со стороны руководства и моряков ЧФ. В частности, капитан Эмброуз жаловался на невозможность свободного посещения им офицеров ЧФ и приглашения их себе в гости, а также на то, что офицеры ЧФ не отвечают или отвечают в общих чертах на его вопросы о характере боевой работы кораблей, их повреждениях<sup>426</sup>.

В свою очередь советские спецслужбы отмечали надменное и предвзятое отношение британцев к советскому флоту и морякам (как представителей «великой морской державы» к «вялым и беспомощным», «получивилизованным союзникам»<sup>427</sup>), а также регулярные навязчивые рекомендации о необходимости проведения боевых операций кораблями Черноморского флота (например, Эмброуз и Фокс советовали офицерам штаба ЧФ активнее действовать против вражеских транспортных конвоев и портов стран Оси). Существующее недопонимание и взаимные претензии начинались с идеологических и религиозных расхождений и споров, заканчивались бытовыми разногласиями и претензиями, в том числе к моральному облику и поведению иностранцев<sup>428</sup>.

О негласной разведывательной работе представителей английской миссии на ЧФ указано практически во всех советских и английских архивных документах, исследованиях на указанную тему и воспоминания участников тех событий.

В своей работе Д.Ф. Райан отмечает, что Харвуду не разрешали работать напрямую со штабом ЧФ, вместе с тем «он пытался собирать информацию самостоятельно, но имел «минимум возможностей для посещения военно-морских учреждений и кораблей»<sup>429</sup>.

В рассекреченных архивных документах тщательно описаны официальные и бытовые контакты англичан с военнослужащими ЧФ и гражданскими лицами. Интересно, что некоторые из них «взяты на карандаш» контрразведкой, буквально после прочтения документа в 3-м Управлении НКВМФ СССР красным карандашом

выделены интересные связи и контакты представителей английской миссии с советскими гражданами.

В «Дневнике» можно выделить несколько интересных эпизодов официальной и негласной разведывательной работы английских офицеров. С санкции руководства ЧФ иностранцы несколько раз посещали военные корабли (эсминцы «Бодрый», «Сообразительный», крейсера «Ворошилов», «Молотов», судно «Красная Грузия» и другие) и подлодки на Черном море, аэродромы близи военно-морских баз. В беседах с офицерами ЧФ британцы часто задавали вопросы по характеристикам и составу кораблей флота.

29 января 1942 г. в разговоре с начальником подводного отдела штаба ЧФ капитаном 1 ранга Крестовским капитан Эмброуз интересовался составом подводного флота ЧФ и его боевыми потерями. При этом до беседы с иностранцем Крестовский был проинструктирован контрразведчиками о неразглашении количества подлодок, их потерях и повреждении. Со слов автора «Дневника», «наш надводный флот Эмброуз успел изучить весьма подробно (плавал на кораблях) и знал его неплохо. Подводный же флот он не мог так легко освоить, ибо путем наблюдения это сделать трудно, а тонко расспрашивать он не умеет, да и условий у него нет»<sup>430</sup>.

22 марта 1942 г. Эмброуз прямо сообщил П. о том, что получил от английской спецслужбы задание по разведке на Черноморском флоте и теперь от него требуют срочного выполнения всех пунктов этого задания<sup>431</sup>. 25 июня 1942 г. Адмиралтейством Великобритании дано задание представителям английской миссии на Черном море о предоставлении полного списка кораблей Черноморского флота – в строю, на ремонте, повреждены, потоплены. Кроме того, капитан Эмброуз несколько раз задавал вопросы о проведении Керченско-Феодосийской операции, обороне Севастополя, боевых действиях частей Крымского фронта и кораблей Черноморского флота, в том числе о планировании высадки десантов в крымских городах<sup>432</sup>.

Лейтенант Вейси во время пеших прогулок активно проводил визуальную разведку и осуществлял фотографирование на базе ЧФ и окрестностях, не смотря на запреты. Периодически задерживался патрулями возле военных объектов ЧФ, объяснял всё своим интересом к изучению природы и достопримечательностей.

Харвуд при перелете из Сухуми до Батуми, а затем в Потти открыто вел наблюдение и делал записи всего увиденного, за что получил от советских спецслужб характеристику «низкопробного лазутчика»<sup>433</sup>.

В итоге дошло до того, что представители английской миссии в попытках добыть секретные сведения открыто и тайно брали документы с рабочего стола сотрудника П. и даже вырывали блокнот из его рук, обращая свои действия в шутку. Так, 7 октября 1942 г. Вейси скрытно прошел в кабинет П. и просматривал документы на столе. Харвуд в разговоре с П. напрямую предлагал передавать ему информацию, не смотря на ограничения со стороны командования флотом, за что обещал ходатайствовать о продвижении советского офицера по службе. При этом англичанин сообщил, что знает о якобы намеренной задержке передачи его информации в штаб ЧФ и грозился доложить об этом руководству<sup>434</sup>.

Необходимо отметить, что англичане постоянно стремились увеличить количество представителей военной миссии в СССР. На Северном флоте эта тенденция была связана с большим объемом работы по обеспечению Северных конвоев. В то же время на Черном море расширение штата сложно было объяснить, однако к середине 1942 г. число представителей английской миссии одно возросло с одного до трех. При этом в указанный период не произошло никаких существенных изменений в порядке и объемах работы иностранных представителей на ЧФ. Более того отмечалось, что иногда отсутствие связи приводило к полной остановке работы и бездействию английских офицеров<sup>435</sup>.

Такие действия союзников вероятно можно объяснить высылкой из СССР трех офицеров миссии на ЧФ Уайберда, Фокса и Пауэлла в октябре 1941 г. Поводом для этого послужил произошедший в августе 1941 г. спор между комиссаром Гусевым и Фоксом, в ходе которого англичанин публично критиковал коммунистический строй и руководство СССР, о чем было доложено в Москву. Речь об этом инциденте зашла во время визита посла Великобритании в СССР Криппса к И.В. Сталину, который упомянул, что «британский офицер в Севастополе говорил в антисоветском ключе с советским военно-морским офицером»<sup>436</sup>. Вместе с тем, на основании анализа приведенных выше архивных документов, можно предположить, что причиной этого политического решения

было проведение англичанами активной разведывательной деятельности на территории СССР.

9 апреля 1942 г. на базу ЧФ прибыл помощник представителя иностранной миссии Хью У. Вейси (Визи). 1 сентября того же года заместителем представителя миссии был назначен Роберт С. Харвуд (Гарвуд).

3 сентября 1942 г. Эмброуз сообщил, что получил из Лондона телеграмму с отрицательной оценкой его работы в составе миссии, так как в течение года он не смог получить сведения об организации и работе штаба, интендантской службы и оперативного отдела ЧФ, подробные разведывательные данные об организации флота и другую запрашиваемую информацию. 13 сентября Эмброуз вылетел в Москву и больше не возвращался в штаб ЧФ<sup>437</sup>.

10 октября 1942 г. между Вейси и сотрудником П. произошел спор об интервью Сталина американскому журналисту, в ходе которого британец в состоянии опьянения сбил с головы оппонента фуражку. Об инциденте было доложено в Москву с предложением отзыва Вейси из английской военной миссии СССР<sup>438</sup>. 10 декабря 1942 г. он был выслан по запросу советской стороны<sup>439</sup>.

Считаю необходимым привести из «Дневника» интересные и актуальные в настоящее время факты, демонстрирующие отношение английского общества в лице морского офицера к русским и нацистам. Во время поездки в Потти в период с 10 по 15 июня 1942 г. после осмотра порта и судов капитан Эмброуз сказал, «что он теперь твердо убежден, что русские в действительности не хотели воевать... т.к. большинство в Англии всегда думало, что Россия готовилась нападать на кого-либо»<sup>440</sup>.

Кроме того, в разговорах с офицерами ЧФ этот же представитель английской миссии высказывал лояльность к нацистам. В частности, Эмброуз не доверял сообщениям Совинформбюро о зверствах немцев по отношению к мирному населению, а когда ему прочли письмо русской девушки, проданной нацистами в рабство, сказал: «Вы верите в это? Немцы очень приятные люди»<sup>441</sup>.

После изучения архивных документов в очередной раз можно констатировать то, что западная пропаганда и через 80 лет после Победы во Второй мировой войне продолжает целенаправленно и неуклонно демонизировать Россию и оправдывать нацизм.

По результатам исследования контрразведывательного обеспечения работы английской военно-морской миссии на Черноморском флоте в 1941-1942 гг. можно сделать следующие выводы. Наряду с другими представителями английской военной миссии в СССР, офицеры Королевского военно-морского флота на Черном море выполняли разведывательные задачи по изучению обстановки на этом участке боевых действий, стратегии и тактики советских войск, количественного и качественного состава Черноморского флота и получению других сведений, которые были нужны для анализа и оценки баланса сил на Черном море, а также угроз вторжения немцев на Кавказ и в Персию.

В рассматриваемый период английская военная миссия на ЧФ была важным источником получения разведывательной информации и практического опыта борьбы с нацистами также и для советской стороны. Вместе с тем стремление получить оперативную и конфиденциальную информацию превалировало над необходимостью предоставлять помощь союзникам как у английской, так и у советской стороны. Организованная британскими офицерами разведывательная деятельность на Черноморском флоте столкнулась с недоверием и закрытостью советского военно-морского ведомства, активным противодействием отечественных спецслужб.

В итоге факты разведывательной деятельности английских спецслужб, проявления негативной мировоззренческой позиции британских военных и выжидательная позиция руководства Великобритании на Черном море в начальный период Великой Отечественной войны (даже в условиях союзнических отношений) в очередной раз подтвердили многовековую деструктивную политику Объединенного королевства по отношению к России, которая в настоящее время демонстрируется и реализуется уже открыто.

**Информационно-аналитическая деятельность и оценка  
межэтнического польско-украинского противостояния  
на Волыни отечественными органами государственной  
безопасности (1943 г.)**

Проблема «Волынских событий» в контексте польско-украинских межэтнических отношений остается актуальной как в историческом, так и в общественно-политическом дискурсе. На территории Волыни и Восточной Галиции в 1943 г. украинскими националистическими формированиями было уничтожено значительное число представителей польского населения. Апогеем событий стал кризис 11 июля 1943 г., когда за один день было ликвидировано около сотни польских населенных пунктов. Эти события до сих пор вызывают полярное восприятие в общественном сознании: часть украинского общества трактует действия участников как борьбу за национальное освобождение, тогда как для большинства поляков они остаются трагической страницей общей истории. В Польше предпринимаются попытки придать произошедшему юридическую квалификацию геноцида, тогда как на Украине события 1943 г. все чаще интерпретируются в рамках национально-освободительного нарратива.

С начала 2010-х гг. наблюдается усиление дискуссий вокруг интерпретации трагедии: в Польше проходили акции протеста против «украинизации», а в 2018 г. Сейм утвердил уголовную ответственность за отрицание геноцида поляков. Одновременно на Украине в 2015 г. был принят закон, закрепляющий героизацию участников Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии (ОУН – УПА). Спустя восемь десятилетий данная тема остается политизированной и эмоционально нагруженной, что придает особую значимость исследованию подлинных документальных источников.

В послевоенный период рассматриваемая проблематика в СССР не получила широкого освещения: исследования носили фрагментарный характер и ограничивались общей характеристикой деятельности националистического подполья. В то же время

в Польской Народной Республике в 1950–1970-е гг. начали появляться первые специализированные публикации, однако и они оставались в идеологических рамках времени. Возрождение интереса к теме произошло после распада СССР, когда увеличился доступ к архивным материалам, и значительно расширился спектр интерпретаций.

Современная историография выработала три основных направления исследования данной проблематики. Первое направление посвящено анализу причин и предпосылок конфликта на Волыни в 1943 г., включая политические, социальные и военные факторы, предопределившие развитие событий<sup>442</sup>. Особое внимание уделяется взаимодействию ОУН – УПА с немецкими оккупационными властями, что позволяет проследить сложность политической ситуации и двойственность позиции части украинского национального движения.

Второе направление охватывает историю становления и деятельности ОУН – УПА, раскрывая их идеологию, структуру, методы борьбы и отношение к гражданскому населению. Исследователи стремятся показать эволюцию украинского национализма, выявить внутренние противоречия между различными течениями и оценить степень их радикализации<sup>443</sup>.

Третье направление концентрируется на непосредственном анализе «Волынских событий» и их последствий, акцентируя внимание на характере насилия, его масштабах, а также на проблеме исторической памяти и современного политического использования трагедии<sup>444</sup>.

Особое место занимают работы российского историка А.Р. Дюкова, который ввел в научный оборот рассекреченные материалы, отражающие восприятие «Волынских событий» органами советской государственной безопасности<sup>445</sup>.

Выделенные направления демонстрируют степень изученности проблемы межэтнических польско-украинских противоречий в указанный период. Для отечественной историографии исследование рассматриваемого кризиса представляет интерес не только как пример межэтнического конфликта периода Второй мировой войны, но и как показатель функционирования системы советских

органов государственной безопасности, осуществлявших сбор, систематизацию и аналитическую обработку информации на временно оккупированных территориях.

Цель исследования – выявить особенности информационно-аналитической деятельности советских органов государственной безопасности по сбору, систематизации и оценке данных о межэтническом польско-украинском противостоянии на Волыни в 1943 г., а также определить, каким образом данные материалы отражали динамику конфликта, общественные настроения и угрозы политической стабильности региона.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: охарактеризовать организацию сбора и обработки информации органами НКГБ – НКВД СССР на территории Волыни в 1943 г.; проанализировать содержание предложенных документов, фиксирующих факты насилия и активность националистических формирований; определить аналитические и идеологические функции документов и их роль в формировании стратегических оценок для руководства; оценить значение данных источников для реконструкции этнополитической ситуации на Волыни и понимания методов работы советских органов безопасности.

Источниковая база исследования опирается на опубликованные документальные сборники и материалы Федеральной службы безопасности Российской Федерации<sup>446</sup>. Эти источники позволяют проследить процессы фиксации фактов, аналитической обработки информации и формирования оценок событий, выявляя двойственную природу документов – сочетание объективных данных с идеологической интерпретацией.

Советские органы государственной безопасности в годы войны выполняли не только оперативные, но и аналитические функции. Их задачей было формирование целостного представления о положении на оккупированных территориях, оценка уровня угроз и выработка рекомендаций для партийно-государственного руководства. Основными инструментами служили агентурные сети, партизанские штабы и подпольные резидентуры<sup>447</sup>. Собранные сведения аккумулировались в сводках и докладных записках.

Так, в докладной записке руководства партизанских отрядов Ровенской области секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущёву

и Т.А. Строкачу сообщалось: «В селах райцентров Степань, Деражная, Рафаловка, Сарны, Высоцк, Владимирец, Клевань и других националисты проводят массовый террор в отношении польского населения и сел, причем необходимо отметить, что националисты не расстреливают поляков, а режут их ножами и рубят топорами независимо от возраста и пола. В селе Трипутни националисты зарубили 14 польских семей, затем затащили убитых в дом и сожгли»<sup>448</sup>. Данный документ отражает характер насилия и масштаб происходящего, что позволяло органам госбезопасности оценивать уровень угрозы общественно-политической стабильности.

В специальном сообщении Т.А. Строкача и А.Н. Мартынова отмечалось, что одной из задач украинской национальной армии являлось «совершение революции... и полное уничтожение поляков на Украине»<sup>449</sup>. Аналитическая работа спецслужб включала оценку угроз со стороны националистического подполья и выработку стратегических рекомендаций, сочетая разведывательную и идеологическую функции.

В директиве НКВД СССР с ориентировкой 3-му управлению указывалось: «Проводить практические агентурно-оперативные мероприятия... с целью парализации антисоветской активности этих контингентов, ослабления распространенных среди них прогерманских настроений и компрометации руководителей оуновского движения, как движения, провоцируемого немцами»<sup>450</sup>. Предложенный документ показывает, что аналитическая работа органов безопасности носила не только констатирующий, но и практический характер: собранная информация использовалась для принятия оперативных решений, превращая аналитику в инструмент политического управления.

В разведывательной сводке УШПД № 62 отмечалось: «Местное население указанных выше районов в основном симпатизирует украинским националистам, держит заставы против партизан и о появлении последних ставит в известность бульбовцев»<sup>451</sup>. Сводка демонстрирует внимание органов безопасности к общественным настроениям – ключевому элементу аналитической работы. Органы фиксировали не только действия вооруженных формирований, но и степень поддержки среди населения, что позволяло корректировать методы информационного и административного воздействия.

В одном из спецсообщений также подчеркивалось влияние немецкой оккупационной администрации: «Немецкий гарнизон, полиция и казаки в количестве до 600 человек не приняли никаких мер против расправы над поляками и лишь после расправы немецкое командование вывесило объявление, призывающее поляков вступать в жандармерию для борьбы с бандеровцами»<sup>452</sup>. Данный источник отражает оценку немецкой политики, направленной на усиление межэтнического противостояния, что показывает стратегический уровень советского анализа.

Обобщение представленных источников свидетельствует о том, что в условиях войны советские органы государственной безопасности решали многоплановые задачи: от сбора разведанных и наблюдения за националистическими формированиями до стратегического прогнозирования и подготовки управленческих решений. Межэтническое польско-украинское противостояние рассматривалось ими не как локальный инцидент, а как фактор, способный дестабилизировать регион и подорвать восстановление советской власти.

Аналитическая деятельность органов НКГБ – НКВД СССР сочетала фиксацию фактов с идеологической интерпретацией и практическими рекомендациями. Систематизация информации через специальные сводки, донесения и директивы обеспечивала руководство страны целостной картиной происходящего, включая военные, социальные и политические аспекты.

Таким образом, информационно-аналитическая деятельность советских органов государственной безопасности на Волыни в 1943 г. представляет собой уникальный пример сочетания разведывательной, политической и идеологической функций советских органов госбезопасности. Рассмотренные документы обладают высокой исторической ценностью для современной историографии, поскольку позволяют не только реконструировать реальные события, но и понять механизмы государственной политики в сфере межэтнических отношений в годы Второй мировой войны.

**Из истории партизанского движения Калининской области  
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.:  
документальные материалы об отряде Алексея Баскакова**

Документы о партизанском движении составляют значительный массив документального комплекса о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., имеющегося в государственных архивах Тверской области, а также в ведомственном архиве – архиве Управления ФСБ России по Тверской области. Особый интерес в контексте изучения истории органов безопасности представляют документы, отразившие работу партизанских групп, созданных по линии 4-го отдела Управления НКГБ – НКВД СССР по Калининской области, а также о сотрудниках органов НКГБ – НКВД, непосредственно участвовавших и отличившихся как в боевых действиях, так и при проведении различных разведывательных и диверсионных операций. В настоящее время проводится работа по увековечению памяти этих людей, выявлению новых имен, публикации материалов об их боевом пути, подвигах и наградах. Полученные сведения активно применяются в просветительской работе, что особенно важно для молодого поколения, в том числе для тех, кто только начинает свой путь на службе в органах безопасности.

В данной статье речь пойдет о партизанском отряде А.А. Баскакова, созданном в ноябре 1941 г. и вошедшем в подчинение Управления НКВД СССР по Калининской области. Боевой путь этого отряда отмечен рядом успешно проведенных операций и трагической гибелью ее командира.

Документальные материалы, в которых отражена деятельность отряда, входят в состав так называемого партизанского фонда, находящегося на хранении в ведомственном архиве Управления ФСБ России по Тверской области. Это списки личного состава отряда, боевые приказы и задания, донесения и различные обобщенные справки. В фонде сохранилась собственноручно заполненная анкета командира А.А. Баскакова и его автобиография<sup>453</sup>.

Алексей Андреевич не был сотрудником Управления НКВД СССР по Калининской области. Уроженец д. Санниково Конаковского района Калининской области, он являлся слушателем юридической школы г. Калинина, а в 1941 г. работал следователем в прокуратуре Молодотудского района Калининской области. С началом Великой Отечественной войны 19-летний Алексей Баскаков возглавил комсомольский батальон Главоборонстроя НКВД СССР. В ноябре 1941 г. Управлением НКВД под его руководством был организован партизанский отряд, который в кратчайшие сроки прошел военную подготовку и был направлен на свое первое задание. Всего на выполнение разведывательно-диверсионных заданий в тылу противника Управлением НКВД отряд А.А. Баскакова направлялся 5 раз<sup>454</sup>.

4 декабря 1941 г. диверсионно-разведывательная группа в составе 9 человек под руководством А.А. Баскакова отправилась на временно оккупированную немцами территорию Завидовского района Калининской области. Согласно заданию 4-го отдела Управления НКВД перед бойцами стояли следующие задачи: сжигать все населенные пункты в районе действия группы, в которых размещаются или могут быть размещены немецкие войска; уничтожать мелкие группы противника, отдельные танки, бронемашины, автомашины, обозы, склады с продовольствием, горючим и боеприпасами; осуществлять порчу телефонно-телеграфной связи, сжигать мосты; узнавать о расположении сил противника, концентрации технических средств и укрепленных точек; выявлять немецких пособников из местных жителей<sup>455</sup>.

Командование дивизии, которая вела бои на данном участке фронта, направило группу А.А. Баскакова по северной части Волжского (ныне Иваньковского) водохранилища и в дополнение к задачам, поставленным Управлением НКВД, поручило собрать данные о подготовке противника к переправе через эту водную преграду. Находясь в тылу врага, группа устроила засаду у деревни Борцино. В результате операции были выведены из строя 3 автомашины, уничтожено находившееся в них военное имущество, убито 27 немецких военнослужащих, из них 18 – лично А.А. Баскаковым. Кроме того, для командования Красной армии группа собрала ценные сведения о дислокации войск противника.

В январе 1942 г. бойцов отряда А.А. Баскакова перебросили в западные районы Калининской области, где они занимались, главным образом, минированием дорог. Согласно приказу по 4-му отделу Управления НКВД от 2 января 1942 г. группе было дано задание выдвинуться в район железной дороги Кунья – Великие Луки, где после тщательной разведки надлежало произвести крушение воинских эшелонов, а также уничтожить проходящий транспорт, мелкие группы противника, повредить телефонно-телеграфную связь в районе действия партизан<sup>456</sup>.

В ночь с 15 на 16 января группа А.А. Баскакова из 11 человек перешла линию фронта и заминировала участок на шоссе на дороге Андреаполь – Торопец, а также устроила засаду. На партизанской mine подорвалась машина противника, а бойцами убито 16 военнослужащих. Также, продвигаясь по временно оккупированной территории, у д. Покровское (в 20 км от г. Торопца в сторону Великих Лук) партизаны уничтожили группу немецких артиллеристов. На этом же участке 21 января бойцы в очередной раз заминировали дорогу и устроили засаду. На минах подорвались 2 немецкие автомашины с оружием и военным имуществом, а в перестрелке партизаны уничтожили 18 солдат. В том же районе они напали на вражеский обоз, уничтожили 5 солдат и захватили документы.

Обнаружив недалеко от д. Козлово Ленинского района группу солдат противника, отряд А.А. Баскакова организовал местных жителей и вооружил их трофейным оружием. Совместными усилиями были уничтожены 17 немецких военнослужащих<sup>457</sup>.

Третий раз отряд Баскакова переходил линию фронта в ночь с 15 на 16 марта 1942 г. в районе д. Задёжа Великолукского района. Бойцы получили приказ разрушать железнодорожные пути и производить крушение воинских эшелонов на территории временно оккупированного Невельского района. Кроме того, они должны были организовать тщательную разведку с целью получения данных о противнике, его базировании, настроениях населения. Стоит отметить пятый пункт боевого приказа от 9 марта 1942 г.: «В работе разведки обратить внимание на выявление наличия химических частей противника, их нумерации, размещения и передвижения, какое химическое имущество, в каком направлении транспортируется, где расположены химсклады...»<sup>458</sup>. Включение этого пункта, а точнее задания в приказ не случайно. Уже в декабре

1941 г. в Москву стала приходить информация, что Германия активно наращивает производство химического оружия и средств защиты от него. В начале 1942 г. советской разведке удалось узнать, что немцы сосредотачивали на складах большое количество емкостей с отравляющими веществами, проводили испытания и учения. Все это свидетельствовало о том, что со стороны Германии усиливается подготовка к химической войне.

Подобное указание А.А. Баскакову повторилось и в боевом приказе от 18 мая 1942 г.: «Особо обратить внимание на выявление химических частей противника, места их сосредоточения, направление перевозок ОВ и практическую подготовку к химической войне»<sup>459</sup>. Важность данного вопроса была для советского командования очевидна.

В марте – апреле 1942 г. диверсионные группы отряда А.А. Баскакова минировали и устраивали засады на участках железных дорог. В результате этих операций был пущен под откос воинский эшелон, уничтожены десятки немецких военнослужащих, неоднократно приостанавливалось движение вражеских поездов.

21 марта 1942 г. карательный отряд из 80 человек попытался сжечь 3 деревни: Покарёво, Андрейкино и Кондрашево. Силами своего отряда, состоявшего из 22 человек, Алексей Баскаков организовал оборону этих населенных пунктов. В результате трехчасового боя бойцы смогли отстоять деревни и вынудили противника отступить.

В конце марта Баскаков получил от командования частей Красной армии новое задание – вывести из строя бронепоезд, курсировавший на участке Великие Луки – Невель. В ночь с 30 марта на 1 апреля 1942 г. в 7 км от станции Чернозем отряд заминировал путь и устроил засаду. 1 апреля на минах подорвался вражеский бронепоезд, и отряд вступил в бой с противником. Через несколько часов к месту боя из Великих Лук прибыл второй бронепоезд с подкреплением. Несмотря на артиллерийский обстрел, отряд А.А. Баскакова совместно со взводом красноармейцев, присланным на помощь, отбил все атаки немцев, которые в результате потеряли около 150 своих военнослужащих. В течение трех суток противник не мог восстановить движение на этом участке дороги.

Кроме боевых операций бойцы отряда, в том числе и командир Алексей Баскаков, проводили с жителями временно оккупированных территорий беседы о действиях Красной армии, распространяли листовки, знакомили с выступлениями и указаниями советских руководителей. 20 апреля 1942 г. командир отряда А.А. Баскаков докладывал: «Находясь в тылу противника, нашим отрядом распространено среди населения листовок... 8000 экз., кроме того, проводились беседы об успехах Красной армии, читались брошюры с речью тов. Сталина от 6 ноября 1941 г., брошюра с нотой т. Молотова об издевательствах немецких оккупантов и т.д.»<sup>460</sup>.

На 1 мая 1942 г. диверсионно-разведывательными группами под командованием А.А. Баскакова было уничтожено более 350 немецких военнослужащих, разбито 9 автомашин, 2 паровоза, много железнодорожных вагонов, бронепоезд, артиллерийское орудие, взяты трофеи (стрелковое оружие и боеприпасы)<sup>461</sup>. Алексей Андреевич Баскаков в числе наиболее отличившихся в боевых операциях партизан Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 г. был награжден орденом Красного Знамени<sup>462</sup>.

24 мая 1942 г. отряд А.А. Баскакова в районе д. Давыдово в очередной раз перешел линию фронта и форсировал реку Ловать. Находясь на отдыхе в районе д. Мокушово, отряд был окружен противником. Как выяснилось, о месторасположении отряда немцам стало известно от одного местного жителя, донесшего им об этом. Отряд окружили около 500 человек. В критический момент командир Алексей Баскаков проявил исключительное самообладание и мужество и организовал сопротивление. Бой длился около трех часов. Бойцы отряда забросали противника гранатами и вырвались из кольца, потеряв 18 человек. Немцы потеряли убитыми более 130 человек.

В боевом донесении от 11 июня 1942 г. А.А. Баскаков докладывал: «На вооружении карательного отряда состояли станковые и ручные пулеметы и минометы. Отряд в процесс боя был разбит на 3 группы. Биться пришлось до последнего патрона. Прорвались через вражеское кольцо окружения исключительно гранатами. В результате такого неравного боя с карательным отрядом нами было убито... 130 человек. Моих людей не вернулось 18 человек...»<sup>463</sup>.

4 июля 1942 г. А.А. Баскаков был утвержден командиром Белорусской партизанской бригады особого назначения имени

В.И. Ленина и вместе с отрядом направлен в тыл врага. С этого времени его боевая деятельность проходила на временно оккупированной территории Белорусской ССР. К сожалению, этот период его жизни не нашел отражение в рассматриваемом комплексе архивных документов. С момента ухода Баскакова в распоряжение Белорусского штаба партизанского движения связь с ним по линии 4-го отдела Управления НКВД СССР по Калининской области была прервана.

Обстоятельства гибели А.А. Баскакова описаны в письмах бывшего комиссара Белорусской партизанской бригады особого назначения имени В.И. Ленина В.Д. Лобарева, который в 1960-е гг. проводил исследовательскую работу о деятельности бригады и вел переписку с Калининским обкомом КПСС. Так, в одном из писем он сообщил следующее: «Баскаков А.А. погиб в мае месяце 1943 г. на территории Городокского района Витебской области. Оккупанты захватили его труп, вырезали орден, взяли сумку с документами и уже мертвого всего изрешетили из автоматов»<sup>464</sup>. Также Лобарев подчеркнул, что бригада нанесла значительные потери противнику, помимо диверсий участвовала в боях с оккупантами, организовывавшими карательные операции против партизан, и в этих боях против немецко-фашистских захватчиков потеряла около половины своего первоначального состава»<sup>465</sup>.

Память об Алексее Андреевиче Баскакове увековечена в воспоминаниях и публикациях о нем, а также на его малой родине в г. Конаково Тверской области. Его именем названа улица, а на здании местного энергетического колледжа установлена мемориальная доска.

*А.А. Пономаренко*  
г. Хабаровск

**Участие органов советской военной контрразведки  
в осуществлении фильтрационных мероприятий  
в годы Великой Отечественной войны**

При организации оперативной деятельности органами военной контрразведки СССР в годы Великой Отечественной войны важное место отводилось фильтрационно-проверочной работе. Это обуславливалось значительным расширением круга решаемых задач, характерных только для особых условий, резким осложнением оперативной обстановки, максимальной интенсификацией работы оперативных, следственных и иных подразделений, обеспечением решения задач оперативного розыска.

В ходе дальнейшего рассмотрения заявленной темы следует уточнить, что основной целью фильтрационно-проверочной работы является установление личности задержанных в зоне проведения специальных операций и районах действия особых правовых режимов чрезвычайного или военного положения, достоверности сообщенных ими о себе сведений, выявлении их возможной причастности к разведывательной, подрывной, террористической и иной преступной деятельности.

При этом необходимо учитывать, что указанная цель фильтрации во многом совпадает с целями контрразведывательного поиска и оперативного розыска. Поиск осуществляется в условиях неопределенности сведений о конкретных фактах подрывной и иной противоправной деятельности и о конкретных исполнителях преступных акций; розыск направлен на установление местонахождения конкретных лиц, документов, предметов, изделий. Близость целей фильтрационно-проверочной работы, контрразведывательного поиска и оперативного розыска определяется сходством их задач. Однако специфика фильтрационно-проверочной работы заключается в том, что она осуществляется в отношении лиц, уже задержанных на режимных территориях и помещенных в специально отведенные места, ограничивающие свободу перемещения и общения в пределах установленного законом срока, а проводимый в рамках этой работы комплекс оперативных

и иных мероприятий направлен на выявление объектов контрразведывательного поиска и оперативного розыска.

В период Великой Отечественной войны фильтрационная работа являлась важным элементом в системе розыскных мероприятий отечественных органов военной контрразведки, что определялось необходимостью проверки большого количества советских военнопленных и призываемых в Красную армию граждан, которые проживали в освобожденных от оккупации районах, а также проведением оперативных мероприятий в отношении военнопленных противника<sup>466</sup>.

Для понимания масштабов проделанной органами военной контрразведки работы следует привести данные историка В.П. Галицкого, основанные на глубоком анализе архивных материалов. Им установлено, что в годы Второй мировой войны советскими войсками было захвачено свыше 4 млн. военнопленных<sup>467</sup>. К этим цифрам необходимо прибавить количество советских военнослужащих, вернувшихся из плена – 1836562 чел.<sup>468</sup> В отношении каждого из них в обязательном порядке проводились проверочные мероприятия. Учитывая, что органы военной контрразведки также были обязаны проводить фильтрационную работу в отношении гражданских лиц, в том числе репатриантов, то данное число значительно возрастет.

В начальный период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – ноябрь 1942 г.) проводимая органами военной контрразведки фильтрация советских военнослужащих, вышедших из окружения или бежавших из немецкого плена, сыграла существенную роль в разоблачении агентов противника. Это обуславливалось отступлением советских войск и пленением большого количества красноармейцев в первые месяцы войны. В своей книге ветеран военной контрразведки Л.Г. Иванов отмечал, что германская разведка не уделяла внимания должной подготовке своих агентов, которые подбирались преимущественно из оказавшихся в плену военнослужащих Красной армии и местного населения. Перед ними, как правило, ставились задачи сеять панику в наших войсках, навязывать бойцам пораженческие настроения, указывать цели самолетам противника путем пуска ракет, собирать различные военные сведения. Снабжались эти агенты примитивной легендой, без каких-либо документов прикрытия<sup>469</sup>.

С учетом складывавшейся обстановки на советско-германском фронте в качестве легенды прикрытия для своих агентов разведывательные органы противника избирали: побег из плена; выход из окружения в одиночном порядке; следование из госпиталя и т.д. Экипировка и документы, как правило, соответствовали легенде и общей обстановке на фронте. Практически вся перебрасываемая агентура была одета в форму младшего и среднего командного состава Красной армии. В качестве документов прикрытия для своих агентов противником использовались удостоверения личности комсостава и красноармейские книжки, командировочные предписания, выписки из приказов о переводе из одной части в другую, вещевые, продовольственные и денежные аттестаты, медицинские справки, партийные документы и др. Активность в сборе разведывательных данных со стороны германских разведывательных органов проявлялась в том, что они направляли к объекту устремления несколько агентов, но из разных мест.

Механизм этой работы складывался постепенно. Директива НКВД СССР от 19 ноября 1941 г. № 292/к «О мероприятиях по борьбе с агентурой германской разведки» стала одним из первых документов, в котором ставились конкретные задачи всем органам госбезопасности при осуществлении проверочных мероприятий, а именно: проведение тщательной фильтрации всех лиц, перешедших через линию фронта с территории, занятой противником, и направление их в глубокий тыл, не допуская оседания в прифронтной полосе; получение разведывательных материалов, данных о режиме в прифронтной полосе и тылу немецких войск, данных о наиболее безопасных местах для прохождения линии фронта при фильтрации и агентурном обслуживании беженцев, прибывших из районов, занятых противником<sup>470</sup>.

После начала наступления под Москвой в конце 1941 – начале 1942 г. приняты меры по упорядочению фильтрационной работы органов военной контрразведки. Особыми отделами НКВД СССР на освобожденных частями Красной армии территории было обнаружено большое количество бывших советских военнопленных и лиц, находившихся в окружении противника. Эту категорию лиц необходимо было тщательно проверять и выявлять среди них изменников Родины, шпионов и дезертиров.

Для организации работы на данном направлении 27 декабря 1941 г. было принято постановление ГКО № 1069 сс. Этим документом предписывалось Народному комиссариату обороны СССР организовать создание в пределах армейского тыла сборно-пересыльных пунктов (СПП) для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруживаемых в местностях, освобождаемых частями Красной армии от войск противника, а НКВД СССР – организовать специальные лагеря для содержания указанных выше категорий лиц и обеспечения их фильтрацией<sup>471</sup>. В этот же день был отдан приказ наркома обороны СССР № 0521 о формировании армейских СПП (один на армию) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктов (ФПФП), специальных лагерей для проверки военнослужащих, освободившихся из плена. Их число не было постоянным и изменялось в зависимости от обстановки на фронтах.

При лагерях и пунктах создавались отделы (отделения) органов военной контрразведки. Фильтрация проводилась преимущественно путем допроса, также обращалось особое внимание на проверку документов. На каждого содержащегося в лагере бывшего военнослужащего заводилось учетное дело, состоявшее из опросного листа и материалов проверки. Оперативный состав вел опрос всех прибывавших военнослужащих, выяснял, где и при каких обстоятельствах они попали в плен или окружение, каким образом оказались в расположении наших войск, уточняли фамилии командиров, политработников и других лиц, которые могли подтвердить сообщения проверяемых.

При фильтрации особое внимание обращалось на проверку документов, изучалась их подлинность, время выдачи, подписи и содержание. Для проверки данных о возможной принадлежности опрашиваемых к спецслужбам противника наряду с гласными применялись и негласные средства (агентурная разработка). За подозрительными лицами устанавливалось наблюдение, выявлялись и изучались их близкие связи, особенности поведения и т.д.

Таким образом, к началу 1942 г. система фильтрации состояла из трех главных элементов: работавшие на линии фронта и прифронтовой полосе особые отделы, находившиеся в ближайшем тылу сборно-пересыльные пункты и располагавшиеся в глубоком тылу специальные лагеря.

В структуре фронтовых особых отделов вопросами организации фильтрации военнослужащих, бывших в плену, занималось 6-е отделение. В его обязанности также входило противодействие спецслужбам противника, включая розыск их агентов и зафронтовые мероприятия.

В директиве НКВД СССР от 20 февраля 1942 г. № 66 «Об усилении борьбы с подрывной деятельностью германской разведки» значительно расширился круг лиц, подлежащих фильтрационной проверке. Особым отделам, оперативно-чекистским группам и органам НКВД предписывалось «проводить в прифронтовой полосе мероприятия, обеспечивающие задержание и тщательную фильтрацию всех без исключения лиц (в том числе женщин и детей), проходящих через линию фронта с территории противника... наладить такую организацию агентурно-осведомительной работы, которая обеспечивала бы невозможность проникновения в штабы и другие органы управления армии и флота агентуры германской разведки, своевременное разоблачение и изъятие такой агентуры»<sup>472</sup>.

Победы Красной армии во второй период Великой Отечественной войны достались ценой больших потерь в личном составе и боевой технике. В связи с этим потребовалось значительно увеличить объем пополнения, мобилизовать в армию и флот новые возрастные категории советских граждан, призвать тех, кто проживал на временно оккупированной территории, освобожденной советскими войсками. Это обусловило необходимость организации органами военной контрразведки масштабной фильтрационно-проверочной работы в отношении большого числа бывших военнопленных, организации проверочной работы в отношении призываемых в Красную армию граждан, проживавших в освобожденных районах.

Так, Государственный комитет обороны (ГКО) СССР 21 января 1943 г. принял постановление № 2779/сс, которое разрешало командующим фронтами использовать для пополнения частей действующей армии бывших военнослужащих, находившихся в плену и в окружении противника, после надлежащей их фильтрации на месте в армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктах. Для этого НКВД СССР поручалось выделить необходимое количество сотрудников особых отделов для проведения

фильтрации вышеуказанных категорий лиц на сборно-пересыльных пунктах армий и фронтов для выявления среди них изменников Родины, предателей, шпионов<sup>473</sup>. Следствием этого решения стало значительное увеличение нагрузки на органы военной контрразведки.

В рамках реализации данного постановления ГКО СССР военным контрразведчикам предписывалось оказывать помощь командованию в направлении всех бывших военнослужащих на фильтрацию в организованные при армиях и фронтах СПП. Оперативный сотрудник особого отдела прикреплялся к СПП под видом работника кадрового подразделения. Затем он должен был завербовать и затем руководить агентами из числа лиц, прибывавших на фильтрацию. Наряду с этим за каждым СПП закреплялись группы сотрудников особых органов. На фронтовом СПП работали 1 оперативный сотрудник и 2 следователя, а на армейском – 1 оперативный сотрудник и 1 следователь. Процедура фильтрации заключалась в тщательном опросе поступавших военнослужащих об обстоятельствах пленения, биографических данных с указанием родственников и знакомых по месту рождения. Далее направлялись запросы в соответствующие органы НКВД СССР. Если это была группа, вышедшая из окружения, то проводились перекрестные допросы. Всех фильтруемых лиц проверяли по розыскным спискам и ориентировкам<sup>474</sup>.

Следует отметить, что проверка лиц по спискам розыска и ориентировкам являлась важнейшим элементом системы фильтрационных мероприятий. Причем, она касалась не только вышедших из плена или окружения, но и тех военнослужащих, кто прибывал в командировки, запасные части, проходящие через отделы кадров армии, военно-пересыльные пункты и военные комендатуры.

В Инструкции по организации розыска агентуры разведки противника были строго регламентированы действия военных контрразведчиков на таком направлении, как розыск выявленных агентов противника, проходивших по ориентировкам и розыскным спискам Главного управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО СССР. Они были обязаны в соответствии с розыскными ориентировками, списками и бюллетенями систематически осуществлять проверку личного состава штабов воинских соединений и ча-

стей, всего состава запасных полков, лиц, поступавших на фильтрационные пункты, в лагеря, бежавших из плена и вышедших из окружения военнослужащих Красной армии, а также лиц, арестованных по подозрению в шпионаже, измене, предательстве, и военнослужащих, задержанных с фиктивными документами.

В дальнейшем военными контрразведчиками была выработана практика быстрой проверки по материалам всесоюзного розыска всех лиц, поступающих на сборно-пересыльные пункты фронта и его армий. Для этого вводилась регулярная информация по вопросу кто в течение декады прибыл на СПП. Эти декадные списки проверялись по учетным материалам Управления контрразведки (УКР) фронта, что нередко способствовало не только сокращению времени на проверку, но и выявлению лиц, проходивших по розыску.

После реорганизации органов военной контрразведки в апреле 1943 г. и образования ГУКР задача по борьбе с агентурой противника непосредственно возлагалась на 3-й отдел. Именно это подразделение в составе ГУКР являлось основным организующим и координирующим подразделением в системе органов военной контрразведки, отвечавшим не только за направление оперативного розыска, но и за фильтрационно-проверочную работу. В годы войны его возглавляли полковники Г.В. Утехин (с 29 апреля 1943 г. по 23 сентября 1943 г.) и В.Я. Барышников (с 23 сентября 1943 г. по 22 мая 1946 г.). На фронтовом уровне за организацию фильтрационно-проверочных мероприятий отвечало 3-е отделение 2-го отдела УКР фронта. На армейском уровне решение задач по фильтрации было возложено на 4-е отделение отдела контрразведки армии.

В целях организации эффективной фильтрационной работы во многих фронтовых аппаратах военной контрразведки предписывалось: задержанных подвергать тщательному обыску, а все документы, переписку и вещи, обнаруженные при обыске, заносить в протокол и затем тщательно осматривать и изучать на предмет разоблачения по ним вражеских агентов; на армейских пересыльных пунктах и запасных полках, где сосредотачивались выходцы из плена и окружения, проводить их тщательную фильтрацию силами опытных сотрудников военной контрразведки, одновременно насаждая агентуру в их окружении; всех подозреваемых

в принадлежности к немецким разведывательным органам лиц оставлять квалифицированной агентурой для глубокой разработки и выяснения их практической враждебной деятельности.

Кроме этого, наряду с разработкой через агентурно-осведомительный аппарат, следовало подвергать таких лиц тщательному допросу, с отражением в протоколах всех необходимых предварительных данных, указанных в специально разработанных для этих целей вопросниках. Отмечалось, что вопросники не должны были служить шаблоном и ограничивать оперативного сотрудника в постановке других необходимых для разоблачения агентуры противника вопросов. Все имевшиеся материалы на средний и старший командно-начальствующий состав, вышедший из плена и окружения, требовалось в кратчайшие сроки направлять во второй отдел УКР «Смерш» фронта, для прохождения фильтрации во фронтовой комиссии.

Таким образом, органы советской военной контрразведки осуществляли фильтрационно-проверочную деятельность на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. Благодаря хорошо налаженному механизму осуществления фильтрационно-проверочных мероприятий было выявлено большое количество официальных сотрудников и агентов разведывательных органов Германии и ее сателлитов, получены данные о методах вербовки и способах заброски вражеских агентов и т. д. Высокий уровень эффективности фильтрационной деятельности был достигнут в результате проводимых агентурных разработок связей проверяемых и разыскиваемых лиц.

### **Борьба пограничных и внутренних войск с украинскими националистами в послевоенное время**

В условиях проведения Специальной военной операции, одной из основных целей которой является денацификация Украины, необходимо обратить особое внимание на исторический опыт проведения борьбы с украинским национализмом в послевоенные годы.

В настоящее время на Украине завершился процесс политической и юридической реабилитации пособников немецко-фашистских оккупантов – участников националистических формирований, а именно, Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), деятельность которых запрещена на территории России.

После окончания Великой Отечественной войны одним из основных направлений деятельности пограничных и внутренних войск по обеспечению правопорядка на территории западных регионов Советского Союза стала борьба с националистическим подпольем украинских националистов и его вооруженными формированиями.

Для стабилизации общественно-политической обстановки в западных областях Украинской ССР государственными и военными органами Советского Союза был разработан комплекс мероприятий, включавший в себя не только военные, но и экономические, политические и социальные меры, направленные на подавление вооруженного сопротивления ОУН–УПА. В нем важное место занимала деятельность правоохранительных органов и личного состава пограничных и внутренних войск, на которые была возложена борьба с украинскими националистами.

Сложная оперативная обстановка диктовала особые условия применения личного состава органов и войск НКВД СССР.

После освобождения территории Западной Украины от немецко-фашистской оккупации советские пограничники приступили к выполнению задачи по охране восстановленной западной границы СССР.

Основная тяжесть борьбы с бандами ОУН – УПА в районах выполнения задач по охране границы легла на личный состав двух управлений пограничных войск:

Управление пограничных войск НКВД Украинского округа (штаб управления – г. Львов), которое с августа 1944 г. приступило к охране советско-польской границы<sup>475</sup>;

Управление пограничных войск НКВД Прикарпатского округа (штаб управления – г. Станислав), также было создано в августе 1944 г. 12 сентября 1945 г. Прикарпатский пограничный округ был переименован в Закарпатский пограничный округ НКВД<sup>476</sup>.

Пограничные войска приступили к охране восстановленной границы в крайне сложной и напряженной обстановке. Многим пограничным заставам пришлось выдвигаться на свои участки с боем. Сложность оперативной обстановки объяснялась и тем, что в этих районах было оставлено немало вражеской агентуры, здесь прятались пособники оккупантов, а также лица, укрывавшиеся от призыва в армию. Только в мае – июне 1945 г. в пограничных районах Западной Украины было зафиксировано 99 террористических актов, в результате которых погибли 126 работников местной администрации, сотрудников НКВД – НКГБ, командиров Красной армии и войск НКВД.

В 1945 г. командованием войск НКВД СССР была произведена реорганизация внутренних войск НКВД Украинского округа, созданного в феврале 1943 г. Только за 1945 г. внутренние войска на территории Западной Украины уничтожили бандитов – 21 321, захватили бандитов – 58 394. Боевые потери личного состава округа только за 1945 г. составили: убитыми – 497 человек, ранеными – 790 человек, пропавшими без вести – 9 человек<sup>477</sup>.

Борьба с украинским националистическим подпольем и его вооруженными формированиями включала в себя политические меры, разведывательные мероприятия и боевые действия личного состава войск. Кроме того, осуществлялись режимные мероприятия в городах, населенных пунктах и в районах проведения чекистско-войсковых операций.

В оперативном построении охраны границы на Западной Украине, кроме рубежа пограничного отряда, важное место занимал окружной рубеж, на котором располагались гарнизонами резервные пограничные части, предназначенные для борьбы

с бандами ОУН – УПА как самостоятельно, так и во взаимодействии с воинскими частями внутренних войск.

В отдельных случаях для прикрытия угрожаемых направлений на окружном рубеже организовывалась служба на всем участке. Так, на львовском направлении с июля 1945 г. в тылу 2-го и 88-го пограничных отрядов на удалении 20 км от границы такую службу нес 111-й пограничный отряд. На окружном рубеже командование отряда расположило свои подразделения с выделением каждой пограничной комендатуре и линейной заставе постоянного участка действий по поиску и ликвидации банд украинских националистов.

В деятельности по ликвидации бандеровских банд наряду с агентурно-осведомительной работой необходимо было широко практиковать привлечение местного населения, для чего создавались группы содействия и истребительные отряды, состоящие из граждан – членов семей военнослужащих Красной армии, местного партийно-советского актива и лиц, пострадавших от украинских националистов.

Архивные документы свидетельствуют о примерах доблести и мужества пограничников 111-го пограничного отряда при разгроме националистических формирований на территории Западной Украины.

В материалах Центрального пограничного музея ФСБ России отмечается, что «...сосредоточившись к концу июля 1945 г. в г. Радзехув, отряд получил задачу – вести борьбу с вооруженными бандами украинских националистов ОУН – УПА на территории Львовской области. Для успешных действий отряд рассредоточился по комендатурам, заставам и, маневрируя по населенным пунктам, пораженным бандитизмом, сразу же приступил к ликвидации бандитизма в пограничных районах»<sup>478</sup>.

С 1945 г. в целях ликвидации вооруженных националистических банд в пограничных районах командование пограничных войск стало шире использовать оперативно-войсковые группы. Накопив достаточный опыт борьбы с бандами, они действовали не только в пограничных районах, но и за их пределами. Каждая такая группа имела задачу в течение определенного срока ликвидировать конкретную банду независимо от того, в каком районе области она действует.

Командованием, штабами, политическими отделами пограничных округов совместно с органами госбезопасности была проведена работа по выполнению этих решений. В результате основные подпольные националистические организации и банды в пограничных районах оказались разгромленными. В течение 1945 г. пограничники ликвидировали 250 банд, уничтожили в боях 10 121, ранили 552 и захватили 1 612 бандитов<sup>479</sup>.

В директиве НКВД СССР, подводящей итоги борьбы с националистическими бандформированиями в 1945 г., подчеркивалось, что пограничные и внутренние войска в процессе очистки пограничной полосы и освобожденной от немецко-фашистских захватчиков территории западных областей СССР совместно с территориальными органами НКВД и НКГБ нанесли серьезный удар по националистическому подполью, ликвидировав при этом ряд крупных банд.

Опыт применения органов и войск правопорядка показал, что успехи в обнаружении и ликвидации формирований украинских националистов во многом зависели от качества предварительной агентурной и войсковой разведки, умелой расстановки, применения выделяемых сил и средств. Поэтому особенно большое значение придавалось укреплению территориальных органов государственной безопасности и внутренних дел, совершенствованию их взаимодействия с войсками.

Чекистско-войсковые мероприятия, проводимые пограничными и внутренними войсками Украинских округов, постоянно сочетались с широкой разъяснительной и воспитательной работой, проводимой среди местного населения.

В результате местное население Западной Украины включалось в борьбу с бандитизмом. При участковых уполномоченных милиции создавались вооруженные группы содействия, истребительные отряды, отряды народной защиты, которые отражали нападения вооруженных отрядов украинских националистов на населенные пункты, участвовали в чекистско-войсковых операциях<sup>480</sup>.

Только в 1945 г. в западных районах Украины было создано 2336 истребительных отрядов. Со временем число членов этих формирований увеличилось до 300 тыс. человек.

В результате активной служебно-боевой деятельности пограничных и внутренних войск на территории Западной Украины

произошло резкое сокращение количества участников украинских националистических формирований. В директиве НКВД СССР, подводящей итоги борьбы с националистическими бандформированиями в 1945 г., подчеркивалось, что пограничные и внутренние войска в процессе очистки пограничной полосы и освобожденной от немецко-фашистских захватчиков территории западных областей СССР совместно с территориальными органами НКВД и НКГБ нанесли серьезный удар по националистическому подполью, ликвидировав при этом ряд крупных банд<sup>481</sup>.

Архивные источники показывают, что при встрече с участниками националистического подполья военнослужащие внутренних и пограничных войск действовали смело и решительно, стремились к быстрому и полному их окружению и захвату, но если они не сдавались и оказывали сопротивление, то их уничтожали.

Например, 11 ноября 1949 г. войсковая группа 3-го стрелкового батальона 353-го стрелкового полка внутренних войск, ведя поиск в лесу, обнаружила бандита. Увидев солдат, националист бросился бежать в глубь леса. Войсковая группа частью своих сил организовала его преследование, а остальным составом приступила к тщательному осмотру местности. В результате поиска в 300 метрах от места обнаружения бандита было найдено убежище еще с тремя бандитами. При вооруженном сопротивлении бандгруппа украинских националистов была ликвидирована<sup>482</sup>.

Проведенный анализ архивных и документальных материалов позволяет утверждать, что в послевоенный период количество украинских националистов на территории Западной Украины неуклонно снижалось.

Потери бандформирований ОУН – УПА, действовавших на Западной Украине, по данным украинского исследователя В.С. Ковалюка, составили более 56 тыс. убитыми и более 108 тыс. захваченными.

В 1954 г., по данным оперативного учета внутренних войск МВД Украинского округа, всего было учтено: бандгрупп – 17, в них бандитов – 41, бандитов-одиночек – 13<sup>483</sup>.

Лишившись поддержки населения, уже к началу 1950-х гг. националистическое подполье на территории Западной Украины фактически себя изжило. Его последующая деятельность была тесно связана с разведывательно-диверсионными акциями, проводившимися под руководством спецслужб западных стран, в первую очередь США и Великобритании.

Таким образом, командование пограничных и внутренних войск в сложных послевоенных условиях сумело организовать своевременное и правильное руководство воинскими частями и подразделениями при проведении специальных операций по борьбе с украинскими националистами.

Вооруженное сопротивление участников националистического подполья на Западной Украине потребовало от сотрудников и военнослужащих высокого боевого мастерства, постоянной бдительности, мужества и самопожертвования. Опыт применения личного состава показал, что специальные мероприятия необходимо сочетать с широкой разъяснительной работой, которую проводили среди населения Западной Украины сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие войск.

В настоящее время противодействие героизации нацизма и пособников гитлеровцев – участников националистического подполья на Украине – актуально для ученых и историков.

Удачной попыткой противодействия украинским и западным фальсификаторам является цикл книг документально-публицистической прозы «Невидимый фронт: Красная армия, пограничные и внутренние войска в борьбе с украинскими националистами (1939–1953 гг.)», «Красная звезда против трезубца» и других, в которых сочетается научно-познавательный характер предлагаемого читателям материала и публицистический язык его подачи.

Создавшееся положение вокруг истории проведения борьбы с украинскими националистами требует адекватной реакции отечественных историков и писателей, так как «сражение за историю» – это бои за завтрашний день нашей Родины.

**Пограничные войска в борьбе с националистическими бандформированиями на территории Белоруссии 1944–1945 гг.**

В 1944 г. советские войска вели наступление по всей протяженности советско-германского фронта. По мере освобождения территорий от немецких войск пограничные войска возвращались к своим обязанностям, возобновляя охрану государственной границы. К концу года вся западная граница СССР была полностью восстановлена и взята под охрану.

Освобождение территории Белорусской ССР (БССР) в 1944 г., завершившееся знаменитой операцией «Багратион», поставило перед СССР ряд сложнейших задач, выходящих далеко за рамки чисто военных. Среди них ключевое значение имели две взаимосвязанные проблемы: восстановление функционирования государственной границы как основного атрибута суверенитета и ликвидация вооруженного подполья, а также бандитских формирований, дестабилизировавших обстановку в тылу.

Приграничные районы БССР превратились в арену острого противостояния, где деятельность националистических и антисоветских вооруженных групп активно поддерживалась из-за рубежа и использовала слабость только восстанавливающихся органов местной власти. Это требовало от советского руководства не просто строжайшего контроля, но и выработки целостной стратегии, сочетавшей в себе силовые, оперативно-чекистские и политико-идеологические методы.

В целях своевременной организации охраны государственной границы приказами НКВД СССР от 17 апреля и 6 мая 1944 г. был образован Белорусский пограничный округ<sup>484</sup>. На период его формирования охрана участков границы, восстановление которых предусматривалось в первую очередь, осуществлялась пограничными полками НКВД по охране тыла действующей армии, находящимися в оперативном подчинении Главного управления Пограничных войск (ГУПВ).

К моменту выхода пограничников на погранлинию в тылу и погранполосе находились разрозненные группы военнослужащих немецкой армии, оставшиеся после разгрома центральной группировки противника на территории БССР и стремившиеся уйти за линию фронта. Также на характер нарушений имело значительное влияние нахождение на территории Польши большого количества жителей СССР, оказавшихся по тем или иным причинам в Польше (выселенные и эвакуированные немцами, угнанные на работы немцами и т.п.) Усугубляли обстановку активная деятельность в погранполосе польских и украинских националистических организаций, близость фронта и деятельность немецкой разведки по заброске агентов-парашютистов, а также расположение частей Красной армии и тыловых учреждений, что влекло за собой многочисленные факты нарушений погранлинии военнослужащими без необходимых документов<sup>485</sup>.

Гитлеровская разведка продолжала активную заброску шпионов и диверсантов на коммуникации и в ближайший тыл действующей армии. Оперативную обстановку осложняла большая засоренность пограничных районов вражеской агентурой, пособниками и ставленниками фашистов и других антисоветских элементов. Особую опасность представляла разветвленная, хорошо законспирированная сеть подпольных организаций и их вооруженная сила – бандформирования, созданные и руководимые немецкими разведывательными органами. В период оккупации гитлеровская администрация широко опиралась на эти националистические силы, а при отступлении снабдила их оружием и инструкциями по ведению активной борьбы с органами советской власти и частями Красной Армии<sup>486</sup>.

Войска Белорусского пограничного округа осуществляли пропуск через погранлинию воинских грузов и подразделений, отдельных военнослужащих, а также советских граждан, командированных советскими и партийными организациями. Из надежных, тщательно проверенных жителей погранполосы были созданы бригады и группы содействия<sup>487</sup>.

Сразу после вывода погранчастей на участки пограничной линии было принято решение по плотному закрытию границы, парализации вражеских действий, разгрому националистических

и других контрреволюционных организаций, бандитизма, и оказания помощи местным государственным и партийным органам в укреплении советской власти. Все мероприятия проводились в тесном контакте с органами НКВД, НКГБ и «Смерш»<sup>488</sup>.

Оперативная обстановка в пограничной полосе на протяжении 1944 г. была напряженной. Органами НКВД – НКГБ, пограничными частями проводились операции по очистке погранполосы от враждебного элемента. После освобождения во второй половине 1944 г. во всех пограничных районах были созданы районные и сельские органы советской власти, органы НКВД, НКГБ, милиции, комитеты партии и комсомола. Вследствие проживания в западных областях БССР значительного количества этнических поляков особую остроту и опасность представлял собой польский радикальный национализм.

Пограничная полоса в результате трехлетней оккупации ее немцами и непрерывающейся деятельности польских националистических организаций оказалась исключительно сильно засоренной разнообразными бандформированиями. С освобождением Западной Белоруссии от немецких войск польские вооруженные отряды по указанию находившегося в Лондоне эмигрантского правительства Польши выступили против установления советской власти. Чтобы дестабилизировать обстановку в районах, они нападали на сельсоветы, убивали партийных и советских работников, вели активную агитацию среди польского населения Белоруссии, распространяли листовки с призывом не подчиняться советским законам и решениям органов местной власти, угрожали расстрелом лицам, не выполняющим их требования<sup>489</sup>. Была успешно проведена земельная реформа, частично работали промышленные предприятия, открыты учебные заведения, проведена мобилизация в польскую армию. Все эти и многие другие мероприятия советской власти встретили ожесточенное сопротивление со стороны реакционной части польского населения, прежде всего со стороны националистических организаций Польский Звензик По-станческий (ПЗП) и Армия Крайова (АК). В начале эти организации ограничивали свою деятельность пропагандой националистических идей и агитацией, направленной против просоветского Комитета Национального Освобождения, функционирующего в Польше, а также непосредственно против СССР. Но к концу

1944 г. и в 1945 г. они перешли к более острым формам борьбы: срыву мероприятий Комитета, политическим провокациям, диверсиям, террору, бандитизму, разложению польской армии, созданию из дезертиров этой армии новых вооруженных отрядов ПЗП и АК, засылке дезертиров на советскую территорию.

Указанные националистические организации начали вести агитацию среди населения за вступление в польскую армию только для того, чтобы провести работу по разложению польских частей, заполучить оружие, а затем дезертировать из нее. Только за 4 квартал 1944 г. в пограничной полосе Польши было зафиксировано свыше 30-ти случаев убийств руководителей и членов местных органов власти, государственной безопасности и народной милиции. Имели место случаи убийства работников контрразведки «Смерш», НКВД и военнослужащих Красной армии. В погранполосе Польши функционировало большое количество различных по величине бандгрупп, называвших себя частями и подразделениями АК, занимавшихся террором, диверсиями и грабежом населения<sup>490</sup>.

ПЗП оставил в советской полосе как членов-одиночек, так и целые организации; они были вскрыты в м. Индура Гродненского района, в м. Порозово Порозовского района, в м. Свислочь Свислочьского района – в районах, наиболее заселенных поляками (на участках 16 и 84 пограничных отрядов). Члены-одиночки и ячейки польских националистических организаций вели серьезную работу по срыву мероприятий советской власти, агитировали за присоединение к Польше западных областей Белоруссии, занимались террором и диверсиями. В ряде районов оперировали банды «Армии Крайовой»: в Шерешувском и Свислочьском районах – бандгруппа Лупашко; в Пружанском районе – бандгруппа Дудкевича; в Порозовском и Свислочьском районах – бандгруппа Близнака. Для укрепления своих банд в советской погранполосе ПЗП направлял из Польши вооруженных дезертиров польской армии – жителей западных областей Белоруссии.

В юго-восточных районах Брестской области, особенно в Дывинском и Малорытском, граничащим с Украинской ССР (УССР), находящихся в тылу участков 86-го и 15-го пограничных отрядов, в Шацком районе УССР, часть которого входила в участок 15-го пограничного отряда, функционировали различные по величине

банды Украинской Повстанческой Армии (УПА); они преимущественно действовали на территории Западной Белоруссии<sup>491</sup>.

Характерной чертой деятельности органов НКВД – НКГБ по борьбе с вооруженными бандформированиями националистов в 1944–1945 гг. являлось проведение широкомасштабных чекистско-войсковых операций методом сплошного войскового поиска (проческа, зачистка) в лесных массивах и населенных пунктах одновременно с проведением агентурно-оперативных мероприятий по вскрытию и разгрому националистических организаций, проверка местного населения и учет семей активных бандитов, находящихся на нелегальном положении, а также арестованных и осужденных бандитов на предмет их высылки<sup>492</sup>.

Первостепенной задачей пограничных войск стала ликвидация бандитских групп, действовавших в приграничных районах, где ситуация оставалась критически нестабильной. Координацию борьбы с этими формированиями взяли на себя органы госбезопасности и внутренних дел. Комплекс мер по противодействию подполью и его вооруженным отрядам включал политическую работу, разведывательные операции и военные действия. Параллельно усиливался режим безопасности в городах, поселках и зонах проведения операций<sup>493</sup>.

Основным методом борьбы пограничных войск с националистическими вооруженными группами стали масштабные спецоперации по поиску и уничтожению бандформирований, проводимые одновременно на больших территориях с задействованием значительных сил и средств. При попытках прорыва крупных банд с советской территории за границу первыми в бой вступали пограничные подразделения и внутренние войска, главной задачей которых было сдерживание продвижения противника и сбор информации о его силах и намерениях. Пограничный отряд немедленно информировал командование ближайшей части о ситуации, усиливал охрану границы и выдвигал резерв на предполагаемые направления движения банды. Резерв занимал выгодные позиции, выстраивал боевой порядок и во взаимодействии с преследующими подразделениями либо уничтожал противника, либо втягивал его в затяжной бой<sup>494</sup>.

Руководство Белорусского пограничного округа, наряду со специальными боевыми операциями на границе, широко использовало личный состав оперативно-войсковых групп. Благодаря накопленному опыту борьбы с бандами, они действовали не только в приграничной полосе, но и за ее пределами. В 1945 г. их вклад стал решающим в очистке приграничных территорий от банд и агентов гитлеровской разведки. Деятельность этих групп включала обнаружение, разведку выявленных подпольных ячеек (банд), задержание или устранение участников при сопротивлении. Поиск и разведку осуществляли сотрудники органов госбезопасности, офицеры штабов пограничных отрядов и комендатур.

Примеров боевых и оперативно-служебных действий пограничников по борьбе с бандформированиями множество. Так, в районе участка ответственности 15 пограничного отряда НКВД Белорусского округа 6 марта 1945 г. была обнаружена группа польских солдат-дезертиров, вооруженных винтовками, автоматами, пулеметами, численностью более 250 чел., двигавшаяся с территории Польши для прорыва через границу в советский тыл с целью бандитизма и уклонения от службы в армии.

Погранотрядом на сутки выставлялись 25 усиленных нарядов, организовывались разведывательно-поисковые группы и заслоны. Пограничный наряд, ожидавший прорыва бандитов и находившийся в засаде, заметив группу неизвестных нарушителей, пропустил их мимо себя в тыл, внезапно сделав оклик «стой» и открыл огонь из автоматов, банда открыла ответный огонь. Пограничники, поддерживая друг друга огнем и не отрываясь от противника, удачным маневром захватили в плен 2-х поляков, тем самым получив первичные данные. После передачи информации начальнику отряда, было принято решение совместными силами уничтожить банду.

После удачных действий резерва отряда и заслонов две группы противника численностью в 130 чел. были окружены и задержаны. Остатки банды продолжили прорыв, но в дальнейшем были нейтрализованы пограничниками. В ходе операции по преследованию и ликвидации бандгруппы, прорвавшейся на участке 3-й заставы 15-го пограничного отряда, было пленено 215 вооруженных нарушителей погранлинии: из них было ранено – 5 чел., убито –

31 чел., потоплено – 10 чел., задержано – 2 чел. из числа переправщиков. Со стороны участвующих в операции пограничников потерь не было<sup>495</sup>.

Показательный пример деятельности по борьбе пограничников с бандформированиями произошел в июле – августе 1945 г. По оперативной информации, поступившей в 15-й пограничный отряд 27 июля 1945 г. на польской территории в район густых и труднодоступных Романувских лесов, служивших идеальным местом дислокации крупных националистических отрядов, прибыла банда УПА численностью до 50 чел., вооруженная винтовками, автоматами, ручными и станковыми пулеметами. В основном бандиты были одеты в форму польского войска, Красной армии, а часть из них была в гражданской одежде. Среди населения Польши они называли себя «Бульбовцами», интересовались отношением поляков к украинцам и расспрашивали возможные подходы к пограничной линии. Ими велась усиленная разведка советской территории, ежедневно пограничные наряды отмечали выходы бандитов на берег реки Западный Буг и ведение наблюдения<sup>496</sup>. На сопредельной территории, во Влодавском уезде, прибыла польская дивизия для прочесывания лесов и ликвидации националистических банд в этом районе, но это не только не разрядило атмосферу, а наоборот усложнило обстановку тем, что банды ушли в более глубокое подполье, что затруднило разведку с советской стороны.

В начале августа 1945 г. весь участок 15-го пограничного отряда был переведен на усиленную охрану пограничной линии. 13 августа 1945 г. бандиты начали прорыв, упорно уклоняясь от боестолкновения и двигаясь на советскую территорию, но пограничники настигли их и принудили принять бой, в результате чего банда была разбита: убит главарь и ближайшие его помощники, остатки банды, лишённые руководства, были деморализованы и разбежались. В дальнейшем они были нейтрализованы небольшими группами пограничников при прочесывании лесных массивов, населенных пунктов. По результатам успешно проведенной операции потери противника составили: убитыми – 25 чел., ранеными – 19 чел. За все время боестолкновения бандиты проявляли большую слаженность и упорство в бою, будучи ранеными,

не только не сдавались в плен, но и не бросали оружия. По показаниям пленных, оказалось, что члены банды боялись сдачи, так как главарь банды «Шумский» при попытке к бегству расстреливал на месте. За период операции со стороны пограничников было потеряно: убитыми – 2 чел. и ранеными – 4. Личный состав пограничных подразделений – офицеры, сержанты и рядовые – действовали решительно и смело, не считаясь ни с затратой сил, ни с опасностью для своей жизни, проявили инициативу и храбрость<sup>497</sup>.

Согласно донесениям и отчетным документам штаба внутренних войск НКВД Белорусского округа, только за 1945 г. на участке округа было зафиксировано 285 бандпроявлений, проведено 2609 чекистско-войсковых операций, ликвидировано 189 банд, общее количество задержанных составило 106814 чел.<sup>498</sup>.

К концу 1945 г. проблема с националистическими бандами на территории Белоруссии не была решена полностью. Несмотря на нанесение значительного урона и разгром крупных отрядов, вооруженные банды ушли в подполье и перешли к тактике мелких диверсионно-террористических действий, а его полная ликвидация растянулась на последующие годы. Период 1944–1945 гг. был наиболее интенсивной фазой конфликта, заложившего основу для окончательной ликвидации националистических бандформирований. Служба по охране государственной границы Белорусской ССР, задержание и ликвидация значительного количества вражеской агентуры и бандформирований пограничными войсками оказали существенную помощь Красной армии в период завершающих операций по разгрому врага на его территории и освобождению народов Европы от немецко-фашистской экспансии.

**Деятельность органов МГБ СССР по выявлению  
и нейтрализации «враждебных» элементов  
из юго-западных регионов СССР в 1948–1949 гг.**

Послевоенная Молдавия, как и другие республики, включенные в состав СССР в 1940 г., отличалась от остальных регионов страны в социальном, политическом и экономическом отношениях. Молдавия оставалась преимущественно крестьянской страной. Сильным в ней было и влияние церкви. Немецкая оккупация усилила в Молдавии позиции Румынии, укрепила идею присоединения Бессарабии к Румынии, тем более что молдавские крестьяне были напуганы опытом коллективизации в других республиках СССР.

Проведение массовых депортаций из Прибалтики, Украины, Молдавии, регионов Северного Кавказа, Поволжья, Ставрополя было задумано как скорейший способ освобождения пограничных районов страны от «враждебных элементов». Все проведенные оперативные мероприятия привели к тому, что еще до начала войны людские потери республик составили более 450 тыс. человек, не считая десятков тысяч беженцев, которым удалось переселиться в соседние государства. Значительная часть населения Молдавии, которая лояльно относилась к Советской власти, изменила свои позиции после осуществления кампаний по депортации, что не могло не создать сложностей, многие из которых негативно сказались в военные и послевоенные годы. Молдавия сразу же стала горячей точкой столкновения разноплановых интересов. Румыния, выступавшая на стороне гитлеровской Германии, не могла смириться с потерей Бессарабии, а СССР считал справедливым возвращение бессарабских земель после двадцатилетнего их отторжения Румынией и рассматривал республику как советскую территорию с советским государственным и общественным строем.

Великая Отечественная война вскрыла не только позитивные источники, обеспечившие разгром фашизма, но и наглядно показала глубокие просчеты советской общественной и экономической системы, проявившиеся после освобождения Молдавии в 1944 г.

от оккупации.

Вместе с советскими войсками возвращались структуры Наркоматов внутренних дел и государственной безопасности, перед которыми ставились многообразные задачи по оперативной чекистской работе среди населения освобожденных территорий. Среди них были: усиление агентурно-оперативной и следственной работы, меры по выявлению и пресечению антисоветских выступлений, диверсий, террористических актов, пожаров, взрывов, выявление и задержание агентуры противника, антисоветских националистических элементов, церковников и сектантов, ведение вербовки агентов для выявления и разработки шпионской сети, розыск агентуры иностранных разведок, а также закордонная работа – подготовка и заброска агентуры.<sup>499</sup>

К весне 1946 г. агентурный аппарат МГБ Молдавской ССР насчитывал около 9 тыс. человек. Из них было: 453 агента, 319 резидентов, 7960 осведомителей и 135 содержателей явочных квартир. Агентурно-осведомительная сеть МВД республики составляла 955 человек. Расширение агентурного аппарата позволило получить данные о том, что на территории Молдавии проживали 176 активных участников антисоветских партий, более 1000 пособников румынско-немецких оккупантов, большое количество кулацких и антисоветских элементов, большое количество репатриантов. На оперативном учете в органах государственной безопасности числилось 1096 агентов иностранных разведок, 353 члена антисоветских националистических партий, 130 церковников и сектантов, всего же состояло на учете 2026 человек. Были выявлены десятки лиц, бежавших из спецпоселений и перешедших на нелегальное положение.

Всего до 1947 г. МГБ МССР было заведено 384 агентурных дела на 1834 чел., в том числе по шпионажу – 118 дел на 515 чел., на изменников Родины и пособников оккупантов – 87 дел на 421 чел., арестовано – 5197 чел., из которых 733 чел. проходили по статье «агентура Германии и Румынии». За тот же период было объявлено в розыск – 640 чел., разыскано – 117 агентов, пособников и предателей, из них арестовано – 64 чел.

Одной из самых острых, требовавших постоянного внимания и союзных органов, и Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии, являлась про-

блема создания кадрового корпуса, способного и умеющего выполнять партийные директивы. Кадры укреплялись за счет реэвакуации людей, ранее работавших в Молдавии, из других областей страны. В республику возвратилось 1640 чел. руководящих партийных, советских работников и специалистов различных профессий.

Управлением кадров ЦК ВКП(б) в 1945 г. было направлено в распоряжение ЦК КП(б) Молдавии на партийную, пропагандистскую и советскую работу 558 чел. Это была наиболее проверенная и надежная опора власти. Власть формировала кадры, срочно заполняя их вакуум, однако часто продвигались и те, кто больше всего стремился к руководящим креслам, а сев в них, действовал нажимом, окриком, произволом, накачками, оргвыводами.

Одним из самых существенных результатов войны стало углубление раскола молдавского общества. Определенные группы населения участвовали в войне на стороне оккупантов, надеялись на возвращение прежних порядков, многие крестьяне рассчитывали на роспуск колхозов. Но власти заняли прежнюю, очень жесткую и жестокую позицию по отношению к населению, прежде всего к крестьянству, переводя решение экономических проблем в политическую плоскость, строя политику на основе развертывания классовой борьбы и расслоения крестьян. В Молдавии такая политика постоянно связывалась с молдавско-румынским национализмом.

Уже с 1944 г. в республике проводились выявление и ликвидация «вражеских элементов». Органы госбезопасности отмечая, что в период оккупации на прежние места жительства возвратилось значительное количество кулаков, бежавших с мест поселения из Румынии, начали готовить мероприятия «по изъятию кулацкого элемента».

Зимой 1945 г. проведена эвакуация румынских подданных, прибывших в Молдавию в период оккупации. 26 января 1945 г. наркомом внутренних дел МССР М. Маркеевым принято решение: «На территории Молдавской ССР, особенно в пограничной полосе, имеются румынские подданные: румыны, поляки, украинцы, молдаване и немцы, прибывшие в период оккупации. Перечисленные выше категории, находящиеся в Молдавской ССР, переселить в Румынию. Переселение возлагается на НКВД Молдавской ССР». <sup>500</sup> Немцы не входили в число переселяемых, они брались на учет отдельно и подлежали высылке во внутренние районы

страны. На основании указаний НКВД СССР во второй половине 1945 г. было выслано на спецпоселение 668 немцев (353 – в Коми АССР, 335 – в Молотовскую область).

Переселяемым разрешалось брать необходимые личные документы, носильные вещи и продукты питания на дорогу общим весом не более 150 кг. Категорически запрещался вывоз советской и иностранной валюты, оружия и предметов военного снаряжения. Все оставшееся имущество (дома, инвентарь, скот) сдавалось местным органам<sup>501</sup>.

После составления списков выселяемым предоставлялось 24 часа для подготовки к выезду. Для переселения выделялись пассажирские и товарные вагоны, гужевого транспорт.

Всего было выявлено и учтено 3877 чел. (1408 мужчин, 1564 женщины и 905 детей). Часть из них входила в состав смешанных семей, которые также подлежали эвакуации.<sup>502</sup>

Директива МВД СССР № 97 от 20 апреля 1946 г. требовала усиления работы по выявлению и изъятию на территории республики «власовцев», бывших полицейских и лиц, служивших в немецкой армии, подлежащих переводу на спецпоселение. Первая масштабная операция подобного рода в Молдавии была проведена в июле 1946 г. Были выявлены и оформлены для перевода на спецпоселение 100 человек данного контингента. В феврале и сентябре 1947 г. операции были повторены.

Зимой 1946–1947 гг. резко усилилась борьба органов внутренних дел и госбезопасности Молдавии со всеми враждебными проявлениями. Причиной такого усиления явилась не только сложная обстановка в республике, но и прямые директивные указания МВД СССР о коренной перестройке и усилении агентурно-оперативной работы и подчинении ее основным задачам ликвидации действующих бандитских групп, различных антисоветских проявлений, предупреждению бандформирований и вскрытию антисоветского подполья, организующего бандитизм.

За 1947–1948 гг. было выявлено и арестовано за террористические намерения – 41 человек, за повстанческую деятельность – 45 чел., за антисоветскую агитацию – 180 чел. Любые, даже вызванные тяжелейшим материальным положением протесты, воспринимались как антигосударственные, спровоцированные враждебными элементами.

Большое беспокойство властей вызывали тысячи репатриантов, возвращавшихся на родину и уже только поэтому считавшихся ненадежными элементами. На 1 марта 1946 г. в республику вернулись до 40 тыс. граждан республики, из них около 17 тыс. прошли регистрацию или проверку в Кишиневском проверочно-фильтрационном пункте. Часть из них сразу же отправлялась на спецпоселения.

Главную же причину трудностей, а также базу для враждебной деятельности буржуазно-националистических элементов органы МВД видели в наличии в республике частнокапиталистических элементов: в городе – в лице торговцев, а в деревне – в лице кулаков. С ними велась постоянная открытая и скрытая борьба, осуществлявшаяся органами МВД путем вооруженных действий и внедрения агентуры.

Одним из важнейших направлений в деятельности партийных и советских органов на освобожденных территориях являлось выполнение плана хлебозаготовок и дополнительной сдачи хлеба в хлебный фонд. В информации «О политических настроениях населения Молдавской ССР в период проведения хлебозаготовок» на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, подписанной секретарем ЦК КП(б)М Н. Салогором, сообщалось, что весомый патриотический порыв сельских жителей при проведении хлебозаготовок сопровождается серьезными недостатками: прием зерна проводится неорганизованно, отсутствует необходимый учет, деньги крестьянам за сданный хлеб выплачиваются несвоевременно, на отдельных заготовительных пунктах создаются большие очереди, привезенное зерно не принимается, и крестьяне были вынуждены его везти обратно. Отмечается рост недовольства крестьян.

В 1946–1948 гг. органами военной цензуры было зафиксировано более 200 отрицательных и неодобрительных оценок хлебозаготовок, которые оценивались органами госбезопасности как «нездоровые»: «У нас очень большие поставки... В общем прямо иди по свету»; «В этом году кукуруза плохая, а хлебопоставки требуют очень большие... Мы не сдавали еще ничего, потому что нечего сдавать. Я не знаю, что они с нами сделают, если мы не сдадим»; «Мы живем очень бедно, несмотря на это государство с нас содрало 300 кг зерна в счет хлебопоставок»; «Советы хлеб у крестьян берут даром, платить им за хлеб нечем. В нашей деревне

давно весь хлеб забрали»; «Что это за Советская власть, все от нас забирает, а деньги не платит»; «Советская власть оставит всех нас голодными, весь хлеб у мужиков заберет...».

По сообщению партийных органов, подобные случаи являлись результатом действий кулацких и антисоветских элементов, которые выявлялись и арестовывались «как враги народа». Действовать работники советского и хозяйственного аппарата предпочитали проверенными методами администрирования и запугивания.

Сразу же после освобождения республики была продолжена земельная реформа, встал вопрос о коллективизации сельского хозяйства. Однако колхозы среди крестьян популярными не были, многие крестьяне со страхом вспоминали давление, которое оказывалось на них при вступлении в колхозы перед войной.

Административно-репрессивные меры проведения политики по отношению к крестьянству, пресс налоговых и хлебозаготовительных кампаний, тяжелое экономическое положение не могли не вызвать ответной реакции со стороны крестьянства. Это вынуждены были констатировать даже органы МВД. «В связи с ухудшением материального состояния населения республики, вызванным неурожаями 1945–1946 гг., отмечается значительный рост грабежей и убийств, совершаемых на почве продовольственных затруднений. Большинство зарегистрированных грабежей и убийств, – сообщил 12 января 1947 г. в МВД СССР министр внутренних дел Молдавии Ф.Я. Тутушкин, – совершено лицами из числа местного, главным образом, крестьянского населения, не имеющими за собой уголовного прошлого».

Одной из существенных и обязательных сторон колхозного строительства в Молдавии была политика ограничения и вытеснения кулака, а затем и политика раскулачивания. Экономическая мощь кулака была подорвана еще в 1940 г., когда было запрещено применять наемный труд и арендовать землю, а также в 1944–1946 гг., когда у кулаков была экспроприрована значительная часть пашни, садов и виноградников. Кулацкие семьи затронула и высылка 1941 г., а после войны – голод и постоянное экономическое и административное давление государства путем увеличения норм обязательных поставок и сельскохозяйственного налога, исключения из колхозов, привлечения кулаков к уголовной ответственности.

Как и перед войной, в 1944–1947 гг. кулацкие хозяйства не выделялись в особую группу. Они входили в число единоличных, но как сильные крестьянские хозяйства облагались большим сельскохозяйственным налогом. Более высокими были для них и нормы обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству.

12 октября 1948 г. на имя министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова с припиской «Только лично» была подана подробная записка министра внутренних дел Молдавии Ф.Я. Тутушкина, которую с полным основанием можно считать началом подготовки масштабной операции по выселению из Молдавии кулацких и других враждебных элементов, позже получившей кодовое название «Юг».

В служебных записках выделялись такие направления подрывной работы кулаков, как создание подпольных повстанческих формирований, террористические расправы над советскими активистами, организация террористических актов против организаторов колхозного строительства на селе; активная антисоветская агитация против коллективизации, запугивание крестьян репрессиями со стороны врагов советской власти после ее военного поражения в случае войны США и Англии против СССР; запугивание сельского партийно-советского актива путем террористических угроз в форме листовок, анонимных писем; нанесение материального ущерба вновь организованным колхозам путем поджога, аварий сельскохозяйственных машин и т.п.; стремление проникнуть в колхозы и занять там руководящее положение, направляя враждебную деятельность на разложение колхозов; факты, в целях нанесения ущерба вновь организованным колхозам, самоуправного захвата колхозных земель; открытый саботаж хлебозаготовок путем укрытия хлеба и влияния на остальное население.

В условиях жесткой централизации и обострения социальных противоречий власти видели лишь один, проверенный путь решения проблемы – поиск виновных, применение насильственных, репрессивных методов. Их можно было осуществить быстро, а их результаты были наглядны и поучительны для всего населения.

К началу декабря 1948 г. в Министерстве госбезопасности Молдавии были готовы списки кулаков. Они не были полными, так как «вся работа... органов проводилась негласно и всех необходимых данных добиться не представилось возможным, дабы не

дать огласки». В них не были включены данные МВД МССР и лица, состоявшие на активном учете в органах госбезопасности. В списках учитывалось 33640 чел. (9259 глав и 24381 член семьи), а также давалась разбивка этого контингента по категориям, было подсчитано количество принадлежащих кулакам имущества и земли. К 17 февраля 1949 г. было учтено уже 40854 чел., из них: 11281 глав семей, 29573 членов семей. Соответственно, корректировались и сведения о размерах их имущества.

17 марта 1949 г. на имя Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина была направлена просьба Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии «разрешить выселить из Молдавской ССР кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов и деятелей профашистских партий в количестве 10724 чел. и членов их семей – 28367, а всего 39091 чел.».

6 апреля 1949 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) было утверждено постановление Совета Министров СССР «О выселении с территории Молдавской ССР кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев, участников нелегальных сект, а также семей всех вышеперечисленных категорий». Это постановление Совета Министров СССР за № 1290-467 стало главным правовым основанием к выселению 1949 г. В нем содержались такие нормы, как:

«1. Принять предложение Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавской ССР, ЦК КП(б) Молдавии и Совета Министров Молдавской ССР о выселении с территории Молдавской ССР кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев, участников нелегальных сект, а также семей всех вышеперечисленных категорий. Всего выселить 11.280 семей, составляющих 40.850 человек.

2. Выселение лиц, указанных выше категорий, произвести навечно в Южно-Казахстанскую, Джамбулскую и Актюбинскую области Казахской ССР, а также Алтайский край, Курганскую, Тюменскую и Томскую области РСФСР...

3. Разрешить выселяемым брать с собой лично им принадлежащие ценности, домашние вещи (одежду, посуду, мелкий сельскохозяйственный, ремесленный и домашний инвентарь) и запас продовольствия на каждую семью общим весом до 1.500 килограммов.

Остальное имущество, виноградники, сады и скот выселяемых конфисковать».

Операция «Юг» была окружена особой секретностью. Опасения руководства не были лишены основания. В апреле – мае 1949 г. в органы госбезопасности поступали многочисленные сигналы о фактах нарушения конспирации, в том числе и оперативными работниками, милицией. Среди населения распространялись упорные слухи о предстоящем выселении кулаков и других «враждебных» элементов.

Органы госбезопасности и внутренних дел провели всю основную подготовительную работу, они выделили оперативный состав и войска для проведения операции. Операция «Юг» началась в 2 часа ночи 6 июля 1949 г. и в основном закончилась в 8 часов вечера 7 июля. «Спецконтингент» был погружен в 1573 вагона, составивших 30 эшелонов.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б), подлежало выселению 11280 семей, 40850 чел. Реально было выселено 11293 семьи, 34270 чел., мужчин – 9374, женщин – 13651, детей – 11245. В том числе: семей кулаков, бывших помещиков, торговцев – 7628, составлявших 23205 чел.; семей активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев и участников нелегальных сект – 3665, составлявших 11065 чел.

В итоговых документах говорилось об успехе проведенной операции «Юг». О нарушениях говорилось мало, к ним руководители относили оперативную беспомощность и трусость отдельных опергрупп, случаи пьянства, произвола со стороны представителей органов МГБ и партийно-советского актива. В качестве недостатков отмечалось и то, что некоторые коммунисты допускали «утечку информации» и сообщали родственникам о грядущем выселении, а в отдельных случаях отказывались от участия в операции. К ним принимались строгие административные и партийные меры, вплоть до исключения из партии.

Всего за период операции было зафиксировано 4 случая вооруженного сопротивления со стороны выселяемых: при попытке к сопротивлению и побегу были убиты 7 и ранены 4 чел., около двадцати семей и одиночек бежали, в 4 авариях автомашин погибло 3 и ранено 8 чел., в том числе 3 солдата войск МГБ. В целом операция «Юг» прошла вполне нормально, без каких-либо серьезных происшествий и эксцессов.

Таким образом, высылка «враждебных элементов», проведенная в ходе операции «Юг», безусловно, ускорила процесс коллективизации в Молдавии. Судьба людей, выселенных из родных мест, страх и покорность тех, кто оставался, в перечень итогов не включались.

### **Генерал-майор Соломатин: штрихи к портрету**

Мне в жизни здорово повезло лично встречаться и даже поддерживать добрые отношения с людьми, которых принято называть видными, а некоторых из них даже легендарными разведчиками. Не буду лукавить, но в отношении человека подобного уровня, Бориса Александровича Соломатина, я этого сказать не могу.

С течением лет удалось пообщаться с хорошо знавшими его коллегами, познакомиться с отзывами о нем друзей и врагов, что дополнило образ этого удивительного человека – Б.А. Соломатина. Об отдельных фактах его биографии и пойдет речь в настоящей работе.

Итак, корни: отец – Александр Георгиевич Соломатин, кадровый военный, полковник, родом из Тульской губернии; мать – Варвара Васильевна Соломатина (Камбуленко), в семье выполняла роль хранительницы очага, наполняя дом теплом, вниманием и заботой.

31 октября 1924 г. в Одессе родился их первенец – в будущем выдающийся советский разведчик Борис Александрович Соломатин.

Перемещаясь вслед за назначениями Александра Георгиевича, семья из Одессы последовательно переехала в Ростов, затем – в Саратов, Киев, а среднюю школу Борис окончил уже в Тбилиси в 1942 г.

Вместе с получением аттестата закончилась и юность Бориса. В июне 1942 г. он поступил на ускоренные 6-месячные курсы Тбилисского артиллеристского училища имени 26 Бакинских комиссаров, а сразу после их окончания все молодые офицеры были направлены на фронт. Борис Александрович участвовал в сражении на Курской дуге, где командовал взводом полковой артиллерии. Затем воевал на острие главного удара – 1-м и 2-м Белорусских фронтах, освобождал Минск, Белосток, сражался в Восточной Пруссии. В 1945 г. был назначен помощником начальника разведотдела полка, принимал участие в боях в ходе проведения Восточно-Померанской операции. Войну закончил в звании старшего лейтенанта

с орденами и медалями на груди. В 1946 г. был демобилизован и поступил на учебу в Московский институт международных отношений, получил диплом юриста-международника.

После окончания института в 1951 г. был распределен в МИД на китайское направление, а затем последовало приглашение на работу во внешнюю разведку, где он успешно проработал 37 лет: 22 года из них – за рубежами нашей Родины.

В 1954 г. Б.А. Соломатин прибыл в Дели с паспортом атташе. К окончанию первой заграничной командировки (1958 г.) по «крыше» продвинулся до 1-го секретаря, что в то время было крайне редко и говорило о многом. По мнению коллег по индийскому направлению, целеустремленная и напряженная работа «в поле» во многом способствовала его становлению как профессионала и будущего руководителя. Настойчивое стремление добиться конкретных результатов позволили Борису Александровичу быстро стать одним из ведущих сотрудников резидентуры. Уже на первом этапе работы за рубежом проявились такие характерные черты Б.А. Соломатина как широта мышления и государственный подход к делу. Он искал и находил таких кандидатов на вербовку, которые не только обладали прямым доступом к сведениям закрытого характера, но и имели возможность влиять на принятие выгодных для нашей страны политических решений.

В 1959–1960 гг. учился, как тогда говорили, «на начальника» на Курсах усовершенствования оперсостава (УСО) Высшей разведывательной школы КГБ при СМ СССР, известной также как Школа № 101.

После успешного завершения интенсивного курса подготовки, Борис Александрович был вновь направлен в Дели, но уже резидентом. По словам Ю.А. Рыхлова, коллеги по работе в Дели, будущего ответственного работника штабного управления внешней разведки, «прекрасное знание Борисом Александровичем международной и внутривнутриполитической обстановки в стране пребывания, местных традиций, культуры и обычаев, способность устанавливать и развивать контакты, умение сосредоточиться на решении главных разведывательных задач помогли заграничному аппарату значительно укрепить агентурные позиции, в том числе за счет привлечения к сотрудничеству граждан западных стран». Под руковод-

ством Бориса Александровича резидентура провела ряд резонансных «активных мероприятий», которые существенным образом содействовали реализации ряда важных внешнеполитических инициатив нашего государства.

В 1965 г. Соломатину вновь доверили сражаться на направлении главного удара – он был назначен резидентом в Вашингтон. Выстраивать работу пришлось в условиях резкого ухудшения агентурно-оперативной обстановки в США, вызванного последствиями Карибского кризиса. Тем не менее, именно в этих условиях удалось осуществить то, что впоследствии назвали «вербовкой века». К сотрудничеству был привлечен уорент-офицер Военно-морских сил (ВМС) США Джон Уокер.

Для того чтобы осознать масштаб проделанной под руководством Б.А. Соломатина работы и уровень полученной от агента секретной информации, имеет смысл рассказать несколько подробнее о самом Уокере.

Уокер приступил к службе на подводной лодке Военно-морских сил США в исторический момент, когда в 1950-е гг. обе сверхдержавы – США и СССР – были вынуждены коренным образом модернизировать свой подводный флот. На смену дизельным пришли атомные подводные лодки, что повлекло за собой кардинальное изменение их возможностей и назначения. Лодки с ядерной силовой установкой могли теперь месяцами находиться под водой. Их стало почти невозможно выследить. Помимо того, что лодки были носителями мощного оружия, они стали глазами и ушами ВМС. В 1961 г. в США на вооружение подлодок в дополнение к торпедам поступили баллистические ракеты «Поларис А-3», способные уничтожать целые города.

Командир ядерной подлодки «Симон Боливар» получил приказ из штаба Атлантического флота в Норфолке, в котором сообщалось, что у аналогичного подводного корабля возникли технические неполадки и ему надлежало вернуться в порт. На период ремонта «Симон Боливар» должен был принять на себя некоторые его задачи. Капитан передал Уокеру объемную книгу в ярко-красном переплете, на котором красовались слова «Совершенно секретно – Особая категория». Это был «Единый комплексный оперативный план» – план начала Третьей мировой войны. Официально американцы отрицали даже само его существование.

Книга содержала перечень всех ядерных средств США с указанием целей в Советском Союзе, Китае, а также Югославии, других нейтральных странах, по которым предполагалось нанести удары и их последовательность. Рассчитаны все траектории ракет, прописаны воздушные коридоры и целевые окна, которые должны были оставаться открытыми, чтобы свои задачи могли выполнить стратегические бомбардировщики Б-52. В этот момент Джон впервые задумался: какие деньги заплатил бы Советский Союз за украденные военные секреты США?

В апреле 1967 г. Уокер получил назначение в Центр коммуникаций в Норфолке в качестве дежурного офицера, ответственного за связь со всеми подводными лодками, курсирующими в водах Атлантического океана.

Имеет смысл привести выдержки из рассказа самого Бориса Александровича Соломатина о вербовке агента. «Нам не пришлось его искать. Джон Уокер по собственной воле пришел в Посольство СССР в Вашингтоне и попросил о встрече с сотрудником, отвечающим за вопросы безопасности. Сказал, что имеет доступ к секретным документам и хотел бы их продать. Он ничего не говорил о любви к Советскому Союзу или о том, что разделяет идеалы коммунизма. Он ясно сказал, что хочет денег.

Обычно резидент не беседует напрямую с заявителем, но в данном случае Уокер предлагал нам шифры, а это самый важный объект разведки... И я решил лично поговорить с ним, составить собственное впечатление об этом человеке. В течение двух часов беседовал с Уокером один на один. Интуиция [и опыт] подсказали мне, что Уокер не «двойник». И я решил рискнуть по-крупному».

В работе с агентом досконально соблюдались все нормы и требования конспирации, связь была отработана до мельчайших деталей. «Вся работа с нашей стороны была проделана должным образом. Я сказал бы – на высшем уровне. Московский центр и связники Уокера сделали все, чтобы он был неуязвим. Я считаю, в работе с Уокером с нашей стороны практически не было ошибок. И он бы мог по-прежнему работать с нами до сегодняшнего дня, если бы сам был осторожнее – не тратил расточительно деньги, решил бы проблемы с женой и прочее».

За 17 лет сотрудничества от Джона было получено большое количество совершенно секретных материалов, в том числе не был

оставлен без внимания и «Единый комплексный оперативный план»... Исключительно важным результатом стало получение информации о создании американцами вдоль побережий континента дорогостоящей системы сонаров – подводных микрофонов, которые по шумам позволяли не только идентифицировать советские подводные лодки, но и определять их тип, а в более поздний период по оттенкам шумов – даже название конкретного подводного корабля.

Пожалуй, важнейшим достижением резидентуры была передача агентом ключей и технических характеристик к американской шифровальной машине KW-7 и, соответственно, к самой распространенной в США шифровальной системе.

Дело в том, что 23 января 1968 г. северные корейцы недалеко от берегов КНДР захватили шпионский корабль радиоразведки США «Пуэбло», который АНБ оборудовало самой совершенной на тот момент аппаратурой радиоперехвата, предназначенной для «изучения электронной оснащённости восточного побережья Северной Кореи»... и для «контроля и наблюдения за советскими кораблями, курсирующими в Цусимском проливе». На «Пуэбло» также находилось самое мощное «шифровальное оборудование, включая шифровальный комплекс KW-7».

Этот комплекс широко использовался во всех сферах военной связи США, стоял на вооружении большинства секретных ведомств страны, включая Пентагон и спецслужбы. В этой связи после инцидента с «Пуэбло» АНБ решило не уничтожать, а лишь существенно модернизировать эти машины. Кроме того, было принято решение ежедневно менять кодовый ключ. Предпринятые меры, по мнению экспертов, должны были гарантировать, что зашифрованные на машине секретные донесения не будут прочитаны советскими спецслужбами.

Они, конечно, не могли знать, что у КГБ к тому времени уже имелся переданный Уокером ключ и технические характеристики машины. Когда АНБ разослало по ведомствам новые технические характеристики KW-7, агент их тут же сфотографировал и передал связным. Позднее Уокер привлек к работе на Советский Союз своих брата и сына, а также друга, у которых также был доступ к секретным материалам.

По словам П. Эрли, биографа Дж. Уокера, автора нашумевшей книги «Семья шпионов», ознакомившегося впоследствии со всеми

нюансами следственного дела агента: «За первые несколько месяцев шпионской деятельности Уокера КГБ получил доступ к самой распространенной в Соединенных Штатах шифровальной системе. Это было все равно, как если бы Военно-морские силы США открыли отделение коммуникационного центра прямо на Красной площади. С этого момента русскими было расшифровано более ОДНОГО МИЛЛИОНА военных секретных донесений Соединенных Штатов».

По оценке министра обороны США Каспара У. Вайнбергера: «Русские получили доступ к информации о вооружениях и электронном оборудовании, об учебной подготовке надводных, подводных и воздушных сил, о нашей боеготовности и тактике. Мы наблюдаем явные признаки того, что русские в курсе всех аспектов нашей доктрины ведения боевых действий на море. Ясно, что это напрямую связано со шпионской деятельностью Уокера».

Именно американцы часто задают вопрос, был ли Дж. Уокер самым важным шпионом КГБ? Вот, что Борис Александрович по этому поводу ответил в интервью П. Эрли: «Вопрос поставлен некорректно. Каждый серьезный источник имеет свою специализацию, и выбирать из всех только одного было бы неправильно. Что касается военно-стратегической информации, особенно о главном компоненте атомной триады США – подводных лодках с ядерными ракетами, то – да, его можно назвать самым важным... Мы действительно зависели от информации, которую Уокер передавал нам. В определенном плане Джон Уокер помог обеим странам избежать ядерной катастрофы. Он дал нам понять ваши истинные намерения».

Бывший руководитель военно-морской разведки США адмирал Студеман представил в суд меморандум, в котором было, в частности, сказано: «Уокер создал мощные предпосылки к победе в войне для советской стороны».

Когда доводится сталкиваться с подобными оценками результатов деятельности наших старших коллег, невольно возникает вопрос «Где же ты заблудилась, медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза?!».

По возвращении в Москву в 1968 г. Б. Соломатина назначают заместителем начальника внешней разведки. Однако в верхах, ве-

роятно, было решено, что вербовщиков такого уровня надо держать «в поле», а не в кабинете, пусть даже в руководящем, и в период с 1971 по 1975 гг. он возглавил резидентуру внешней разведки в Нью-Йорке – по прикрытию заместитель постоянного представителя СССР при ООН. Результаты командировки тоже были весьма впечатляющими, но конкретику пока ревностно хранят наши архивы.

Здесь, наверное, уместно привести слова Бориса Александровича из диалога с историком и летописцем разведки Н.М. Долгополовым, где он пытался разъяснить маститому журналисту суть своей работы: «Главное в разведке – сведения, результат, ценные данные, которые приносят поверившие тебе люди. Понял, в чем ценность? – В вербовке».

В 1976 г. Борис Александрович в качестве резидента КГБ СССР был направлен «распахивать» южный фланг НАТО – в Рим (1976–1982 гг.).

Работать вновь пришлось в исключительно сложной внутривнутриполитической и международной обстановке. 9 мая 1978 г. леворадикальной террористической организацией «Красные бригады» был убит видный политический деятель Италии Альдо Моро, а 13 мая 1981 г. Мехмет Али Агджа совершил покушение на Папу Римского Иоанна Павла II. Выступая по телевидению, президент США Р. Рейган заявил: «Покушение – дело рук мирового коммунизма, который руководит международным терроризмом».

Несмотря на ухудшившуюся оперативную и сложную международную обстановку, возглавляемый Б.А. Соломатиным заграничный аппарат добивается очередных успехов в работе.

В 1980 г. на идейно-политической основе был привлечен к сотрудничеству М. Соутер военный фотограф, служивший сначала на авианосце «Нимиц», а затем в составе разведывательного подразделения на штабных кораблях «Олбани», затем «Пьюджет Саунд» 6-го флота ВМС США. Соутер одновременно являлся доверенным лицом и личным фотографом адмирала У. Дж. Кроу.

От него поступило большое количество важной документальной информации военно-стратегического характера, в частности, список целей на советской территории, по которым должны были

быть нанесены ядерные удары, детальные сведения о планах перемещения кораблей ВМС США, взаимодействия с южным флангом НАТО и многое другое.

В период работы в зале истории Службы автору довелось ознакомиться с некоторыми несекретными материалами из подборки материалов на М. Соутера. И тогда же сложилось достаточно четкое представление о нем как о личности, о его внутреннем мире, моральных и нравственных ценностях, об отношении к окружающей действительности, близким людям. Чтобы не мельчить, органов безопасности этого человеке, наверное, имеет смысл написать отдельно. Добавлю только несколько штрихов к его портрету: наивный романтик, изучал русский язык, увлекался творчеством В. Маяковского; презирал двурушническую и агрессивную политику правящих кругов США. Он сам пришел в наше Посольство в Риме с просьбой помочь ему получить советское гражданство, с тем чтобы перебраться в СССР и переводить стихи любимого поэта на английский язык. Пообещали просьбу выполнить, но попросили немного погодить и сначала помочь обеспечить безопасность будущего Отечества. Майкл подошел с пониманием и сразу же согласился.

Майкл Соутер напомнил мне бойцов из интербригады имени Дж. Вашингтона, воевавших на стороне республиканцев в ходе гражданской войны в Испании, и Эрнеста Хемингуэя – такого же идеалиста, любившего жизнь, людей и справедливость, или ярких представителей Кембриджской пятерки.

Сам Б.А. Соломатин о Г.М. Соутере говорил, что «никогда не встречал в разведке таких чистых, романтических и светлых людей».

Причиной провала Соутера в определенной степени послужила его природная наивность и доверчивость, а также его первая жена – обычная итальянская девушка из посещаемого американскими моряками бара: яркая, веселая, выпивающая, импульсивная, ревнивая... Она, собственно, и выдала Майкла после того, как тот, успокаивая ее, объяснил, что встречается не с посторонними барышнями, а с сотрудниками советских учреждений. В период пребывания в Италии его супруга неоднократно в пьяном виде «жаловалась» на мужа представителям различных служб безопасности, обвиняя при этом Майкла в том, что тот общается с представителями нашей страны. Собеседники, однако, воспринимали ее ти-

рады как пьяный бред ревнивой женщины. Соутеру, правда, предложили пройти флотский полиграф, но Майкл без особого труда преодолел это испытание. После возвращения семейства в США дама вновь повторила свои обвинения, и на этот раз к ним отнеслись более серьезно. Соутеру грозила проверка на детекторе лжи в ФБР, а это была уже не шутка. Кураторы приняли решение о его срочной эвакуации.

Когда гром грянул, Майкл оказался в Советском Союзе и стали известны отдельные подробности его работы на советскую разведку; американцев особенно возмутило, что Соутер отказывался принимать за свою помощь деньги. Это никак не вписывалось в парадигму их мышления. Что же это получается – их секреты ничего не стоят? Мстили долго и методично. Просчитали его психологический портрет, догадываясь, что он слушает «голоса», запустили программы на «Голосе Америки», в которых осуществлялось постоянное жесткое психологическое давление: «обычный безвольный неудачник, который ничего не умеет и не может, которого никто не любит и не уважает... Променил «процветающую» Америку на разваливающийся Союз с обманутыми ожиданиями, где оболочка не соответствует содержанию...». И так далее и тому подобное...

Майор внешней разведки Михаил Орлов ушел из жизни, написав родным и близким трогательные прощальные письма. Надо признать, что развал СССР, судя по всему, действительно сыграл роковую роль в его выборе, а предатели, развалившие страну, несут прямую ответственность и за гибель нашего товарища тоже...

27 марта 1996 г. был проведен воинский ритуал занесения портрета и имени Б.А. Соломатина на Доску почета Службы внешней разведки, что у нас является высшей формой общественного признания. В церемонии приняли участие руководители СВР, начальники ряда подразделений, ветераны, которые отметили большие достижения Бориса Александровича, его личные и профессиональные качества. Было сказано о результативной работе в крупнейших резидентурах мира, в том числе о вербовках, о мероприятиях содействия глобального масштаба и значения, о подготовке и воспитании высококвалифицированных учеников.

Отмечалось также, что Борис Александрович в интересах дела бывал весьма жестким, при этом в карман за словом не лез – мог

приложить вполне впечатляюще. Не терпел даже намека на разгильдяйство и необязательность. При этом, по словам заслуженного ветерана Э.К. Колбенева, «к большинству оперсостава относился по-отечески, отстаивал его интересы и репутацию в возникавших спорных вопросах. Держал на личном контроле работу каждого сотрудника резидентуры, давал необходимые советы, рекомендации».

В ответном слове Борис Александрович кратко сформулировал свое видение особенностей разведывательной деятельности, которое было сведено к четырем основным постулатам.

1. В разведке невозможно просто служить или работать. Разведкой надо жить, отдавая ей 25 часов в сутки. Только тогда можно рассчитывать на существенные результаты.

2. Разведывательная деятельность сопряжена с разумным риском. В особенности это относится к вербовочной работе.

3. Главная обязанность резидента состоит в том, чтобы влиять, поддерживать и развивать рождающиеся в коллективе творческие и конструктивные идеи и начинания, претворение которых в оперативной практике ведет к прорывам на ключевых направлениях разведывательной деятельности. Личный результат каждого должен быть составной частью усилий всей резидентуры.

4. Разговоры о том, что наша разведка в последние годы лишилась идеологии, надо относить к категории досужих. У советских, а ныне у российских разведчиков всегда была, есть и будет неизменная идеология – любовь к Родине, служение ее национальным интересам и содействие укреплению ее безопасности.

Эти заветы мастера полезно было бы знать каждому начинающему разведчику. Знать и стремиться следовать им.

Отдельно Борис Александрович поблагодарил супругу, Веру Михайловну, талантливую женщину и боевую подругу, сделавшую все от нее зависящее для обеспечения надежного тыла в семье и создания благоприятной психологической атмосферы, сплочения коллективов резидентур в странах, где судьба даровала жить и работать.

Ну, и маленький Post Scriptum. Жесткие рамки очерка не позволяют рассказать об очень важной стороне жизни Бориса Александровича – о его семье, где все друг о друге заботились и ценили каждую минуту, проведенную вместе. Поэтому – лишь в двух словах:

жена – Соломатина (Савушкина) Вера Михайловна, окончила Институт иностранных языков им. Мориса Тереза, кандидат исторических наук, историк-американист, работала в системе РАН; любимые дочери – Татьяна и Ольга; внук – гордость и надежда деда – Егор.

Скончался Борис Александрович 21 декабря 2005 г. после тяжелой и продолжительной болезни; похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», знаком «За службу в разведке», многими медалями.

*С.Я. Ковганов*  
г. Новосибирск

**Подготовка военных контрразведчиков в средней  
специальной школе № 311 КГБ при СМ СССР 1960-х гг.**

Международная обстановка сегодня по своей динамике воспроизводства политических конфликтов, в том числе военного характера, напоминает геополитические процессы, происходившие в мире в 1930–1960-х гг., прежде всего жесткостью противостояния России и Запада, возрастанием количества и интенсивности военных конфликтов, вынужденного участия в них Российской армии и органов безопасности. Это обуславливает обращение к отечественному политическому опыту того периода, без использования которого невозможно обеспечить возрастающие в современных условиях требования к уровню подготовки сотрудников специальных служб.

В решении вопросов обеспечения национальной безопасности страны важную роль непосредственно играют отечественные органы безопасности и такая их составляющая, как военная контрразведка: деятельность специальных органов по пресечению разведывательной деятельности других государств, неправительственных организаций или отдельных лиц в отношении вооруженных сил, а также оказание помощи командованию в обеспечении высокой боевой готовности войск. Это делает обязательным такое важное требование к подготовке и обучению ее сотрудников, как обладание навыками оперативно-розыскной деятельности и знаниями военного дела. В нашей стране такое содержание подготовки военных контрразведчиков нашло отражение в деятельности Средней специальной школы № 311 КГБ при СМ СССР.

Предшественницей этого учебного заведения была Новосибирская межкраевая школа (МКШ) НКВД СССР, образованная в 1935 г. в числе десяти МКШ Наркомата внутренних дел. Середина 1930-х г. является важным рубежом в истории нашей страны. Ускоренная индустриализация, проводившаяся в условиях напряженной международной обстановки, остро поставила вопрос о создании системы высшего и среднего образования. Для примера стоит заметить, что в 1935 г. во многих областных центрах СССР

были созданы медицинские и педагогические институты, обеспечившие в последующем наше здравоохранение и образование хорошо подготовленными специалистами.

В 1930–1960-е гг. в СССР была создана достаточно эффективная система подготовки кадров для отечественных органов безопасности, в том числе и военных контрразведчиков. Это позволило в ходе Великой Отечественной войны успешно противостоять спецслужбам Германии и Японии, а на заключительном этапе Второй мировой войны разгромить их, захватив значительную часть их сотрудников и документов. С началом холодной войны отечественные органы безопасности смогли успешно противостоять разведывательно-подрывной деятельности специальных служб стран НАТО.

Середина 1960-х гг. характеризуется в нашей стране увеличением численности ВС СССР, оснащением их новой техникой и вооружением, что привело к необходимости увеличения и штатной численности военной контрразведки. Это потребовало увеличения числа слушателей и штатов учебных заведений в системе подготовки кадров отечественных органов государственной безопасности. Наиболее активно этот процесс пошел с приходом в 1967 г. на пост Председателя КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропова. Остро встал вопрос о налаживании эффективной работы органов государственной безопасности, об уточнении задач, решаемых ими, и комплектовании их в достаточном количестве хорошо подготовленными сотрудниками.

Период с 1960 по 1974 г. стал знаменательным в истории Средней специальной школы № 311 КГБ при СМ СССР – она окончательно сформировалась как современная школа по подготовке военных контрразведчиков. На это повлияло несколько обстоятельств, и прежде всего два наиболее важных. Во-первых, после 1960 г. военных контрразведчиков в СССР готовили только Высшая школа КГБ при СМ СССР и Средняя специальная школа № 311 КГБ при СМ СССР в Новосибирске. Высшая школа набирала курсантов, которые после 4–5 лет обучения получали высшее юридическое образование и воинское звание лейтенанта. Средняя специальная школа № 311 в течение года готовила слушателей из числа офицеров с высшим военным образованием, имеющих, как правило, двухлетний опыт службы в войсках. Оперативная подготовка в Новосибирске сочеталась с имеющимся военным опытом

слушателей. По окончании обучения они быстрее находили свое место в строю оперативных работников. Во-вторых, в 311-й школе сложился замечательный преподавательский коллектив, который сумел не только продолжить добрые традиции обучения и воспитания контрразведчиков, сложившиеся в Новосибирской МКШ НКВД – МГБ, но и создать в новых условиях систему качественной подготовки военных контрразведчиков в оптимальные сроки.

Важное значение в решении этих задач имел уровень профессиональной подготовки руководящего и преподавательского состава нашего учебного заведения. Вот об этих людях и хочется рассказать.

В июле 1960 г. на должность начальника школы был назначен полковник В.И. Воронов, с именем которого связан 30-летний период в истории учебного заведения. Виктор Иванович родился в 1919 г. в Подмоскowie. В 1942 г. он окончил курсы оперативного состава при Центральной школе НКВД СССР. В годы Великой Отечественной войны находился на оперативной и следственной работе в органах военной контрразведки. После войны работал в следственном отделе Управления военной контрразведки в Группе советских войск в Германии. До 1958 г. Воронов был начальником следственного отделения особого отдела (ОО) МГБ – КГБ СССР по Северо-Кавказскому военному округу, начальником сектора ОО КГБ при СМ СССР по Закавказскому военному округу и заместителем начальника следственного отдела КГБ при СМ Грузинской ССР»<sup>503</sup>. В 1955 г. он заочно окончил юридический факультет Тбилисского государственного университета. В 1958 г. после окончания курсов усовершенствования руководящего состава при Высшей школе КГБ В.И. Воронов был назначен начальником Средней специальной школы № 305 в г. Тбилиси, после расформирования которой он и прибыл в Новосибирск.

Полковник Воронов удачно сочетал опыт оперативной, следственной и педагогической работы. Это позволило ему за короткое время наладить качественное обучение слушателей с небольшим штатом преподавателей. Позднее, когда кадровая политика в органах государственной безопасности СССР изменилась в лучшую сторону, В.И. Воронов сумел сформировать сильный преподавательский коллектив, обустроить материальную базу школы для качественного обучения слушателей, а главное – создать атмосферу

той доброжелательной требовательности, которая придала органичность учебному процессу. Он очень внимательно относился к подбору преподавательского состава, старался находить из числа опытных оперативных работников, юристов, офицеров из войск, имевших склонность к преподавательской работе. Виктор Иванович очень хорошо знал, чему и как надо учить будущих военных контрразведчиков.

Начальник кафедры научного коммунизма школы военных контрразведчиков С.И. Прокопец вспоминал о том, как В.И. Воронов уговаривал его в 1969 г. перейти из гражданского института в школу контрразведки: «Вы закончили военное училище по линии ГРУ, имеете солидный опыт армейского политработника и порядочный педагогический стаж. Вы нам нужны. Званий больших не обещаю, вы уже майор, а материальная сторона у вас значительно поправится. Подумайте хорошенько и соглашайтесь!»<sup>504</sup>.

В 1951 г. начальником учебного отдела школы был назначен опытный военный контрразведчик, начальник отделения Отдела контрразведки МГБ СССР по Ленинградскому округу, Герой Советского Союза подполковник В.Г. Миловатский<sup>505</sup>. Он имел педагогическое образование, а также богатый военный и оперативный опыт. В молодости Василий Григорьевич был рабочим-арматурщиком, в 1932 г. по путевке комсомола направлен на учебу в Сталинградский педагогический институт, который окончил в 1936 г. До января 1942 г. преподавал математику в средней школе. Затем был призван в Красную армию и направлен на курсы переподготовки офицерского состава Черноморского флота. В апреле 1942 г. В.Г. Миловатский был назначен командиром взвода, а затем роты 322-го батальона морской пехоты, вместе с которым убыл на Крымский фронт. Он принял активное участие в обороне Северного Кавказа, в частности, в боях за Новороссийск. За мужество и героизм, проявленные в боях, ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1948 г. по партийному набору он пришел на работу в органы государственной безопасности и прошел обучение на двухгодичных курсах подготовки руководящего оперативного состава при Высшей школе МГБ.

Талантливый педагог В.Г. Миловатский вложил много труда и своего опыта в процесс обучения, сделал его ближе к практике

оперативной работы. Будучи начальником учебного отдела, Василий Георгиевич, организуя учебный процесс, стремился передать курсантам свой военный и оперативный опыт. В нем успешно сочетался специалист, обладающий навыками оперативно-розыскной работы, и человек, хорошо знающий военное дело. Без преувеличения можно сказать, что при Миловатском стали закладываться основы школы военной контрразведки в Новосибирске.

Начальником цикла специальных дисциплин в 1960 г. был назначен подполковник В.Т. Кошелев. В годы Великой Отечественной войны он воевал на фронте на различных офицерских должностях, был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В 1944 г. перешел на оперативную работу в органы контрразведки «Смерш», где приобрел опыт контрразведывательной работы в войсках, а в 1958 г. окончил Высшую школу КГБ при СМ СССР<sup>506</sup>.

Из числа опытных преподавателей на цикле специальных дисциплин продолжали работать Е.Н. Шлыков, М.М. Кудрин, П.С. Барицкий, И.П. Шешенин, А.С. Березин. В 1960–1964 гг. в школу с практической работы пришли С.А. Каплин, Н.Д. Гончаров, И.И. Белоглазов, Г.С. Борисов, Н.А. Костенко, Д.Г. Пыжов, Ю.В. Ситков, Н.Ф. Дюбенков. Многие из них в последующем проработали в школе по 10–15 и более лет.<sup>507</sup>

Цикл военно-физической подготовки возглавил опытный педагог А.В. Бабушкин, который сумел наладить работу подразделения в несколько новом ключе. С учетом того, что контингент слушателей составляли офицеры, имеющие высшее военное образование, вопросы элементарной военной подготовки уступили место вопросам тактики чекистско-войсковых операций, ликвидации диверсионных групп, физическому задержанию подозреваемых. Продолжали оставаться актуальными вопросы совершенствования огневой подготовки и навыков рукопашного боя<sup>508</sup>.

И.И. Пальшин, оставаясь старшим преподавателем социально-экономических дисциплин, один сумел организовать изучение общетеоретических вопросов внутренней и внешней политики СССР, которые играли важную роль в идеологической подготовке слушателей.

Иван Иванович в 1941 г. окончил физико-математический факультет Новосибирского государственного педагогического института, а в 1949 г. – исторический факультет этого же вуза. По

окончании в 1930 г. педагогического техникума работал директором ряда школ в Читинской области и в Новосибирске. В 1943 г. по окончании военного училища командовал минометным взводом на Калининском фронте. В этом же году после тяжелого ранения и излечения был зачислен в Управление НКВД СССР по Новосибирской области. С 1945 г. преподаватель Новосибирской межкраевой школы НКГБ СССР.

В сложных условиях этого времени смогли наладить быт, учебу, организованность и дисциплину слушателей начальники курсов Д.И. Фомин, И.И. Кузьмичев, В.А. Антонов.

В 1964 г. в СССР стало меняться отношение к вопросам обеспечения государственной безопасности страны. В связи с ростом потребности в кадрах и увеличением числа слушателей преподавательский состав школы в 1964 г. был увеличен, введен новый штат. По новому штату создан самостоятельный цикл криминалистики, куда вошли такие предметы, как криминалистика, уголовное право, уголовный процесс, а также основы административного и международного права. При изучении курса криминалистики основное внимание уделялось формированию у слушателей практических навыков использования современных технических средств в процессе следственных действий, а также тактике производства неотложных следственных действий. Кабинет и фотолаборатория были оснащены современными техническими средствами криминалистического исследования. Здесь были сравнительные и стереоскопические микроскопы, приборы ультрафиолетового и инфракрасного освещения, портативная рентгеновская установка, фотоаппараты различных систем, репродукционная установка, магнитофоны и диапроекторы, что широко использовалось для практического обучения будущих военных контрразведчиков. В процессе занятий на цикле криминалистики слушатели получали достаточный минимум знаний, необходимый для оперативно-розыскной деятельности. Циклом руководил М.М. Кудрин, которого несколько позднее сменил А.А. Ермаченко, прибывший на эту должность из следственного отделения Управления КГБ при СМ СССР по Новосибирской области. В числе преподавателей цикла были опытные педагоги Д.Г. Пыжов, А.А. Топорков, А.Ф. Андреев, Г.С. Борисов<sup>509</sup>.

С уходом в отставку в 1964 г. В.Г. Миловатского на должность начальника учебного отдела прибыл подполковник В.Т. Лазарев. Ранее он работал в школе преподавателем на цикле специальных дисциплин. Позднее продолжал службу в органах военной контрразведки. Располагая богатым оперативным и педагогическим опытом, Вячеслав Тимофеевич активно совершенствовал учебный процесс. Он сам читал лекции по наиболее сложным темам специальных дисциплин, оказывал методическую помощь преподавателям, принимал активное участие в разработке учебных пособий. При его непосредственном участии начался пересмотр программ и тематических планов, подготавливались новые учебные пособия<sup>510</sup>.

Начальником цикла специальных дисциплин в 1964 г. был назначен подполковник С.А. Каплин, ранее работавший в школе старшим преподавателем этого цикла. До прибытия в 1960 г. в школу С.А. Каплин возглавлял ОО по авиационной дивизии в Группе советских войск в Германии. В 1955 г. он окончил Высшую школу КГБ. Имел большой опыт оперативной и следственной работы. Позднее за плодотворную работу по подготовке и переподготовке чекистских кадров он был награжден орденом «Знак почета» и знаком «Почетный сотрудник госбезопасности»<sup>511</sup>.

В связи с увеличением потребности в молодых квалифицированных кадрах руководством КГБ при СМ СССР было принято решение расширить учебно-материальную базу школы, что позволило решить многие проблемы, мешавшие нормальной работе учебного заведения: была увеличена площадь библиотеки, созданы удобные учебные кабинеты, значительно улучшились бытовые условия слушателей. Более рациональное распределение между циклами и службами имевшихся площадей позволило перейти к стабильному закреплению аудиторий и жилых комнат за курсами. Руководством школы была проделана большая работа по оснащению учебных классов и кабинетов новыми приборами и оборудованием, а лекционных аудиторий и общежития школы – мебелью. Большая заслуга в организации этих работ принадлежала лично В.И. Воронову и его помощнику В.И. Стрёмовскому<sup>512</sup>. Улучшались бытовые условия постоянного состава. Школа стала больше получать квартир. Появилась возможность приглашать на преподавательскую работу практических работников из особых отделов КГБ военных округов и флотов.

Достаточно много преподавателей, пришедших с практической работы, не имели педагогического образования. Ликвидировать эту проблему помогли традиционные добрые отношения школы с Новосибирским государственным педагогическим институтом. Его преподаватели делились своим педагогическим опытом в рамках постоянно действовавшего методического семинара. На занятиях обсуждались теоретические и практические вопросы совершенствования педагогического мастерства. Помимо сотрудников пединститута, с докладами на семинарах выступали также опытные преподаватели школы М.М. Кудрин, Е.Н. Шлыков, В.Т. Кошелев, С.А. Каплин, П.С. Барицкой, А.А. Ермаченко, В.И. Грибов, А.А. Чечулин и др.<sup>513</sup>.

Большое значение для воспитания слушателей имели их встречи с прославленными советскими разведчиками и контрразведчиками. Школу посетили полковники Р.И. Абель, К.Т. Молодой («Бен»), Д.Г. Федичкин и В.И. Пудин, бывший начальник контрразведки партизанского соединения Ковпака Н.И. Стрельцов, бывший начальник Управления контрразведки «Смерш» фронта генерал-лейтенант Н.И. Железников<sup>514</sup>.

Частыми гостями школы были известные ученые, среди них: председатель Сибирского отделения Академии наук СССР академик М.А. Лаврентьев, академик А.Г. Аганбегян, доктор технических наук, профессор Г.С. Мигиренко<sup>515</sup>.

Гостями школы были известные артисты театра и кино, создавшие образы советских разведчиков, героев Гражданской и Великой Отечественной войны: С. Любшин, П. Кадочников, М. Ульянов, Н. Рыбников, М. Володина, В. Шалевич и многие другие<sup>516</sup>.

В сложных условиях реформирования отечественных органов безопасности в начале 1960-х гг. Средняя специальная школа № 311 КГБ при СМ СССР смогла сохранить основной костяк преподавателей и наработанный в предшествующие годы опыт подготовки военных контрразведчиков. Начиная с 1965 г., руководство, преподаватели и технический состав этого учебного заведения, помимо расширения материальной базы школы, смогли в короткий период наладить обучение сотрудников военной контрразведки в соответствии с новыми требованиями к обеспечению безопасности Вооруженных сил СССР.

**Противодействие распространению румынского  
национализма отечественными органами государственной  
безопасности в Молдавии в период «перестройки»**

Состояние современной Республики Молдова в настоящее время характеризуется отсутствием у нее политического суверенитета, что подтверждается в выступлении директора ФСБ России А.В. Бортникова на заседании Совета органов безопасности и спецслужб стран СНГ в Бишкеке в мае 2024 г.<sup>517</sup> Позднее, в октябре того же года, руководитель ведомства отмечал, что со стороны Запада усиливается давление на Молдавию, результатом которого должно стать принуждение республики к открытой конфронтации с Россией<sup>518</sup>. В то же время одной из характерных черт политического ландшафта бывшей постсоветской республики является засилье иностранных некоммерческих организаций (НКО)<sup>519</sup>. Следует подчеркнуть, что влияние США в стране весьма велико<sup>520</sup>: сюда также можно отнести наличие самого крупного в регионе посольства Соединенных Штатов, территорию которого планируют только увеличить в ближайшие годы<sup>521</sup>. О наличии тюрем ЦРУ на постсоветском пространстве и конкретно в Молдавии журналисты сообщали еще в конце 2000-х и в середине 2010-х гг.<sup>522</sup>. В свою очередь соседняя Румыния, в настоящее время являющаяся членом НАТО, традиционно рассматривает Молдавию в качестве своей, исторически отчужденной территории<sup>523</sup>. Идейным обоснованием подобных притязаний выступает румынизм, оформившийся в качестве самостоятельного интеллектуального течения еще в 1930-е гг. Такой геополитический вызов своей суверенности со стороны соседнего государства оставался актуальным для Молдавии на протяжении всего XX в., в том числе во время нахождения в составе СССР. Ответом румынизму выступила другая интеллектуальная традиция Днестровского региона – молдовенизм, или самобытничество<sup>524</sup>. Полемика между румынистами и молдовенистами в период перестройки стала основой разворачивавшегося общественно-политического кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Историография проникновения и распространения румынизма в регионе, а также противодействия этому на основе открытых данных достаточно обширна. В рамках настоящей статьи следует выделить ряд ключевых фигур в отечественной и зарубежной науке. Прежде всего, это один из крупнейших отечественных специалистов по Молдавии в целом и Гагаузии в частности – М.Н. Губогло. Определяя общественный конфликт 1989 г. вокруг Законов о языке как «языковую революцию», в 1993 г. ученый предложил понятие «мобилизованный лингвицизм» как инструмент обретения власти через владение языком конкретной нации радикалами из отдельной социальной группы<sup>525</sup>.

Большую группу исследователей составляют историки из будущего Приднестровья, которые развивали свою борьбу с румынистами еще в рамках советской Молдавии. Н.В. Бабилунга, П.М. Шорников, А.М. Лисецкий и другие создавали Интернациональное движение «Унитате-Единство», противостоявшее национал-радикалам из Народного фронта Молдавии, и отразили свой практический опыт в последующих исследовательских работах<sup>526</sup>.

Среди молдавских авторов стоит упомянуть историка и политолога З.Д. Тодуа, который в своих работах исследует участие Коммунистической партии Молдавии в системном кризисе республики в 1990–1991 гг., а также проблемы идентичности молдавского народа<sup>527</sup>. Он рассмотрел политическую хронику Молдавии с 1988 г., чему посвящены как монография о молдавских коммунистах в 1988–2008 гг., так и трехтомник «Битва за Молдову», в которой также изучается дискуссия между государственниками-молдовенистами и унионистами-румынистами<sup>528</sup>. Абсолютно логичным в данном контексте выглядит обращение З.Д. Тодуа к ситуации конца 1980-х гг. в Социалистической Румынии, которое является первой обстоятельной работой о последних днях четы Чаушеску на русском языке<sup>529</sup>.

Среди зарубежных авторов стоит выделить специалиста из США Ч. Кинга, чьи отдельные статьи были переведены на русский язык, хотя ключевая его монография о противостоянии Румынии и России в культурной плоскости за Молдавию есть только на английском языке<sup>530</sup>. Работы американского исследователя Н. Димы совсем не представлены в отечественной науке несмотря на то, что он занимается Молдавией еще с 1980-х гг.<sup>531</sup>. Примечательно, что

в 1991 г. он констатировал победу Румынии в борьбе за Днестровский регион<sup>532</sup>. Как показывает ход исторического процесса, все оказалось не столь однозначно.

В рамках рассмотрения предмета настоящей статьи особенно важным представляется едва ли не единственное в своем роде исследование об участии КГБ Молдавской Советской Социалистической Республики (МССР) в общественно-политических процессах в Молдавии в перестройку – приднестровского автора Г.К. Кодряну<sup>533</sup>.

Существенными открытыми источниками информации послужили мемуары участников событий того времени – к примеру, воспоминания министра обороны Республики Молдова в 1992 г. И. Косташа<sup>534</sup>. Разумеется, перечисленными изданиями и материалами историографическая и источниковая база настоящей работы не исчерпывается.

Таким образом, основываясь на открытых данных из исследовательской литературы и источниковых материалов, автор формулирует следующие положения.

Проникновение румынизма на территорию Советской Молдавии началось еще задолго до перестройки. Об этой проблеме молдавские партийные функционеры сигнализировали в Москву еще в 1960–1970-е гг. Так, бывший первый секретарь ЦК КПМ И.И. Бодюл в своих мемуарах писал, что в указанный период росла популярность румынофильских настроений среди молдавской интеллигенции<sup>535</sup>. Исследователи определяют агентами влияния румынские СМИ (прессу и радио), стимулировавших оппозиционные настроения у республиканских интеллектуалов<sup>536</sup>. Почвой для этого выступало сокращение публикаций на молдавском языке и сокращение билингвальных изданий, школ и пр. (хотя, по замечаниям И.И. Бодюла, притеснений по языковому признаку в республике не встречалось)<sup>537</sup>.

Важно отметить, что в 1966–1975 гг. в КГБ МССР был избран курс на борьбу с молдавским национализмом (при председателе П. Чверко)<sup>538</sup>. В данном контексте в 1972 г. определенный шум произвело «дело Шолтояну», студента МГИМО, занимавшегося формированием Партии национального возрождения. В декабре 1971 г. силами КГБ СССР у него в квартире был проведен обыск, в ходе которого было изъято более 10 тыс. страниц различных сообщений зарубежных информационных агентств, стенограмм

и радиоперехватов, а также постановлений ЦК КПСС и ЦК КПМ (как писал современный молдавский историк Р. Шевченко, А. Шолтояну занимался этим на протяжении 1960-х и начала 1970-х гг.)<sup>539</sup>. По оценкам Р. Шевченко, Шолтояну собирал материал для подачи жалобы в ООН на колонизаторскую политику СССР в отношении своих регионов. И. Косташ писал, что Шолтояну формировал сеть землячеств из представительств в Москве, Ленинграде, Харькове, Львове, Одессе (из студентов и аспирантов)<sup>540</sup>.

Республиканский комитет в 1975–1979 гг. в председательство А. Рагозина основной линией избрал плотное наблюдение за молдаво-румынскими контактами, особенно в прессе<sup>541</sup>.

Важно отметить, что количество молдаван, владеющих молдавским языком, постоянно сокращалось, что отмечалось М.Н. Губогло<sup>542</sup>. Связывать этот факт стоит с углублением межреспубликанских экономических связей, а также с распространением практики отъездов на заработки в другие республики, что является в 1980-е гг. общесоюзной тенденцией. В свою очередь, к этому периоду молдавская интеллигенция формулировала запрос на национальное возрождение.

Собственно, во многом поэтому в начале перестройки курс на развитие молдавской национальной культуры не встретил у многонационального общества республики отторжения. Тем не менее, уже к 1988 г. тема развития национальной культуры со стороны творческой интеллигенции довольно скоро прошла эволюцию в сторону политических требований дать Молдавии больше самостоятельности, а затем (с начала 1990 г.) – не мешать «историческому воссоединению» с соседней Румынией. Г.К. Кодряну в своей монографии указывал, что Н. Чаушеску запретил официальные контакты с Народным фронтом Молдавии, но дал указание продолжать «Секуритате» сбор данных об общественном движении. Молдавская творческая интеллигенция в 1988–1989 гг. активно ездила в Румынию за счет принимающей стороны<sup>543</sup>.

Таким образом, влияние румынских соседей на общественно-политическую ситуацию в Молдавии не вызывает сомнений. В этой связи большой интерес вызывает революция в декабре 1989 г. в самой Румынии. После свержения Н. Чаушеску рупорами в захваченном телецентре, что знакомо, выступали представители

творческой интеллигенции (актеры и поэты), объявившие об изменениях в стране<sup>544</sup>. Относительно участия ЦРУ в румынских событиях существует множество предположений, однако, как отмечает З.Д. Тодуа, никаких документальных подтверждений этому на текущий момент нет. В то же время автором отмечается подогрев ситуации в Румынии «через «свободные» радиостанции. Напряжение поддерживалось в том числе и с помощью развития темы притеснений венгерского национального меньшинства»<sup>545</sup>.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 23 декабря 1989 г. (за два дня до расстрела Н. Чаушеску) было принято решение о поддержке Фронта национального спасения и И. Илиеску, но в то же время сообщалось о фактах перехода румыно-молдавских границ групп экстремистски настроенных советских граждан на помощь протестующим в Румынии<sup>546</sup>. Проработать различные варианты развития ситуации в самой Молдавской ССР поручалось группе, в которую входили министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, председатель КГБ СССР В.А. Крючков и генерал армии М.А. Моисеев<sup>547</sup>. Как позднее вспоминал И. Косташ, «мы, жители Молдовы, с особым волнением следили за событиями в Румынии»<sup>548</sup>.

Позднее, во время своего судебного процесса в конце 1990-х гг., один из ключевых участников расстрела четы Н. и Е. Чаушеску, В. Стэнкулеску, пытался обвинить спецназ ГРУ ГШ ВС СССР в стрельбе по митингующим в Тимишоаре, но эти попытки переложить ответственность были отклонены румынским судом<sup>549</sup>.

Что касается борьбы с распространением румынизма в Молдавии в период перестройки. Еще с конца 1970-х гг. республиканский КГБ возглавлял Г.М. Волков, как отмечается, сохранявший линию на контроль молдавско-румынских контактов, а также выявление диссидентов (причем, как отмечается, носившее антиеврейскую направленность)<sup>550</sup>. На посту он оставался по январь 1989 г. Ему на смену пришел (впервые в молдавской практике) представитель коренной национальности – Г.И. Лавранчук<sup>551</sup>. По сообщению главы КГБ ПМР В. Финагина, в 1989 г. архивы КГБ МССР были вывезены из Кишинева в Тирасполь, в то время как бывший министр национальной безопасности Республики Молдова А. Плугару в ответ заявил, что «агентурно-оперативный ар-

хив был вывезен из Кишинева весной 1991 г., а к тому, что осталось, был открыт доступ еще мной»<sup>552</sup>. В своих мемуарах И. Косташ писал о свидетельствах сотрудников МВД Республики Молдова, которые сообщали, что В.Н. Воронин, будучи министром внутренних дел ССРМ, вместе с главой республиканского КГБ Г.И. Лавранчуком на тот момент вывез из Кишинева базу данных агентурной сети<sup>553</sup>.

По оценкам Г.К. Кодряну, в перестройку в республиканском Комитете находилось немногим свыше 300 оперативников; структура была типичной для союзных республик<sup>554</sup>. Следует отметить деятельность 5-го отдела, задачами которого являлось противодействие идеологическим диверсиям (затем отдел будет заниматься защитой конституционного строя). Согласно Г.К. Кодряну, 5-й отдел КГБ МССР славился качественной работой своих сотрудников, что впоследствии будет отражено в «утечке» кадров за пределы республики в связи с разгулом политического национализма в 1989–1991 гг.<sup>555</sup> Тем не менее, по утверждению приднестровского автора, в структуре отдела оперативники были распределены неравномерно и частым явлением была недостаточная подготовка сотрудников для работы с интеллигенцией<sup>556</sup>. В свою очередь, большая часть дел в «пятерке» закрывалась в связи с недостатком доказательств националистических взглядов фигурантов (при том, что впоследствии объекты наблюдения 5-го отдела будут в числе лидеров Народного фронта Молдавии). Летом 1989 г. П. Табуйкэ, начальник «пятерки», докладывал в Москву, что фактов националистических проявлений в республике не обнаружено<sup>557</sup>. Впоследствии Табуйкэ займет крупный пост в сформированном в Молдове Министерстве национальной безопасности.

Тем не менее, ситуация внутри КГБ Молдавской ССР не была однородной. Так, начальника Рыбницкого горотдела КГБ подполковника П. Иванова уволили «за связи с сепаратистами» за 3 месяца до выхода на пенсию. Рыбницы, в свою очередь, станут одним из важных оплотов будущих приднестровцев: 25 августа 1989 г. здесь будет сформирован Объединенный совет трудовых коллективов.

По сообщениям КГБ МССР, в августе – сентябре 1989 г. на территории Молдавии усилилось вещание зарубежных радиостанций («Голос Америки», «Немецкая волна» и др.)<sup>558</sup>.

Отдельно стоит коснуться сюжета вокруг штурма здания республиканского МВД в Кишиневе 10 ноября 1989 г. По свидетельствам Косташа, протестующие из представителей Народного фронта Молдавии численностью приблизительно в 250 человек в районе 14 часов собрались с плакатами возле памятника Штефану чел Маре (Штефану Великому) в центре города, планируя дальше идти громить здание МВД<sup>559</sup>. Здесь нужно знать городской ландшафт: на центральной улице города – бульваре Штефана чел Маре (тогда – проспект Ленина) – расположены рядом друг с другом два дома: здание МВД МССР и здание ЦК КПМ (сохранились до сих пор); здание республиканского КГБ – чуть поодаль. В результате штурма здания МВД пострадали 185 военнослужащих, из них: 34 были госпитализированы, четверо – в тяжелом состоянии. Получили травмы 73 сотрудника милиции», был причинен серьезный материальный ущерб главному зданию молдавских милиционеров<sup>560</sup>. Созданный за 10 дней до штурма здания МВД МССР молдавский ОМОН тоже был подключен к обеспечению безопасности.

Однако любопытный факт: соседнее здание ЦК КПМ и дом, где располагался КГБ МССР, протестующими тронуты не были вовсе. Косвенно это подтверждает сам Косташ, который об особенностях республиканского ЦК не говорит вообще. Об отсутствии атак и повреждений ЦК свидетельствует (по тому же принципу) З.Д. Тодуа, не сообщающий такие факты в своих хрониках конца 1980-х гг.

Опасным сигналом являлось заявление одного из лидеров НФМ Ю. Рошки, который 22 декабря 1989 г. заявил о готовности захватить власть по румынскому образцу<sup>561</sup>.

В 1990–1991 гг., по свидетельствам председателя КГБ СССР В.А. Крючкова, ведомство буквально заваливало ЦК КПСС, Президента, Совет Министров СССР сообщениями о росте националистических настроений (указывая среди прочих Молдавию)<sup>562</sup>. Однако из приграничных с Румынией городов Унгены и Флорешты осенью 1991 г. удалось вывезти ядерные боеприпасы и ракеты к ракетным комплексам оперативно-тактических (ОТР) и тактических ракет (ТР), а также снаряды к 152-мм орудиям<sup>563</sup>.

9 сентября 1991 г. на базе республиканского КГБ было создано Министерство национальной безопасности Республики Молдова. Возглавил его упоминавшийся ранее А. Плугару. Основными за-

дачами нового ведомства являлось предупреждение межнациональных и иных социальных конфликтов, информирование первых лиц государства об обстановке в стране, а также об опасных антисоциальных явлениях и их нейтрализации. Как раз в этом ключе стоит рассматривать деятельность группы И. Илашку, которая тем же Косташем рассматривается в качестве патриотически настроенных людей, а в Приднестровье – как диверсионно-разведывательная группа (ДРГ), действовавшая на левом берегу Днестра. Следует отметить, что, помимо группы Илашку, на территории самопровозглашенной республики террористическую работу вели еще ряд групп. По оценкам исследователей, число таких ДРГ доходит до 15 и их задачами было физическое устранение политических лидеров Приднестровья, эскалация общественной напряженности<sup>564</sup>. Как в 1994 г. говорил сам А. Плугару, на рубеже 1991–1992 гг. и сразу после крушения СССР, молодая Республика Молдова цеплялась за любую возможность сохранить территориальную целостность<sup>565</sup>.

В 1990–1991 гг. основное давление на республиканский Комитет (и, к слову, МВД тоже) проходило по национальному признаку. Это давление на официальном уровне, прежде всего, испытывал тогдашний председатель республиканского КГБ Т. Ботнарь (1990–1991 гг.), подчеркивавший в своих публичных выступлениях, что для Комитета Молдавия является частью Союза: «особой национальной концепции безопасности у нас быть не может»<sup>566</sup>. При этом в отдельных районах республики (Фалешты, Чимишлия, Калараш, Страшены – все расположены на правом берегу Днестра) смена руководства городских отделов МВД и КГБ по национальному признаку уже состоялась, о чем радостно сообщали лидеры Народного фронта Молдавии<sup>567</sup>.

Тем не менее, в непростой период перестройки на левом берегу Днестра удалось поставить барьер распространению румынского национализма, благодаря чему появилось Приднестровье. Республика Молдова в конечном итоге не вошла в состав соседней Румынии, как бы того не хотели пришедшие к власти «народнофронтисты». Спасибо тем сотрудникам отечественных органов государственной безопасности, кто не допустил иного исхода.

### **Африка де Лас Эрас в публикациях испаноязычных авторов**

В контексте изучения истории отечественных органов госбезопасности особое значение приобретают люди, посвятившие свою жизнь служению Родине. В частности, в советский период к разведывательной работе привлекались добровольцы из числа иностранных граждан, которые были неравнодушны к Советскому Союзу, причем многие из них соглашались работать на стороне СССР не из-за материальной выгоды, а по идеологическим соображениям. Одной из таких личностей была выдающаяся советская разведчица-нелегал, испанка по происхождению Африка де Лас Эрас Гавилан. Будучи кадровым сотрудником, она отдала работе в органах госбезопасности более 45 лет, успешно выполняя поставленные руководством специальные задачи, была удостоена различных почетных государственных наград и вышла в отставку в звании полковника КГБ.

Африка де Лас Эрас родилась 26 апреля 1909 г. в марокканском городе Сеуте, испанском полуэксклаве на севере африканского континента. До 1923 г. она проходила обучение в колледже в Мадриде, а затем продолжила получение среднего образования в монастырской школе другого испанского города в Марокко – Мелильи. В 1933 г. после того, как ее отец скоропостижно скончался, Африка была вынуждена налаживать самостоятельную жизнь: она снова переехала в Испанию и устроилась на текстильную фабрику в Мадриде, после чего вступила в ряды Коммунистической партии Испании<sup>568</sup>. В связи с обострением глубокого политического кризиса в Испании 4 октября 1934 г. в разных частях страны рабочие и демократы-антифашисты стали проводиться масштабные протесты, которые зачастую принимали форму открытого вооруженного сопротивления. Вскоре после подавления во всех провинциях Испании, кроме Астурии, протестных движений Африка стала принимать участие в подготовке восстания местных горняков, выполняя самые разные опасные поручения партии: распределение оружия, осуществление связи между различными отрядами восставших<sup>569</sup>.

В период Гражданской войны в Испании в 1936 г. Африка сражалась на стороне республиканцев, а уже в 1937 г. она начала сотрудничать с советской внешней разведкой и выполнять особые задания мадридской резидентуры в различных странах. Тогда в оперативной переписке Африка впервые получила псевдоним «Патрия» (“Patria”), что в переводе с испанского означает «Родина». Одним из первых таких заданий было ее внедрение в секретариат к Л. Троцкому в рамках подготовки операции по его ликвидации, которая впоследствии была осуществлена в Мексике испанцем Р. Меркадером.

В годы Великой Отечественной войны после прохождения спецподготовки Африка под именем И. Санчес в качестве радистки была направлена в сформированный разведывательно-диверсионный отряд специального назначения «Победители» под командованием капитана госбезопасности Д.Н. Медведева<sup>570</sup>. С сентября 1942 г. по апрель 1944 г. отряд действовал на оккупированной территории Западной Украины, в районе города Ровно. В это время Африке неоднократно приходилось лично участвовать в боевых операциях отряда, проявлять смелость и отвагу при исполнении задач командования. Примечательно, что в отряде Африка выполняла особо секретное поручение, о котором знали единицы – она отвечала за передачу в Центр информации, поступавшей от советского разведчика-нелегала Н.И. Кузнецова, действовавшего в Ровно под видом немецкого офицера П. Зиберта<sup>571</sup>.

Летом 1944 г. по возвращении в Москву она становится сотрудницей нелегальной разведки, а в 1947 г. по решению Центра Африка под уже известным оперативным псевдонимом «Патрия» направляется для разведывательной работы в Латинскую Америку.

Такая спецкомандировка «Патрии» продолжалась более 20 лет: все это время разведчица успешно выполняла ответственные задания по налаживанию агентурной сети, сбору и передаче в Центр ценной разведывательной информации. В 1967 г. Африка вернулась в Москву, но после этого ей еще несколько раз пришлось выезжать в заграничные командировки. С 1971 г. Африка участвовала в обучении молодого поколения разведчиков-нелегалов, передавая им свой опыт. За выполнение боевых задач и достигнутые результаты в работе Африка была награждена орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями

«За отвагу» и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, а также Орденом Ленина. Она уволилась из органов госбезопасности лишь в 1985 г., а умерла 8 марта 1988 г. на 79-м году жизни<sup>572</sup>.

За весь свой карьерный путь Африка сменила несколько имен и оперативных псевдонимов: в Мексике она представлялась Марией де Ла Сьеррой; в Западной Украине, будучи в составе партизанских отрядов в период Великой Отечественной войны, носила кодовое имя «Ивонне» (“Ivonne”); во Франции она была Марией Луизой де Лас Эрас де Арбат или агентом «Зной» (“Znoy”); в Москве – Марией Павловной; в уругвайской столице Монтевидео – Марией Луизой де Лас Эрас и, наконец, ее главным оперативным псевдонимом, отражающим ее приверженность и преданность Советскому Союзу, было имя «Патрия»<sup>573</sup>.

Настоящее имя Африки де Лас Эрас было рассекречено лишь в конце 1990-х гг., но информация об операциях, в которых она принимала участие, и конкретных странах, в которых работала, до сих пор остается под грифом секретности.

Тем не менее, личность Африки де Лас Эрас не была обделена вниманием как отечественных, так и зарубежных авторов. При этом, если в России биографические сведения об Африке фрагментарно представлены лишь в воспоминаниях П.А. Судоплатова, датированных концом 1990-х гг., а также в ряде работ 2010-х гг., посвященных отечественной разведке, то за рубежом, в частности в испаноязычной среде, выделяются публикации, более детально раскрывающие отдельные аспекты ее жизни и деятельности. Это дает возможность более полно и объективно оценить роль Африки де Лас Эрас в деле обеспечения безопасности советского государства в целом и ее значимость для советской службы внешней разведки в частности.

Стоит отметить, что изучение зарубежных исторических работ за авторством представителей различных испаноязычных стран затрудняется ограниченностью доступа как к печатным, так и к их электронным версиям. Несмотря на это, в развитии испанской историографии по теме представляется возможным выделить несколько периодов.

Первый период приходится на время с 1995 г., когда в испанской прессе появляются первые упоминания об Африке де Лас

Эрас как о сотруднице советской спецслужбы, о чем свидетельствует статья журналиста Х. Санчеса в журнале «Камбио 16» (“Cambio 16”). Впоследствии в 1998 г. в газете «Эль Паис» (“El País”) было опубликовано исследование Р. Эрнандеса о шпионке-коммунистке, на которое в дальнейшем опирались другие испаноязычные авторы. В том же 1998 г. в журнале «Трес» (“Tres”) уругвайский историк Ф. Баррейро в своей статье упомянул Африку именем Марии Луизы де Лас Эрас де Арбат, жены выдающегося уругвайского писателя, яркого антикоммуниста Ф. Эрнандеса, который стал удачным прикрытием для советской разведчицы в деле создания разветвленной агентурной сети в Монтевидео, столице Уругвая<sup>574</sup>.

Второй период можно условно выделить с середины 2000-х гг. по начало 2010-х гг. – он отмечен публикацией работ преимущественно художественного жанра, а также рядом других работ в том числе монографического жанра.

Итак, одной из первых исторических работ, посвященной советской разведчице, стала книга уругвайского журналиста и писателя Р. Вальярино за 2006 г., представляющая собой хронику ее жизни, оформленную в виде документальной повести, под названием «Кодовое имя Патрия, шпионка КГБ в Уругвае» (“Nombre clave Patria, una espía del KGB en Uruguay”, Raúl Vallarino). В книге автор представил результаты своего исследования, опирающегося, среди прочего, на материалы архивов в Испании, свидетельства бывших агентов КГБ и иных людей, знающих Африку под другими именами, а также на сведения об Африке, собранные уже упомянутым ранее журналистом Х. Санчесом.

В 2008 г. в свет выходит вторая книга того же автора, которая по существу является дополненной версией первой публикации, но под другим названием: «Мое имя – Патрия» (“Mi nombre es Patria”, Raúl Vallarino). Отметим, что эта книга выдержала уже 5 изданий, последнее из которых датировано 2025 г., что говорит о сохранении в испаноязычном обществе интереса к этой проблематике вплоть до настоящего времени.

В том же 2008 г. было опубликовано комплексное монографическое исследование испанского журналиста Х. Хуареса «Патрия – испанка в КГБ» (“Patria: una española en el KGB”, Javier Juárez),

посвященное биографии Африки де Лас Эрас. Ссылаясь на материалы интервью, данного автором внештатному корреспонденту в Испании, впоследствии главному редактору издающейся для русскоязычных эмигрантов газеты «МК-Испания» В. Черецкому, заметим, что при написании работы автор опирался на семь различных архивов, находящихся в самой Испании, а также на свидетельства ближайшего окружения Африки в ее родном городе Сеуте и в Барселоне. Тем не менее, эти материалы не дали ему исчерпывающей информации о жизни и деятельности Африки в Советском Союзе, что в том числе вызвано отсутствием доступа к российским архивам<sup>575</sup>.

2009 г. ознаменован выходом двух книг художественного жанра: исторического романа «Человек, который любил собак» кубинского писателя Л. Падуры («El hombre que amaba a los perros», Leonardo Padura), в котором рассматривается мексиканский период работы Африки, и документальной повести аргентинской журналистки и писательницы А. Духовне-Ортис «Матрешка» («La muñeca rusa», Alicia Dujovne-Ortiz), раскрывающей историю взаимоотношений Африки с ее мужем Ф. Эрнандесом, который так и не узнал, кем на самом деле была его жена, сменившая в течение всей жизни множество имен и личностей.

Третий период отмечен публикацией работ после 2019 г. – он характеризуется по большей части широким освещением биографических сведений об Африке в различных публицистических статьях испаноязычных СМИ, а также появлением отдельных научно-исследовательских работ и новых публикаций художественного жанра.

Так, в 2019 г. появляется упоминание об Африке де Лас Эрас в книге испанского автора П. Сернуды «"Ты ничего не знаешь обо мне". Кем являются испанские шпионки» («No sabes nada de mí». Quienes son las espías españolas», Pilar Cernuda), среди прочих агентов иностранных разведок из числа женщин испанского происхождения. В 2022 г. была опубликована документальная повесть испанской журналистки и писательницы Р. Монфорте «Красная скрипачка» («La violinista roja», Reyes Monforte): в ней автор раскрывает подробности биографии Африки на разных ее жизненных этапах и называет Африку одной из важнейших фигур советской внешней разведки XX столетия.

Помимо публикаций художественной направленности стоит выделить исследовательские работы испанского ученого, доктора в области современной истории Испании Р. Эстрагес «Африка де Лас Эрас: испанка в КГБ. От ополченца до шпиона» (“África de las heras: una española en el KGB 1-de miliciana a espía”, Rosa María Aragüés Estragués) и «Африка де Лас Эрас. "Меня зовут Родина". Маленькая пассионария» (“África de las Heras. "Mi nombre es Patria". La pequeña Pasionaria”, Rosa María Aragüés Estragués) за 2020 г. В этих статьях автор попыталась разобраться с причинами сотрудничества Африки с советскими спецслужбами и проследить основные этапы ее работы вплоть до ее засылки в Латинскую Америку в качестве разведчицы-нелегала.

Подводя итоги, отметим, что зарубежная историография о жизни и деятельности Африки де Лас Эрас представлена довольно обширным перечнем публикаций, различающихся жанровой принадлежностью и уровнем объективности представляемых сведений, и, на наш взгляд, ее изучение может послужить стимулом для отечественных исследователей к более тщательной разработке этой проблематики с целью сохранения исторического наследия отечественных органов государственной безопасности.

### **Противоборство КГБ СССР и АНБ США в сфере радиоэлектронной разведки в 1960–1980 гг.**

Значение информационной безопасности неизменно высоко уже более полувека, и сегодня можно смело утверждать о приоритетности данного направления деятельности, напрямую связанного с устойчивой тенденцией: информационная составляющая становится все более значимой в структуре современных угроз и преступлений<sup>576</sup>. Особое значение она приобретает в ходе проведения Специальной военной операции, а также в контексте современного глобального противостояния России и коллективного Запада.

Одной из ключевых вех в истории мировой научной мысли в вопросе развития криптографии является линия противостояния СССР и США в этой области в послевоенные годы. Так, несмотря на то, что основы радиоэлектронной борьбы были заложены еще в начале XX в., можно говорить о том, что развитие она получила лишь во второй половине столетия.

Во время Второй мировой войны для политического и военного руководства Советского Союза стало очевидно значение радиоэлектронной разведки в контексте успешного ведения боевых действий. В декабре 1942 г. Л.П. Берия направил в Государственный комитет обороны СССР записку, в которой изложил предложение о создании специализированного подразделения НКВД СССР, предназначенного для подавления радиосвязи немецких войск непосредственно в ходе боевых действий. Значительный вклад в выявление планов и успешное противодействие противнику в Курской, а также Сталинградской битвах внесли специалисты радиоразведки из радиодивизионов особого назначения (ОСНАЗ) и криптоаналитики<sup>577</sup>. Более того, фактически были заложены основы для формирования самого института советской радиоэлектронной разведки.

По завершении Второй мировой войны вопрос совершенствования радиоэлектронной разведки стал для СССР одним из наиболее приоритетных в контексте обеспечения государственной без-

опасности, в первую очередь это было связано с началом «холодной войны», то есть противостоянием с Соединенными Штатами, одной из ведущих стран, осуществляющих деятельность в данном направлении.

В связи с необходимостью выполнения поставленных руководством США задач, связанных с ведением радиоэлектронной борьбы, обеспечением безопасности средств связи от посягательств других государств и осуществлением широкомасштабного перехвата и дешифровки сообщений, передаваемых по зарубежным линиям связи, была создана крупнейшая на сегодняшний день криптоаналитическая организация – Агентство Национальной Безопасности США (АНБ США). Принято считать, что своему образованию Агентство обязано событиям декабря 1941 г. в Перл-Харборе, после расследования которых Конгресс порекомендовал правительству создать централизованную криптоаналитическую службу<sup>578</sup>. Важно отметить, что, согласно данным зарубежных специалистов, одним из ведущих подразделений в структуре Управления радиоразведывательных операций АНБ изначально была так называемая группа «А», занимавшаяся анализом материалов по Советскому Союзу и его союзникам в Европе<sup>579</sup>. Этот факт свидетельствует том, что СССР занимал наиболее приоритетное положение в списке выделяемых руководством Соединенных Штатов потенциальных противников.

В первое время основными техническими задачами Агентства национальной безопасности являлись перехват и криптоанализ зашифрованных сообщений на линиях связи. Специалистами отмечается, что Агентство создавалось в целях контроля передачи данных и своего рода перлюстрации<sup>580</sup>. Координационные функции АНБ включали в себя обеспечение безопасности связи, что подразумевало организацию, контроль и интеграцию усилий всех заинтересованных федеральных ведомств (Министерства обороны, Государственного департамента, ЦРУ, ФБР и др.) в области разработки, производства и эксплуатации средств криптографической защиты<sup>581</sup>.

С образованием АНБ в 1952 г. его подразделения были дислоцированы на территории большей части военных баз США, которых на тот момент насчитывалось более 400, а также двух 2000 опорных пунктах Пентагона, расположенных за пределами Соединенных

Штатов, в том числе и вдоль границ СССР и Китая<sup>582</sup>. Так, его аппаратура получала буквально всю доступную информацию через имеющиеся пункты, расположенные таким образом, чтобы прослушивать буквально каждый уголок Советского Союза, при этом ключевыми странами их дислокации выступали Западная Германия, Япония и Турция. К середине 1950-х гг. план развертывания станций перехвата включал создание более 4000 круглосуточно работающих точек<sup>583</sup>. Подобная беспрецедентная по своим масштабам разведывательная сеть позволяла вести тотальный контроль над эфиром, перехватывая как дипломатическую переписку и информацию военного характера, так и бытовые разговоры, что, с одной стороны, безусловно, было преимуществом Агентства, с другой же – его недостатком, так как о полномасштабном машинном анализе информации в то время говорить пока не приходилось. Во многом подобное развертывание было связано и с пробелами по реализации прослушивания наиболее интересующих, то есть советских линий связи, без опасности быть обнаруженным, решение которых стало ключевой задачей АНБ США в период с 1950-х гг.<sup>584</sup> О приверженности первоначальным методам работы Агентства свидетельствует реализация проекта «Шамрок» вплоть до 1970-х гг., в рамках которого осуществлялось ежедневное копирование всех входящих и международных телеграмм, к которым можно было получить доступ.

Во многом благодаря успешной работе советских органов государственной безопасности, уже в послевоенные годы противодействовавших заброске агентов в СССР, в 1959 г. глава ЦРУ А. Даллес подчеркнул важность подготовки специалистов информационного профиля: «Мы чувствуем, что научная сторона сбора разведывательной информации должна быть доведена до такого уровня, когда радары и электронные приборы будут в состоянии занять место разведчицы Маты Хари, действовавшей несколько десятилетий тому назад»<sup>585</sup>. Открыто о прямой связи между обеспечением безопасности в киберпространстве и национальной безопасностью говорили не только представители спецслужб, но и политическое руководство страны, ставящее в первую очередь цели по сбору разведывательных данных, касавшихся непосредственно Советского Союза.

Военно-политическое руководство СССР не вело сравнимых по масштабам с американской стороной дискуссий относительно данного вопроса, вместе с тем уже в рамках КГБ СССР в 1954 г. было образовано 8 Главное управление, отвечавшее за радиоэлектронную борьбу, защиту технических средств связи, а также создание систем шифрования. Так, в 1950-е гг. советские органы госбезопасности шли по пути совершенствования системной централизации через проведение организационных реформ, а также наращивания потенциала радиоэлектронной разведки.

1960-е гг. охарактеризовались участившимся числом провокационных действий в отношении друг друга на морском и в воздушном пространствах, в ходе которых СССР и США регулярно обвиняли друг друга в их организации.

Со временем в Советском Союзе открывались новые направления в науке и технике, шло организационное построение ранее не существовавших производств, на практике впервые был осуществлен отход от модели, ориентированной на догоняющее Запад развитие, где ставка была сделана на создание единого научно-производственного цикла, опирающегося на отечественные фундаментальные исследования<sup>586</sup>. Таким образом, можно отметить централизованный вектор развития технологий в сфере радиоэлектронной борьбы.

Зарубежными исследователями подчеркивается, что ключевым фактором, способствовавшим успехам АНБ США, было его сотрудничество с частным сектором, непосредственно связанным как с обеспечением коммуникации, так и с содействием в разработке и модификации секретных технологий, используемых ведомством, что послужило фактором, обеспечивающим полноценный контроль телефонной коммуникации со стороны Агентства национальной безопасности над значительными территориями<sup>587</sup>. Так, уже в начале 1960-х гг. компания Radiation Inc., входившая в подразделение Harris Electronic Systems, по контракту с АНБ спроектировала, изготовила и установила систему под названием Stonehouse, размещенную в Эфиопии и перехватывавшую сигналы с советских космических аппаратов<sup>588</sup>.

В 1960-е гг. неспособность АНБ взломать советские шифрсистемы была одной из ключевых и наиболее скрываемых слабостей Агентства. В условиях отсутствия положительных результатов

во взломе советских шифров, сотрудники группы «А» готовили информационные сводки исключительно на основе анализа трафика и перехвата незашифрованных сообщений, в связи с чем о «чувствительности» получаемой информации пока что говорить не приходилось. Другим источником разведывательных данных об СССР стали шифрсистемы развивающихся стран, дипломаты которых часто общались своему руководству о встречах с советскими коллегами, используя при этом менее защищенные от взлома системы, коды которых уже были вскрыты сотрудниками АНБ<sup>589</sup>. Несмотря на имеющиеся сложности в получении данных непосредственно о Советском Союзе, именно на этот период времени приходится колоссальное наращивание технических возможностей самого Агентства.

В начале же 1970-х гг. благодаря постам радиоперехвата КГБ СССР «Проба-1» и «Проба-2» в здании советского представительства при ООН в Нью-Йорке и на территории комплекса зданий посольства на Лонг-Айленде проводились операции по перехвату дипломатических сообщений, которые передавались и принимались представительствами Аргентины, Бразилии, Канады, Франции, Португалии, Испании и Венесуэлы. Кроме того, были перехвачены сообщения, касающиеся американских военных средств связи, а также передач «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа». По утверждению зарубежных авторов, информация, полученная в результате этих оперативно-технических мероприятий, высоко ценилась министром иностранных дел Советского Союза А.А. Громыко и представителем СССР при ООН М. Яковым.

Сотрудниками КГБ с помощью различного рода технических устройств фиксировалась информация разнопланового характера. Так, перехвату подверглись сообщения, которыми Вашингтон обменивался с бортом самолета, на котором с визитами за границу летали президент, государственный секретарь и другие высокопоставленные чиновники США<sup>590</sup>. Успех же операций с постами радиоперехвата «Проба-1» и «Проба-2» стал одной из причин для дальнейшего наращивания технических возможностей КГБ СССР по ведению радиоэлектронной разведки, обеспечив тем самым и дальнейшие успехи органов госбезопасности Советского Союза в сфере радиоэлектронной борьбы.

1970-е гг. характеризовались проведением ряда масштабных американских операций, где одной из наиболее важных стала «Ivy

Bells», целью которой была установка прослушивающих устройств на советских подводных линиях связи, при этом все соответствующее оборудование было произведено американскими корпорациями<sup>591</sup>. В начале 1970-х гг. до сведения военно-политического руководства США была доведена информация о существовании подводного кабеля связи в Охотском море, который соединял военно-морскую базу в Петропавловске-Камчатском со штабом советского Тихоокеанского флота (ТОФ) на материковой части во Владивостоке<sup>592</sup>. После личного доклада государственного секретаря Г. Киссинджера президенту США Р. Никсону было принято решение о начале операции в условиях полной секретности. В 1971 г. Соединенные Штаты направили модифицированную подводную лодку «Халибут» в Охотское море, где водолазы ежемесячно извлекали полученные в результате перехвата записи и устанавливали на оборудование новый комплект лент. После этого полученные материалы направлялись в АНБ для последующей обработки и передачи другим разведывательным ведомствам США. Полученные результаты показали, что извлекаемые носители информации практически не были зашифрованы, а подслушивание разговоров между высокопоставленными советскими офицерами способствовало получению информации о военно-морских операциях в Петропавловске, главной базе атомных подводных лодок ТОФ<sup>593</sup>.

На советских линиях связи устанавливалось более совершенное оборудование, произведенное частными корпорациями AT Corporation и TBell Laboratories. Немаловажную роль при установке технических средств разведки сыграло и то, что по окончании Корейской войны американские станции перехвата сигналов были дислоцированы в Сеуле, Пьон-Тэке, Ыйчжонбу и Тэгу<sup>594</sup>. Информация, полученная в ходе «Ivy Bells» высоко оценивалась руководством ЦРУ, АНБ и ВМС США, но вместе с тем не подтверждалась или отсутствовала наиболее интересующая и важная информация. Не было исчерпывающих данных о проводимых Советским Союзом ракетных стрельбах, пусках межконтинентальных баллистических ракет морского и наземного базирования, также не было получено никаких материалов о планах боевой подготовки подводных лодок и надводных кораблей ВМФ СССР, так как они либо отсутствовали на носителе вовсе, либо были зашифрованы таким кодами, что АНБ не удавалось получить к ним доступ<sup>595</sup>. Вместе с тем, несмотря на всю

засекреченность операции, информация о ее проведении стала известна благодаря информатору АНБ Р. Пелтону, то есть посредством агентурной разведки СССР, выступавшей основным инструментом деятельности советских спецслужб даже в период тотальной компьютеризации.

В период политической напряженности в отношениях СССР и стран Запада в 1980-е гг. превосходство в сфере радиоэлектронной борьбы занимало особенно важное положение и фактически представляло собой глобальное технологическое и интеллектуальное противостояние как на территории противника, так и на своей собственной. Так, к примеру, в 1985 г. в Соединенных Штатах пришли к выводу, что конструкция возводимого с 1979 г. здания американского посольства в Москве фактически представляла собой сложную систему прослушивания, в связи с чем было принято решение о его сносе.

В январе 1986 г. КГБ СССР была раскрыта совместная разведывательная операция ЦРУ и АНБ США «Project “Absorb”» по сбору информации с применением специального комплекса технических средств, размещенных по линии Транссибирской железнодорожной магистрали. Разведывательный комплекс вновь был собран из изделий, созданных специалистами не самого Агентства, а крупных американских компаний, таких как «RCA», «National Semiconductor», «Sealy-Conix» и «Texas Instrument». Этот факт свидетельствует о сохранении зародившейся и проходящей лейтмотивом в послевоенные годы тенденции на активное привлечение бизнеса в секретные операции АНБ США. В контексте проведения вышеуказанной операции особый интерес представляет и тот факт, что после обнаружения комплекса у советской контрразведки оказалась аппаратура и ее комплектующие, на которых стояла маркировка предприятий-изготовителей, зарегистрированных на территории Японии, Тайваня, Гонконга и Западной Германии. Несмотря на то, что подозрение в содействии спецслужбам США у руководства СССР пало на все вышеперечисленные страны, официально в качестве соучастников были признаны только японские компании «Sun Union», «Marudzen Asia Trans» и «TransSybirian Container Company»<sup>596</sup>. Таким образом, операция «Project “Absorb”», в ходе проведения которой АНБ взаимодействовало и с ЦРУ США, и с частными амери-

канскими компаниями и фирмами союзнических государств, продемонстрировала расширение и без того прослеживаемой тенденции по привлечению частных компаний до гораздо больших, даже выходящих за государственные рамки масштабов. Тем не менее, несмотря на провал, операция явилась примером комплексного подхода к проведению подобного рода технических мероприятий, актуальных и на сегодняшний день.

Так, проводимые в 1970-е и 1980-е гг. операции «Ivy Bells» и «Absorb» стали не только примером межведомственного взаимодействия разведывательных структур США в рамках выполнения поставленных задач, но и активного участия в этих мероприятиях частного сектора. Характерным явлением остается и сохранение позиций классической агентурной разведки на фоне стремительно растущего значения компьютеризации и использования наиболее передовых технологий. Кроме того, они обозначили ключевые ступени в развитии разведки посредством оптоволоконного прослушивания, активно используемого и в наши дни. Особенностью ведения радиоэлектронной разведки противником, то есть АНБ США, явилось вовлечение в подготовку и проведение мероприятий широкого круга участников, что расширяло возможности советских органов безопасности по получению информации посредством агентурной разведки.

1960–1980-е гг. стали всплеском не только политической напряженности, но и противостояния в сфере радиоэлектронной борьбы между СССР и США, послужившего толчком для дальнейшего совершенствования технической базы в различных направлениях этого вида деятельности. В дальнейшем акцент стал смещаться с борьбы на море на противоборство в космическом пространстве. Так, в 1990-е гг. на околоземной орбите было размещено уже от четырех до шести космических аппаратов радиотехнической разведки, входивших в состав системы морской космической разведки и целеуказания (МКРЦ). Колоссальным становится и суммарное число произведенных в рамках системы МКРЦ запусков космических аппаратов, превосходящее значение в восемьдесят стартов<sup>597</sup>. Несомненно, большое влияние на состояние советской радиотехнической разведки оказали внутривнутриполитические события в СССР в 1990-е гг., однако накопленный ранее технический опыт не был

полностью утрачен и послужил прочной основой для создания современных российских систем радиоэлектронной борьбы.

На современном этапе сохраняется и продолжает набирать обороты тенденция привлечения к деятельности спецслужб (в качестве своего рода «подрядчиков») различных частных предприятий, что сегодня носит в США гораздо более организованный характер и координируется Центром сотрудничества в области кибербезопасности. В рамках данного направления проводит свою деятельность и одно из наиболее передовых его подразделений – Центр обеспечения безопасности в области искусственного интеллекта АНБ. По официальным данным, именно он является ключевым элементом в структуре Агентства, реализующим свою деятельность посредством сотрудничества с промышленностью, научными кругами, ИТ-отраслью и другими партнерами.

Необходимо подчеркнуть, что развитие научной мысли в области радиоэлектронной борьбы и разведки в период Второй мировой войны из набора эпизодических тактических приемов трансформировалось в самостоятельный вид обеспечения безопасности, критически важный для достижения победы. За 1960-е гг., характеризовавшимися разного рода провокационными инцидентами, последовало фактически десятилетие расцвета РЭБ, включающего в себя как проведение широко известных разведывательных операций, так и укрепление позиций и институционализация данного направления деятельности.

Важно отметить и то, что даже в последние два десятилетия XX в. не терял своего значения человеческий фактор. К моменту окончания «холодной войны» советская разведка создала комплексную, многоуровневую систему сбора информации, в которой методы радиоэлектронной разведки гармонично сочетались с традиционными агентурными методами. Засекреченность сведений, касающихся технологий радиоэлектронной разведки не позволяет сделать выводы о продолжении подобной тенденции и в наши дни, но показательным является тот факт, что в 2013 г. в Российской Федерации получил временное убежище Э. Сноуден, бывший сотрудник АНБ США, покинувший Соединенные Штаты с миллионами секретных файлов Агентства.

Таким образом, в эпоху «холодной войны» РЭБ вышла на качественно новый уровень, расширив свои границы, достигнув морских, воздушных и космических сфер, а история радиоэлектронного противоборства двух сверхдержав стала показательным уроком, актуальность которого лишь возрастает в эпоху так называемых гибридных войн и борьбы за технологический суверенитет. Современные конфликты демонстрируют, что граница между миром и войной предельно стерлась: методы радиоэлектронной борьбы активно применяются в целях дестабилизации обстановки в той или иной стране, вмешательства во внутренние политические процессы, ведения информационных кампаний и промышленного шпионажа и в мирное время, что представляет собой вызов для отечественных органов безопасности, требующий применения наиболее передовых технологий.

Несмотря на кажущийся параллелизм, в действительности можно говорить о построении в СССР и США в 1960–1980-е гг. двух различных моделей ведения радиоэлектронной борьбы. Так, американская модель, представляемая в первую очередь АНБ, с самого начала была нацелена на масштабное добывание разведывательной информации, отчасти не предусматривавшее применение каких-либо фильтров. В этой связи ее отличительными чертами стали создание крупнейшей сети стационарных постов перехвата по всему миру, активное привлечение частного и корпоративного секторов к выполнению оборонных задач, а также ставка на технологическое превосходство и объемные финансовые вложения. Советская же модель характеризовалась в первую очередь централизацией всех вопросов, связанных с ведением радиоэлектронной борьбы, в руках государства, тесной интеграцией науки, промышленности и военного сектора в рамках единого плана. Формирование таких специализированных структур, как радиодивизионы ОСНАЗ и других с последующим созданием глобальной системы МКРЦ было обусловлено стратегией формирования замкнутого, автономного и максимально независимого от Запада технологического цикла. Данная модель продемонстрировала свою исключительную эффективность в послевоенные годы, позволив СССР оперативно ликвидировать технологическое отставание, достичь паритета и, более того, выйти в ряде направлений на передовые позиции, опередив в этом зарубежных оппонентов.

**Взаимодействие МГБ – КГБ СССР и «Штази» по вопросу  
контрразведывательного обеспечения советских войск  
на территории ГДР**

Окончание Второй мировой войны открыло начало новой эпохи в истории послевоенной Германии. С подписанием Берлинской декларации в 1945 г. территория бывшего Третьего рейха была разделена на четыре оккупационные зоны, контролируемые правительствами стран-победительниц, а именно СССР, США, Великобритании и Франции. Безусловно, стабилизация внутривнутриполитической обстановки в первые послевоенные годы в побежденном нацистском государстве зависела не только от создания военных администраций на местах, но и от размещения войск союзников. Так, в советской оккупационной зоне (СОЗ), согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования от 29 мая 1945 г., на базе 1-го и 2-го Белорусского, а также 1-го Украинского фронтов была создана Группа советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) изначально со штабом в Потсдаме, а с 1946 г. – в Вюнсдорфе. В задачи расквартированных советских воинских частей входило обеспечение охраны границ СОЗ, а также участие в ликвидации последствий гитлеровского режима.

С началом «холодной войны» и последующим усилением витка конфронтации между США и СССР германское государство, разделенное в 1949 г. на Федеративную Республику Германия (ФРГ), включавшую в себя оккупационные зоны западных держав, и Германскую Демократическую Республику (ГДР), контролируемую советской администрацией, стало одним из центров противостояния на протяжении сорока лет. Расширился и спектр поставленных перед ГСОВГ задач по организации защиты западных границ советской зоны. Соответственно, дислоцированные на территории Восточной Германии воинские части, а также базы стали объектами разведывательной деятельности иностранных спецслужб, в том числе и для образованной в 1946 г. западногерманской «Организации Гелена» (с 1956 г. – БНД, *BND* – *Bundesnachrichtendienst*), руководителем которой был бывший генерал

вермахта Р. Гелен, возглавлявший в германском Генеральном штабе отдел «Иностранные армии Востока».

Естественно, что с началом глобального конфликта двух мировых систем становится очевидной и необходимость создания восточногерманской структуры, которая была бы способна самостоятельно обеспечивать внутреннюю и внешнюю безопасность Восточной Германии, а также оказывать содействие органам госбезопасности СССР в проведении контрразведывательных операций с целью пресечения проведения противником оперативных мероприятий, в том числе и против ГСОВГ. Так, в августе 1947 г. получила свое организационное оформление тайная политическая полиция, более известная как «Пятый комиссариат», или К-5 (Комитет № 5), работавший под руководством МГБ СССР<sup>598</sup> (с 1946 по 1953 гг.). Позже, в 1949 г., «Пятый комиссариат» вошел в состав Главного управления по защите народного хозяйства восточногерманского МВД, которое 8 февраля 1950 г. и было преобразовано Народной палатой ГДР в Министерство государственной безопасности (МГБ) ГДР (*Ministerium für Staatssicherheit*), или же «Штази».

В связи с тем, что в отечественной и зарубежной историографии часто ставится вопрос о степени обеспечения безопасности советских войск, дислоцировавшихся в Германии, МГБ – КГБ СССР и МГБ ГДР, возникает необходимость в более детальном рассмотрении совместной работы двух союзных ведомств в сфере противодействия агентурного проникновения в ГСОВГ – ГСВГ – ЗГВ в период с 1950 г. до момента роспуска КГБ СССР.

С признанием Советским Союзом в 1954 г. суверенитета ГДР ГСОВГ была переименована в Группу советских войск в Германии (ГСВГ), равно как и ее контрразведывательный орган, который, начиная с июня 1953 г., назывался Управлением контрразведки – Особым отделом Министерства внутренних дел по ГСВГ (УКР – ОО МВД по ГСВГ), а затем – Управлением особых отделов Комитета государственной безопасности по ГСВГ (УОО КГБ по ГСВГ)<sup>599</sup>. Фактически юридический статус ГСВГ никак не изменился. Лишь в 1957 г. между СССР и ГДР было подписано соглашение, по которому на законодательном уровне было признано размещение воинских частей ГСВГ на восточногерманской территории.

Как и было упомянуто ранее, вышеуказанные события повлекли за собой изменения и в составе структуры советской военной контрразведки в Восточной Германии. Так, в УОО КГБ по ГСВГ был образован 3-й отдел, отвечавший за внешнюю контрразведку<sup>600</sup>. Стоит также отметить, что на него возлагалась нейтрализация проникновения агентуры противника на стратегически важные объекты СССР в ГДР и внедрение собственной в спецслужбы ФРГ и страны-члены НАТО<sup>601</sup>, противодействие радиоразведывательной деятельности противника, установление фактов государственной измены со стороны военнослужащих ГСВГ и т.д.<sup>602</sup>

В 1950-х гг. руководством УОО КГБ по ГСВГ пришло к выводу, что самостоятельно Управление не способно обеспечить в полной мере безопасность советских воинских частей и инфраструктуры в ГДР. По просьбе коллег из Советского Союза к сотрудничеству был подключен Второй главный отдел восточногерманской «Штази»<sup>603</sup>, в тот период времени пока еще не проводившей активных оперативных мероприятий. Это подтверждается и отчетами генерал-майора М. Каверзнева, представителя советских органов госбезопасности в ГДР с 1951 по 1953 г., в обязанности которого входили доклады высшему руководству СССР о состоянии восточногерманской разведывательной организации. Первоначально сообщения М. Каверзнева содержали информацию отрицательного характера, связанную с указанием на некачественную подготовку кадрового состава «Штази» и его готовность к проведению операций. К концу 1952 г. ситуация в организационной и оперативной составляющей работы МГБ ГДР приобрела положительную динамику, однако уже к началу 1953 г. у М. Каверзнева вновь возникли сомнения относительно будущего германской спецслужбы<sup>604</sup>.

Впрочем, вышеприведенные недостатки не препятствовали совместной деятельности МГБ – КГБ СССР и МГБ ГДР по разработке и координации действий, направленных на создание комплекса мероприятий по защите ГСВГ. К примеру, две союзные структуры занимались приемом на работу граждан Восточной Германии в сферу обслуживания на территории советских воинских частей и увольнению с нее, а также отслеживанием любых контактов местных жителей с военнослужащими Советского Со-

юза. Кроме того, на сотрудников «Штази» была возложена ответственность по контролю за предоставляемыми ГСВГ услугами сторонними организациями. Относительно же деятельности по выявлению западной агентуры в случае выявления подозрительных фактов и информации, подпадающих под признаки шпионажа, то она должна была незамедлительно направляться в УОО КГБ по ГСВГ для дальнейшего планирования и проведения операций во взаимодействии с МГБ ГДР по нейтрализации обнаруживаемых угроз<sup>605</sup>.

Говоря о противодействии разведывательно-подрывным мероприятиям спецслужб капиталистических стран, стоит прежде всего отметить тот факт, что американская разведка уже к концу 1940-х – началу 1950-х гг. имела свою разветвленную агентурную сеть на территории Восточной Германии, которая ставила своей целью проведение актов диверсий и саботажа в отношении советских военных объектов<sup>606</sup>. Западногерманская «Организация Гелена» не отставала от своего куратора в лице ЦРУ и в тот же период времени она сумела провести заброску большого числа агентов на территории, находящиеся в непосредственной близости от советских военных городков, железных дорог, аэродромов и т.д.<sup>607</sup>

Пресечение деятельности иностранных разведывательных служб на территории Восточной Германии становится безусловной приоритетной задачей и одной из целей самой крупномасштабной и результативной совместной контрразведывательной операции «Штази» и УОО КГБ по ГСВГ в 1950-е гг. под кодовым названием «Весна», когда реализация данного мероприятия проходила в том числе и в координации действий с Инспекцией по безопасности верховного комиссара СССР в Берлине<sup>608</sup>.

После июньских событий 1953 г. зарубежные разведывательные структуры изменили тактику борьбы с СССР и его союзниками, и в первую очередь с ГДР. На территории восточногерманского государства они приступили к созданию разветвленной агентурной сети, в задачи которой прежде всего входило приобретение информаторов в высших государственных инстанциях. Также иностранными спецслужбами была активизирована деятельность против советских воинских частей в ГДР, которые сыграли особую роль в урегулировании антиправительственного восстания 1953 г. Деятельность органов госбезопасности Советского

Союза позволила спрогнозировать подобное развитие событий и не только начать проведение совместно с «Штази» контрразведывательной работы в воинских частях, но и самим усилить работу по проникновению в разведывательные организации противника. Вышеописанные мероприятия и явились прологом операции «Весна», потому как уже к весне 1954 г. противник обладал значительным числом осведомителей в подразделениях ГСВГ.

Совместными силами союзных ведомств проводилась работа по обработке и анализу поступающих материалов, содержащих сведения о разведывательно-подрывной деятельности западных спецслужб, проводимой против частей ГСВГ, с целью формирования комплекса мероприятий, направленных на нейтрализацию планов зарубежных разведок<sup>609</sup>.

К весне 1955 г. операция «Весна» вошла в активную фазу. Собрав обширную доказательную базу против агентов и кадровых сотрудников иностранных спецслужб, офицерами МГБ ГДР были проведены аресты подозреваемых в шпионаже. Так, был задержан сотрудник «Организации Гелена» М. Хорст, одна из видных фигур западногерманской разведки, у которого при обыске были изъяты документы, содержащие информацию технического характера о советской военной технике, а также схемы дислокации стратегических объектов СССР<sup>610</sup> на территории ГДР.

Всего в ходе контрразведывательной операции «Весна» было арестовано более пятисот агентов противника, ликвидировано двенадцать резидентур и десять западногерманских подрывных центров, а также было задержано семьдесят человек, работавших на зарубежные организации<sup>611</sup>. В результате агентурные позиции иностранных разведок в ГДР были в значительной степени подорваны и парализованы на многие годы.

Успех, достигнутый в ходе оперативного мероприятия «Весна», показал возросшую эффективность восточногерманского аппарата, что подтолкнуло советскую военную контрразведку в ГДР усилить взаимодействие с «Штази», в том числе и по причине перегруженности УОО КГБ по ГСВГ, связанной с контрразведывательным обеспечением военных объектов Советского Союза в Восточной Германии<sup>612</sup>.

Как уже отмечалось, раскол Германии в 1949 г. не только изменил политический статус послевоенного Берлина, но и превратил его в один из главных центров противостояния двух противоборствующих блоков стран: капиталистического и социалистического, а саму столицу Восточной Германии в объект нескончаемого числа операций и диверсий. В этой связи, стоит упомянуть о совместной операции СИС и ЦРУ под кодовым обозначением «Берлинский тоннель», или «Золотой секундомер»<sup>613</sup> («Золото»), связанной со строительством подземного сооружения, ведущего к линиям закрытой связи советских войск в ГДР<sup>614</sup>, а также самого восточногерманского государства, и подключением к ним прослушивающей аппаратуры. Подготовка к проведению данной операции началась еще в начале 1950-х гг., когда П. Ланн, начальник секции У секретного отдела СИС (в задачи которого входил перехват дипломатических и военных телефонных линий Советского Союза), получил сведения о системе расположения и использования кабелей связи от одного из сотрудников телефонной службы ГДР. Союзником П. Ланна в этом стало ЦРУ, которое согласилось на финансирование проекта. На состоявшемся в 1953 г.<sup>615</sup> совместном совещании английской и американской разведок был окончательно утвержден план «Берлинского тоннеля». При этом на заседании присутствовал и известный советский разведчик Дж. Блейк, который позже передал в МГБ СССР все имеющиеся у него материалы о данной операции<sup>616</sup>.

В свою очередь советские органы госбезопасности не только не стали препятствовать реализации англо-американского плана, но и наоборот решили поддержать их игру, предоставляя противнику как дезинформацию, так и конкретные материалы, не содержавшие важных секретных сведений<sup>617</sup>. Но в конце апреля 1956 г. в КГБ СССР приняли решение об инсценировке обнаружения уже функционировавшего подземного тоннеля, впервые сообщив о нем «Штази»<sup>618</sup>, которая впоследствии вместе с советскими специалистами приступила к отключению подслушивающих устройств, что с успехом и было сделано. Тогда эти действия советской стороны, которые, со слов руководителя внешней разведки МГБ ГДР с 1956 по 1986 гг. М. Вольфа, «проявили величайшую сдержанность»<sup>619</sup> и до последнего скрывали все, что было

связано с операцией противников от союзнической разведывательной структуры, вызвали вполне ожидаемое возмущение у руководства восточногерманского органа безопасности<sup>620</sup>.

Обострение политической обстановки на международной арене в связи со строительством Берлинской стены в 1961 г. заставило западноевропейские разведывательные организации использовать другие методы борьбы против СССР и ГДР. Так, в БНД сделали ставку на радиоразведку, что выразилось в развертывании на границе германского социалистического государства с Чехословакией пунктов перехвата линий связи ГСВГ<sup>621</sup>. Но при этом западногерманская разведка не оставляла попыток внедрения новой агентуры на территорию Восточной Германии. В результате БНД стала использовать так называемых «маршрутников», которые в период с конца 1960-х гг. и по конец 1970-х гг. активно и беспрепятственно пересекали границу ГДР. В итоге «Штази» в 1970-е гг. была проведена операция под кодовым обозначением «Angriff» («Атака»), в ходе которой за весь десятилетний период было арестовано около 40 «маршрутников»<sup>622</sup> из 75 выявленных. Кроме того, в то же десятилетие УОО КГБ по ГСВГ и МГБ ГДР было арестовано 37 агентов зарубежных спецслужб, большая часть из которых передавала полученные сведения в БНД. В начале 1980-х гг. было выявлено свыше 20 шпионов (среди них были и граждане ГДР), занимавшихся сбором разведанных о ГСВГ<sup>623</sup>.

В 1970-е гг. УОО КГБ по ГСВГ была успешно проведена операция, связанная с деятельностью сотрудника ВМС ФРГ, работавшего на советскую военную контрразведку, под оперативным псевдонимом «Техник». Он входил в состав объединенной американо-западногерманской группы, занимавшейся анализом получаемой разведывательной информации, и сведения, передаваемые «Техником», представляли, безусловно, большой интерес. Так, благодаря его содействию, советской военной контрразведке удалось осуществить перехват информации, проходившей по линиям связи армий НАТО<sup>624</sup>. Впоследствии «Техник» был передан на связь с МГБ ГДР.

Тем не менее, в середине 1970-х гг. руководство советской военной контрразведки в ГДР заявило союзникам о нехватке кадрового состава для осуществления контроля за гражданами Восточ-

ной Германии, работавшими на объектах СССР в ГДР, и попросило у них помощи. Со своей стороны «Штази» предупредила советских коллег, что, несмотря на тесное взаимодействие между двумя ведомствами, ни УОО КГБ по ГСВГ, ни МГБ ГДР в дальнейшем не должны будут выходить за рамки своих обязанностей относительно контрразведывательного обеспечения советских войск, так как и сама восточногерманская структура испытывала нехватку в штате сотрудников<sup>625</sup>. Вместе с тем впоследствии это не помешало военной контрразведке Советского Союза поручить обязанность «Штази» по наблюдению за вышеуказанным контингентом лиц<sup>626</sup>.

На первую половину 1980-х гг. приходится период наиболее активного проведения иностранными спецслужбами разведывательных операций против советских военных объектов в Восточной Германии<sup>627</sup>. Это в первую очередь отразилось на зафиксированных случаях массового дезертирства среди военнослужащих СССР (от 400 до 500 чел. ежегодно)<sup>628</sup>. Тем не менее, в этот же период советской контрразведкой во взаимодействии со «Штази» были реализованы и самые крупные операции в отношении противника.

Так, в начале 1980-х гг. в ходе контрразведывательного мероприятия под кодовым названием «Прыжок» сотрудники «Штази» совместно с подразделениями ГСВГ вели наблюдение за агентами БНД, целью которых было добывание информации о железнодорожной инфраструктуре и советских военных аэродромах во время ротации военнослужащих СССР в ГДР<sup>629</sup>. В 1985 г. в ходе совместной операции «Сирена» была задержана Г. Цикман, агент американской военной разведки, работавшая диспетчером по вопросам поставки продовольствия в части ГСВГ и передававшая сведения секретного характера, связанные с незапланированными для советских военнослужащих визитами их прямого руководства<sup>630</sup>. Одновременно с этим в рамках выявления и пресечения разведывательной деятельности иностранных агентов были проведены операции «Плодородная равнина» и «Воздушный мост»<sup>631</sup>.

С приходом к власти в СССР в 1985 г. М. Горбачева ГСВГ была переименована в Западную группу войск (ЗГВ). В 1990 г. Великобританией, США, СССР, ГДР и ФРГ был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, предпола-

гавший вывод ЗГВ из ГДР до конца 1994 г., что и было реализовано. В том же 1994 г. ЗГВ была упразднена<sup>632</sup>. К этому времени обе Германии уже прошли процесс объединения, «Штази» была ликвидирована, и был распущен КГБ СССР.

Таким образом, выстроенная в течение десятилетий в обстановке сотрудничества деятельность двух союзных ведомств, несмотря на возникавшие сложности организационного и кадрового характера, недопонимание по отдельным вопросам и проблемам как со стороны МГБ – КГБ СССР, так и МГБ ГДР, давала возможность успешно решать поставленные задачи, где оперативная работа по выявлению и пресечению проникновения западных спецслужб позволяла своевременно ограждать военнослужащих Советского Союза от попыток ослабления их боеготовности.

**Оценка деятельности КГБ СССР в годы «холодной войны»  
в современной англоязычной историографии и публицистике**

Тема оценки деятельности советских органов безопасности всегда и повсеместно вызывала и вызывает интерес у зарубежных исследователей истории спецслужб. Комитет государственной безопасности СССР являлся ключевой структурой в противостоянии эпохи «холодной войны», и надо отметить, что его образ на Западе никогда не был унифицированным. За период его деятельности и после распада Советского Союза сформировалось немало мнений, точек зрения и мифов по проблеме восприятия некогда могущественного ведомства.

Образ КГБ СССР в зарубежной историографии особенно актуален ввиду событий, происходящих сегодня на мировой арене, когда сравнению с советскими спецслужбами подвергаются и современные российские органы безопасности. Необходимо отметить, что позиции рассматриваемых преподавателей университетов, известных журналистов, историков, а также ветеранов американских спецслужб условно можно разделить на два противоположных друг другу мнения. Не вдаваясь в глубокий концептуальный анализ представленных позиций авторов, поясним, что часть исследователей настаивает на том, что органы безопасности Советского Союза в период «холодной войны» имели явное преимущество над своими американскими оппонентами, другая же часть в свою очередь уверена, что большинство оперативных мероприятий КГБ были как минимум не эффективны, а ЦРУ превосходило своего противника во всех сферах ведения разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Приведенный ниже обзор не претендует на комплексное исследование вышеозначенной проблематики, а представляет собой выборку из наиболее примечательных измышлений и цитат зарубежных авторов, не вырванных механически из контекста представленных исследований и не искажающих их смысл. Необходимо оговориться, что в основе своей рассматриваемая историография посвящена ЦРУ на различных этапах его деятельности (тем более что

большая часть ее прошла под знаком противостояния с отечественными спецслужбами), откуда в свою очередь и выделены мнения исследователей. Добавим также, что подавляющее большинство работ опубликовано или переиздано в первой четверти XXI в.

«Контрразведка – крайне сложная и коварная деятельность» – такими словами бывший специальный помощник заместителя директора ЦРУ В. Маркетти и сотрудник Государственного департамента США Дж. Маркс в своей монографии характеризуют все трудности работы, связанные с обеспечением безопасности государства. В своем анализе противостояния советских и американских спецслужб периода «холодной войны» авторы отмечают, что успехи, достигнутые советской разведкой во внедрении агентов в правительственный аппарат и разведывательные ведомства США, заставили ЦРУ войти в «контрразведывательную игру»<sup>633</sup>. Несмотря на то, что ЦРУ практически не добилось успеха в проникновении в органы безопасности СССР, оно, тем не менее, продолжало расширять собственные оперативные возможности в самих Соединенных Штатах, где советская агентура разоблачалась в американских разведывательных службах, включая АНБ, военную разведку и Объединенный комитет начальников штабов. При этом авторами особо подчеркивается: «... но, насколько известно общественности, ни один кадровый сотрудник ЦРУ никогда не был уличен в шпионаже в пользу противника, чего нельзя сказать о работниках органов безопасности СССР»<sup>634</sup>, что, мягко говоря, учитывая историю противостояния, не соответствует действительности (знаменитое разоблачение О. Эймса последовало двумя десятилетиями позже выхода книги в свет). Со своей стороны, исследователи не ставят под сомнение проникновение КГБ в большинство секретных и разведывательных структур США, отмечая при этом успешность работы советских разведчиков в вербовке американских государственных служащих, информаторов из числа гражданских служащих и военных.

Оперативные сотрудники ЦРУ Антонио (Тони) и Джонна Мендес, семейная пара, в своих воспоминаниях отмечают, что с 1955 по 1988 гг., ЦРУ и КГБ СССР противостояли друг другу «практически на всех континентах», и особенно заметно это становилось на улицах Москвы. В те годы советская столица счита-

лась «закрытой зоной», и параллельно с этим Мендесы характеризуют СССР как «страну с настолько строгой внутренней безопасностью, что иностранные разведчики не рискуют лично контактировать с информаторами»<sup>635</sup>. По утверждению авторов, Москва была наводнена сотрудниками КГБ. В итоге суровые условия работы для американских оперативников в советской столице и презрительное отношение ко многим вещам в самом советском обществе заставили ЦРУ пересмотреть тактику и разработать новые подходы для борьбы с 7-м управлением КГБ. Выработанный метод включал в себя не только инновационные подходы, но и передовые технологии, способы маскировки, а также подготовку оперативников нового «типа» и позже получил название «московские правила», на годы вперед изменивший тактику проведения американских секретных операций. Помимо этого, авторы обращают внимание на то, что Советский Союз был главной целью ЦРУ точно так же, как и сама американская разведка считалась основным противником для КГБ СССР: «Это была схватка лицом к лицу, где побеждали лишь самые хитрые, умные и упорные»<sup>636</sup>. Вместе с тем отмечается, что оперативные сотрудники ЦРУ были разносторонними личностями, которые в своей профессиональной деятельности были настолько погружены в изучение географических и топонимических особенностей тех регионов, куда они направлялись, что могли по прибытии свободно ориентироваться на местности. Проходили подготовку по тактике, аналитике и иностранным языкам, но и она не особо помогала американским разведчикам в Советском Союзе: «Достаточно взглянуть на Владимира Путина сегодня, чтобы понять, как его прошлое в КГБ СССР отражается на действиях на мировой арене. Он дерзок, но расчетлив, агрессивен, но осторожен, и мастерски манипулирует общественным мнением»<sup>637</sup>. За время «холодной войны» КГБ СССР развернул обширную сеть информаторов в американских высших учебных заведениях, где было (правда, за не названный авторами период) завербовано более двухсот граждан США. И это только в образовательной сфере. Также в воспоминаниях отмечается, что для супругов Мендес Москва стала наивысшим испытанием за годы службы в разведке, когда подготовка и профессионализм сотрудников органов безопасности Советского Союза не раз заставляли ЦРУ выходить из оперативных игр и изменять тактику.

Постоянное наружное наблюдение и прослушка не оставляли почти никакого свободного пространства для сбора информации и встреч с агентурой, но вместе с тем операции ЦРУ в Москве являлись ярким примером качества проведения оперативных мероприятий американской разведки.

Сотрудник ЦРУ в отставке, М. Петерсон, задержанная оперативниками КГБ СССР на Краснолужском мосту в 1977 г., стала первой женщиной, направленной на оперативную работу в Советский Союз. В своей биографии автор оставила примечательное описание офицеров КГБ СССР: «Я слышала истории о том, что сотрудники КГБ СССР будто бы были трехметрового роста и могли вычислить любого сотрудника ЦРУ, направленного в Москву»<sup>638</sup>. Она отмечает, что КГБ полностью контролировал ее окружение и осуществлял за ней постоянное наблюдение<sup>639</sup>. Бывший оперативник ЦРУ уверена, что в отношении сотрудников западных разведок также использовались приемы, направленные на психологическое воздействие. Правда, далее она признает, что через некоторое время после приезда в Советский Союз «наивное представление КГБ СССР о женщинах позволяло мне действовать, оставаясь невидимой для их слежки»<sup>640</sup>. Несмотря на последующий провал и задержание, М. Петерсон оценивает советских офицеров госбезопасности как достойных противников и дает весьма объективную оценку того, с чем ей пришлось столкнуться при работе в Советском Союзе.

Еще один бывший сотрудник ЦРУ, Р. Бэр, характеризуя органы безопасности Советского Союза в период «холодной войны», подчеркивает, что «победы» ЦРУ и других западных разведок над советскими органами государственной безопасности имелись, но одерживались они в основном над Первым главным управлением (ПГУ) КГБ СССР и Главным разведывательным управлением (ГРУ) Генштаба Вооруженных сил СССР. Так, подчеркивается, что о других управлениях в структуре КГБ СССР на период начала «холодной войны» американские разведчики не знали практически ничего. Например, когда ЦРУ обнаружило, что 3-е Главное управление стало вербовать американцев в Европе, у сотрудников разведуправления США не было ни малейшего представления, как оно работает и каких успехов уже добилось. Та же ситуация

наблюдалась и с советскими шифрами, когда профильные подразделения не жалели сил и средств на их раскодирование, но результатов это не приносило<sup>641</sup>. Не удавалось достичь особых успехов и в агентурной работе.

В продолжение точки зрения о превосходстве КГБ над ЦРУ в вопросе качества работы с агентурой можно процитировать ветерана ЦРУ Р. Прадо, который в автобиографии дает примечательную для читателей характеристику КГБ: «... некоторым казалось, что наши самые смертоносные противники давно ушли в прошлое, поверженные тяжестью собственной неэффективности. Когда-то КГБ СССР был безжалостным и хитрым и иногда переигрывал нас»<sup>642</sup>. По замечанию автора, советские органы безопасности выиграли свою долю сражений в агентурной работе, но ЦРУ все равно одержало победу в «холодной войне». Вместе с тем далее Р. Прадо добавит, что КГБ для американских оперативников являлся «старейшим и наиболее способным противником»<sup>643</sup>, параллельно с этим отмечая, что ЦРУ редко имело успех в вербовке агентуры в отличие от своих оппонентов.

В целом же, несмотря на проскальзывающий временами во мнениях некоторый оттенок субъективности, бывшие сотрудники ЦРУ давали и дают более объективную оценку деятельности КГБ, особенно в сфере проведения оперативных мероприятий, чем, к примеру, западные журналисты.

Естественно, в стороне от изучения темы не остались и профессиональные исследователи. Так, американские историки Д.Э. Хейнс и Х. Клер обращают внимание на важное изменение в методах работы советской разведки после 1960-х гг. Если в 1940-е – 1950-е гг. СССР активно использовал идейных сторонников из Коммунистической партии США, то позднее от этой практики пришлось отказаться. И причины на то для американцев были более чем очевидны: экономика Соединенных Штатов преодолела последствия Великой депрессии 1930-х гг., а «правда» о сталинских репрессиях в Советском Союзе стала достоянием океанской общественности. Идеи и постулаты коммунизма в представлении рядовых американцев потеряли былую привлекательность, а вербовки в самой компартии были сопряжены с риском. С 1960-х гг. советская разведка сделала ставку на другие мотива-

ционные составляющие, когда на первый план выходили не идеологические убеждения, а корысть, личные обиды, авантюризм или компрометирующие материалы. К примеру, сотрудник советского отдела ЦРУ О. Эймс<sup>644</sup> передавал секреты советской разведке за материальное вознаграждение, а Р. Ханссен, сотрудник ФБР, передавал информацию как из алчности, так и из удовольствия, получаемого им от самого процесса предательства своих коллег и страны<sup>645</sup>. Авторы монографии приходят к выводу о том, что на фоне неудач второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. советской разведке пришлось адаптироваться к новым для нее условиям и перейти от вербовки идеалистов к поиску людей с корыстными мотивами и личностными слабостями, что она в свою очередь с успехом и проделала.

Тот же коллектив авторов тремя годами позже на страницах своей следующей монографии проводит анализ состояния технической разведки КГБ СССР, где приходит к выводу о том, что атомный шпионаж силами внешней разведки позволил советской программе создания бомбы «пропустить значительную часть этапа» исследований, и, миновав несколько этапов, перейти к окончательному проектированию и производству заряда. Советская ядерная программа сэкономила время и ресурсы. Важность этого была более чем очевидна, учитывая то, насколько сильно пострадала промышленная инфраструктура Советского Союза во время войны, а послевоенные восстановительные работы серьезно истощили возможности страны<sup>646</sup>. Исследователи подчеркивают успехи работы технической разведки советских органов безопасности, которая добилась столь высоких результатов благодаря подбору и профессионализму исполнителей.

В книге профессора американской истории, одного из основателей Шотландской ассоциации изучения Америки, Р. Джеффрис-Джонса указывается, что в годы «холодной войны» КГБ проводил масштабную дезинформацию с целью ослабления позиции США на международной арене. К примеру, информация о покушениях на бывшего генерального прокурора, сенатора Р. Кеннеди, М. Лютера Кинга-младшего, М. Эверса и М. Икс заведомо искажалась именно советскими спецслужбами. Автор признает, что, хотя Соединенные Штаты и выиграли «холодную войну» в целом, но про-

играли ее в сфере агентурной борьбы. В соответствии с его выводами агентура КГБ, внедрившись в ЦРУ, смогла распространять дезинформацию о военном превосходстве СССР над США: «Демонстрируя эту мнимую силу, Москва, возможно, сыграла на руку советникам Р. Рейгана, стремившимся убедить Конгресс укрепить военный потенциал Америки»<sup>647</sup>. Отдельно автор останавливается и на одном из «шпионов» (агенте КГБ в США), сотруднике ЦРУ Э. Ли Говарде, работавшем «на Советы»<sup>648</sup>, из-за которого и ему подобных, по мнению Р. Джеффрис-Джонса, американская разведка и терпела поражения в годы «холодной войны», а секретные операции США несли максимальный ущерб.

Профессор Кембриджского университета К. Эндрю в соавторстве с известным советским предателем и перебежчиком О. Гордиевским уделяют в своей монографии больше внимания британской и американской разведкам, которые, по мнению авторов, «лучше работали против противника», чем советская разведка. Вместе с тем указывается, что она выделяла больше ресурсов на проникновение в зарубежные государственные структуры и спецслужбы, чем те выделяли против СССР<sup>649</sup>.

Вышеупомянутый историк британских спецслужб К. Эндрю и бывший сотрудник советских органов госбезопасности и перебежчик В. Митрохин приходят к основополагающему выводу о том, что «КГБ СССР, разумеется, имел склонность преувеличивать свои успехи»<sup>650</sup>, акцентируя в своей монографии внимание на том, что активные мероприятия советских спецслужб «служили» в основе своей внутренней политической ситуации. Лубянка регулярно направляла в Кремль отчеты, призванные показать успехи в деятельности по оказанию влияния на политиков и общественное мнение стран «третьего мира», но перечисляемые в документах достижения «почти не менялись от Брежнева до Горбачева». Идя же по пути сравнения органов безопасности периода «холодной войны» и современности, авторы отмечают, что «... современная миссия ФСБ и СВР радикально отличается от задач КГБ СССР»<sup>651</sup>, и основание для этого они усматривают в том, что если в начале 1980-х Ю.В. Андропов заявлял, что КГБ СССР вносит вклад в «победоносное шествие мировой революции», то Концепция национальной безопасности Российской Федерации, принятая

на рубеже тысячелетий, делает акцент на защите традиционных российских ценностей.

Корреспондент «New York Times» П. Гроуз в своей работе «Gentleman Spy: The Life of Allen Dulles» пишет «о возвышении КГБ СССР над «Кремлем», когда приписываемое им ведомству преимущество использовалось для «осуществления мер, направленных на дальнейшую дискредитацию деятельности ЦРУ и компрометацию его руководителя Аллена Даллеса». По мысли автора, не учитывая мнения первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, советские органы госбезопасности проводили то, что было выгодно исключительно самому КГБ<sup>652</sup>, то есть снова отмечается отсутствие какой-либо подотчетности правительству со стороны органов госбезопасности.

Схожую позицию в отношении советских спецслужб занимает и американский журналист, имеющий публикации в таких известных изданиях, как «The Times», «Mail on Sunday», «The Guardian» и «The Sunday Times», М. Холлингсворт, когда указывает на отсутствие подотчетности отечественных органов безопасности кому-либо («особенно в путинской России»), что позволило КГБ СССР и ФСБ России осуществлять «такие» (какие именно, автор не указывает) тайные активные меры и операции влияния, не опасаясь при этом последствий. Со слов автора, на официальном уровне, ФСБ, как и ее предшественник – КГБ, является обособленным органом, защищенным от какой-либо ответственности и поэтому может «беспредельничать»<sup>653</sup> (run amok). По ходу своего повествования журналист незамысловато подчеркивает факт того, что именно коммунистическая партия стояла во главе КГБ СССР и была «боссом» контрразведки того времени. Также указывается и то, что на протяжении всей «холодной войны» КГБ использовался как инструмент власти, а не как «агентство по сбору разведанных». Так, отечественные органы госбезопасности обвиняются в использовании шпионажа для манипулирования общественным мнением, для достижения военно-политических целей, «что явно находит отклик и в XXI веке»<sup>654</sup>, то есть уже и современные российские органы безопасности, по мнению автора, продолжают пользоваться методами предшественников. На страницах монографии в целом делается акцент на отрицательной оценке органов

безопасности и со стороны граждан Советского Союза, когда «всепомогущий КГБ СССР держал в страхе народ». Помимо этого, М. Холлингсворт сравнивает отношение советских граждан к советским органам безопасности и американских граждан – к своим, делая вывод о том, что «в отличие от ... отношения Запада к своим спецслужбам, сотрудники КГБ СССР всегда считались в России героями, самоотверженно работающие на благо Родины против иностранных врагов»<sup>655</sup>. Отмечается подготовка сотрудников, а также идеологическая преданность своей Родине и органам безопасности, но вместе с тем прослеживается и явная пропагандистская составляющая, в процессе которой автор дискредитирует отечественные органы безопасности в глазах читателя, периодически используя лексику с отрицательной коннотацией.

Американский журналист Р. Кесслер со своей стороны дает более объективную оценку деятельности КГБ СССР, фокусируя внимание на процессе вербовки советскими оперативниками американских дипломатических сотрудников: «... КГБ СССР использовал любую слабость, любую уязвимость, любое скрытое желание, чтобы заманить сотрудников американского посольства в тонкую, но смертельную ловушку ... Первым шагом в этом процессе была оценка каждого сотрудника, назначенного в посольство. Советы хотели составить досье на каждого человека. Тогда они могли решить, какой подход применить...». Советские гражданские служащие в американских дипломатических учреждениях привлекались для наблюдения за американцами (в том числе посредством установки прослушивающих устройств) с целью выявления вероятного кандидата на вербовку. В связи с этим Р. Кесслер отмечает, что вследствие качественно выстроенной советскими органами госбезопасности работы ЦРУ не удавалось реализовывать мероприятия по вербовке на территории СССР, с каким успехом это получалось у его оппонента на Западе<sup>656</sup>.

Журналист, Пулитцеровский лауреат 1988 г., Т. Вайнер, известный за рубежом исследователь истории американских спецслужб, приводит в своей многостраничной монографии убедительные доказательства превосходства советского блока в сфере проведения разведывательной деятельности в период «холодной войны», когда советские спецслужбы годами оттачивали мастерство в подготовке «искусных ловушек» для западной агентуры.

По свидетельству американских оперативников, ЦРУ годами не могло понять причины провалов своих операций в СССР. Как отмечает автор, американское ведомство не утруждало себя проведением полноценных внутренних расследований неудач, а рядовые сотрудники лишь разводили руками, признавая: «Мы не справляемся». Особенно важным представляется вывод Т. Вайнера о фундаментальном различии в структуре противоборствующих спецслужб, когда он с иронией отмечает: «У вас тысячи людей заняты шпионажем. Это невозможно отследить, контролировать, проверить. В этом главная проблема шпионских служб. Они должны быть маленькими. Стоит разрастись – и вы превращаетесь в КГБ»<sup>657</sup>.

В продолжение темы противостояния в высших эшелонах власти в Советском Союзе британский дипломат Р. Холмс в своей книге продвигает установку о том, что положение КГБ при Н.С. Хрущеве не было настолько устойчивым, как это отмечали вышеприведенные авторы. Опираясь на свои умозаключения, автор противопоставляет ведомство главе государства: «Ухудшающаяся репутация КГБ СССР как крайне заметной и беспощадной силы плохо сочеталась со стремлением Н. Хрущева демонстрировать миру более дружелюбный и уступчивый образ Советского Союза... изменить имидж КГБ СССР было невозможно»<sup>658</sup>.

Журналист Д. Тэлбот в своем исследовании подвергает анализу некоторые измышления и выводы А. Даллеса, придя к утверждению о том, что директор ЦРУ считал «теневую войну» между Западом и советским блоком не знающей правил. Шеф американской разведки был убежден в том, что США столкнулись с абсолютно безжалостным врагом в лице Москвы, и со своей стороны в Северной Америке были готовы ответить тем же или даже превзойти методы, используемые советским КГБ СССР и спецслужбами Восточного блока. Также Д. Тэлбот добавляет, что книга А. Даллеса «Ремесло разведки» обладала одной странной особенностью: те многие крайние меры, в которых он (А. Даллес) обвинял советскую агентурную сеть, на деле были стандартной практикой самого ЦРУ, включая «тайные убийства» в качестве политического оружия. Так, по словам А. Даллеса, в КГБ СССР существовал отдел «операций прямого действия» для ликвидации вра-

гов государства, но в тоже время похожий по функциям отдел директор сам создал внутри своего ведомства. Бывший глава американской разведки также крайне отрицательно отзывался о советском «хладнокровном прагматизме», под которым подразумевалась «массовая вербовка» нацистских военных преступников для разведывательной работы. Однажды на интервью у А. Даллеса спросили: «Действует ли ЦРУ на более высокой моральной основе, чем КГБ СССР?», на что глава ЦРУ ответил: «Безусловно. Советская разведка была одной из самых зловещих организаций в истории... Насколько мне известно, мы не занимаемся убийствами, похищениями и подобными вещами»<sup>659</sup>.

Американский аналитик, вице-президент частной разведывательной компании в Вашингтоне, Дж. М. Уоллер, в своем исследовании обращает внимание на тонкости в деятельности КГБ СССР: большая часть работы ведомства имела мало общего со шпионажем, но уделялось особое внимание поддержке агентуры, которая оказывала влияние на зарубежные элиты и принятие ими решений на высшем уровне, а также на общественное сознание. Дж. М. Уоллер условно разделяет деятельность КГБ СССР на активные меры насильственного типа и ненасильственного. К первым автор отнес негласную войну, терроризм и ликвидации, ко вторым – руководство иностранными коммунистическими партиями, проникновение в некоммунистические организации и движения, внедрение агентуры с целью дальнейшего влияния на мышление и мировоззрение людей, а также формирование антиправительственного мнения и в дальнейшем координация демонстраций, протестов, бунтов и массовых движений. Одним из немногих методов влияния КГБ СССР на противника в лице Запада являлась «дезинформация», где под этим термином автор понимает фабрикации и «вброс» ложной или искаженной информации в западные новостные организации, учебники, развлекательные программы или любые другие средства массовой информации с целью оказания влияния на лиц, принимающих решения, или на общественное мнение<sup>660</sup>.

В целом же следует отметить, что риторика рассмотренных зарубежных авторов в отношении КГБ СССР не претерпела каких-либо значительных изменений с течением времени, будь то разгар

«холодной войны» или современность. Бросается в глаза лишь некоторая смена подхода в оценке образа КГБ СССР в работах, опубликованных после начала Специальной военной операции, когда авторы не гнушаются сравнением с современными российскими органами безопасности в лице ФСБ России. Между тем наблюдается и полярность во мнениях исследователей, выражающаяся в переходах от откровенной субъективности до уважительного тона в высказываниях и выводах, и наоборот. Вместе с тем становится все более очевидным, что тенденция к намеренному замалчиванию успехов отечественных органов безопасности или необоснованной критике со временем будет лишь усиливаться. Но, как гласит известная латинская поговорка: «*O tempora, o mores!*» («О времена, о нравы!»).

*Т.В. Иванова,  
А.И. Морозов  
г. Москва*

### **Предпосылки создания пограничных отрядов особого назначения**

В истории каждой страны происходят события, которые типологически очень похожи. История обобщает опыт предшествующих поколений, использование которого помогает понять, какие решения и стратегии были эффективны в прошлом, что может быть полезным при прогнозировании будущих сценариев. Исторические аналогии – достаточно логичный способ использовать историю для понимания настоящего.

Развитие обстановки в пограничном пространстве Российской Федерации в 1994–1995 гг. главным образом зависело от степени влияния на нее различных условий и угрожающих факторов. При этом возможность наступления, острота, масштаб и характер негативных последствий обуславливались их совокупностью и взаимовлиянием.

Анализ развития обстановки на государственной границе Российской Федерации в рассматриваемый период позволил выделить несколько основополагающих групп факторов: геополитические и стратегические факторы, факторы в политической, экономической, военной, информационной, социальной, пограничной сферах и другие, – которые оказали существенное влияние на формирование характера и проявление угроз безопасности в пограничном пространстве. По всей совокупности они с разной интенсивностью воздействовали на характер угроз национальной безопасности России, затрагивавших сферу деятельности пограничных войск.

Протяженность государственной границы России по сравнению с границей СССР уменьшилась незначительно. Общая протяженность границы Российской Федерации составила 60932,8 км, в том числе сухопутная – 14509,3 км, морская – 38807,5 км, речная – 7141,0 км, озерная – 475,0 км.

«Начиная с 1992 г. российские пограничные войска приступили к осуществлению охраны государственной границы Россий-

ской Федерации на трех типах: на государственной границе, совпадающей с границами бывшего СССР, как оформленной в международно-правовом отношении (Норвегия, Финляндия, Польша, Китай, Монголия, КНДР), так и не оформленной в международно-правовом отношении (Япония и США); на границе с государствами, не вошедшими в Содружество Независимых Государств, и не оформленной в международно-правовом отношении (граница с Эстонией, Латвией, Литвой), занимавшими конфронтационную позицию по отношению к России; на границе с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, не оформленной в международно-правовом отношении (Белоруссия, Украина, Грузия, Азербайджан, Туркменистан и Казахстан)»<sup>661</sup>.

Кроме этого, Пограничные войска Российской Федерации в соответствии с двусторонними соглашениями охраняли внешние границы Республики Грузии, Республики Армении, Туркменистана, Республики Таджикистан и Киргизской Республики.

Неоформленность в международно-правовом отношении границ Российской Федерации с сопредельными государствами (Эстонией, Латвией, Литвой, Украиной, Грузией, Азербайджаном, Японией) не исключала выдвижения территориальных притязаний на оспариваемые территории России.

Усиление напряженности в развитии общественно-политической и экономической ситуации в России, особенно в ряде приграничных регионов, а также в некоторых государствах-участниках СНГ, сохраняло потенциальную опасность возникновения новых вооруженных конфликтов как на территории сопредельных государств, так и в приграничных районах Российской Федерации.

Фактическая открытость границ с большинством государств Содружества сохраняла тенденцию роста потока незаконной миграции иностранцев через территорию Российской Федерации. Серьезную опасность представлял для государственных интересов России неконтролируемый приток из районов межнациональных конфликтов большого количества лиц, которые пополняли криминальную среду, создавали преступные вооруженные группировки, нередко являлись причиной возникновения различных социальных и этнических конфликтов.

Каналы незаконной миграции все в большей мере использовались международным наркобизнесом, контрабандистами оружием, специальными службами, наемниками, что способствовало созданию на российской территории дополнительных очагов напряженности и осложняло криминогенную ситуацию.

Обострение криминогенной ситуации и рост организованной преступности в приграничных районах вызывали дальнейшее укрепление пособнической базы нарушителям границы в среде местных жителей и преступных группировок, занимавшихся подделкой документов, нелегальной доставкой и оказывавших помощь нарушителям в пересечении государственной границы. Повышенный риск при осуществлении незаконных акций на границе провоцировал попытки групповых прорывов, в том числе с применением оружия.

Продолжала оставаться угрозой посягательств и попытки расширения национальных богатств Российской Федерации в пределах национальной территории, исключительной экономической зоны и континентального шельфа со стороны сопредельных государств, особенно на границе с государствами Балтии, Закавказья, а также с Монголией и Китаем.

Фактически в пограничной сфере на формирование угроз безопасности оказывал влияние весь спектр приведенных выше условий и факторов, поскольку все перечисленные процессы в различной степени затрагивали трансграничные перемещения, обеспечение необходимых административно-правовых режимов, связанных с государственной границей, обустройство мест дислокации пограничных подразделений и др.

Таким образом, в пограничном пространстве Российской Федерации образовалась система угроз национальной безопасности, которая отмечалась разноплановостью и многообразием.

Обстановка на государственной границе Российской Федерации в рассматриваемый период характеризовалась следующим состоянием: «она стала линией концентрации усилий, направленных на осуществление военно-политического давления и изоляцию России от внешнего мира. В сочетании с организованной преступностью, внутренним сепаратизмом и недостаточностью мер противодействия со стороны государства, она послужила причиной

крупных политических, социально-экономических, военных и других потерь, ущемления интересов России на ее границе»<sup>662</sup>.

Нараставший ущерб экономическим, политическим и военным интересам России в связи с нерешенностью проблем охраны границы требовал принятия срочных и неотложных мер по формированию эффективной системы защиты и охраны государственной границы, позволявшей обеспечить национальные интересы страны в пограничном пространстве. Необходимость разработки и принятия принципиально новой концепции охраны государственной границы Российской Федерации становилась все более очевидной.

Начало новому этапу в пограничной политике России положил Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 1993 г. № 2318, которым в целях обеспечения руководства пограничными войсками предусматривалось образование Федеральной пограничной службы – Главного командования Пограничных войск Российской Федерации.

Последующим Указом Президента России от 30 декабря 1994 г. № 2245 эта структура была преобразована в Федеральную пограничную службу (ФПС) Российской Федерации, наделенную статусом и функциями федерального органа исполнительной власти на правах министерства, обеспечивавшего реализацию государственной пограничной политики Российской Федерации в сфере охраны государственной границы, территориального моря, исключительной экономической зоны Российской Федерации и континентального шельфа.

Как федеральный орган исполнительной власти ФПС России возглавила единую централизованную государственную систему, включавшую Пограничные войска Российской Федерации, органы пограничного контроля, оперативные органы, органы пограничной стражи, органы морской охраны, военные образовательные учреждения профессионального образования, а также предприятия, учреждения и организации, которые в соответствии с федеральным законодательством были переданы в подчинение ФПС России.

На ФПС России возлагались задачи: по руководству войсками и органами Пограничной службы Российской Федерации, организации охраны государственной границы, внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны

(ИЭЗ) и континентального шельфа Российской Федерации, морских биологических и других природных ресурсов; участие в организации охраны внешних границ государств-участников СНГ на основе двусторонних договоров (соглашений); организации пропуска лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу; организации разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности войск и органов Пограничной службы и обеспечению взаимодействия с органами, осуществлявшими эти виды деятельности в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ; участие в охране дипломатических представительств России за границей.

ФПС России на правах министерства получила возможность более оперативно, а значит и более эффективно решать задачи по защите национальных интересов государства в пограничном пространстве.

24 марта 1994 г. Президент России утвердил «Концепцию охраны Пограничными войсками Российской Федерации Государственной границы и исключительной экономической зоны Российской Федерации и внешних границ СНГ (на переходный период)», которая определила направления и характер деятельности ФПС России в условиях многотипности границ.

Необходимо отметить, что программные мероприятия выработывались и определялись на основе анализа складывавшейся обстановки на государственной границе Российской Федерации и в пограничном пространстве, прогноза ее возможного развития и предложений, поступавших из пограничных войск.

Анализ обстановки на государственной границе Российской Федерации в 1994 г. свидетельствовал о широком спектре угроз пограничной безопасности Российской Федерации. При определенных обстоятельствах они были способны дестабилизировать ситуацию, оказать неблагоприятное воздействие на ход реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации. На фоне усиления военно-политической напряженности, обострения криминальной ситуации в ряде приграничных регионов ФПС России продолжала формирование и обустройство пограничных войск, в том числе на новых рубежах, их укрепление и развитие, укомплектование кадрами, решение вопросов приведения состава, организа-

ционно-штатной структуры, технического оснащения, материального и финансового обеспечения в соответствии с решаемыми задачами, улучшения социально-бытового и другого обеспечения всех категорий личного состава.

Вместе с тем, исходя из содержания и характеристики проявления угроз безопасности Российской Федерации в пограничном пространстве, требовалось создание адекватной угрозам безопасности России системы противодействия с возможностью дальнейшего наращивания ее силового, оперативного и технического потенциала на сухопутных, морских, речных и озерных участках государственной границы и в пунктах пропуска. Возникла необходимость принятия безотлагательных кардинальных мер на федеральном уровне по обеспечению безопасности страны на государственной границе и внешних границах государств-участников СНГ.

В этой связи для «оперативного решения внезапно возникающих задач по обеспечению безопасности Российской Федерации на государственной границе, в исключительной экономической зоне и в пограничных пространствах Российской Федерации, а также на внешних границах стран Содружества, охраняемых Пограничными войсками Российской Федерации», по решению Директора ФПС России были созданы резервы Пограничных войск Российской Федерации.

Практика создания необходимых оперативных и тактических резервов в середине 1990-х гг. заняла важное место в общей деятельности руководства и Главного штаба ФПС России.

Оперативный резерв Директора ФПС России включал особенные формирования – пограничные отряды особого назначения, представлявшие собой войсковые части, способные оперативно, мобильно и последовательно наращивать усилия по надежному прикрытию границы и выполнять различные внезапно возникавшие задачи по охране государственной границы России и внешних границ государств-участников СНГ.

Таким образом, условия и факторы, определившие характер и проявление угроз национальной безопасности в пограничном пространстве Российской Федерации, необходимость их нейтрализации имели определяющее значение для создания качественно новых резервных формирований – пограничных отрядов особого

назначения (пого ОН). В 1995 г. в ФПС России в качестве оперативных резервов Директора ФПС России было сформировано семь пограничных отрядов особого назначения: 5-й пого ОН Северо-Западного пограничного округа, 479-й пого ОН Калининградской группы пограничных войск, 106-й пого ОН Западной группы пограничных войск, 509-й пого ОН Забайкальского пограничного округа, 487-й пого ОН Кавказского Особого пограничного округа, 471-й пого ОН Дальневосточного пограничного округа, 515-й пого ОН Тихоокеанского пограничного округа.

История каждого государства представляет собой непрерывный процесс развития, включающий чередование уникальных явлений и закономерностей. Подобные явления возникают вследствие схожести объективных условий, социальных процессов и экономических факторов. В этом значении задействование истории, обращение к историческому опыту охраны границы Российской Федерации в период 1994–2003 гг. на новых рубежах и в условиях обострения вооруженных конфликтов имеет свою логику, поскольку позволит использовать уроки прошлого, полезный опыт применения пого ОН по нейтрализации угроз безопасности Российской Федерации в пограничном пространстве на современном этапе.

**Организация деятельности отечественных спецслужб  
по противодействию деструктивных проявлений НКО  
в России на рубеже XX–XXI вв. (историко-правовой аспект)**

Конец XX – начало XXI вв. для России является периодом кардинальных перемен, затронувших многие сферы жизнедеятельности общества. В стране активно развивается демократия, возрастает интерес к благотворительности и продвигается идея гражданского общества. В результате чего стало постепенно увеличиваться число некоммерческих организаций (НКО).

Однако, несмотря на введение в действие специального законодательства о некоммерческих организациях и соответствующих положений в Гражданский кодекс РФ, на территории российского государства продолжали свою активную деятельность образованные еще в середине 1970-х гг. организации.

Подписанное в августе 1975 г. Хельсинское соглашение позволяло Западу акцентировать внимание на проблемах соблюдения прав человека в СССР и, активно поддерживая диссидентов, расшатывать идеологическую основу страны. Например, Московская Хельсинская группа (МХГ), которую можно считать диссидентской «правозащитной» организацией, созданной в 1976 г. советским физиком Ю.Ф. Орловым.

Изначально советские диссиденты преследовали цель осуществление сбора информации о нарушении прав человека в различных странах, прежде всего в СССР, и информировании правительств стран-участниц Хельсинкских соглашений, что впоследствии было закреплено в уставе группы. Согласно уставу 1993 г.<sup>663</sup>, МХГ являлась региональной некоммерческой общественной организацией. Уставной целью группы было заявлено содействие практическому выполнению гуманитарных статей Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и остальных международно-правовых обязательств Российской Федерации в области прав человека.

Безусловно органы государственной безопасности уделили особое внимание инициативной деятельности новой созданной организации. Поэтому после возникновения МХГ её участники подвергались наблюдению со стороны КГБ и партийных структур. Члены группы подозревались Комитетом государственной безопасности СССР в антисоветской, антиобщественной и враждебной деятельности, сборе и передаче на запад клеветнических материалов, нанесении серьёзного политического ущерба Советскому государству, подстрекательской и провокационной деятельности<sup>664</sup>. В ходе обысков, согласно документам КГБ, «обнаружено и изъято большое количество подготовленных указанными выше лицами для передачи на Запад клеветнических материалов; архивы документов, направленных против конституционного строя СССР; заготовки для последующих антисоветских сборников; изданные на Западе и засланные по нелегальным каналам в СССР пасквилей», материалы, связывающие группу с организацией «Народный трудовой союз», а также оружие, крупные суммы советских денег<sup>665</sup>.

В ответ на активные протесты МХГ, по инициативе Ю.В. Андропова, возглавлявшего на тот момент КГБ при СМ СССР, Политбюро ЦК КПСС поручило создать в данном ведомстве специальное подразделение – Пятое управление (так называемое «идеологическое» управление), в задачи которого входили борьба с политической оппозицией, диссидентскими движениями и антисоветскими организациями<sup>666</sup>.

В записке в ЦК КПСС с обоснованием целесообразности создания этого органа (от 3 июля 1967 г. № 1631 – А) председателем КГБ Ю.В. Андроповым подчеркивалось, что «имеющиеся в Комитете государственной безопасности материалы свидетельствуют о том, что реакционные силы империалистического лагеря, возглавляемые правящими кругами США, постоянно наращивают свои усилия в плане активизации подрывных действий против Советского Союза. При этом одним из важнейших элементов общей системы борьбы с коммунизмом они считают психологическую войну»<sup>667</sup>.

К 1980 г. на свободе остались лишь единицы участников Московской Хельсинской группы, а в 1982 г. пришлось и вовсе прекратить деятельность МХГ ввиду невозможности ее существования. Сотрудникам КГБ удалось меньше чем за 10 лет полностью

пресечь деятельность диссидентского движения, созданного с целью выполнения якобы правозащитных функций. Здесь необходимо обратить внимание на особую роль Управления КГБ при СМ СССР – КГБ СССР по г. Москве и Московской области. В монографии О.М. Хлобустова и Ю.Л. Левшина «История столичного управления КГБ СССР» подчеркивается: «Мы отвечали за всё...». Авторами дана комплексная характеристика основных направлений деятельности управления, в том числе по «пятой линии». В ходе исследования авторы пришли к выводу, что одной из функций 5-й службы Управления являлось ограждение различных социальных групп населения от акций идеологических диверсий зарубежных спецслужб и антисоветских организаций<sup>668</sup>.

Помимо МХГ, «правозащитной» деятельностью занималась Общероссийская общественная организация «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал"». С начала XX в. Московская Хельсинская группа и «Мемориал» осуществляли свою деятельность совместно, так как по своей сути она направлена была на одно и то же.

Некоммерческая организация «Мемориал» была создана еще в 1987 г. с целью исследования политических репрессий в СССР. А именно это было некое содружество десятка организаций в России, Германии, Казахстане, Италии, Чехии, Бельгии, Франции и Украине, ведущих исследовательскую, правозащитную и просветительскую работу. Согласно Уставу, общество ставило перед собой следующие задачи: содействие развитию гражданского общества, правового сознания граждан и демократического правового государства, чтобы не допустить возврата к тоталитаризму, помощь в популяризации демократических ценностей и утверждении прав личности, увековечение памяти жертв политических репрессий и восстановление исторической правды<sup>669</sup>.

Поддержку в реализации своих проектов данной организации оказывал А.Д. Сахаров, являющийся создателем «царь-бомбы» и ядерного щита СССР, позднее яростный критик правящего режима и диссидент, правозащитник и «совесть нации», который всячески пытался содействовать регистрации данного общества. В результате общество «Мемориал» было зарегистрировано в органах юстиции СССР 12 апреля 1991 г. уже после смерти Саха-

рова. Организация имела огромное количество спонсоров из разных государств, которые оказывали не только финансовую, но и информационную поддержку.

Безусловно, деятельность некоммерческой организации «Мемориал» также не обошла стороной органы государственной безопасности, что впоследствии привело к ее ликвидации по решению суда, так как в результате проверки было установлено, что организация занималась не только просветительскими и историческими задачами, но и «оказывала влияние на формирование общественного мнения в России и получала на это иностранное финансирование»<sup>670</sup>.

Не менее известной диссидентской организацией был Фонд Сороса (фонд «Открытое общество»). Это была сеть благотворительных фондов, организаций и программ, учрежденных американцем Дж. Соросом, который начал активно работать в стране с конца 1980-х гг. Интересной особенностью «Открытого общества» является личное участие основателя в жизни фонда и принятии ключевых решений. Одна из основных целей, которую декларировало общество – это поддержка людей и организации по всему миру в их борьбе за свободу самовыражения, прозрачность, ответственные правительства и за общества, которые способствуют справедливости и равенству<sup>671</sup>.

Вклад института «Открытое общество» в российскую культуру и науку колоссален, за 10 лет работы данного фонда на территории РФ на различные проекты и инициативы было выделено около 1 млрд. долларов, что является внушительной суммой даже по меркам других крупных НКО. Во исполнение деятельности Фонда Правительство Российской Федерации в 1996 г. издало распоряжение «О перечне университетов Российской Федерации, в которых создаются с участием Фонда Сороса центры доступа в международной компьютерной сети «Интернет»<sup>672</sup>, которое было принято с целью оснащения указанных центров коммуникационным оборудованием в рамках межведомственной программы «Создание национальной сети компьютерных телекоммуникаций для науки и высшей школы». Согласно данному документу, 33 государственных вуза страны из различных городов должны были сотрудничать с Фондом, что, в свою очередь, не вызывало никаких подозрений.

Однако определенные аспекты инициатив, проводимых этой некоммерческой организацией, вызывают ряд вопросов. Так, программа фонда «Towns of Russia» предусматривала выделение грантов на развитие инфраструктуры малых городов России: отбор проводился среди проектов, представленных непосредственно муниципалитетами населенных пунктов. Факт того, что иностранный фонд выделяет гранты местным администрациям, усугубляется тем, что свои заявки представили как минимум два закрытых административно-территориальных образования – Новоуральск и Озерск<sup>673</sup>. Учитывая стратегическую значимость данных населенных пунктов, можно утверждать, что фонд «Открытое общество» осуществлял деятельность, выходящую за рамки своей изначальной компетенции.

Тем не менее, за тенью благородной деятельности с целью продвижения науки в советском государстве «Открытое общество» по своей сути собрало практически полное досье о подавляющем большинстве научных разработок, которые велись в Советском Союзе, и их исполнителях. Создав базу персональных данных, соросовский фонд приступил к распределению грантов для научных институтов. Для этого надо было предоставить максимально подробную информацию о всех разработках, которые финансировались государством. В итоге «благотворительность» Фонда Сороса обернулась массовым отъездом из России ученых и специалистов. Из 10 научных работников из страны в Европу и США уезжало 8<sup>674</sup>.

Деятельность Фонда Сороса не осталась незамеченной, что и повлекло за собой судебные разбирательства, неоднократные проверки, за которыми последовала ликвидация его деятельности и признание нежелательным на территории РФ. Такое решение было принято лишь в 2015 г. в связи с обращением Совета Федерации к Генеральному прокурору, главе МИД и главе Минюста о проверке организаций, включенных в так называемый патриотический стоп-лист «в связи с необходимостью определения дополнительных по противодействию антироссийской активности иностранных и международных неправительственных организаций». Данный список утвержден постановлением Совета Федерации 8 июля 2015 г.<sup>675</sup> Причиной признания фонда нежелательным, по данным Генеральной прокуратуры РФ, было установлено, что

его деятельность представляла угрозу основам конституционного строя Российской Федерации и безопасности государства<sup>676</sup>.

Безусловно, после падения «железного занавеса» и распада Советского Союза стал активно развиваться «третий сектор» (некоммерческие организации) на территории Российской Федерации, благодаря чему количество неправительственных организаций в стране на протяжении многих лет росло, а уже существующие организации продолжали свою деятельность, но уже под влиянием западных и европейских государств.

Поэтому активное развитие законодательства и тесное сотрудничество органов федеральной службы безопасности, правоохранительных органов, прокуратуры и своевременное реагирование на деструктивную деятельность таких объединений не повлекло за собой угрозу подрыва национальной безопасности.

**О проведении информационных мероприятий  
по сохранению исторической памяти в рамках реализации  
федерального проекта «Без срока давности»**

Результаты анализа оперативной обстановки в сфере информационного противоборства позволяют сделать вывод о том, что проведение информационно-пропагандистских кампаний по фальсификации событий отечественной истории превратилось в одно из ключевых направлений деятельности США, Великобритании и Украины. Более того, развитие общественно-политических процессов в западных странах на фоне проведения СВО на Украине наглядно свидетельствует о реабилитации их властями нацизма, угроза возрождения которого в Европе перестала быть иллюзорной.

Меняя тактику и формы работы, противник продолжает наращивать потенциал для эскалации информационной войны, организуя антироссийские акции по искажению фактов и событий Великой Отечественной войны, преуменьшая роль Советского Союза в Победе над фашистской Германией.

Поэтому противодействие информационным кампаниям по реформатированию исторического сознания россиян, а также содействие государственной политике РФ в поддержке инициатив по укреплению патриотического самосознания граждан остается актуальной задачей органов безопасности в области информационного противоборства.

Архив УФСБ России по Омской области (далее – Управление) является одним из крупнейших в системе отечественных органов безопасности. Уникальные рассекреченные первоисточники ложатся в основу выставок и экспозиций, художественных и документальных фильмов, книг, театральных постановок, способствуя патриотическому воспитанию молодежи.

Управление в рамках проекта «Без срока давности» регулярно проводит мероприятия, нацеленные на сохранение исторической памяти. Однако опыт проведения информационно-пропагандистских мероприятий свидетельствует о невысоком уровне исторической образованности населения, прежде всего молодежи. Именно

это и создает благоприятную почву для проникновения и восприятия фальсификации истории России.

«Способ донесения информации меняется, а нам важно, чтобы современные средства доносили до человека нужное содержание контента, как модно теперь говорить», – отметил Президент РФ Владимир Путин 30 апреля 2025 г. на федеральном просветительском марафоне «Знание. Первые» российского общества «Знание».

В целях реализации Указа Президента РФ от 31 июля 2023 «О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» Управлением совместно с региональным телеканалом АО «Омские медиа» при поддержке фонда «История Отечества» создан документальный мультимедийный цикл «Запрос на правду». Этот проект основан на актуальных в современном обществе рассекреченных материалах, находящихся на хранении в архиве Управления, которые были представлены широкой общественности в формате мультимедийного проекта, состоящего из цикла четырех получасовых выпусков, посвященных отдельным исторически значимым темам.

Главной особенностью проекта является сочетание документальной и художественной составляющей. Документальная часть – это воспоминания ветеранов, интервью, комментарии эксперта, изложение исторических событий, взятых из рассекреченных документов. Художественная часть представляет собой театральные постановки, воссоздающие с достоверной точностью события, описанные в документальных материалах.

Нестандартные способы презентации исторических документов делают этот проект интересным, прежде всего, для молодежи, воздействуя на эмоциональную сферу. Как известно, информация, преподносимая на фоне эмоционального возбуждения, практически целиком откладывается в подсознании.

В основе сюжетной линии проекта лежит история начинающего амбициозного журналиста медиахолдинга, который по заданию редактора отправляется в архив Управления для изучения рассекреченных документов, которые могли бы стать основой видеосюжета. Редакционное задание обретает особый смысл, когда в его руки попадают уникальные оригинальные документы с пожелтевшими страницами – живыми свидетельствами зверств и же-

стокости фашистов, а также человеческого горя, пережитого советскими гражданами. Все это не оставляет равнодушным молодого журналиста. С помощью сотрудников архива он начинает погружение в историческую правду, узнает факты, которые основательно влияют на его мировоззрение.

Изучая документы, он наглядно представляет прочитанное, воображение делает его самого участником и свидетелем событий прошлого, рассказчиком и судьей. Настоящее переплетается с событиями прошлого, и те сцены, которые возникают в голове у журналиста, оживают на глазах у телезрителя в виде театральных постановок профессиональных актеров. Молодой человек принимает решение продолжить изучение документов о преступлениях фашистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны. Он уверен, что эти факты должны быть преданы широкой огласке, и готовит серию материалов.

Первый выпуск программы посвящён пребыванию советских граждан в концлагерях на временно оккупированных фашистами территориях бывших союзных республик. Рассматривая документы, журналист проводит скрупулёзную работу по изучению допросов надзирателей концлагерей, показаний врачей, дневников узников, а также докладных записок сотрудников отдела контрразведки (ОКР) «Смерш», в которых подробно излагались факты злодеяний фашистов в отношении заключённых граждан.

Старт проекта символично совпал с памятной датой восстания узников в концлагере «Бухенвальд» 11 апреля 1945 г. Специально для первого выпуска были впервые обнародованы рассекреченные дневниковые записи одного из узников с воспоминаниями об условиях содержания советских военнопленных в концлагерях Маутхаузен, Майданек с картами-схемами расположения бараков на территориях лагерей. Также вслед за журналистом телезрители увидели фотографии, находящиеся в деле немецкого майора вермахта, задержанного органами контрразведки в 1945 г., который, исполняя служебные обязанности на территории Освенцима, фотографировал полуживые тела и трупы замученных фашистами насмерть людей. Неоспоримую историческую значимость также представляют представленные общественности докладные записки руководству ОКР «Смерш» о проводившихся в концлагерях медицинских опытах врачей на узниках и трупах заключённых.

Комментарии пользователей в социальных сетях, отзывы телезрителей о первом выпуске проекта свидетельствовали о живом, неподдельном интересе аудитории к заявленной теме. Более того, в редакцию телеканала позвонил председатель региональной ветеранской организации «Российский Союз ветеранов» В. Басаев с предложением продолжить работу над данной темой и пообщаться с ветеранами, проживающими в Омской области, которые, будучи детьми, прошли весь ужас фашистских концлагерей, таких как Освенцим, Саласпилс, Бухенвальд. Он поделился контактами ветеранов-детей войны, готовых встретиться с творческой группой, работающей над проектом. Встреча с ними позволила прочувствовать масштаб трагедии и пережитую боль. Они поведали истории своей жизни: о том, как смогли найти силы, чтобы выжить в те страшные дни, как восстанавливались после войны и строили свою жизнь. Таким образом, было решено посвятить второй выпуск проекта памяти о преступлениях фашистов против человечности и детства, а также рассказать о военных преступниках, предателях Родины, которые работали надзирателями в концлагерях, а также помогали фашистам осуществлять карательные операции против мирных граждан.

Историческая ценность записанных интервью оказалась настолько велика, что все эти воспоминания живых очевидцев были опубликованы отдельным циклом на сайте телеканала и в социальных сетях, а наиболее эмоциональные, пронизывающие до глубины души фрагменты интервью вошли во второй выпуск проекта.

Не меньший интерес у телезрителей вызвали обнародованные во втором выпуске программы «Запрос на правду» рассекреченные документы о поимке сотрудниками УМГБ по Омской области изменника Родины А. Брауна, уроженца с. Розовки Русско-Полянского района Омской области. В 1941 г. он добровольно сдался в плен, поступил на службу к немцам и был зачислен в школу «СС» полиции и безопасности, где принял присягу и обучался в течение года. Получив чин обер-вахмана, Браун для дальнейшего прохождения службы был направлен в 25-й полк войск «СС», в составе которого нес охранную службу в фашистских концлагерях еврейских гетто. Наряду с несением охраной службы Браун неоднократно принимал участие в массовом истреблении советских людей. Военный трибунал Западно-Сибирского военного округа

признал А. Брауна виновным в измене Родине и приговорил его к расстрелу с конфискацией имущества.

История жизни и предательства этого военного преступника легла в основу театрализованной постановки, поставленной к 80-летию Великой Победы на сцене Омского Пятого драматического театра.

Стоит отметить, что количество упоминаний в масс-медиа и рейтинг второго выпуска проекта «Запрос на правду» способствовали заключению договора правообладателя проекта АО «Омские медиа» с телерадиовещательной организацией Республики Беларусь «БелРос» на предмет трансляции проекта «Запрос на правду» на медиаплощадках в Республике Беларусь.

Отличительной особенностью третьего выпуска проекта стало знакомство журналиста с уголовными делами военных преступников (анкеты, фотографии, протоколы допросов, собственноручно написанные признания в пособничестве и зверствах, судебные приговоры). Все эти подлинные документы, подкреплённые собирательными художественными сценами, увидели вместе с журналистом и телезрители.

Погружаясь в атмосферу военных лет, журналисту предстояло узнать, как органы безопасности боролись со спецслужбами нацистской Германии и её союзниками в период Великой Отечественной войны. Среди архивных документов особое внимание корреспондента привлекли рассекреченные докладные записки и спецсообщения сотрудников ОКР «Смерш» командованию армии о задержании уроженца Омской области А. Мажуги, который в 1941 г., бросив оружие на поле боя, добровольно сдался в плен фашистам, присягнул на верность Гитлеру и за добросовестную службу был назначен начальником полиции в Касторенском лагере смерти для военнопленных в Курской области. В 1943 г. был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу.

Изучая первоисточники, журналист не только узнает, как боролись чекисты со спецслужбами Германии в годы войны, но и вместе с телезрителем побывает в музейной комнате, называемой «кабинет чекиста». Экспонаты, представленные здесь, практически все подлинные. На протяжении длительного времени со-

трудники архива Управления собирали атрибуты, воссоздавая типичную рабочую обстановку контрразведчика военного и послевоенного времени.

Получив множество положительных отзывов о третьем выпуске проекта и заявок от желающих посетить музейную комнату, стало очевидно, что интерес широкой общественности к истории органов безопасности высок. Поэтому в целях нравственно-патриотического воспитания молодёжи в настоящее время обсуждается возможность организации экскурсионных групп в архив Управления с соблюдением необходимых требований защиты государственной тайны и собственной безопасности.

В финальном выпуске программы перед журналистом стояла задача исследовать архивные документы, отражающие деятельность органов контрразведки по розыску и аресту пособников гитлеровских оккупантов из числа латышских добровольческих подразделений СС. Среди обнародованных документов наибольший интерес у корреспондента вызывают докладные записки о «команде Арайса», отличавшейся особой жестокостью. Погружаясь в исторические первоисточники, журналист в подробностях узнает о трагедии в Бикерниекском лесу, а исторические реконструкции тех событий в свою очередь позволяют ему прочувствовать весь масштаб злодеяний латышских карателей.

Приглашая зрителя прикоснуться к самым страшным страницам истории XX в., журналист раскрывает подвиги тех, кто ценой собственной жизни выполнял служебный долг и навсегда вошел в историю органов безопасности как самоотверженный герой своего времени. Среди них: А. Шило – прославленный разведчик, организатор партизанского отряда, на счету которого несколько десятков успешных разведывательных операций; Б. Быстров – военный контрразведчик, руководивший оперативными группами «Смерш» по задержанию главарей Третьего Рейха и захвату оперативных документов немецкой разведки в Латвии, Польше, Германии; П. Величко – оперуполномоченный особого отдела НКВД 235-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта, который, попав в плен к немцам, выявил часть агентуры гестапо, действовавшей внутри лагеря военнопленных, и более сорока агентов абвера, забрасываемых в советский тыл.

Неслучайно рассказ о судьбах и боевых заслугах выдающихся чекистов стал заключительной частью проекта, вдохновляя зрителей силой человеческого духа, заставляя гордиться поколением несломленных победителей.

Еще одним историко-просветительским проектом, заслуживающим внимания, является созданный на основе рассекреченных архивных материалов художественный фильм «Вальс со смертью».

Этот проект, реализованный региональным телеканалом АО «Омские медиа» на средства Президентского фонда культурных инициатив, повествует о юной балерине, которую фашисты во время Великой Отечественной войны угнали вместе с ее матерью в Восточную Пруссию в концлагерь Штутгоф на принудительные работы.

Кроме того, создатели фильма не оставили без внимания и отразили в киноленте шокирующие подробности пальникенской трагедии, когда 31 января 1945 г. в городе Пальникен (поселок Янтарный Калининградской области) нацисты расстреляли несколько тысяч узников концлагеря Штутгоф и часть заключенных отправили в пеший поход на 80 км., в результате чего из 5 тысяч изможденных людей остались живы только 15 человек.

Съемки фильма проводились в период с августа по октябрь 2024 г. в г. Омске, а также в г. Калининграде. Для создания убедительных образов военного и послевоенного времени авторами фильма в омском регионе специально были воссозданы бараки фашистского концлагеря, где происходили основные события фильма; в г. Калининграде было отснято несколько сцен, действия которых по режиссерской задумке происходили уже в послевоенное время в 1960-е гг. В пос. Красноярка Омского района Омской области для съемок фильма была возведена немецкая усадьба зажиточного бюргера.

К работе над фильмом были подключены десятки профессиональных актеров и сотни добровольцев для массовых сцен. В фильме приняли участие как актеры омских государственных драматических театров, так и специально приглашенный гость, российский актер театра и кино Е. Сидихин, который сыграл роль сотрудника КГБ.

В особую атмосферу фильма зрителей погружают не только актеры, но и сопутствующие реквизиты (мебель, одежда, декорации, автомобили) времен Второй мировой войны, которые для исторической достоверности удалось подобрать создателям фильма с задействованием оперативных возможностей Управления.

Отметим, что в широкий прокат художественный фильм «Вальс со смертью» выйдет не только в кинотеатрах Омской области, а также в других регионах России и за рубежом. В Монголии в настоящее время завершается работа над переводом кинофильма на национальный язык.

Кроме того, в настоящее время Управлением при поддержке Министерства внутренней политики и массовых коммуникаций Омской области с задействованием грантовых инструментов региональной поддержки, а также пула историков-экспертов прорабатывается вопрос создания мультимедийного музея Великой Отечественной войны. Этот проект направлен, прежде всего, на изучение подрастающим поколением истории Великой Отечественной войны, а также вклада омичей в дело Великой Победы.

Высокий запрос общества в условиях перенасыщенности просветительского исторического контента в образовательной и культурной среде невозможно удовлетворить, основываясь на традиционных методах и средствах подачи информации, тем более что касается формирования знаний у подрастающего поколения. Поэтому основу музея будут составлять интерактивные тематические станции, проходя которые посетителям в непринужденной форме представится возможность познакомиться с историей Великой Отечественной войны, а также узнать о вкладе омичей в Великую Победу. Эмоциональное погружение в атмосферу военной истории, воссозданная с исторической достоверностью эпоха военного времени, трехмерные панорамы, голографические проекции, исторические реконструкции, элементы иммерсивного театра позволят прочувствовать подвиги омичей и их вклад в отечественную историю, сформировать уважение к историческому прошлому.

Кроме того, интерактивный музей Великой Отечественной войны может использоваться как площадка для проведения организационно-кадровых мероприятий и социально-значимых проектов Управления.

**Реабилитация пособников нацизма как часть  
современной государственной политики Украины**

Социально-политический конфликт на Украине, сложившийся в результате синтеза как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических факторов, создал условия для деструктивного влияния на безопасность Российской Федерации. В этом отношении одним из инструментов воздействия со стороны Украины выступают попытки фальсификации собственной отечественной истории, а также распространение мифологизированных, искаженных трактовок событий новейшей российской истории с целью ослабления международных позиций Российской Федерации и роста внутривнутриполитической и межнациональной напряженности в государстве. Это достигается путем внедрения в общественное сознание таких версий исторических событий, которые призваны формировать негативный образ России, провоцировать рост русофобских настроений в стране и мире. Между тем, любые фальсификации, переписывание или просто замалчивание ключевых событий в истории не только существенно размывают историко-аксиологические основания государства и общества, но и прямо угрожают стабильности, устойчивому развитию, межнациональному и межконфессиональному миру и согласию, что наглядно продемонстрировали события на Украине 2013–2014 гг.<sup>677</sup>.

Несмотря на выработанные и функционирующие в рамках ООН, ОБСЕ и Совета Европы правовые механизмы, отрицающие, осуждающие и не допускающие проявления героизации нацизма, расизма, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, Украина продолжает курс на переписывание совместной истории и событий Второй мировой войны, что выражается в попытках героизации нацистских пособников, осквернении и уничтожении памятников советским воинам, а также митингах, маршах и лагерях подготовки националистически настроенной ультраправой молодежи, прямом преследовании, угрозах и физическом насилии над ветеранами.

Независимость Украины определяется политической элитой страны как независимость от России. Отторжение от соседнего

государства и противопоставление ему стало одним из главных инструментов строительства государственности и источником постоянных противоречий в российско-украинских отношениях.

С первых дней провозглашения своей независимости курс Украины преследовал достижение трех целей. Во-первых, недопущение вмешательства России во внутренние дела Украины. На уровне политической риторики внутри страны и политического дискурса на международной арене постоянно муссировался тезис об имперской угрозе, имперском давлении со стороны России. Высказывались опасения по поводу крымского сепаратизма, возможного дрейфа восточных и южных областей Украины в сторону России, обвинения российского правительства в использовании СНГ для восстановления СССР<sup>678</sup>.

С избранием В.А. Зеленского на пост президента страны большинство украинских граждан надеялось на изменения к лучшему в различных сферах общественной жизни. Однако, с учетом действий и заявлений властей за время, прошедшее после победы В.А. Зеленского на президентских выборах, приходится констатировать, что по большинству ключевых вопросов, в том числе в гуманитарной сфере, политика нового украинского руководства не просто осталась такой же, как и при П.А. Порошенко, но и усугубила имеющиеся проблемы.

Наибольшей последовательностью отличаются усилия киевских властей по переписыванию истории и агрессивной пропаганде неонацизма. Насаждаемые искаженные трактовки исторических событий, умаляющие роль и вклад СССР в победу над нацизмом, нацелены на разрушение исторической памяти украинского народа о событиях Великой Отечественной войны. Культивированию националистического настроения среди широких масс населения служат активные усилия властей всех уровней по обелению и героизации нацизма, нацистских пособников времен Второй мировой войны и возвеличиванию различных формирований украинских коллаборационистов, сотрудничавших с нацистскими захватчиками под видом участников «национально-освободительного движения». Особое внимание уделяется принятию широкого спектра мер по государственной поддержке движений, прославляющих коллаборационистов.

Следует отметить, что для такой работы создана нормативная правовая база. Законы по «декоммунизации» систематически принимались, начиная с 2015 г., и затронули такие вопросы, как предоставление льгот бывшим участникам националистических вооруженных формирований и запрет на использование советской символики и знаков отличия Красной Армии. Так, 16 мая 2017 г. в Кодекс Украины об административных правонарушениях были внесены поправки, предусматривающие запрет публичного использования, ношения, демонстрации георгиевской (гвардейской) ленты либо ее изображения<sup>679</sup>.

«Декоммунизационные» меры положили начало многочисленным акциям по сносу памятников деятелям советского периода. Несмотря на то, что законом предусмотрено исключение для памятников героям Второй мировой войны, на практике это положение игнорируется и государственными учреждениями, и праворадикалами.

В феврале 2021 г. Киевским городским советом была подготовлена апелляция на постановление Окружного административного суда г. Киева об отмене решений столичных властей о переименовании Московского проспекта в проспект им. С. Бандеры, а проспект генерала Ватутин в проспект им. Р. Шухевича<sup>680</sup>. В апреле 2021 г. Шестой апелляционный административный суд признал законным это переименование<sup>681</sup>.

Поддержка нацизма и украинских коллаборационистов выражалась на официальном уровне. Так, в июне 2020 г. мэр г. Херсона В.В. Николаенко поздравил горожан с годовщиной принятия в 1941 г. во Львове коллаборационистами из ОУН «Акта провозглашения Украинского государства», в котором содержалось обязательство «тесно сотрудничать с национал-социалистической Великой Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации». По городу была размещена наружная реклама с репродукцией газеты ОУН «Самостийная Украина» от 10 июля 1941 г. с текстом упомянутого акта<sup>682</sup>.

Мэр Ивано-Франковска Р.Р. Марцинкив на своей странице в «Facebook»<sup>683</sup> публиковал сообщения о том, что гордится своим дедом, который был участником дивизии СС «Галичина»<sup>684</sup>.

Верховная Рада Украины также регулярно принимает постановления о внесении юбилейных дат украинских пособников нацистов в календарь памятных дат.

Так, в календарь памятных дат и юбилеев 2020 г. постановлением Верховной Рады<sup>685</sup> были включены юбилеи таких нацистских коллаборационистов, как В. Кубийович (активный сторонник сотрудничества с немцами, инициатор формирования дивизии СС «Галичина»), И. Полтавец-Остряница (руководитель УНАКОР – Украинского народного казацкого руха, в составе которого действовали подразделения вспомогательной полиции, принимавшие участие в массовых убийствах евреев на Волыни, в Житомире, Виннице, Белой Церкви), В. Левкович (участник украинской вспомогательной полиции в Дубно, затем – командир Военной округа «Буг» в составе УПА, осужденный в 1947 г. Военным трибуналом войск МВД Киевской области), У. Самчук (активист ОУН, главный редактор пронацистской газеты в Ровно «Волынь», публиковавший антисемитские статьи с призывом к уничтожению евреев), В. Сидор (член ОУН и УПА, командир сотни в составе батальона «Нахтигаль», принимавшего участие в карательных операциях; после войны вплоть до ликвидации в 1949 г. активно участвовал в подпольной деятельности, занимал должность заместителя главного командира УПА), А. Мельник (глава Провода (правления) ОУН, открыто сотрудничавший с нацистами, руководитель Украинской национальной рады в Киеве в годы войны, организатор подразделений украинской вспомогательной полиции, организатор массовых убийств евреев), К. Осьмак (участник ОУН (крыло С. Бандеры), один из руководителей Украинской национальной рады в Киеве во главе с А. Мельником), А. Вышневский (один из организаторов дивизии СС «Галичина»), Я. Старух (член Провода (правления) ОУН, организатор еврейских погромов), В. Галас (один из лидеров ОУН, руководивший подпольной сетью ОУН на Западной Украине, организатор еврейских погромов в Тернопольской области и массовых убийств поляков), а также националистов, в частности, М. Железняк (руководитель Колиивщины, причастный к резне евреев в Умани в XVIII в.). При этом в ряде случаев эти лица упоминаются просто как общественные деятели (как, например, «историк и географ» В. Кубийович, «политиче-

ский и военный деятель» Я. Старух, «писатель, публицист, журналист» У. Самчук) без указания на их связь с националистами. На проведение памятных мероприятий в честь этих «деятелей» было предусмотрено выделение государственного финансирования. Министерством образования и науки были проведены уроки и воспитательные часы. Также был предусмотрен выпуск юбилейных монет и почтовых марок в честь этих лиц.

16 декабря 2020 г. Верховной Радой принято постановление «О праздновании памятных дат и юбилеев в 2021 году»<sup>686</sup>. Для празднования на государственном уровне были предложены юбилейные дни рождения С. Тимошенко (министр УНР, который занимался строительством военных объектов вермахта в Польше), Л. Перфецкого (ветеран дивизии СС «Галичина»), Н. Капустяцкого (заместитель руководителя крыла ОУН А. Мельника, занимался формированием вспомогательных украинских частей для нацистов), В. Щигельского (некоторое время был членом УПА, расстрелян в послевоенной Польше за пособничество нацистам), О. Дякия (член ОУН, ликвидирован советскими органами безопасности), а также Р. Волошина (член ОУН и УПА).

В развитие подобных постановлений Верховной Рады властями украинских регионов были приняты собственные нормативные акты.

24 декабря 2019 г. Львовским областным советом было принято постановление о выделении государственных средств для памятных мероприятий в честь одного из лидеров ОУН А. Мельника, а также приверженца идей украинского национализма И. Липы и его сына Ю. Липы – идеолога национализма.

27 февраля 2020 г. Киевский горсовет принял постановление о праздновании в Киеве памятных дат и юбилеев в честь тех же коллаборационистов. В их числе – В. Кубийович, И. Полтавец-Остряница, В. Левкович, У. Самчук, В. Сидор, Ю. Липа, В. Галас, А. Мельник<sup>687</sup>.

В парламент Украины вносились и другие законопроекты, направленные на героизацию нацизма. Так, 21 сентября 2020 г. представители парламентских фракций «Голос», «Слуга народа», а также член партии «Свобода» О. В. Савчук выступили с инициативой о внесении на рассмотрение Верховной Рады проекта постановления о праздновании 80-летия со дня провозглашения

во Львове «Акта восстановления Украинского государства», принятый 30 июня 1941 г. во время нацистской оккупации Западной Украины.

Идеология неонацизма насаждается в образовательной сфере. В программы патриотического воспитания молодежи внедрены идеи национализма и ксенофобии, в частности, агрессивной русофобии, а также идеологии героизации нацистских пособников. В качестве основы этой работы 18 мая 2019 г. Президентом Украины П.А. Порошенко была подписана Стратегия национально-патриотического воспитания на 2020–2025 гг.<sup>688</sup> Документ предусматривает формирование у подрастающих поколений ценностных ориентиров на примерах, унаследованных, в том числе, от «Сечевых стрельцов», отрядов «Карпатской сечи» и УПА. Примерами для подражания стали лица, участвовавшие в антитеррористической операции на Донбассе.

К патриотической работе с молодежью украинские власти привлекают праворадикальные и ультранационалистические группировки и организации (в том числе «Свобода» и «С14»), оказывая отдельным группировкам государственную поддержку в рамках выделения финансирования на проведение таких «военно-патриотических молодежно-воспитательных» проектов, как фестиваль «Бандерштат», военно-полевые игры Гурбы-Антоновцы, «Игры патриотов» и «Джура», «Курс вольных людей» и «Курс молодого бандеровца», а также организацию летних лагерей с националистическим уклоном. При этом многие из националистических организаций получают финансирование из госбюджета по статье «национально-патриотическое воспитание», а также напрямую из государственного и местных бюджетов – непосредственно под их деятельность<sup>689</sup>.

Власти Украины также продолжают возводить памятники и мемориальные знаки в честь боевиков ОУН – УПА и воздавать почести дожившим до сегодняшнего дня бывшим нацистам.

Так, 29 января 2020 г. в г. Ивано-Франковске была организована торжественная церемония захоронения на Аллее Славы бывшего карателя, участника дивизии СС «Галичина» М. Мулика, в которой приняли участие областные чиновники и духовенство. Многие присутствовавшие на этом мероприятии были одеты

в нацистскую форму. Глава областного совета Ивано-Франковской области А.М. Сыч заявил, что страна нуждается в «таких патриотичных и украиноцентричных воинах, носителях духа истории и идентичности»<sup>690</sup>.

28 апреля 2021 г. впервые в Киеве радикалы прошли маршем в честь дня создания нацистской дивизии СС «Галичина», в ходе шествия использовалась нацистская символика. В ходе несогласованного шествия радикалов сопровождали полицейские, перекрывшие движение транспорта на ряде центральных улиц Киева<sup>691</sup>.

Параллельно с чествованием коллаборационистов украинские власти предпринимают усилия по сносу памятников бойцам Красной Армии. Так, в феврале 2021 г. во Львове проведены работы по демонтажу Монумента Боевой славы Вооруженных Сил СССР.

Героизация нацистских пособников привела к тому, что монументы воинам Советской Армии и жертвам трагических событий времен Второй мировой войны, в том числе связанных с Холокостом, регулярно подвергаются на Украине атакам со стороны праворадикальных и националистических группировок. Подобные случаи фиксируются украинскими правоохранителями и вносятся в единый реестр досудебных расследований, однако участники этих акций к ответственности не привлекаются. Таким образом, украинские официальные лица своими действиями оправдывают вандалов и способствуют дальнейшим противоправным действиям с их стороны.

Подобная политика украинских властей абсолютно закономерно привела к радикализации социума и нагнетанию неонацистских, расистских, экстремистских настроений, расширению масштабов и диверсификации проявления национализма, ксенофобии и антисемитизма, что создало угрозу безопасности Российской Федерации. В связи с этим Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 24 февраля 2022 г. было принято решение о проведении специальной военной операции на территории Украины с целью ее демилитаризации и денацификации. По этой причине государственным органам и научному сообществу Российской Федерации целесообразно активнее осваивать новые каналы коммуникаций для донесения максимального массива точных сведений и борьбы с фальсификациями истории как российскому, так и украинскому потребителю информации.

Отдельно необходимо отметить, что архивные документы – это главный источник, на который в своей работе опираются историки. Дефицит информации или ее недоступность, наряду с изначальной ангажированностью, создают дополнительные предпосылки для фальсификации и благодатную почву отечественным и зарубежным ревизионистам для искажения исторических событий в угоду их взглядам и заказчикам. Поэтому системная работа по рассекречиванию архивных документов, в том числе находящихся на хранении в ведомственных архивах, способствовала бы усилению исторической правды и самобытности российского народа.

Таким образом, наш долг – донести историческую правду современному потребителю информации. Утверждение исторической правды в современных условиях является составной частью общих усилий в упрочении мира и предотвращении новых конфликтов.

## Примечания и ссылки на источники

<sup>1</sup> *Щербакова Е.И.* Органы безопасности Российской империи XIX – нач. XX вв. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М.: Алгоритм, 2017. С. 55.

<sup>2</sup> *Тыркова-Вильямс А.*: Жизнь Пушкина. Т. 2. 1824–1837 [Глава XIV. Под тайным надзором]. М.: Молодая гвардия, 1998; *Черейский Л.А.* Современники Пушкина: Докум. очерки. 2-е изд, испр. и доп. [Бенкендорф Александр Христофорович; Николай I]. М.-СПб: ОЛМА-ПРЕСС, Нева, Паритет, 1999; Более взвешенную точку зрения см., например: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. изд. 3-е. Л.: Атеней, 1925.

<sup>3</sup> Подробнее об архивных документах, связанных с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, см.: Пушкинские материалы в архивах России. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Материалы научно-практической конференции 16 февраля 1999 г., Москва. М., 1999.

<sup>4</sup> *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 10. Письма / текст проверен и примечания составлены проф. Л.Б. Модзалевским и И.М. Семенко под ред. проф. Б.В. Томашевского М.: Наука, 1965; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 10. Письма / текст проверен и примечания составлены проф. Л.Б. Модзалевским и И.М. Семенко под ред. проф. Б.В. Томашевского. Л.: Наука. Ленинградское отд., 1979; *Есипов В.М.* Переписка А.С. Пушкина с А.Х. Бенкендорфом. СПб: Нестор-История, 2021.

<sup>5</sup> *Есипов В.М.* Переписка А.С. Пушкина с А.Х. Бенкендорфом. СПб: Нестор-История, 2021. С. 40.

<sup>6</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 4 марта 1827 г. // Там же. С. 48.

<sup>7</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 22 марта 1827 г. // Там же. С. 49.

<sup>8</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 22 августа 1827 г. // Там же. С. 54.

<sup>9</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 5 марта 1828 г. // Там же. С. 56.

<sup>10</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 18–24 февраля 1832 г. (черновое) // Там же. С. 101.

<sup>11</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу не позднее 21 июля 1831 г. // Там же. С. 90.

<sup>12</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу 25 июня 1834 г. // Там же. С. 120.

<sup>13</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 30 июня 1834 г. // Там же. С. 121.

<sup>14</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу 3 июля 1834 г. // Там же. С. 122.

<sup>15</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу 24 февраля 1832 г. // Там же. С. 102;

Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 29 февраля 1832 г. // Там же. С. 103.

<sup>16</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу 26 января 1835 г. // Там же. С. 128–129.

<sup>17</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 30 сентября 1826 г. // Там же. С. 40.

<sup>18</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 24 апреля 1827 г. // Там же. С. 50.

<sup>19</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 3 мая 1827 г. // Там же. С. 50–51.

<sup>20</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 14 октября 1829 г. // Там же. С. 62.

<sup>21</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 10 ноября 1829 г. // Там же. С. 63–64.

<sup>22</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 17 марта 1830 г. // Там же. С. 71.

<sup>23</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 24 марта 1830 г. // Там же. С. 74.

<sup>24</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 3 апреля 1830 г. // Там же. С. 76.

- <sup>25</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 21 апреля 1828 г. // Там же. С. 60; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 7 января 1830 г. // Там же. С. 65.
- <sup>26</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 17 января 1830 г. // Там же. С. 67.
- <sup>27</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 20 июля 1827 г. // Там же. С. 52.
- <sup>28</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г. // Там же. С. 146–147.
- <sup>29</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 24 марта 1830 г. // Там же. С. 74.
- <sup>30</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 24 ноября 1831 г. // Там же. С. 95.
- <sup>31</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 10 декабря 1831 г. // Там же. С. 97.
- <sup>32</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу не позднее 21 июля 1831 г. // Там же. С. 90; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 27 мая 1830 г. // Там же. С. 105; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу около 27 мая 1830 г. // Там же. С. 107; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от апреля-мая 1835 г. (черновое) // Там же. С. 131; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 31 декабря 1835 г. // Там же. С. 142.
- <sup>33</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 18 апреля 1828 г. // Там же. С. 58; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 20 апреля 1828 г. // Там же. С. 59; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу не позднее 21 июля 1831 г. // Там же. С. 89–90; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 3 мая 1832 г. // Там же. С. 104; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 1 июня 1835 г. // Там же. С. 135–136.
- <sup>34</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 18 января 1830 г. // Там же. С. 69.
- <sup>35</sup> Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 7 апреля 1831 г. // Там же. С. 89. Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу не сохранилось.
- <sup>36</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 27 мая 1830 г. // Там же. С. 105.
- <sup>37</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г. // Там же. С. 79–80; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 7 мая 1830 г. // Там же. С. 83.
- <sup>38</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 29 мая 1830 г. // Там же. С. 85; Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 26 июня 1830 г. // Там же. С. 86; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 8 июня 1832 г. // Там же. С. 109.
- <sup>39</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 26 февраля 1834 г. // Там же. С. 115; Письмо А.Х. Бенкендорфа А.С. Пушкину от 4 марта 1834 г. // Там же. С. 116; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 1 июня 1835 г. // Там же. С. 135; Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 26 июля 1835 г. // Там же. С. 140.
- <sup>40</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 29 ноября 1826 г. // Там же. С. 43.
- <sup>41</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 24 марта 1830 г. // Там же. С. 74.
- <sup>42</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от апреля-мая 1835 г. // Там же. С. 131.
- <sup>43</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 6 июля 1834 г. // Там же. С. 124.
- <sup>44</sup> Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу от 1 июня 1835 г. // Там же. С. 136.
- <sup>45</sup> *Щербакова Е.И.* Органы безопасности Российской империи. . . С. 69.
- <sup>46</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 673. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–10.
- <sup>47</sup> РГИА. Ф. 673. Оп. 2. Д. 7. Л. 3–3об.
- <sup>48</sup> *Востриков А.* Липранди: особые поручения // Сеанс. № 23/24. 2005. URL: <http://sesnce.ru/n/23-24/biopis-2/liprandi-osobyie-porucheniya/> (дата обращения: 26.10.2025).

- 
- <sup>49</sup> РГИА. Ф. 673. Оп. 2. Д. 25. Л. 1–7.
- <sup>50</sup> Там же. Л. 1–2.
- <sup>51</sup> Там же. Л. 2.
- <sup>52</sup> Там же. Л. 2–4.
- <sup>53</sup> Там же. Л. 3.
- <sup>54</sup> Там же. Л. 6–6 об.
- <sup>55</sup> Там же. Л. 6об.
- <sup>56</sup> Там же.
- <sup>57</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- <sup>58</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 1а. Д. 64 т.1. Л. 16.
- <sup>59</sup> Там же. Л. 16 об.
- <sup>60</sup> Там же.
- <sup>61</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- <sup>62</sup> Там же. Л. 8.
- <sup>63</sup> ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 64 т. 1. Л. 67.
- <sup>64</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- <sup>65</sup> ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 64 т.1. Л. 71.
- <sup>66</sup> Там же. Л. 67–67об.
- <sup>67</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- <sup>68</sup> ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 64 т.1. Л. 73.
- <sup>69</sup> Там же.
- <sup>70</sup> РГИА. Ф. 673. Оп. 2. Д. 34. Л. 2об.
- <sup>71</sup> Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- <sup>72</sup> Там же. Ф. 673. Оп. 2. Д. 34. Л. 3–4.
- <sup>73</sup> Там же. Ф. 561. Оп. 1. Д. 214. Л. 5об.
- <sup>74</sup> Там же. Д. 413. Л. 19.
- <sup>75</sup> Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–2; Д. 139. Л. 6.
- <sup>76</sup> Там же. Д. 140. Л. 28 об.
- <sup>77</sup> Там же. Д. 130. Л. 1–3.
- <sup>78</sup> Там же. Д. 78. Л. 19–22.
- <sup>79</sup> Там же.
- <sup>80</sup> Там же. Ф. 673. Оп. 2. Д. 54. Л. 2–3.
- <sup>81</sup> Там же. Оп. 3а. Д. 2731. Л. 1–10.
- <sup>82</sup> ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 564. Л. 1–9.
- <sup>83</sup> Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1880 год. М, 1898. С.196, 428.
- <sup>84</sup> Правила о полицейском надзоре Утв. 30 апр. (12 мая) 1867 г. Царство Польское. Комиссия внутренних дел. Б.м. 1867.
- <sup>85</sup> ГАРФ. Ф. 1662. Оп.1. Д. 3. Л. 4–5.
- <sup>86</sup> Там же. Д. 7. Л. 25.
- <sup>87</sup> Там же. Л. 3–4.
- <sup>88</sup> Там же. Л. 19.
- <sup>89</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. II. 1882. № 730. СПб.: тип-я II Отделения С.Е.И.В.К., 1886. С.84–87.

<sup>90</sup> *Зарубина К.А.* Полицейский надзор или методы работы с «политически неблагонадёжными лицами» во второй половине XIX- начале XX вв. (на примере Курской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politseyskiy-nadzor-ili-metody-raboty-s-politicheski-neblago-nadyozhnymi-litsami-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-vv-na-primere>; *Козинникова Е.Н.* Полицейский надзор как мера обеспечения чрезвычайного положения в оценке российских полицейстов конца XIX – начала XX века // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politseyskiy-nadzor-kak-mera-obespecheniya-chrezvychaynogo-pravovogo-rezhima-isklyuchitel'nogo-polozheniya-v-otsenke-rossiyskih-politseystov-konca-xix-nachala-xx-veka>; *Палухина Е.С.* Полицейский надзор как мера предупреждения преступлений террористического характера в законодательстве Российской империи // Юристъ-Правоведъ, 2021, № 2 (97) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politseyskiy-nadzor-kak-mera-preduprezhdeniya-prestupleniy-terroristicheskogo-haraktera-v-zakonodatelstve-rossiyskoj-imperii> (дата обращения 07.12. 2025).

<sup>91</sup> ГАРФ. Ф. 1662. Оп.1. Д. 7. Л. 19.

<sup>92</sup> Там же. Л. 22.

<sup>93</sup> Там же. Л. 23.

<sup>94</sup> Там же. Л. 24.

<sup>95</sup> Там же. Л. 37–38.

<sup>96</sup> Там же. Л. 40.

<sup>97</sup> Там же. Л. 25.

<sup>98</sup> Там же. Л. 26.

<sup>99</sup> Там же. Л. 28, 31.

<sup>100</sup> Там же. Д.16. Л. 8–8 об.

<sup>101</sup> Там же. Д. 15. Л. 20.

<sup>102</sup> Там же. Д. 19. Л. 13.

<sup>103</sup> Там же. Л. 20.

<sup>104</sup> *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020.

<sup>105</sup> *Бахурин Ю.А.* Фронт и тыл Великой войны. М., 2019; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2021.

<sup>106</sup> *Медведев С.В.* Анонимные донесения в Московское охранное отделение в 1909–1911 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 9. С. 41–49.

<sup>107</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 105. Д. 222. Л. 9.

<sup>108</sup> *Аксенов В.Б.* Указ. соч. С. 387.

<sup>109</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 48. Л. 23–25.

<sup>110</sup> Там же. Оп. 100. Д. 215. Л. 1. Vierge – девственница; maison publique – публичный дом. По-видимому, авторы подметных открыток намекали на безнравственную атмосферу во дворце императора.

<sup>111</sup> Там же. Ф. 102. Оп. 241. Д. 48. Л. 121.

<sup>112</sup> *Пылькин В.А.* Подозрительные иностранцы в русской глубинке в годы первой мировой войны и после ее окончания. Часть 2. М., 2020. С. 116.

<sup>113</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 48. Л. 327.

- 
- <sup>114</sup> Там же. Оп. 240. Д. 47 ч. 2. Л. 200.
- <sup>115</sup> Там же. Л. 214.
- <sup>116</sup> Там же. Л. 292.
- <sup>117</sup> Там же. Л. 279.
- <sup>118</sup> Там же. Л. 99.
- <sup>119</sup> Там же. Оп. 105. Д. 10 т. 2. Л. 118.
- <sup>120</sup> Там же. Л. 54.
- <sup>121</sup> Там же. Ф. 102. Оп. 237. Д. 3. Л. 510.
- <sup>122</sup> Там же. Л. 456.
- <sup>123</sup> *Полунов А.Ю.* «Живое самодержавие»: проблема личной власти монарха и регулирование государственной службы в царствование Александра III // *Российская история.* 2025. № 4. С. 39.
- <sup>124</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881–1913). Т. 33. 1913. СПб., 1916. С. 1047–1079.
- <sup>125</sup> Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 23409. Л. 22.
- <sup>126</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16196. Оп. 1. Д. 909. Л. 172.
- <sup>127</sup> Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 64103. Л. 1-10, 13-16.
- <sup>128</sup> *Чернушевич М.П.* Материалы к истории Пограничной стражи. Служба в мирное время. Стычки с контрабандирами и прочие происшествия на границе. Сборник. Выпуск 4. В ныне благополучное царствование государя императора Николая Александровича (1894–1904 г.). СПб., 1906. С. 195–199.
- <sup>129</sup> Приказ о чинах военных 1916 год. Пг., 1916. Высочайший приказ от 9 декабря 1916 г. С. 1.
- <sup>130</sup> Приказ Временного правительства Армии и Флоту о военных чинах Сухопутного ведомства. 1917 год. Пг., 1917. С. 2.
- <sup>131</sup> РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 16145. Л. 45 об.
- <sup>132</sup> Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27365. Л. 199 об.
- <sup>133</sup> *Ленин В.И.* Научная система выжимания пота. ПСС, 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 23. С. 19.
- <sup>134</sup> *Михалкин В.А.* Ф.Э. Дзержинский – экономист. М.: Экономика, 1987. С. 109.
- <sup>135</sup> *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников: речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности // *Правда.* 1931. № 35. 5 февраля.
- <sup>136</sup> *Ленин В.И.* Речь на Всероссийском съезде электротехников. ПСС, 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 42. С. 227.
- <sup>137</sup> *Долгополов Н., Фронин В.* Наука и техника идут в разведку. Научно-техническая разведка всегда на поле «боевых» действий: интервью Директора СВР России С.Е. Нарышкина к 100-летию юбилею отечественной научно-технической разведки // *Российская газета.* 2025. 24 октября.
- <sup>138</sup> *Зубов Н.И.* Ф.Э. Дзержинский. Биография. М., 1965; *Плеханов А.М.* Кто Вы, «железный Феликс»? М.: Аква-Терм, 2015; *Тишков А.В.* Первый чекист. М., 1968.
- <sup>139</sup> *Зубов Н.И.* Указ. соч. С. 4.
- <sup>140</sup> *Гуль Р.Б.* Дзержинский – Менжинский – Петерс – Лацис – Ягода. Париж, 1936.
- <sup>141</sup> *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 78.

- <sup>142</sup> *Зубов Н.И.* Указ. соч. С. 3–46.
- <sup>143</sup> *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Щит и меч власти большевиков. Очерки истории ВЧК. М.: Директмедиа паблишинг, 2022. С. 111–145.
- <sup>144</sup> Архив ВЧК: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2007. С. 169.
- <sup>145</sup> *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 97–98.
- <sup>146</sup> ГАРФ. Ф. Р-5872. Оп. 2. Д. 20. Л. 3.
- <sup>147</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.76. Оп. 3. Д. 151. Л. 2.
- <sup>148</sup> Там же. Д. 70. Л. 19; Д. 104. Л. 4, 8, 10.
- <sup>149</sup> Там же. 111. Л. 2–4.
- <sup>150</sup> *Кренив П.* Мятаж, которого не было. Неизвестные страницы советской истории. М.: Вече, 2015. С. 73–74; *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Книжный клуб Книговек, 2014. С. 354–371.
- <sup>151</sup> В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. С. 67–68.
- <sup>152</sup> Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М.: МФД : Материк, 2007. С. 56.
- <sup>153</sup> Красная книга ВЧК. В 2 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. С. 195.
- <sup>154</sup> Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 68.
- <sup>155</sup> *Велидов А.С.* Комментарий // Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 195–196.
- <sup>156</sup> Там же.
- <sup>157</sup> РГАСПИ. Ф.76. Оп.3. Д. 145. Л. 1 - 3.
- <sup>158</sup> *Плеханов А.М.* Кто Вы, «железный Феликс»? С. 317, 874; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ. С. 222, 233, 291.
- <sup>159</sup> РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 101. Л. 1–2об.
- <sup>160</sup> Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921: Сборник документов. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. С. 409.
- <sup>161</sup> *Соколов А.С.* «Старое» и «новое» в органах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 189–196.
- <sup>162</sup> *Мозохин О.Б., Соколов А.С.* Реорганизация и упразднение Всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 115–122.
- <sup>163</sup> Архив ВЧК. С. 485–486.
- <sup>164</sup> *Мозохин О.Б., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 115–122.
- <sup>165</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 241. Л. 11.
- <sup>166</sup> *Мозохин О.Б., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 115–122.
- <sup>167</sup> ГАРФ. Ф. Р-5872. Оп. 2. Д. 20. Л. 4–8.
- <sup>168</sup> Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: Справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2003. С. 304.
- <sup>169</sup> Там же. С. 307–310.
- <sup>170</sup> ВЧК. Главные документы истории / авт.-сост. В. Долматов. М.: ОАО «Подольская фабрика офсетной печати», б/г. С. 91–95.
- <sup>171</sup> *Ленин В.И.* Письмо М.И. Лацисы // Полное собрание сочинений. В 55 тт. (5-е изд.). Т. 50. С. 338.

- <sup>172</sup> Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ... С. 17.
- <sup>173</sup> Там же. С. 23.
- <sup>174</sup> Там же.
- <sup>175</sup> Там же. С. 434–435.
- <sup>176</sup> *Коровин В.В.* История отечественных органов безопасности: уч. пособ. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 140–141.
- <sup>177</sup> Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ... С. 467–468.
- <sup>178</sup> *Тарасов А.* Начиная с особоуполномоченного // Есть такая служба. № 7(9900). 26 февраля 2024.
- <sup>179</sup> Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ... С. 41–42.
- <sup>180</sup> Там же. С. 59.
- <sup>181</sup> НКВД СССР. URL: <https://www.ru.m.ruwiki.ru> (дата обращения: 18.10.2025).
- <sup>182</sup> *Кислый О.А., Лукашин М.В.* История становления и развития подразделений собственной безопасности органов внутренних дел // Пробелы в рос. законодательстве. 2015. № 1. С. 234–236.
- <sup>183</sup> Кадровая служба органов безопасности: история и современность / рук. авт. кол-ва Е.Н. Ловырев. 2-е изд. перераб., доп. М.: Граница, 2018. С. 152
- <sup>184</sup> Там же. С. 175.
- <sup>185</sup> *Пожаров А.И.* Судебные процессы по делам бывших руководителей органов госбезопасности в «хрущевскую оттепель» // Ист. чтения «Гороховая, 2». Политическая история России: прошлое и современность / отв. ред. А.М. Кулегин. Вып. VII. 2008. СПб.: ЗАО «Полиграф. предприятие № 3», 2009. С. 231–244.
- <sup>186</sup> Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ... С. 149, 157.
- <sup>187</sup> *Плеханов А.А., Плеханов А.М.* Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК. (7 (20) декабря 1917 – 6 февраля 1922). Краткий справочник. М.: СВГБ, 2011. С. 422.
- <sup>188</sup> Кадровая служба органов безопасности: история и современность. 2-е изд., перераб., доп. М.: Граница, 2018. С. 98.
- <sup>189</sup> Из истории ВЧК 1917–1921 гг.: Сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958. С. 471.
- <sup>190</sup> *Плеханов А.М.* ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928 гг. М.: Кучково поле, 2006. С. 192.
- <sup>191</sup> Политбюро и органы государственной безопасности. М.: Кучково поле, 2017. С. 29.
- <sup>192</sup> *Плеханов А.М.* ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики... С. 255.
- <sup>193</sup> ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. С. 201–205.
- <sup>194</sup> Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. М.: МФД, 2003. С. 48.
- <sup>195</sup> Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 114–115.
- <sup>196</sup> *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988. С. 40.
- <sup>197</sup> *Емтыль З.Я.* «Внимание на борьбу с так называемым прогрессивным духовенством...»: советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1920-е – начале 1930-х гг. (по материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2010. № 1. С. 156.

- <sup>198</sup> Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 14–15.
- <sup>199</sup> РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 353. Л. 36.
- <sup>200</sup> РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 117. Л. 9.
- <sup>201</sup> ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 502.
- <sup>202</sup> УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 46–47.
- <sup>203</sup> *Христофоров В.С.* Советские спецслужбы открывают Восток. М., 2019. С. 43.
- <sup>204</sup> Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И.-26. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.
- <sup>205</sup> Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991): документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, М.М. Амирханова. Махачкала, 2007. С. 92–93.
- <sup>206</sup> *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России: XX век. М, 1994. С. 46.
- <sup>207</sup> РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 42. Л. 25.
- <sup>208</sup> Там же. Д. 44. Л. 3, 24.
- <sup>209</sup> Там же. Д. 43. Л. 116–122.
- <sup>210</sup> Там же. Д. 42. Л. 102.
- <sup>211</sup> Там же. Л. 24, 33, 39.
- <sup>212</sup> Там же. Д. 41. Л. 34.
- <sup>213</sup> Там же. Л. 36.
- <sup>214</sup> Цит. по: *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-е гг.). СПб. : Европейский дом, 2000. Ч. I. С. 187.
- <sup>215</sup> Цит. по: там же.
- <sup>216</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 35, 38.
- <sup>217</sup> *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Указ. соч. С. 189.
- <sup>218</sup> РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1339. Л. 1–9.
- <sup>219</sup> Красное знамя. 1922. 7 декабря.
- <sup>220</sup> ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1503. Л. 51–57.
- <sup>221</sup> Там же. Л. 54–55, 163, 182.
- <sup>222</sup> Там же. Л. 183, 186 и др.
- <sup>223</sup> *Рац С.В.* Исторический портрет Сыроежкина Григория Сергеевича. С. 3.
- <sup>224</sup> *Дегтярева И.В.* Сыроежкин: судьба контрразведчика в судьбе страны // Контрразведка России. Очерки истории. От Руси до начала Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2023. С. 325.
- <sup>225</sup> ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1503. Л. 27–36.
- <sup>226</sup> Там же. Л. 37–42.
- <sup>227</sup> *Тужилин С.В.* Справки «по Якутии» оперуполномоченного Особого отдела ОГПУ СССР. Апрель 1931 г. (публикация, вступительная заметка, примечания) // Исторический архив. Москва, 2017. № 5. С. 79–91.
- <sup>228</sup> *Дегтярева И.В.* Указ. соч. С. 325–326.
- <sup>229</sup> Центральный пограничный архив (ЦПА) ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 338. Л. 22.
- <sup>230</sup> Политбюро и органы государственной безопасности. М., 2017. С. 26, 111.
- <sup>231</sup> ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 338. Л. 22.

- <sup>232</sup> Более подробно Лиманский А.В. Кадровая политика в советских пограничных войсках: основные субъекты (1922 г.) // Лубяньские чтения – 2023. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности: сборник материалов XXVII научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». М., 2024. С. 118–119.
- <sup>233</sup> Пограничные войска СССР 1918–1928: сборник документов и материалов. М., 1973. С. 13.
- <sup>234</sup> ЦПА ФСБ России. Ф.14. Оп. 5. Д. 340. Л. 40.
- <sup>235</sup> Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–991: справочник. М.: МФД, 2003. С. 31.
- <sup>236</sup> Пограничный округ : ретроспективный анализ (1960 – 1991 гг.) / Боярский В.И., Маслов К.Н., Нэх В.Ф. и др. М. : ПНИЦ ФСБ России, 2015. С. 36.
- <sup>237</sup> Пограничная служба России : Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / Симаков Г.Н., Маслов. К.Н., Боярский В.И. и др. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле. 2009. С. 297.
- <sup>238</sup> Пограничная служба России : Энциклопедия... С. 246.
- <sup>239</sup> Пограничный округ : ретроспективный анализ... С. 38.
- <sup>240</sup> Там же. С. 39.
- <sup>241</sup> ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 338. Л. 26.
- <sup>242</sup> Пограничная служба России : Энциклопедия... С. 320.
- <sup>243</sup> Пограничный округ : ретроспективный анализ... С. 41–42.
- <sup>244</sup> Политбюро и органы государственной безопасности... С. 209.
- <sup>245</sup> *Pilsudski J.*, 1937, *Pisma. Mowy. Rozkazy* (Letters. Speeches. Orders). Tom sulementow. Warszawa. 1937. S.172.
- <sup>246</sup> История внешней политики СССР. 1917–1985 гг. М.: Наука, 1986. Т.1. С. 83–84.
- <sup>247</sup> *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы»: военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945. М.: Международные отношения, 1989. С. 112.
- <sup>248</sup> *Морозов С.В.* К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 138–144.
- <sup>249</sup> ЦА ФСБ России. Ф. КПИ № 1526а. Л. 169.
- <sup>250</sup> *Kotani Ken.* Japanese intelligence and the Soviet-Japanese border conflicts in the 1930s / The National Institute for Defence Studies Military History Studies Annual. 2008. Vol. 11. № 3. P. 135.
- <sup>251</sup> *Полутов А.В.* Разведка особого назначения Квантунской армии // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. 38. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 201–226.
- <sup>252</sup> ЦА ФСБ России. Ф. КПИ № 1526а. Л. 170.
- <sup>253</sup> Там же. Л. 21.
- <sup>254</sup> Там же. Л. 22.
- <sup>255</sup> У Леха Валенсы есть что сказать немцам. Русские будут в бешенстве. URL: <https://inosmi.ru/20230125/valensa-260044694.html> (дата обращения: 10.11.2025)
- <sup>256</sup> *Мозохин О.Б.* ВЧК – ОГПУ – НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М., 2018.
- <sup>257</sup> ЦГА Москвы. Ф. П-2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 93–95.

- 
- <sup>258</sup> Там же. Л. 88.
- <sup>259</sup> Там же. Л. 88, 89.
- <sup>260</sup> Там же. Л. 89.
- <sup>261</sup> Там же. Л. 89.
- <sup>262</sup> Там же. Л. 89, 90.
- <sup>263</sup> Там же. Л. 90.
- <sup>264</sup> Там же. Л. 91.
- <sup>265</sup> Там же. Л. 90.
- <sup>266</sup> Там же. Л. 91, 92.
- <sup>267</sup> Там же. Л. 92.
- <sup>268</sup> Там же. Л. 92.
- <sup>269</sup> Там же. Л. 92.
- <sup>270</sup> Там же. Л. 85.
- <sup>271</sup> Там же. Л. 86.
- <sup>272</sup> Там же. Л. 87.
- <sup>273</sup> РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 183. Л. 87 и след.
- <sup>274</sup> *Базаров А.А.* Кулак и АгроГУЛАГ. Челябинск. Южно-Уральское книжное издательство. 1991. С. 194-197.
- <sup>275</sup> *Суслов А.Б.* Правовой статус спецпереселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х гг. XX века // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. С. 119.
- <sup>276</sup> Инструкция для членов комиссии ОГПУ по проверке положения спецпереселенцев в Уральской области // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/51520> (дата обращения: 13.10.2025).
- <sup>277</sup> Записка члена ЦК ВКП (б) В. Фейгина председателю комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по спецпереселенцам А.А. Андрееву о результатах обследования поселков спецпереселенцев на Урале от 8.08.1931. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/46677?ysclid=mh9g575z3l771012913> (дата обращения: 20.10.2025).
- <sup>278</sup> Письмо члена комиссии ОГПУ по проверке положения спецпереселенцев в Уральской области Щербинского помощнику начальника ОО ОГПУ Николаеву об обследовании Чердынского района от 29.06.1931 Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/51531> (дата обращения: 19.10.2025).
- <sup>279</sup> Докладная записка полпреда ОГПУ по Уральской области Г.П. Матсона начальнику СОУ ОГПУ Е.Г. Евдокимову «О состоянии кулацкой ссылки» от 19.12.1930. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/51521?ysclid=mh9g7lf7f6835153559> (дата обращения: 20.10.2025).
- <sup>280</sup> Докладная записка руководителя комиссии ОГПУ Н. Демиденко Н.Г. Николаеву о безобразиях в использовании труда спецпереселенцев в Уральской области от 28.06.1931 // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/51754?ysclid=mh9g9z518u196105569> (дата обращения: 19.10.2025).
- <sup>281</sup> Из спецводки № 3 СПО ОГПУ «О состоянии кулацкой ссылки» 9.08.1931 // Исторические материалы. URL:

<https://istmat.org/node/52089?ysclid=mh9g9du118122386218> (дата обращения: 18.10.2025).

<sup>282</sup> Спецсводка СПО ОГПУ о политических настроениях и контрреволюционной активности спецпереселенцев, по состоянию на 25 октября 1932 – 1 ноября 1932 г // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/62253?ysclid=mh9gc5ozl2629241967> (дата обращения: 20.10.2025).

<sup>283</sup> *Островкин Д.Л., Попов М.В.* Эпидемическое состояние Уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 110.

<sup>284</sup> Там же. С. 111–112.

<sup>285</sup> *Суслов А.Б.* Указ. соч. С. 119.

<sup>286</sup> Из справки оперативной группы ОГПУ по раскулачиванию о бегстве кулаков с мест высылки. 12.06.1930 // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/54996?ysclid=mhca2jkgog34311537> (дата обращения: 20.10.2025).

<sup>287</sup> *Хольмстом-Смысловский Б.А.* Первая Русская национальная армия против СССР. Война и политика. М., 2011; «Свершилось. Пришли немцы!» Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012.

<sup>288</sup> *Пономаренко П.К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941-1944. М.: Наука, 1982; История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 2001; Партизанское движение. (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М.: Кучково поле, 2001; *Окороков А.В.* Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: Русский путь, 2007; *Веденеев Д., Колтакиди А., Чертопруд С.* Люди Судоплатова. Зафронтная разведывательно-диверсионная работа НКВД-НКГБ в 1941–1945 годах. М.: Родина, 2022; *Плеханов А.А., Плеханов А.М.* Солдаты незримых сражений. М.: Аква-Терм, 2015; *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М.: Воен. универ., 2000; *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2002; *Чуев С.* Проклятые солдаты. Предатели на стороне третьего рейха. М.: Эксмо-Яуза, 2004; *Дробязко С.И.* Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945. М.: ЭКСМО, 2004;

<sup>289</sup> *Веригин С.Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009; *Веригин С.Г.* Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР на Карельском фронте (1941–1944 гг.) // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 4. М.: Алгоритм, 2020. С. 326–346; *Попов А.Ю.* Участие органов государственной безопасности СССР в сопротивлении гитлеровским захватчикам на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.): монография. М.: Родина, 2023; *Шиманская Н.А.* Органы госбезопасности в партизанском движении на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Родина, 2022.

<sup>290</sup> *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности 1941–1954. Справочник. М.: Звенья, 2010. С. 825.

- <sup>291</sup> Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. С. 149.
- <sup>292</sup> ОСНАЗ. От бригады особого назначения – к «Вымпелу». 1941–1981 гг. М.: Олма-пресс, 2001. С. 15.
- <sup>293</sup> Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: Олма-пресс, 2001. С. 276.
- <sup>294</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 567.
- <sup>295</sup> Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии... С. 277.
- <sup>296</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 569.
- <sup>297</sup> Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии... С. 284–290.
- <sup>298</sup> Органы госбезопасности в годы Великой Отечественной войны. Т. 3. Кн. 1. С. 40–41.
- <sup>299</sup> Судоплатов П.А. Разведка и Кремль... С. 151–152.
- <sup>300</sup> Там же.
- <sup>301</sup> Зданович А.А. Смерш на белорусском направлении. 1943–1944 гг. Контрразведывательное обеспечение наступательных операций Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов. М., 2024; Плеханов А.М., Плеханов А.А. Военная контрразведка НКВД СССР. Тайный фронт войны 1941–1942. М., 2016; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. М. 2003; Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М.: Граница, 2013 и др.
- <sup>302</sup> Греков Н.В. Кадровый состав органов «Смерш». 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 136–145.
- <sup>303</sup> Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М.: Мысль, 1986. С. 8–9.
- <sup>304</sup> «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. С. 57; Север А. СМЕРШ. Битвы под грифом секретно. Б.м. «Алисторус», 2015. С. 24; Рац С.В. Военная контрразведка отечественных спецслужб. [Б.м.] «Институт Мира и исследования конфликтов», 2019. С. 38; Греков Н.В. Указ. соч. С. 142.
- <sup>305</sup> Лубянка: Органы ВЧК- ОГПУ- НКВД - МГБ – МВД- КГБ. 1917–1991: Справочник. М., 2003. С. 626.
- <sup>306</sup> Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. М.: Русь, 2000. Т. 2. Кн. 1. С. 399; Академия ФСБ России – 80 лет. М.: РИО, 2001. С. 39.
- <sup>307</sup> Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 426–427.
- <sup>308</sup> Новосибирская школа контрразведки. М.: Русь, 2005. С. 55–56; Греков Н.В. Указ. соч. С. 139.
- <sup>309</sup> Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. М.: Кучково поле, 207. С. 77.
- <sup>310</sup> Плеханов А.М., Плеханов А.А. Указ. соч. С. 125.
- <sup>311</sup> Кадровый состав органов государственной безопасности СССР 1935–1939. URL: [https://nkvd/memo.ru](https://nkvd.memo.ru) (дата обращения 18.09. 2025).
- <sup>312</sup> Шуныков Д.В. Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. С. 39.
- <sup>313</sup> Кадровый состав органов государственной безопасности СССР 1935–1939. URL.: <https://nkvd/memo.ru> (дата обращения 18.09. 2025).

<sup>314</sup> Греков Н.В. Указ. соч. С. 143; Дегтярёв К., Колпакиди А. СМЕРШ. (Энциклопедия спецслужб), М. Яуза, Эксмо, 2009. С. 153.

<sup>315</sup> «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 57; Дегтярёв К., Колпакиди А. Указ. соч. С. 153.

<sup>316</sup> Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

<sup>317</sup> О создании истребительных батальонов по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника. Постановление бюро МК и МГК ВКП(б). 27 июня 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/273410-o-sozdanii-istrebitelnyh-batalonov-po-borbe-s-parashyutnymi-desantami-i-diversantami-protivnika-postanovlenie-byuro-mk-i-mgk-vkp-b-27-iyunya-1941-g>. (дата обращения: 11.05.2025).

<sup>318</sup> Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архив. док. М.: Изд-во об-ния «Мосгорархив», 1995. С. 242–247

<sup>319</sup> Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 1. М.: Русь, 2000. С. 518–521.

<sup>320</sup> Сойма В.М. Чекисты на защите столицы. К 80-летию разгрома немецких войск под Москвой. М., изд. С.А. Бабицкий, 2021. С. 218–219.

<sup>321</sup> Чекисты на защите столицы: Документы и материалы об участии сотрудников Моск. управления госбезопасности в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. М.: Московский рабочий, М., 1982. С. 47–48; Ивкин В.И. Специальная школа по подготовке диверсантов-разведчиков при УНКВД Москвы и Московской области (воинская часть № 88) в годы войны. // Военная безопасность России: взгляд в будущее: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции научного отделения № 10. РАРАН. Изд. МГТУ им. Баумана. Москва, 18 марта 2021 г. Том 3. С. 119–132.

<sup>322</sup> Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 202.

<sup>323</sup> Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архив. док. С. 244.

<sup>324</sup> Чекисты на защите столицы... С. 71–72.

<sup>325</sup> Партизаны в битве за Москву. 1941–1942: Архивные документы и материалы. М.: Издательство Главархива Москвы, Издательство Патриот, 2008. СС. 270–279; Документы о деятельности партизанских отрядов УНКВД СССР по гор. Москве и Московской области. // Архив УФСБ РФ по г. Москве и МО, Ф. 4 (42–43), Оп. 7. Д. 3.

<sup>326</sup> Архив УФСБ РФ по г. Москве и МО. Личное дело С.И. Солнцева. Арх. № 827.

<sup>327</sup> Центральный государственный архив (ЦГА) Москвы. Ф. П-1870. Оп. 1 Д. 9 Л. 28–30.

<sup>328</sup> Архив УФСБ РФ по г. Москве и МО. Личное дело С.И. Солнцева. Арх. № 827. Л. 39.

<sup>329</sup> ЦГА Москвы. Ф. П-1870. Оп. 1 Д. 9. Л. 35–39.

<sup>330</sup> Архив УФСБ РФ по г. Москве и МО. Личное дело С.И. Солнцева. Арх. № 827; ЦГА Москвы. Ф. П-1870. Оп. 1 Д. 9. Л. 35–39.

<sup>331</sup> Отчет об агентурно-оперативной и следственной работе УНКВД по г. Москве и МО за время Отечественной войны. От 31 августа 1945 г. // Архив УФСБ РФ по г. Москве и МО. Ф. 1 за 1945. Оп. 3. Д. 14.

- <sup>332</sup> Чекисты на защите столицы... С. 292.
- <sup>333</sup> Там же. С. 190.
- <sup>334</sup> *Софронов И.* «Младший брат» легендарной бригады. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/nashi-lyudi/mladshiy-brat-legendarnoy-brigady>. (дата обращения: 29.05.2025).
- <sup>335</sup> *Дымищ М.* Военная корреспонденция и военно-полевая почта РККА в 1922–1945 годах. Цензура и перлюстрация почтовой корреспонденции в 1940–1953 годах. М., 2025. С. 39.
- <sup>336</sup> *Смыкалин А.С.* Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. М., 2008. С. 165.
- <sup>337</sup> *Дымищ М.* Указ. соч. С. 43.
- <sup>338</sup> Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. док.: В 5 т. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 75, 76.
- <sup>339</sup> *Бакурский В.А., Соломонов Б.В., Федосеев С.Л.* Оружие Победы. М., 2005. С. 80.
- <sup>340</sup> Новониколаевская губерния – Новосибирская область. 1921–2000. Хроника. Документы. – Новосибирск, 2001. С. 136.
- <sup>341</sup> Государственный архив Новосибирской области. Ф. П–4. Оп. 34. Д. 149. Л. 18, 76; Д. 153. Л. 21–25.
- <sup>342</sup> Служение Отечеству: Воспоминания, статьи, документы: В 2 кн. Кн. 1. 1917–1945 гг. Кемерово, 2005. С. 701.
- <sup>343</sup> *Смыкалин А.С.* Указ. соч. С. 165.
- <sup>344</sup> *Дымищ М.* Указ. соч. С. 40.
- <sup>345</sup> Там же. С. 41.
- <sup>346</sup> Там же.
- <sup>347</sup> Там же.
- <sup>348</sup> Там же. С. 50.
- <sup>349</sup> Там же.
- <sup>350</sup> Там же. С. 52.
- <sup>351</sup> Там же.
- <sup>352</sup> Там же.
- <sup>353</sup> История отечественных спецслужб и правоохранительных органов. Структура ГРУ РККА (1942–1947 гг.). URL: <https://shieldandsword.mozohin.ru/mi/gru4247/structure.htm> (дата доступа: 05.12.2025 г.).
- <sup>354</sup> *Дымищ М.* Указ. соч. С. 39.
- <sup>355</sup> *Фомин А.А.* Институт ответственности членов семей коллаборационистов в советском законодательстве в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2016. № 16. С. 50–55.
- <sup>356</sup> *Трайнин А.Н., Меньшагин В.Д., Вышинская З.А.* Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. 2-е изд. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. С. 64–65.
- <sup>357</sup> *Фомин А.А.* Эволюция правового подхода к оценке деятельности коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С. 23–40. URL: [http://e-notabene.ru/hr/article\\_20220.html](http://e-notabene.ru/hr/article_20220.html). (дата обращения: 3.10.2025).

<sup>358</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика : Верховный Совет Российской Федерации, 1993. С.43.

<sup>359</sup> Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сборник документов. Т. 4. Кн. 2. М. : Русь, 2008. С. 532.

<sup>360</sup> Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 56004. Л. 48.

<sup>361</sup> Там же. Л. 5–5об.

<sup>362</sup> Там же. Д. 61475. Л. 1-2, 12.

<sup>363</sup> Там же. Д. 59054. Л. 16–17.

<sup>364</sup> Там же. Д. 12342. Л. 7–7об.

<sup>365</sup> Там же. Л. 21–22.

<sup>366</sup> Там же. Л. 20.

<sup>367</sup> Там же. Д. 57115. Л. 2, 24.

<sup>368</sup> Там же. Л. 7.

<sup>369</sup> Там же. Д. 58510. Л. 4.

<sup>370</sup> Там же. Л. 28, 30.

<sup>371</sup> Там же. Д. 12826. Л. 2.

<sup>372</sup> Лубянка: Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти М. : МФД : Материк, 2006. С. 203–204.

<sup>373</sup> ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 55092. Л. 4.

<sup>374</sup> Там же. Л. 23.

<sup>375</sup> Там же. Л. 27.

<sup>376</sup> Там же. Д. 17598. Л. 16, 12–12об.

<sup>377</sup> Там же. Л. 16, 21, 24.

<sup>378</sup> Там же. Д. 41630. Л. 3, 9.

<sup>379</sup> Там же. Л. 12–13.

<sup>380</sup> Там же. Л. 16–22.

<sup>381</sup> Там же. Л. 25–28.

<sup>382</sup> Там же. Д. 12869. Л. 4–7, 9, 13.

<sup>383</sup> Там же. Д. 41630. Л. 37.

<sup>384</sup> Там же. Д. 36413. Л. 18, 32.

<sup>385</sup> Там же. Л. 51–52, 55.

<sup>386</sup> Там же. Д. 42554. Л. 18.

<sup>387</sup> Там же. Л. 27.

<sup>388</sup> Там же. Д. 12279. Л. 2.

<sup>389</sup> Там же. Л. 12–15, 35об, 43.

<sup>390</sup> *Мозохин О.Б.* Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.) : статистический справочник. М. : ТД Алгоритм, 2016. С. 427.

<sup>391</sup> Там же.

<sup>392</sup> *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М. : Наука, 2006. С. 85.

<sup>393</sup> *Иванов Г.А.* История органов безопасности Зауралья (Том 1 1918–1943). Курган: ООО «Дамми». 2021.

- <sup>394</sup> Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929–1941 гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук. Курган, 2004. С.16–17
- <sup>395</sup> Усманов В.В. Зовущий колокол, гнем горящий меч. Курган, Парус. М, 2006. С.121.
- <sup>396</sup> Иванов Г.А. Указ. соч. С. 4–5.
- <sup>397</sup> Управление Федеральной службы безопасности по Курганской области 70 лет. Курган, МУП «Курганская городская типография», 2013. С. 1.
- <sup>398</sup> Там же. С. 8–9.
- <sup>399</sup> Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 10. Оп. 6. Д. 1. Л. 2.
- <sup>400</sup> Управление Федеральной службы безопасности по Курганской области 70 лет. С. 7.
- <sup>401</sup> Там же. С. 10–11.
- <sup>402</sup> Там же. С. 8.
- <sup>403</sup> Урал-фронту. М., Экономика, 1985. С. 36–45.
- <sup>404</sup> Государственный архив Курганской области. Ф. Р-465. Оп.2. Д. 108. Л. 410.
- <sup>405</sup> ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10. Л. 27–28.
- <sup>406</sup> Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. М.: Кучково поле, 2008. С. 284–285.
- <sup>407</sup> Там же.
- <sup>408</sup> Вклад Зауралья в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Материалы областной научно-практической конференции (28 апреля 2010 г.). Шадринск. Издательство ОГУП «Шадринский дом печати», 2010. С. 150.
- <sup>409</sup> Там же. С. 150–151.
- <sup>410</sup> Христофоров В. С. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М.: Вече, 2015; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 2. М.: Русь, 2000 и др.
- <sup>411</sup> Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне»: Исторические очерки и архивные документы / Авт. кол. В.С. Христофоров, А.П. Черепков, Д.Ю. Хохлов. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы; ОАО «Московские учебники», 2010. С. 85–86.
- <sup>412</sup> Фолли М.Х. Из Севастополя в Сухуми – и обратно: Британская военно-морская связь в действии с Красным флотом на Черном море, 1941–1945. Война в истории 2021. Т. 28(4). С. 871.
- <sup>413</sup> Хухтхаузен П.А., Шелдон-Дюпле А. Военно-морской шпионаж: история противостояния. М.: Вече, 2013. URL: [https://militera.org/books/f/research/huchthuasen\\_sheldon-duplaix01.fb2.zip](https://militera.org/books/f/research/huchthuasen_sheldon-duplaix01.fb2.zip) (дата обращения: 10.08.2025).
- <sup>414</sup> Блинцов Д.А. Деятельность британской военной миссии в Советском Союзе в начальный период Великой отечественной войны (июнь–сентябрь 1941 г.): цели и задачи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. №3. С. 68–69.
- <sup>415</sup> Там же. С. 70–71.
- <sup>416</sup> Райан Д. Ф. Королевский военно-морской флот и Советский военно-морские силы 1930–1950: разведка, военно-морское сотрудничество и антагонизм. Гл. XII. С. 178–194.
- <sup>417</sup> Фолли М. Х. Указ. соч. С. 871.

<sup>418</sup> *Блинцов Д.А.* Деятельность британской миссии связи на Черноморском флоте в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. С. 5.

<sup>419</sup> *Райан Д.Ф.* Указ. соч. С. 178–194.

<sup>420</sup> Архив УФСБ России по Республике Крым и городу Севастополю (АУФСБ). Ф-100. Д. 43.

<sup>421</sup> Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 2. М.: Русь, 2000. С. 27–31.

<sup>422</sup> Там же. С. 133–135.

<sup>423</sup> АУФСБ. Ф-100. Д.43. Л. 20, 22, 34–35, 38.

<sup>424</sup> Там же. Л. 45, 51.

<sup>425</sup> Там же. Л. 121, 128, 133–134.

<sup>426</sup> Там же. Л. 28, 129, 143–144.

<sup>427</sup> *Фолли М. Х.* Указ. соч. С. 872–873.

<sup>428</sup> АУФСБ. Ф-100. Д. 43. Л. 241, 245.

<sup>429</sup> *Райан Д.Ф.* Указ. соч. С. 178–194.

<sup>430</sup> АУФСБ. Ф-100. Д. 43. Л. 8, 12–13, 172–173.

<sup>431</sup> Там же. Л. 78–79.

<sup>432</sup> Там же. Л. 46–48, 61, 96, 137–138, 149, 159, 184.

<sup>433</sup> Там же. Л. 200–201, 232–233, 267, 268.

<sup>434</sup> Там же. Л. 239–242, 250, 269.

<sup>435</sup> Там же. Л. 223.

<sup>436</sup> *Райан Д.Ф.* Указ. соч. С. 178–194.

<sup>437</sup> АУФСБ. Ф-100. Д. 43. Л. 228, 267.

<sup>438</sup> Там же. Л. 267–273.

<sup>439</sup> *Райан Д.Ф.* Указ. соч. С. 178–194.

<sup>440</sup> АУФСБ. Ф-100. Д. 43. Л. 172–173.

<sup>441</sup> Там же. Л. 205.

<sup>442</sup> *Мотыка Г.* Вольны́ 43. Геноцидная чистка: факты, аналогии, политика исторической памяти. М., 2018; *Носкова А. Ф.* Украинские националисты в борьбе за «Соборную Украину» в 1940-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 3; *Жабский В. А.* Героизация украинских националистов как угроза национальным интересам Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4; *Турицын И.В.* Идеология и практика бандеровского нацизма (по материалам допросов в НКВД 1944–1945 гг.) // Современная научная мысль. № 2. 2015 и др.

<sup>443</sup> *Ильюшин И. И.* Вольнская трагедия 1943–1944 гг.: анализ проблемы и перспективы украинско-польского исторического примирения // Славянский альманах: 2015. Вып. 1–2. М., 2015; *Тищенко А. В.* Националистическое повстанческое движение на Украине: его зарождение и развитие: монография. М., 2004; *Кикнадзе В. Г.* Украинский национализм: от истоков до денацификации в ходе специальной военной операции Российской армии // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 3 (32) и др.

<sup>444</sup> *Полищук В.В.* Горькая правда. Преступность ОУН–УПА (исповедь украинца). Торонто, Варшава, Киев, 1995; *Резмер В.* Национальные изменения на Вольны и в Восточной Галиции во время Второй мировой войны в свете работы международного исторического семинара «Польша-Украина: трудные вопросы»

// Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. №1 (4). 2012 и др.; *Вежбицки А.* Украина и Польша: национализм и геополитика // Вопросы национализма. №2 (18). 2014. С. 39–47; *Невский С. А.* О недопустимости прославления ОУН и УПА // Историческая и социально-образовательная мысль. № 5 (27). 2014; *Егоров А.Н.* Историческое исследование или политическое обвинение? (О статье Д. Рогута «Отношение советских органов безопасности к Армии Крайовой (июль 1944–январь 1945 гг.)») // *HistoriaProvinciae* – Журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 4; *Зарудницкий В.Б., Эльяс В.П., Гирич А.В., Скворцова Е.М.* «Борьба с бандеровцами не окончена». Силовые структуры СССР против украинских националистов в 1939–1955 гг. // Военно-исторический журнал. №10. 2024. С. 4–15 и др.

<sup>445</sup> *Дюков А.Р.* Забытый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 гг. Документы и исследования. М., 2008. 144 с.

<sup>446</sup> Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943. М., 2012; Документы Наркомата госбезопасности СССР о геноциде поляков бандеровскими бандами на Волыни. URL: [http://www.fsb.ru/fsb/history/archival\\_material/Volyn.htm](http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Volyn.htm) (дата обращения: 07.11.2025).

<sup>447</sup> Украинские националистические организации... Т. 1. М., 2012. С. 631–633.

<sup>448</sup> Там же. С. 637–641.

<sup>449</sup> Там же. С. 615–616.

<sup>450</sup> Там же. С. 592.

<sup>451</sup> Там же. С. 664.

<sup>452</sup> Спецсообщение № 4/8/2133 4-го Управления НКГБ СССР начальнику 2-го Управления НКГБ СССР о массовом истреблении украинскими националистами польского населения в гор. Владимире-Волынском. 4 августа 1943 г. Москва. // Документы Наркомата госбезопасности СССР о геноциде поляков бандеровскими бандами на Волыни.

<sup>453</sup> Архив Управления ФСБ России по Тверской области. Ф. 3. Оп. 28. Д. 45. Л. 97, 98, 98об.

<sup>454</sup> Там же. Д. 93. Т. 5. Л. 5.

<sup>455</sup> Там же. Д. 52. Л. 3, 3об.

<sup>456</sup> Там же. Л. 21.

<sup>457</sup> Там же. Д. 93. Т. 5. Л. 6.

<sup>458</sup> Там же. Д. 45. Л. 61.

<sup>459</sup> Там же. Д. 48. Л. 38об.

<sup>460</sup> Там же. Д. 45. Л. 4об.

<sup>461</sup> Там же. Д. 93. Т. 5. Л. 8.

<sup>462</sup> Там же. Д. 45. Л. 120.

<sup>463</sup> Там же. Д. 48. Л. 50об., 51.

<sup>464</sup> Там же. Л. 96.

<sup>465</sup> Там же.

<sup>466</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 441.

- <sup>467</sup> *Галицкий В.П.* Измена Родине в форме перехода на сторону врага и борьба с ней отечественных органов госбезопасности во фронтовых условиях (1941–1945 гг.) // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Книга 5. М.: Алгоритм, 2021. С. 230–231.
- <sup>468</sup> Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М.: Вече, 2010. С. 325.
- <sup>469</sup> *Иванов Л.Г.* Правда о СМЕРШе. Военный контрразведчик рассказывает. М.: Яуза-каталог, 2021. С. 29.
- <sup>470</sup> Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 2000. Т.2. Кн. 2. С. 320–321.
- <sup>471</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 765–766.
- <sup>472</sup> Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 2003. Т.3. Кн. 1. С. 141–146.
- <sup>473</sup> Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–3). Прелюдия Курской битвы, 6 декабря 1942 г. – 25 апреля 1943 г.: документы и материалы. М.: Терра, 1997. С. 20.
- <sup>474</sup> ООА УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 40. Л. 5–6.
- <sup>475</sup> РГВА. Ф. 41185. Оп. 1. Справка об истории Управления пограничных войск НКВД Украинского округа. Л. 2–4.
- <sup>476</sup> Там же. Д. 17. Л. 18.
- <sup>477</sup> Центральный архив Войск национальной гвардии (ЦА ВНГ) РФ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 179. Л. 64.
- <sup>478</sup> ЦПМ ФСБ России. Док. фонд. Д. 1469. Л. 5.
- <sup>479</sup> ЦПА ФСБ России. Ф. 19. Оп. 229. Д. 757. Л. 23–24.
- <sup>480</sup> Российский государственный военных архив Ф. 38650. Оп. 1. Д. 134. Л. 205–206.
- <sup>481</sup> ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 6290. Л. 81.
- <sup>482</sup> ЦА ВНГ РФ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 440. Л. 54.
- <sup>483</sup> *Климов А.А., Козлов А.В.* Невидимый фронт: Красная армия, пограничные и внутренние войска в борьбе с украинскими националистами (1939–1953 гг.). М., 2018. С. 176.
- <sup>484</sup> ЦПА ФСБ России. Ф.14. Оп.5. Д. 384нс. Л. 1.
- <sup>485</sup> ЦПА ФСБ России. Ф.14. Оп.5. Д. 6061нс. Л. 12 об.
- <sup>486</sup> *Сечкин Г.П.* Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: «Граница», 1993. С. 373.
- <sup>487</sup> ЦПА ФСБ России. Ф.14. Оп.5. Д. 6061нс. Л. 5.
- <sup>488</sup> Там же. Л. 4.
- <sup>489</sup> Там же. Л. 3.
- <sup>490</sup> Там же. Л. 4 об.
- <sup>491</sup> Там же. Л.3.
- <sup>492</sup> *Григоренко В.П.* Вооруженные выступления в западных районах СССР в послевоенный период: силовые способы обеспечения региональной безопасности // Лубянские чтения-2022. Актуальные проблемы истории отечественных органов безопасности: сборник материалов XXVI научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 2 декабря 2022 г. М.: Родина, 2023. С. 248–249.
- <sup>493</sup> ЦПА ФСБ России. Ф.14. Оп.5. Ед.хр.377нс. Л.16.

- <sup>494</sup> Испытанные войной. Пограничные войска (1939-1945 гг.). М.: Граница, 2008. С. 512.
- <sup>495</sup> ЦПА ФСБ России. Ф.14. Оп.5. Д. 5822нс. Л.58–60, 71–73.
- <sup>496</sup> Там же. Д. 5823. Л. 35–38.
- <sup>497</sup> Там же. Л.44–47.
- <sup>498</sup> Российский государственный военный архив. Ф. 38656. Оп. 1. Д. 27. Л. 63, 107, 127.
- <sup>499</sup> ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.40. П.6. Д.1. Л.1.
- <sup>500</sup> ЦА ФСБ РФ. Литерное дело № 3. Л.1.
- <sup>501</sup> Там же. Л. 3.
- <sup>502</sup> Там же. Л. 4.
- <sup>503</sup> Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники Новосибирской школы контрразведки. Новосибирск: Ин-т ФСБ России (г. Новосибирск), 2010. С. 42.
- <sup>504</sup> Новосибирская школа контрразведки. М.: Русь, 2005. С. 199.
- <sup>505</sup> Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники Новосибирской школы контрразведки. С. 37
- <sup>506</sup> Там же. С. 30.
- <sup>507</sup> Новосибирская школа контрразведки. С. 78.
- <sup>508</sup> Там же. С. 83.
- <sup>509</sup> *Гончаров Н.Д., Шешенин И.П.* Кузница кадров военной контрразведки. Новосибирск: Институт ФСБ России (г. Новосибирск), 2010. С. 143.
- <sup>510</sup> Новосибирская школа контрразведки. С. 80.
- <sup>511</sup> Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники Новосибирской школы контрразведки. С. 28.
- <sup>512</sup> Новосибирская школа контрразведки. С. 81.
- <sup>513</sup> Там же. С. 85.
- <sup>514</sup> Школа контрразведки. Исторический сборник. Новосибирск, ИППКС, 2000. С. 54.
- <sup>515</sup> Там же.
- <sup>516</sup> Там же.
- <sup>517</sup> Бортников: НАТО втягивает Молдавию в военное противостояние с Россией. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6715798> (дата обращения: 08.11.2025).
- <sup>518</sup> Бортников рассказал о давлении на Молдавию со стороны Запада. URL: <https://ria.ru/20241004/bortnikov-1976304940.html> (дата обращения: 08.11.2025).
- <sup>519</sup> Количество финансируемых Западом НКО в Молдавии зашкаливает и говорит о значительном внешнем влиянии – Росконгресс. URL: [https://www.vedomosti.ru/press\\_releases/2025/05/14/kolichestvo-finansiruemih-zapadom-nko-v-moldavii-zashkalivaet-i-govorit-o-znachitelnom-vneshnem-vliyanii--roskongress](https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/05/14/kolichestvo-finansiruemih-zapadom-nko-v-moldavii-zashkalivaet-i-govorit-o-znachitelnom-vneshnem-vliyanii--roskongress) (дата обращения: 08.11.2025).
- <sup>520</sup> Визит Хогана в Молдову: о чем беседовали в МИДЕИ и президентуре <https://md.sputniknews.ru/20230315/vizit-khogana-v-moldovu-o-chem-besedovali-v-midei-i-prezidenture-56029639.html> (дата обращения: 08.11.2025); Депутат Марина Таубер предлагает Дереку Дж. Хогану встретиться с парламентской фракцией Партии «ШОП». URL: <https://tv6.live/tu/2023/03/14/deputat-marina-tauber-predlagaet-dereku-dzh-hoganu-vstretitsja-s-parlamentskoj-frakciej-partii-shor/> (дата обращения: 08.11.2025).
- <sup>521</sup> США хотят проверить место строительства посольства в Кишиневе. URL: <https://ria.ru/20250425/gosdep-2013315801.html> (дата обращения: 08.11.2025).

<sup>522</sup> На территории бывших республик СССР действуют пять секретных тюрем Центрального разведывательного управления США. URL: <https://versia.ru/na-territorii-byvshix-respublik-sssr-dejstvuyut-pyat-sekretnyx-tyurem-centralnogo-razvedyvatelnogo-upravleniya-ssha> (дата обращения: 08.11.2025); ЦРУ создавало свои секретные тюрьмы на Украине и в Молдавии. URL: <https://versia.ru/cru-sozdavalo-svoi-sekretnye-tyurmy-na-ukraine-i-v-moldavii> (дата обращения: 08.11.2025).

<sup>523</sup> *Мухаметшин Ф.М., Степанов В.П.* Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего (Очерки постсоветского времени 1991–2020 гг.). М.: Прогресс-Традиция, 2021. С.22.

<sup>524</sup> *Шорников П.М.* Поля падения: Историография молдавской этнополитики. Кишинев: Б.и., 2009.

<sup>525</sup> *Губогло М.Н.* Переломные годы. Т.1. Мобилизованный лингвизм. М., 1993.

<sup>526</sup> *Лисецкий А.М.* Право на самобытность. Брянск: Изд. «Грани», 1993; *Бабилунга Н.В.* Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты / Н. В. Бабилунга, Б. Г. Бомешко; Приднестр. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Науч.-исслед. лаб. истории Приднестровья. Тирасполь: РИО ПГУ, 1998; *Бомешко Б.Г.* Создание, становление и защита Приднестровской государственности. 1990–1992 гг. Бендеры: Полиграфист, 2010.

<sup>527</sup> *Тодуа З.Д.* Молдавия и молдавские коммунисты. М., 2009.

<sup>528</sup> *Тодуа З.Д.* Битва за Молдову. В 3-х ч. Кишинев, 2013–2016.

<sup>529</sup> *Тодуа З.Д.* Последние дни Николая и Елены Чаушеску. СПб. М.: «Нестор-История», 2021.

<sup>530</sup> *Кинг Ч.* Языковая политика Молдавской Советской Социалистической Республики // Научные тетради Института Восточной Европы. Выпуск II: Молдавия. М.: Территория будущего, 2008; *King Ch.* The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford: Hoover Institution Press, 2000.

<sup>531</sup> *Dima N.* Bessarabia and Bukovina: The Soviet-Romanian Territorial Dispute. East European Monographs, no. 116. Boulder, CO: East European Quarterly, 1983; *Ibid.* From Moldavia to Moldova: the Soviet-Romanian territorial dispute. Boulder: East European Monographs, Distributed by Columbia University Press, 1991.

<sup>532</sup> *Ibidum.*

<sup>533</sup> *Кодряну Г.К.* Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб. Тирасполь: ГИПП «Типар», 2002.

<sup>534</sup> *Костаи И.* Дни затмения. Хроника необъявленной войны: хроника необъявленной войны. Кишинев, 2010.

<sup>535</sup> *Бодюл И.И.* Одного человека винить по меньшей мере абсурдно... // Как больно... О чем тревожиться, к чему зовут, за что борется интеллигенция республики. Кишинев, 1989. С.538.

<sup>536</sup> *Стыкалин А.* Советская Молдавия в 60-х годах: конфликт ЦК КПМ и интеллигенции. URL: [https://press.try.md/mobile\\_item.php?id=135759](https://press.try.md/mobile_item.php?id=135759) (дата обращения: 07.11.2025); *Тодуа З.Д.* Последние дни Николая и Елены Чаушеску. СПб. М.: «Нестор-История», 2021. С. 62.

<sup>537</sup> *Бодюл И.И.* Одного человека винить по меньшей мере абсурдно... // Как больно... О чем тревожиться, к чему зовут, за что борется интеллигенция республики. Кишинев, 1989. С. 538.

<sup>538</sup> *Костаи И.* Указ. соч. С.76.

- <sup>539</sup> Шевченко Р. Основатель Партии национального возрождения // Молдавские ведомости. 2012. 22 февраля. URL: [http://www.evedomosti.md/news/Osnovatel\\_Partii\\_Natsionalnogo\\_Vozrozhdeniya\\_Moldovy](http://www.evedomosti.md/news/Osnovatel_Partii_Natsionalnogo_Vozrozhdeniya_Moldovy) (дата обращения: 09.11.2025).
- <sup>540</sup> Костаи И. Указ. соч. С.76.
- <sup>541</sup> Лавров В. История секретных служб Молдовы // Новое время. 2000. [https://statulmoldovenesc.blogspot.com/2011/01/blog-post\\_2705.html](https://statulmoldovenesc.blogspot.com/2011/01/blog-post_2705.html) (дата обращения: 09.11.2025).
- <sup>542</sup> Губогло М.Н. Гагаузия и Приднестровье – юго-западные форпосты русского мира (по итогам этносоциологических исследований). М.: ИЭА РАН, 2016. С. 23.
- <sup>543</sup> Кодряну Г.К. Указ. соч. С.22.
- <sup>544</sup> Годуа З.Д. Последние дни Николая и Елены Чаушеску. СПб. М.: «Нестор-История», 2021. С.77.
- <sup>545</sup> Там же. С.85.
- <sup>546</sup> Распад СССР.: документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С.М. Шахряя; сост. С.М. Попова, А.А. Яник. М.: Кучково поле, 2016. С.233–234.
- <sup>547</sup> Там же. С.234.
- <sup>548</sup> Костаи И. Указ. соч. С.21.
- <sup>549</sup> Годуа З.Д. Указ. соч. С.110.
- <sup>550</sup> Лавров В. История секретных служб Молдовы // Новое время. 2000. URL: [https://statulmoldovenesc.blogspot.com/2011/01/blog-post\\_2705.html](https://statulmoldovenesc.blogspot.com/2011/01/blog-post_2705.html) (дата обращения: 09.11.2025).
- <sup>551</sup> Мзареулов В. КГБ Молдавской ССР. Председатели. URL: [https://shieldandword.mozohin.ru/kgb5491/terr\\_org/respublik/moldav.htm](https://shieldandword.mozohin.ru/kgb5491/terr_org/respublik/moldav.htm) (дата обращения: 09.11.2025).
- <sup>552</sup> КГБ Приднестровья: Архив КГБ МССР находится в Тирасполе, и Кишинев его не получит. URL: <https://regnum.ru/news/1587947> (дата обращения: 09.11.2025).
- <sup>553</sup> Там же. С.38.
- <sup>554</sup> Кодряну Г.К. Указ. соч. С.9.
- <sup>555</sup> Там же. С.10.
- <sup>556</sup> Там же.
- <sup>557</sup> Там же. С.11.
- <sup>558</sup> Там же. С.42.
- <sup>559</sup> Костаи И. Указ. соч. С.41–43.
- <sup>560</sup> Там же. С.47–48.
- <sup>561</sup> Кодряну Г.К. Указ. соч. С. 55.
- <sup>562</sup> Крючков В.А. Личное дело: в 2-х частях. Часть первая. М.: «Олимп», АСТ, 1997. С.407.
- <sup>563</sup> Жирохов М.А. Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб.: «БХВ-Петербург», 2012. С. 88.
- <sup>564</sup> Полякова М.Ю., Гаврюшенко Е.И. Террористическая активность и противодействие терроризму в Республике Молдова // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 6. С. 497.
- <sup>565</sup> Вечерний Кишинев. 1994. 22 января.
- <sup>566</sup> Советская Молдова. 1991. 16 февраля.

- <sup>567</sup> *Кодряну Г.К.* Указ. соч. С. 83.
- <sup>568</sup> *Антонов В.С., Величко В.Н.* Символы профессионализма: награды внешней разведки / Владимир Антонов. Москва : Вече, 2010. С. 57.
- <sup>569</sup> *Антонов В.С.* Жизнь по «легенде». М.: Вече, 2013. С. 247.
- <sup>570</sup> *Судоплатов П.А.* «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля». М.: Родина. 432. URL: [https://psv4.userapi.com/s/v1/d/OLAKJ22AgagyZTdX00LUEvZWG7Sx2unA7M-IUsluKHSEsQqz6l3B9Cv8n7ka7ModiXC0knMLMc63wGf2bLvRtCBFmc4Hr0RMIVfQXEYZDZQhFlzGOQ/Razvedka\\_i\\_Kreml.pdf](https://psv4.userapi.com/s/v1/d/OLAKJ22AgagyZTdX00LUEvZWG7Sx2unA7M-IUsluKHSEsQqz6l3B9Cv8n7ka7ModiXC0knMLMc63wGf2bLvRtCBFmc4Hr0RMIVfQXEYZDZQhFlzGOQ/Razvedka_i_Kreml.pdf) (дата обращения: 22.11.2025).
- <sup>571</sup> *Ведяев А.* Тайны спецслужб. М.: Вече, 2022. С. 241.
- <sup>572</sup> *Антонов В.С.* Жизнь по «легенде». М.: Вече, 2013. С. 250–253.
- <sup>573</sup> *Vallarino R.* «Nombre clave Patria, una espía del KGB en Uruguay». 2018. С. 20. URL: <https://archive.org/details/nombreclavepatri00vall/mode/2up> (дата обращения: 11.11.2025).
- <sup>574</sup> *Tena P.* Memoria de África: la comunista casi perfecta (I). Una autobiografía // Libertad digital. 2020. URL: <https://www.1Tre.com/autores/pedro-de-tena/> (дата обращения: 12.11.2025).
- <sup>575</sup> Испанский полковник КГБ по имени Африка. 2008. URL: <https://www.espanol.org.ru/spain/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=392> (дата обращения: 13.11.2025).
- <sup>576</sup> *Захаров А.В.* Особенности организации работы по информационному противодействию идеологии терроризма и экстремизма // Международная конференция АТЦ СНГ «Информационное противодействие терроризму и экстремизму» / Сборник статей. М., 2015. С. 34.
- <sup>577</sup> *Ларин Д.А.* О вкладе советских криптографов, дешифровальщиков, радиоразведчиков и связистов в победу в сражении под Курском. Криптографические аспекты битвы под Курском // Вехи истории. 2013. №14 (115). С. 123.
- <sup>578</sup> *Кан Д.* Война кодов и шифров: история четырех тысячелетий криптографии. М., 2004. С. 407.
- <sup>579</sup> Шпионаж «Дворца головоломок». М., 1990. С. 99.
- <sup>580</sup> *Ларин Д.А.* Российский «черный кабинет» // Вестник МГИМО Университета. 2012. №3(24). С. 62.
- <sup>581</sup> *Кан Д.* Указ. соч. С. 408.
- <sup>582</sup> *Колтакиди А., Лемехов О.* Главный противник: ЦРУ против России. М., 2002. С. 137.
- <sup>583</sup> Там же. С. 197.
- <sup>584</sup> *Сырков Б.* Прослушка. Предтечи Сноудена. М., 2013. С. 121.
- <sup>585</sup> *Колтакиди А., Лемехов О.* Указ. соч. С. 136.
- <sup>586</sup> *Судариков А.М.* Советское руководство и изменение научно-технической политики страны в 1945-1953 гг. // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2009. № 1(4). С. 27.
- <sup>587</sup> *Geist M.* Law, Privacy And Surveillance In Canada In The Post-Snowden Era. University of Ottawa Press. Ottawa, 2015. P. 26.
- <sup>588</sup> *Bernard R.L.* Telemetry Intelligence (TELINT) During the Cold War. National Security Agency Center for Cryptologic History. Maryland, 2016. P. 24.
- <sup>589</sup> *Сырков Б.* Указ. соч. С. 120.
- <sup>590</sup> *Север А.* История КГБ. М., 2008. С. 137.

- <sup>591</sup> Хоффман Д. Мертвая рука: нерассказанная история гонки вооружений времен Холодной войны и ее опасное наследие. М., 2012. С. 200.
- <sup>592</sup> Sontag S., Drew Ch. Blind Man's Bluff: The Untold Story of American Submarine Espionage. Public Affairs, 1998. С. 326.
- <sup>593</sup> Ibid. P. 341.
- <sup>594</sup> Колтакиди А., Лемехов О. Указ. соч. С. 197.
- <sup>595</sup> Шатило Я.С., Гурьянов К.В. Американский секретный проект «Ivy Bells»: максимум надежд – минимум результатов // Базис. 2022. № 2(12). С. 52.
- <sup>596</sup> Гурьянов К.В. Почерк времени: Холодная война, воздушные шары, «перелет» и проект «поглощение» // Базис. 2023. № 1 (13). С. 68.
- <sup>597</sup> Борисенков И.Л., Калинов М.И., Родионов В.А. Отечественные космические системы радиолокационного и радиоэлектронного мониторинга земной поверхности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2019. № 2(195). С. 19.
- <sup>598</sup> Савич И. На острие тайной войны. Страницы истории зарубежных спецслужб. М., 2002. С. 13.
- <sup>599</sup> Вагнер А., Уль М. БНД против Советской армии: Западногерманский военный шпионаж в ГДР. М., 2008. С. 41.
- <sup>600</sup> Колтакиди А.И., Мзаревлов В.К. Советская внешняя разведка 1946–2020 годы. История, структура и кадры. М., 2021. С. 173.
- <sup>601</sup> Устинов И.Л. Крепче стали. Записки ветерана военной контрразведки. М., 2005. С. 191.
- <sup>602</sup> Вагнер А., Уль М. Указ. соч. С. 41.
- <sup>603</sup> Там же. С. 42.
- <sup>604</sup> Бейли Дж., Кондрашев С., Мерфи Д.Э. Поле битвы Берлин: ЦРУ против КГБ в «холодной войне». М., 2000. С. 163.
- <sup>605</sup> Вагнер А., Уль М. Указ. соч. С. 42.
- <sup>606</sup> История российской внешней разведки. В 6 т. Т. 5. М., 2014. С. 104.
- <sup>607</sup> Там же. С. 123.
- <sup>608</sup> Лузан Н.Н. Военная контрразведка: тайная война. М., 2010. С. 187.
- <sup>609</sup> Там же. С. 200.
- <sup>610</sup> Там же. С. 212.
- <sup>611</sup> Там же. С. 185-186.
- <sup>612</sup> Вагнер А., Уль М. Указ. соч. С. 40.
- <sup>613</sup> Красильников Р. КГБ против МИ-6. Охотники за шпионами. М., 2000. С. 132.
- <sup>614</sup> Гейм С. Подземный американский шпионаж в Берлине // Огонек. - 1956. - № 21. С. 13.
- <sup>615</sup> Кнопп Г. Супершпионы. Предатели тайной войны. М., 2022. С. 146.
- <sup>616</sup> Павлов В. Тайное проникновение. М., 2016. С. 323.
- <sup>617</sup> По другой имеющейся информации никакую дезинформацию по телефонным линиям, прослушивающимся СИС и ЦРУ, советская разведка не могла предоставлять в целях обеспечения безопасности своего агента Дж. Блейка. Красильников Р. Указ. соч. С. 135.
- <sup>618</sup> Вольф М. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 88.
- <sup>619</sup> Там же. С. 89.
- <sup>620</sup> Кнопп Г. Указ. соч. С. 157.

- 
- <sup>621</sup> Гребенников В. Радиоразведка Европы. Перехват информации. М., 2018. С. 58.
- <sup>622</sup> Там же. С. 85.
- <sup>623</sup> Там же. С. 86.
- <sup>624</sup> Устинов И.Л. Указ. соч. С. 193.
- <sup>625</sup> Вагнер А., Уль М. Указ. соч. С. 43.
- <sup>626</sup> Там же. С. 86.
- <sup>627</sup> Там же. С. 89.
- <sup>628</sup> Юрецько Н., Дитль В. Условно пригоден к службе. В сердце БНД – разоблачения бывшего немецкого разведчика. Берлин, 2005. С. 148.
- <sup>629</sup> Вагнер А., Уль М. Указ. соч. С. 102.
- <sup>630</sup> Келлер Дж. Секреты Штази. История знаменитой спецслужбы ГДР. Смоленск, 2000. С. 382–384.
- <sup>631</sup> Вагнер А., Уль М. Указ. соч. С. 102.
- <sup>632</sup> Там же. С. 44.
- <sup>633</sup> Marchetti V., Marks J.D. The CIA and the Cult of Intelligence. United States, 1974. P. 182.
- <sup>634</sup> Ibid. P. 187.
- <sup>635</sup> Mendez A., Mendez J. The Moscow Rules: The Secret CIA Tactics That Helped America Win the Cold War. New York, 2019. P. 16.
- <sup>636</sup> Mendez A., Mendez J. Op. cit. P. 47.
- <sup>637</sup> Ibid. P. 47.
- <sup>638</sup> Peterson M.D. The Widow Spy: My CIA Journey from the Jungles of Laos to Prison in Moscow. New York, 2021. P. 83.
- <sup>639</sup> Ibid. P. 89.
- <sup>640</sup> Ibid. P. 94; Беззолосов П. Взять с поличным. М., 2016. С. 14.
- <sup>641</sup> Baer R. The Fourth Man: The Hunt for a KGB Spy at the Top of the CIA and the Rise of Putin's Russia. New York, 2022. P. 31.
- <sup>642</sup> Prado R. Black Ops: The Life of a CIA Shadow Warrior. New York, 2022. P. 237.
- <sup>643</sup> Ibid. P. 268.
- <sup>644</sup> Отечественные исследователи Колпакиди А. и Прохоров Д. отмечают, что О. Эймс работал на КГБ СССР более девяти лет и что вербовка такого агента была самым крупным поражением ЦРУ за всю историю его существования. Колпакиди А., Прохоров Д. Дело Ханссена. «Кроты» в США. М., 2001. С. 140.
- <sup>645</sup> Haynes J., Klehr H. Early Cold War Spies: The Espionage Trials that Shaped American Politics. New York, 2006. P. 5–6.
- <sup>646</sup> Haynes J., Klehr H., Vassiliev A. Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. London, 2009. P. 125.
- <sup>647</sup> Jeffreys–Jones Rh. A Question of Standing: The History of the CIA. United Kingdom, 2022. P. 121.
- <sup>648</sup> Jeffreys–Jones Rh. Op. cit. P. 110.
- <sup>649</sup> Andrew Ch., Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York, 1990. P. 5.
- <sup>650</sup> Andrew Ch., Mitrokhin V. Mitrokhin Archive II, The: The KGB and the World. New York, 1992. P. 34.
- <sup>651</sup> Ibid. P. 545.
- <sup>652</sup> Grose P. Gentleman Spy: The Life of Allen Dulles. New York, 1994. P. 612.

- 
- <sup>653</sup> *Hollingsworth M.* Agents of Influence: How the KGB Subverted Western Democracies. New York, 2023. P. 17.
- <sup>654</sup> *Ibid.* P. 18.
- <sup>655</sup> *Ibid.* P. 26.
- <sup>656</sup> *Kessler R.* The CIA at War: Inside the Secret Campaign Against Terror. New York, 2004. P. 49-50.
- <sup>657</sup> *Weiner T.* Legacy of Ashes: The History of the CIA. New York, 2008. P. 449.
- <sup>658</sup> *Holmes R.* A Spy Like No Other: The Cuban Missile Crisis, The KGB and the Kennedy Assassination. New York, 2013. P. 81.
- <sup>659</sup> *Talbot D.* The Devil's Chessboard: Allen Dulles, the CIA, and the Rise of America's Secret Government. New York, 2016. P. 394.
- <sup>660</sup> *Waller J.M.* Big Intel. How the CIA and FBI went from Cold War heroes to deep state villains. Washington D.C., 2024. P. 161–163.
- <sup>661</sup> *Николаев А.И.* Федеральная пограничная служба Российской Федерации: этапы становления, историческое значение. ФПС России: взгляд в будущее через осмысление прошлого. Материалы научно-практической конференции. М.: «Издательская группа «Граница». С. 11.
- <sup>662</sup> На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М.: Граница, 2000.
- <sup>663</sup> Устав Московской Хельсинской группы. URL: <https://viperson.ru/articles/ustav-moskovskoy-helsinskoy-gruppy> (дата обращения: 25.11.2025).
- <sup>664</sup> Записка председателя КГБ Ю. В. Андропова в ЦК КПСС «О враждебной деятельности так называемой «группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР». 15.11.1976 г.». URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB191/11-15-1976.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).
- <sup>665</sup> Записка председателя КГБ Ю. В. Андропова в ЦК КПСС «О мерах по пресечению враждебной деятельности так называемой «группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР». URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB191/01-05-1977.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).
- <sup>666</sup> Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991: Справочник. М.: МФД, 2003. С. 711.
- <sup>667</sup> Феномен Андропова. URL: [http://fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D1\\_0318035%40fsbPublication%26\\_print%3Dtrue.html](http://fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D1_0318035%40fsbPublication%26_print%3Dtrue.html) (дата обращения: 25.11.2025).
- <sup>668</sup> *Хлобустов О.М., Левшин Ю.Л.* История столичного управления КГБ СССР. «Мы отвечали за всё...». М.: Вече, 2021. С. 158.
- <sup>669</sup> Правозащитное общество «Мемориал». URL: <https://tass.ru/info/1728109> (дата обращения: 25.11.2025).
- <sup>670</sup> Правозащитный центр «Мемориал» опроверг информацию о закрытии. URL: <https://ria.ru/20140409/1003202548.html> (дата обращения: 20.11.2025).
- <sup>671</sup> Новостной портал «Фонд Сороса». URL: <https://fammeo.ru/articles/fond-sorosa-chto-eto-za-organizatsiya-na-samom-dele.html> (дата обращения: 20.11.2025).

<sup>672</sup> Правительство Российской Федерации Распоряжение от 29 августа 1996 г. № 1319-р «О перечне университетов Российской Федерации, в которых создаются с участием Фонда Сороса центры доступа к международной компьютерной сети «Интернет». URL: <https://base.garant.ru/1548463/> (дата обращения: 20.11.2025).

<sup>673</sup> Фридрих А.М. Особенности функционирования фонда «Открытое общество и его деятельность в РФ (1993–2003 гг.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-fonda-otkrytoe-obschestvo-i-ego-deyatelnost-v-rf-1993-2003-gg> (дата обращения: 20.11.2025).

<sup>674</sup> Джордж Сорос и его деятельность в России. URL: <https://www.kp.ru/daily/27736/5126772/> (дата обращения: 20.11.2025).

<sup>675</sup> Об Обращении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации к Генеральному прокурору Российской Федерации Ю.Я. Чайке, Министру иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврову, Министру юстиции Российской Федерации А.В.Коновалову в связи с необходимостью определения дополнительных мер по противодействию антироссийской активности иностранных или международных неправительственных организаций. URL: <http://council.gov.ru/media/documents/pdf/r1RMBseAzWQu4uPDmMV2hiuApAYkZFrP.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).

<sup>676</sup> Генпрокуратура РФ включила Фонд Сороса в список нежелательных организаций URL: <https://tass.ru/politika/2483822> (дата обращения: 20.11.2025).

<sup>677</sup> Воронович В.В. Борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны как составляющая современного информационного противоборства // Этот день мы приближали как могли...: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны. В 2 ч. Ч. 1. Минск: Беларуская навука, 2016. С. 65–69.

<sup>678</sup> Ланцова С. А. Российско-украинские отношения в информационно-геополитическом пространстве (1990-2008): дис. ... канд. полит. наук. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 79.

<sup>679</sup> О внесении изменений в Кодекс Украины об административных правонарушениях о запрете изготовления и пропаганды георгиевской (гвардейской) ленты // Голос Украины. 14 июня 2017 г. URL: <http://www.golos.com.ua/article/290111> (дата обращения: 10.05.2025).

<sup>680</sup> Власти Киева готовят апелляцию на решение об отмене переименования Московского проспекта в проспект Бандеры // Interfax. 11 февраля 2021 г. URL: <https://interfax.com.ua/news/general/722799.html> (дата обращения: 13.06.2025).

<sup>681</sup> Апелляционный суд признал законным переименование Московского проспекта в проспект Бандеры в Киеве // Interfax. 22 апреля 2021 г.: URL: <https://interfax.com.ua/news/general/739447.html> (дата обращения: 20.06.2025).

<sup>682</sup> Мэр Херсона поздравил горожан с бандеровским актом и присягой Гитлеру // EADaily. 25 июня 2020 г. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/06/26/merhersona-pozdravil-gorozhan-s-banderovskim-aktom-i-prisyagoy-gitleru> (дата обращения: 20.05.2025).

<sup>683</sup> Принадлежит компании Meta Platforms, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

---

<sup>684</sup> Будни Украины. Ветерана СС проводил в последний путь Президентский Полк // Аргументы и факты. 15 июня 2021 г. URL: [https://aif.ru/politics/world/budni\\_ukrainy\\_veterana\\_ss\\_provodilv\\_posledniy\\_put\\_prezidentskiy\\_polk](https://aif.ru/politics/world/budni_ukrainy_veterana_ss_provodilv_posledniy_put_prezidentskiy_polk) (дата обращения: 10.06.2025).

<sup>685</sup> Постановление Верховной Рады Украины от 3 декабря 2019 г. № 325-IX «О праздновании памятных дат и юбилеев в 2020 году». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/325-20#Text> (дата обращения: 10.06.2025).

<sup>686</sup> Постановление Верховной Рады Украины от 16 декабря 2020 г. № 1092-IX. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1092-20#Text> (дата обращения: 20.10.2025).

<sup>687</sup> «Киевляне отметят юбилей нацистских убийц». Чьи фамилии попали в постановление Киевсовета о памятных датах // Страна.UA. 1 марта 2020 г. URL: <https://strana.ua/news/252473-kollaboranty-v-ukraine-khha-podderzhal-postanovlenie-o-ramjatnykh-datakh-i-jubilejakh.html> (дата обращения: 05.05.2025).

<sup>688</sup> Указ Президента Украины от 18 мая 2019 г. № 286/2019 «О Стратегии национально-патриотического воспитания». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/286/2019#Text> (дата обращения: 11.10.2025).

<sup>689</sup> Минкульт выделил националистам половину бюджета на молодежные организации // Страна.UA. 29 января 2020 г. URL: <https://strana.ua/news/247099-natsionalisty-poluchili-ot-minkulta-pochti-polovinu-bjudzheta-na-molodezhnye-orhanizatsii.html> (дата обращения: 10.09.2025).

<sup>690</sup> <https://galychyna.if.ua/2020/01/28/martsinkiv-pooobitsyav-nazvati-vulitsy-imenem-mihayla-mulika/> (дата обращения: 20.10.2025).

<sup>691</sup> «Обнуление Зеленского»: нацисты маршируют по улицам Киева // Газета.ru. 28 апреля 2021 г. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/28a13576064.shtml> (дата обращения: 10.06.2025).

Научное издание

*Научный редактор Н.С. Кирмель  
Литературный редактор и составитель В.А. Гольцова*

Исторические чтения на Лубянке

Сборник материалов научно-теоретической  
конференции

